
Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский
Email: Yuri.Felshtinsky@verizon.net
Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 8

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Предисловие

Восьмой том "Архива Л.Д.Троцкого" охватывает 1935-1937 гг.

В жизни и деятельности Троцкого это был весьма динамичный период, связанный, в частности, с постоянными его перемещениями в пределах Франции, затем - с переездом в Норвегию и, наконец, - в Западное полушарие, в далекую Мексику. По существу дела, именно в эти годы началась сталинская охота на Троцкого, которая вначале привела к его изгнанию из Франции, а затем из Норвегии и завершилась убийством в августе 1940 г.

Хотя в этот период политическая и литературная активность Троцкого продолжала оставаться весьма высокой, ее характер стал изменяться, а в течение последних месяцев 1936 г., когда Троцкий находился под арестом в Норвегии, он фактически был отрезан от своих сторонников, и документация этих месяцев незначительна.

С одной стороны, Троцкий окончательно и решительно взял курс на полный организационный разрыв с официальным коммунистическим движением, на создание Четвертого Интернационала как четко оформленного международного коммунистического объединения. С другой стороны, он фактически все больше отходил от организационных усилий в этой области, которые легли на плечи его последователей, учеников, истолкователей его воли, естественно транслировавших "троцкистские" установки в своей собственной интерпретации, вступающих в острые конфликты друг с другом по вопросам, которые им самим казались принципиальными, но зачастую по существу дела были лишь проявлением борьбы за личное влияние, первенство и превосходство.

В отличие от предыдущих лет, когда Троцкий мог распределять свое время более или менее равномерно между работой над историко-политическими книгами, мемуарами и другими объемистыми произведениями, с одной стороны, и текущей организационно-политической перепиской и публицистическими выступлениями, с другой стороны, теперь переписка отошла на задний план. Что же касается документации 1937 г., то она в основном была сосредоточена на самозащите Троцкого в связи с фальшивыми обвинениями по его адресу, которые выдвигались на московских судебных фарсах в августе 1936 и январе 1937 гг., в советской прессе и в заявлениях прихвостней Москвы из различных политических лагерей - как левых, так и правых - в западноевропейских странах. Разумеется, эта самозащита строилась на сравнительно широком историко-социологическом базисе, свидетельствующем о дальнейшей эволюции взглядов Троцкого на советскую действительность.

Продолжая отстаивать взгляд, что в СССР сохраняются основы власти рабочего класса и что все еще существует социалистическая перспектива, ибо государственная собственность на средства производства не отменена, Троцкий фактически своими оценками конкретной ситуации в СССР далеко отошел от этого общего положения.

Основное его внимание в анализе внутренней ситуации в СССР привлекали

теперь не социально-экономические, а сугубо политические явления, события, факты. Он приходил к выводу о полном изменении характера власти. "Бюрократии удалось фактически ликвидировать большевистскую партию, как и советы, сохранившиеся лишь по имени, - писал он в начале 1935 г. - Власть перешла от масс, от советов, от партии к централизованной бюрократии, от нее - к замкнутой верхушке, и, наконец, - к одному лицу, как воплощению бесконтрольной бюрократии".

Лишь формально оговариваясь, да и то далеко не всегда, что капиталистическая контрреволюция в СССР все еще не победила, Троцкий подчеркивал глубокое перерождение партии и государства за последние 10-12 лет, то есть с того времени, когда умер Ленин, а сам он был отстранен от властных позиций.

Вновь и вновь Троцкий пытался провести решающий водораздел между характером власти в первые пять-шесть лет после Октябрьской переворота и современной ситуацией. При этом он полностью игнорировал сходные или общие черты обоих периодов и всячески раздувал или даже измышлял отличия. Советским Союзом правит теперь привилегированная каста, подчеркивал он, полагая, что было бы весьма поучительно подсчитать, какую часть национального дохода поглощает этот слой. "Но эта статистика принадлежит к числу величайших государственных тайн".

Троцкий все более утверждался в выводе, что в СССР возникла тоталитарная система власти. Используя термин, впервые примененный публицистами к положению в Италии после установления там в 1922 г. фашистского режима Муссолини, лидер оппозиционного коммунистического движения воспринимал и пропагандировал эту дефиницию не как научную категорию, а как хлесткое выражение и, главное, понимал ее крайне зауженно. Он не видел, что тоталитаризм представляет собой единую социально-экономическую, политическую и культурно-идеологическую систему, в которой все ее составные элементы и функции неотделимы друг от друга, что только в неразрывной связи друг с другом они обеспечивают относительную эффективность и стойкость режима.

Троцкий понимал тоталитаризм в СССР применительно к сталинскому террору 1936-1937 гг. лишь как "отсутствие малейшей свободы критики, военное подчинение подсудимых, следователей, прокуроров, судей одному и тому же лицу и полную монолитность прессы, которая своим монотонным волчьим воем устрашает и деморализует обвиняемых и все общественное мнение". Как видим, в таком подходе доминировала красноречивая публицистика, а не объективный анализ.

На Троцкого все большее впечатление производило сходство между режимом Сталина в СССР и национал-социалистическим режимом Гитлера в Германии. Пытаясь, правда, отбиться от критиков указанием на отличия социальной базы обоих режимов (в это он был прав, ибо сохранение частной собственности в Германии при власти нацистов предопределило ее "правототалитарный вариант", обусловивший, в свою очередь, целый ряд конкретных особенностей¹), Троцкий в то же время показал многие общие черты власти Сталина и Гитлера.

Особое внимание он обращал на "религию вождя", которая, как он писал, "так унижительно сближает нынешний советский режим с режимом Гитлера". Разумеется, при этом ни словом не говорилось о "вождизме" как общей черте коммунистической власти, о том, что эта самая "религия вождя" зародилась еще в годы гражданской войны и адресовалась не только Ленину, но и ему самому, хотя, конечно, без тех зловеще-карикатурных черт, которые она постепенно приобрела в сталинское время.

Несколько позже, в связи с московскими шоу-процессами 1936-1937 гг., была подмечена еще одна весьма важная общая черта сталинизма и гитлеризма, которая определялась как "психотехника фашизма" - непрерывность, монолитность и массивность лжи. В этом Троцкий верно уловил одну из базисных черт пропаганды тоталитарных режимов, которая позже применительно к Германии, но в то же время с явной экстраполяцией на СССР, была рассмотрена А.А.Галкиным².

Л.Д.Троцкий был одним из тех, кто, разумеется, со своих субъективных позиций, в качестве защитника своей чести и достоинства, своего прошлого и настоящего, но полностью опираясь на факты и документы, начал разностороннее разоблачение "кухни" сталинского террора, который в 1936-1937 гг. приобрел глобальные черты.

Находясь под арестом в Норвегии во второй половине 1936 г., лидер оппозиционного коммунистического движения не имел возможности непосредственно откликнуться на первый крупный судебный фарс в Москве периода "большого террора" – процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими видными коммунистическими деятелями в августе 1936 г. (составители смогли включить в данный том документы 1936 г., завершающиеся июнем этого года). Но, прибыв в Мексику, Троцкий все свои усилия с января 1937 г. сосредоточил на подготовке статей, заявлений, интервью, вскрывавших существенные черты сталинского террора.

Советский суд определялся им как "инквизиционный", и в этом Троцкий был прав лишь частично, ибо никогда Святая Инквизиция не достигала таких "высот" в сознательной лжи, фабрикации вымыслов, нахождении способов превратить обвиняемых в соучастников террора, как советский суд – "самый гуманный суд в мире", по ироническому определению одного из послевоенных кинорежиссеров (фильм "Берегись автомобиля").

Троцкий, однако, смог выявить целый ряд характерных черт судебных фарсов. Он с полным основанием писал, что на скамью подсудимых попадают очень немногие – лишь те деморализованные жертвы, которые пытаются спасти свои жизни ценой моральной гибели. А все те арестованные, которые отказываются каяться под диктовку палачей, расстреливаются во время следствия. Не менее четко определялся и характер "открытых" политических процессов. Они, писал Троцкий, не имеют ничего общего с судом: "это чисто театральные инсценировки с заранее распределенными ролями и абсолютным 'фюрером' в качестве режиссера". Эта оценка полностью подтверждалась уже в то время зарубежными наблюдателями, имевшими возможность посещать московские процессы, и была разносторонне обоснована зарубежными и российскими аналитиками через много лет³.

Будучи твердо убежденным в своей правоте и стремясь внушить это убеждение мировому общественному мнению, Троцкий настаивал на создании авторитетной международной следственной комиссии, которая изучила бы выдвигавшиеся по его адресу (а, стало быть, и по адресу всех подсудимых на московских судебных процессах) обвинения. В случае признания этой комиссией хотя бы косвенной его вины, хотя бы в небольшой части того, что было ему инкриминировано, он изъявлял готовность добровольно отдаться в руки палачей из советских спецслужб.

В связи с этим он обращал внимание, что требует не доверия, а проверки. "Слепого доверия требуют тоталитарные режимы с непогрешимым 'вождем' во главе: все равно, идет ли дело о фашисте Гитлере или о бывшем большевике Сталине".

С акцентом на московские шоу-процессы не только расширялось сопоставление сталинского режима с национал-социалистическими порядками в Германии, но и углублялась типология тоталитаризма в целом. Каким путем Сталин достигает своих целей? – ставил вопрос Троцкий и давал ответ: "При помощи тоталитарного режима, монолитной прессы, монолитной партии, герметически закрытых ящиков для подсудимых, монолитности следователей, судей и адвокатов и постоянной возможности расстреливать без огласки любого, кто попытается отстоять правду и свою честь".

Комиссия, образования которой требовал Троцкий, была создана под председательством известного американского ученого, философа и психолога, профессора Колумбийского университета (Нью-Йорк) Джона Дьюи. Она провела несколько выездных заседаний в Койоакане, в доме, где проживал Троцкий, и после тщательного и всестороннего рассмотрения обвинений, предъявленных Троцкому и его сыну Л.Л.Седову, пришла к единодушному заключению: не виновны. Опубликованные тогда же и переизданные через много лет протоколы заседаний комиссии Дьюи являются важным источником изучения "большого террора" в СССР и многих других проблем, но, к сожалению, все еще слабо используются исследователями⁴.

Поразительно, но в условиях неуклонного укрепления становившейся все более неограниченной кровавой диктатуры Сталина в СССР Троцкий не только сохранял политический оптимизм, но даже резко усилил позитивные прогнозы в отношении перспектив развития СССР. По-видимому, они не были вполне искренними, ибо в наличии был огромный комплекс фактов, свидетельствовавших, что в реально обозримых условиях ни о каком изменении режима говорить не приходится, по крайней мере при жизни Сталина, который только приближался к

своему 60-летию и не только сохранял отведенные ему не очень внушительные физические силы, но и свойственную ему весьма мощную дьявольскую хитрость.

Троцкий же неоднократно повторял, что Сталину не удалось, мол, убить оппозицию, раздавить критическую мысль, что он грубо просчитался, что последствия этого просчета будут фатальными для его диктатуры.

Московские процессы без каких-либо к тому оснований оценивались как "агония сталинизма". "Политический режим, который вынужден прибегать к таким методам, обречен. В зависимости от внешних и внутренних обстоятельств агония может длиться дольше или меньше. Но никакая сила в мире уже не спасет Сталина и его систему. Советский режим либо освободится от бюрократического спрута, либо будет увлечен им в бездну". Разумеется, можно было бы возразить, учитывая оговорку по поводу "внешних и внутренних обстоятельств", что Троцкий применял термин "агония" фигурально, имея в виду лишь неопределенную историческую перспективу. Но весь комплекс его статей и заявлений 1937 года, включенных в этот том, свидетельствует, что он навязывал своим сторонникам представление о неизбежности краха сталинизма в самом близком времени. Об этом он, например, заявил на весь мир в своем интервью корреспонденту газеты "Чикаго Дейли Ньюз" О'Брайену 3 марта 1937 г.

Собственно говоря, в условиях, когда международное влияние СССР и, следовательно, личное влияние Сталина в международном истеблишменте усиливались, когда советский диктатор согласился, наконец, на сотрудничество компартий с другими политическими силами в рамках народного фронта, когда появились на свет союзные договоры СССР с Францией и Чехословакией (1935), а политические силы, шедшие за Троцким, продолжали оставаться незначительной горсткой, иная трактовка событий была бы самоубийственной для движения сторонников Троцкого.

Он вновь и вновь выражал уверенность, что "немногие десятки тысяч" его сторонников, которые существовали в то время (их он преувеличивал по крайней мере на порядок), вскоре превратятся в могучую армию. Однажды статью, посвященную "Манифесту Коммунистической партии" К.Маркса и Ф.Энгельса, написанную осенью 1937 г. ("Манифест" появился на свет в феврале 1848 г.), Троцкий даже завершил совершенно нелепой, анекдотической фразой о том, что к сотой годовщине этого труда (то есть через четыре месяца) Четвертый Интернационал (который, добавим, организационно в это время еще и не существовал) "станет решающей революционной силой на нашей планете"! Впрочем, почувствовав, скорее всего, всю нелепость, одиозность этого высказывания, он через два месяца в ответах на вопросы парижского еженедельника заменил пресловутые четыре месяца на "ближайшее десятилетие", в течение которого Четвертый Интернационал станет, мол, "решающей исторической силой".

Часть документации, включенной в данный том, посвящена анализу ситуации в международном масштабе и в отдельных странах, взаимоотношениям групп последователей Троцкого с другими социалистическими политическими организациями.

Его внимание, в отличие от предыдущих лет, почти не привлекала Германия, ибо автор, очевидно, понимал факт стабилизации нацистской диктатуры, нереальность ее свержения в ближайшее время, да и информация о положении в Германии поступала к нему почти исключительно только в форме газетных корреспонденций.

Некоторые материалы посвящены событиям в Испании, где в 1936 г. к власти пришел народный фронт и вскоре началась гражданская война. Документы свидетельствуют, что Троцкий поддерживал в Испании связь только с незначительными группами своих сторонников, которые не пользовались сколько-нибудь заметным политическим влиянием, несмотря на традиционное предрасположение испанцев к левым силам (единственная более или менее оформленная группа была в Барселоне).

Что же касается Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ), которую в политических целях сталинисты в то время именовали "троцкистской" (эта оценка довольно прочно вошла в историческую литературу то ли в силу той же политической предвзятости, то ли, скорее всего, в результате недостаточного знания авторами существа дела), то Троцкий не только не рассматривал эту партию в числе организаций Четвертого Интернационала, но подвергал сокружительной критике ее политические установки, в частности сотрудничество с народным фронтом.

Пристальное внимание уделялось в рассматриваемый период событиям во Франции. Причины этого состояли не только в том, что именно в этой стране впервые зародилось, а затем приняло наиболее жизнеспособные формы народнофронтовское движение (к последнему Троцкий относился крайне отрицательно как к проявлению "оппортунизма" компартий, продиктованного интересами сталинской клики), но также в широком движении низов населения, которое особенно рельефно проявилось в массовых забастовках в июне 1936 г. Значение этих забастовок и их результатов Троцкий переоценивал. Он писал о "великой июньской волне". Полагая, что народный фронт представляет собой "коалицию пролетариата с империалистической буржуазией", что программа его является "шарлатанской", он в то же время выступил инициатором так называемого "французского поворота".

Под этим термином понималось вступление "большевиков-ленинцев", то есть последователей Троцкого, во французскую Социалистическую партию (СФИО), которое им оценивалось как "смелый организационный шаг". Представляется, что, какие бы доводы ни выдвигал Троцкий в обоснование этой акции, которая по существу дела являлась его собственной инициативой, подчеркивая, что его сторонники во Франции сохраняют свои лозунги, внутреннее единство и дисциплину, обеспечивают себе таким способом выдвижение в самый "центр пролетарского авангарда", "французский поворот" был явным свидетельством того, что Троцкий все больше осознавал крушение надежд на создание своей мощной самостоятельной организации даже во Франции, где был европейский центр его движения.

Лозунг Четвертого Интернационала все более приобретал ритуальный характер, несмотря или даже в результате тех утопическо-оптимистических прогнозов Троцкого, о которых мы упоминали выше.

"Французский поворот", как и многие другие политические инициативы Троцкого, завершился провалом. Через непродолжительное время его сторонники были изгнаны из СФИО или сами покинули ее ряды и продолжали влачить достаточно жалкое существование. В условиях назревания второй мировой войны, ловкого обращения советского руководства и руководимого им Коммунистического Интернационала к антифашистским, антивоенным, общедемократическим лозунгам революционное "вспышкопускательство" малых групп "троцкистов" ситановилось все более чуждым массам населения европейских стран, США, да и других регионов мира.

Будучи весьма внимательным аналитиком, Троцкий просто не мог не понимать этих политических сдвигов. В одном из его писем, публикуемом в этой теме, отмечалось, что "буржуазные круги, даже и 'либеральные', ненавидят нас гораздо больше, чем сталинцев". Это было совершенно справедливо, но относилось не только к буржуазным кругам. "Троцкистов" начинали если не ненавидеть, то, по крайней мере, чуждаться их, и массы рабочих, в том числе те их части, которые находились под влиянием СФИО, то есть партии, к которой они недавно весьма ненадолго присоединились, и других социалистических и социал-демократических партий.

В теме публикуется небольшая группа документов, связанных с перипериями личной жизни Л.Д.Троцкого в Мексике в 1937 г. Привлекают внимание письма жене Н.И.Седовой во второй половине июля этого года, когда на почве ревности между супругами произошла размолвка, и Троцкий уехал из Койоакана "на отдых". Испытывая чувство раскаяния перед женой (или пытаясь убедить самого себя, что он раскаивается), которая в полном смысле слова в течение многих лет являлась жертвой его политических пристрастий и амбиций, сама не осознавая этого, Лев пытался оправдаться, в том числе и с помощью того, что он сам именовал в письме от 19 июля "гусарским стилем", включая нецензурную лексику.

Троцкий отрешивался от своей недогой пассии - известной мексиканской художницы Фриды Кало - жены его покровителя в этой стране Диего Риверы. Впрочем, порой он переходил в наступление на супругу, пытаясь даже найти ее вину в собственном "рецидиве" - то есть возобновлении тяги к особам прекрасного пола молодого возраста.

Троцкий был уже пожилым человеком. Он приближался к 60-летию. В условиях, когда он становился все более очевидной мишенью не только политических, но и физических актов насилия со стороны Сталина и его агентов, он все чаще проявлял склонность подвести общие итоги своей жизни. Такого рода высказывания несколько раз встречаются в данном томе.

По-видимому, вполне искренний фанатизм звучал в его словах: "...Через все превратности и потрясения я пронес, к счастью, склонность и готовность спокойно посмеяться над злоключениями своей личной жизни".

Имея в виду кликушество Кагановича, кричавшего на каком-то московском собрании "Смерть Троцкому!", Лев Давидович писал: "Если московская клика думает запугать меня такими угрозами и заставить меня замолчать, то она ошибается. Не потому что я недооценивал силы и средства ГПУ (Троцкий продолжал употреблять термин ГПУ, хотя еще в 1934 г. на его месте появился НКВД - Ю.Ф. и Г.Ч.): нет, я очень хорошо понимаю, что убить меня из-за угла гораздо легче, чем доказать мою 'связь' с Гитлером. Но есть обязанности, которые неизмеримо выше соображений о личной безопасности. Это знает каждый хороший солдат".

Все это было действительно так.

Некоторые фрагменты, которые встретит в этом томе читатель, свидетельствуют, насколько ложны всякого рода слухи и сплетни о богатстве, роскошном образе жизни Троцкого и т. п., которые начали распространять сталинисты еще в 30-е годы и продолжают повторять безответственные авторы по наши дни. В письме жене (июль 1937 г.) он рассказывал, что очень боится поломать заимствованную им удочку, ибо: "Удочка на форель стоит не дешево (кажется, около 5 долларов)". Комментарии здесь вряд ли необходимы.

*

Как и в предыдущие тома, в данный том включены статьи, заявления, интервью, письма и некоторые другие документы Троцкого. Публикуются также отдельные письма Л.Л.Седова.

Почти все документы заимствованы из Архива Л.Д.Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США). Несколько документов взяты из Коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира (Пало-Алто, Калифорния, США). Поисковые данные указаны только в отношении материалов Гуверовского института.

На русском языке публикуемые материалы ранее не издавались. Часть из них была опубликована на английском, французском и немецком языках. Но во всех этих случаях названные документы в данном издании переданы по архивным первоисточникам.

Том завершается примечаниями и указателями имен и географических названий.

Как и в предыдущих томах, документы отобраны для издания доктором исторических наук Ю.Г.Фельштинским. Вся археографическая работа проведена Ю.Г.Фельштинским и доктором исторических наук Г.И.Чернявским. Ими же написаны предисловие, примечания, составлены указатели имен и географических названий. В подготовке примечаний, связанных с событиями в Китае, принимал участие доктор исторических наук А.В.Панцов.

Нам приятно вновь выразить сердеченую признательность администрациям архивных учреждений, давшим любезное разрешение на публикацию документов из их фондов.

1 Подробно об этом идет речь в книге одного из авторов настоящей работы: Чернявский Г.И. Тень Люциферова крыла: Большевизм и национал-социализм. Сравнительно-исторический анализ. - Харьков: Око, 2003.

2 Галкин А.А. Германсий фашизм. - М.: Наука, 1989. - С. 342 и др.

3 См., например: Duranty W. Th Kremlin and the People. - London: Hamilton, 1942. - P. 84; Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. - New York: Oxford University Press, 1990; Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. - М.: Грегори-Пейдж, 1995 и мн. др.

4 The Case of Leon Trotsky: Report of Hearings on the Charges Made against Him in the Moscow Trials. - New York, 1969.

Предисловие

ко второму английскому изданию

Эта книга написана в 1920 году в вагоне военного поезда², в разгар гражданской войны. Читатель должен иметь перед глазами эту обстановку, если хочет верно понять не только основное содержание книги, но и ее злободневные намеки, особенно же ее тон.

Книга направлена полемически против Карла Каутского. Молодому поколению это имя говорит немного, хотя сам Каутский остается нашим современником: недавно он праздновал свою 80-ую годовщину. Каутский пользовался некогда в рядах Второго Интернационала огромным авторитетом как теоретик марксизма. Война очень быстро обнаружила, что его марксизм был лишь методом пассивного истолкования исторического процесса, но не методом революционного действия. Пока классовая борьба протекала в мирных берегах парламентаризма, Каутский, как и тысячи других, позволял себе роскошь революционной критики и смелых перспектив: практически это ни к чему не обязывало. Но когда война и послевоенная эпоха поставили проблемы революции ребром, Каутский окончательно занял позицию по ту сторону баррикады. Не порывая с фразеологией марксизма, он стал прокурором пролетарской революции, адвокатом пассивности, пресмыкательства и капитуляций перед империализмом.

В довоенную эпоху Карл Каутский и вожди Британской рабочей партии³ стояли, казалось, на разных полюсах Второго Интернационала. Наше поколение, которое было тогда молодым, в борьбе с оппортунизмом Макдональда, Гендерсона и братии не раз пользовалось оружием из арсеналов Каутского. Правда, мы и в те времена шли гораздо дальше, чем того хотел нерешительный и двусмысленный учитель. Роза Люксембург, ближе других знавшая Каутского, уже до войны беспощадно разоблачала маргаритовый характер его радикализма. Новейшая эпоха внесла в положение во всяком случае полную ясность: политически Каутский принадлежит к одному лагерю с Гендерсоном; если первый продолжает прибегать к цитатам из Маркса, а второй предпочитает псалмы царя Давида⁴, это различие индивидуальных привычек нисколько не нарушает их солидарности. Все основное, что в этой книге сказано против Каутского, можно, таким образом, почти без ограничений перенести на вождей британских трэд-юнионов и Рабочей партии.

Одна из глав книги посвящена так называемой австрийской школе марксизма (Отто Бауэр, Карл Реннер⁵ и др.). По сути дела, эта школа выполняла ту же функцию, что и Каутский: при помощи стерилизованных формул марксизма она прикрывала политику оппортунистической протрации и трусливо отгораживалась от смелых решений, которых неотвратимо требовал ход классовой борьбы. События принесли беспощадную проверку каутскианству, как и австро-марксизму. Могущественные некогда социал-демократические партии Германии и Австрии, вознесенные против их собственной воли революционным движением 1918 года на вершину власти, добровольно сдавали по частям свои позиции буржуазии, пока не оказались ею беспощадно раздавлены. История этих двух партий является неоценимой иллюстрацией к вопросу о роли революционного и контрреволюционного насилия в истории.

В интересах преемственности я сохраняю за книгой то заглавие, под которым вышло первое английское издание: "В защиту терроризма". Необходимо, однако, сразу оговорить, что заглавие это, принадлежавшее издателю, а не автору, слишком широко и способно даже подать повод к недоразумениям. Дело вовсе не идет о защите "терроризма" как такового. Меры принуждения и устрашения, вплоть до физического истребления противников, в неизмеримо большей степени служили до сих пор и продолжают служить делу реакции в лице переживших себя эксплуататорских классов, чем делу исторического прогресса в лице пролетариата. Присяжные моралисты, осуждающие "терроризм" вообще, имеют, в сущности, в виду революционные действия угнетенных, стремящихся к освобождению. Лучший пример тому - г. Рамзей Макдональд. Он неутомимо осуждал насилие во имя вечных заветов морали и религии. Но когда распад капиталистической системы и обострение классовой борьбы поставили и для Англии в порядок дня революционную борьбу пролетариата за власть, Макдональд перешел из лагеря рабочих в лагерь консервативной буржуазии с такой же простотой, с какой пассажир переходит из купе для курящих в купе для некурящих. Сейчас благочестивый противник терроризма поддерживает при помощи аппарата насилия "мирный" режим безработицы, колониального гнета, вооружений

и подготовки новых войн.

Настоящая работа далека, следовательно, от мысли защищать терроризм вообще. Она защищает историческую правомерность пролетарской революции. Основная мысль книги: история не выдумала до сих пор другого способа вести человечество вперед, как противопоставляя каждый раз консервативному насилию переживших себя классов революционное насилие прогрессивного класса.

Неизлечимые фабианцыб повторяют, конечно, что, если доводы этой книги верны для отсталой России, то они совершенно неприменимы к передовым странам, особенно к старым демократиям, как Великобритания. Эта утешительная иллюзия могла бы, пожалуй, иметь подобие убедительности лет 15 или 10 тому назад. Но с того времени волна фашистских или военно-полицейских диктатур затопила большую часть европейских государств. На другой день после высылки из Советского Союза, 25 февраля 1929 г., я писал - не в первый, впрочем, раз - по поводу положения в Европе: "Демократические учреждения показали, что не выдерживают напора современных противоречий, то международных, то внутренних, чаще - тех и других вместе... По аналогии с электротехникой демократия может быть определена как система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша. Перегрузка тока все чаще обнаруживается в разных пунктах европейской сети. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавают или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры. Первыми поддаются, конечно, наиболее слабые выключатели. Но ведь сила внутренних и мировых противоречий не ослабевает, а растет. Вряд ли есть основания утешать себя тем, что процесс захватил только периферию капиталистического мира. Подагра начинается с большого пальца ноги, но начавшись, доходит до сердца"⁷.

За истекшие после написания этих строк шесть лет "короткие замыкания" диктатуры произошли в Германии, Австрии и Испании; в этой последней стране - после недолгого революционного расцвета демократии. Все те же демократические иллюзионисты, которые пытались истолковать итальянский фашизм как эпизодическое явление, возникшее в сравнительно отсталой стране в результате послевоенного психоза, встретили самое немилосердное опровержение со стороны фактов. Из больших европейских стран парламентарный режим сохраняется ныне еще только во Франции и в Англии. Но после проделанного Европой опыта нужна совершенно исключительная доза слепоты, чтобы считать Францию и Англию огражденными от гражданской войны и диктатуры. 6 февраля 1934 г. французский парламентаризм получил первое предостережение.

Чрезвычайно поверхностна мысль, будто относительная устойчивость британского политического режима определяется давностью парламентских традиций и в возрастании этой давности автоматически черпает силу сопротивления. Нигде не доказано, что старые вещи при прочих равных условиях прочнее новых. На самом деле британский парламентаризм держится лучше других в условиях кризиса капиталистической системы только потому, что бывшее господство над миром позволило правящим классам Великобритании скопить несметные богатства, которые ныне продолжают скрашивать их черные дни. Иначе сказать: британская парламентская демократия держится не мистической силой традиции, а жировыми отложениями, оставшимися в наследство от эпохи преуспеяния.

Дальнейшая судьба британской демократии зависит не от ее внутренних свойств, а от судьбы британского и вообще мирового капитализма. Если бы правящие знахари и чудотворцы действительно открыли секрет омоложения капитализма, вместе с ним омолодилась бы, несомненно, и буржуазная демократия. Но мы не видим основания верить знахарям и чудотворцам. Уже последняя империалистическая война явилась выражением и вместе с тем доказательством того исторического факта, что мировой капитализм исчерпал свою прогрессивную миссию до конца. Развитие производительных сил упирается в два реакционных барьера: частную собственность на средства производства и границы национального государства. Без устранения этих двух барьеров, то есть без сосредоточения средств производства в руках общества и без организации планового хозяйства, способного постепенно охватить весь мир, экономический и культурный упадок человечества предопределен. Дальнейшие короткие замыкания реакционных диктатур распространились бы в этом случае неизбежно и на Великобританию: успехи фашизма являются лишь политическим

выражением распада капиталистической системы. Другими словами: и для Англии не исключена такая политическая обстановка, когда какой-нибудь фат, вроде Мосли, сможет по примеру своих наставников Муссолини и Гитлера сыграть историческую роль.

Со стороны фабианцев может последовать возражение в том смысле, что у английского пролетариата есть полная возможность овладеть властью парламентским путем, произвести легально, мирно и постепенно все необходимые изменения в капиталистической системе и тем самым не только сделать ненужным революционный терроризм, но и вырвать почву из-под ног контрреволюционного авантюризма. Такого рода перспектива приобретает на первый взгляд особую убедительность в свете крупнейших избирательных успехов Рабочей партии. Но только на первый и притом очень поверхностный взгляд. Фабианскую перспективу надо считать, к сожалению, заранее исключенной. Я говорю "к сожалению", потому что мирный, парламентский переход к новому общественному строю представлял бы, несомненно, очень серьезные преимущества с точки зрения интересов культуры, а следовательно, и социализма. Но нет ничего более пагубного в политике, как принимать желательное за возможное. С одной стороны, избирательная победа Рабочей партии вовсе еще не означала бы сосредоточения в ее руках действительной власти. С другой стороны, рабочая партия и не стремится к полноте власти, ибо в лице своих верхов не хочет экспроприации буржуазии. Гендерсоны, Ленсбери и пр[очие] не имеют в себе ничего от великих реформаторов общества: они просто мелкобуржуазные консерваторы, и только. Мы видели социал-демократию у власти в Австрии и Германии. В Англии мы также дважды наблюдали так называемое рабочее правительство. Социал-демократические правительства стоят сейчас во главе Дании и Швеции. Во всех этих случаях ни один волос не упал с головы капитализма. Правительство Гендерсона-Ленсбери ничем не отличалось бы от правительства Германа Мюллера в Германии. Оно не посмело бы наложить руку на собственность буржуазии и было бы обречено на попытки мелких реформ, которые, разочаровывая рабочих, раздражали бы буржуазию: крупные социальные реформы неосуществимы в условиях падающего капитализма. Рабочие все настойчивее требовали бы от правительства более решительных мер. В парламентской фракции рабочей партии выделилось бы революционное крыло; правое крыло все более открыто тяготело бы к капитуляции по примеру Макдональда. Для противовеса рабочему правительству и для предупреждения революционных действий со стороны масс крупный капитал стал бы усиленно поддерживать фашистскую организацию (что он начал делать уже сейчас). Корона, палата лордов, буржуазное меньшинство палаты депутатов, бюрократия, военный и морской штабы, банки, тресты, большая печать сплотились бы в контрреволюционный блок, всегда готовый привлечь на помощь регулярным вооруженным силам банды Мосли или другого более пригодного авантюриста. Иными словами, "парламентская перспектива" роковым образом вела бы на путь гражданской войны, которая грозила бы принять тем более затяжной, жестокий и невыгодный для пролетариата характер, чем менее руководство рабочей партии было бы к ней подготовлено.

Вывод отсюда тот, что британский пролетариат не должен рассчитывать ни на какие исторические привилегии. Ему придется бороться за власть революционным путем и удерживать ее в руках, подавляя ожесточенное сопротивление эксплуататоров. Другого пути к социализму нет. Проблемы революционного насилия, или "терроризма", сохраняют, следовательно, практический интерес и для Англии. Такова причина, по которой я согласился на новое английское издание этой книги.

*

На Генуэзской конференции (1922 г.) французский представитель Кольра заявил: "Советская Россия, которая привела страну к границе экономического краха, не имеет права учить другие народы социализму". Сейчас он, конечно, затруднился бы повторить эти слова. Советский Союз успел с того времени практически показать, насколько велики экономические возможности, заложенные в национализации средств производства. Эта демонстрация тем более убедительна, что дело идет об отсталой стране без резервной армии квалифицированных рабочих и техников.

В период гражданской войны, когда писалась эта книга, советы стояли еще

под знаком "военного коммунизма"⁹. Этот режим был не "иллюзией", как утверждали впоследствии не раз филистеры, а железной необходимостью. Дело шло о распределении нищих запасов, главным образом для нужд войны, и о поддержании для тех же целей хоть минимального производства без возможности оплачивать труд. Военный коммунизм выполнил свою миссию, поскольку сделал возможной победу в гражданской войне. "Иллюзиями", насколько здесь вообще уместно это слово, можно скорее назвать те хозяйственные расчеты, которые связывались с развитием мировой революции. Общее и безраздельное убеждение всей партии в тот период состояло в том, что скорая победа пролетариата на Западе, начиная с Германии, откроет грандиозные технические и культурные возможности и тем позволит от военного коммунизма непосредственно перейти к социалистическому производству. Идея пятилетних планов была в этот период не только сформулирована, но для некоторых областей хозяйства и технически разработана.

Задержка в развитии революции на Западе внесла глубокое изменение в хозяйственные методы советов. Открылся период новой экономической политики. Он привел, с одной стороны, к общему оживлению хозяйства, с другой - к возрождению мелкой буржуазии, особенно кулачества. Советская бюрократия впервые почувствовала себя менее зависимой от пролетариата. Она стояла теперь "между классами", регулируя их взаимоотношения. Вместе с тем она утрачивала постепенно доверие и интерес к западному пролетариату. С осени 1924 г. Сталин в полном противоречии с традицией партии и с тем, что он сам писал еще весной того же года, выдвигает впервые теорию "социализма в отдельной стране". Бухарин дополняет ее теорией "постепенного вращивания кулака в социализм". Сталин и Бухарин идут рука об руку.

Трудности революции, лишения, жертвы, гибель лучших рабочих во время гражданской войны, медленность хозяйственных успехов вызвали тем временем неизбежную реакцию в массах населения. Упадок надежды на европейских рабочих повысил зависимость русских рабочих от собственной бюрократии. С другой стороны, реакция усталости в массах способствовала дальнейшему росту независимости государственного аппарата. Опираясь на консервативные силы мелкой буржуазии и эксплуатируя поражения мирового пролетариата и упадочные настроения советских масс, сталинская фракция, этот штаб бюрократии, производит разгром так называемой левой оппозиции ("троцкисты"). Октябрьская революция вступает в стадию бюрократического перерождения.

Однако кулак вовсе не прельщается перспективой "мирного вращивания в социализм". Он хочет восстановления свободы торговли. Он сосредоточивает в своих руках запасы хлеба и отказывает в них государству. Он требует расплаты по векселям, выданным ему бюрократией во время борьбы с левой оппозицией. Из союзника он становится врагом.

Бюрократия вынуждена обороняться. Она открывает поход против кулака, которого она вчера отрицала, и против правого крыла партии, своего союзника по борьбе с левой оппозицией. Новый политический курс, открывшийся в 1928 году, ярко обнаружил зависимость советской бюрократии от экономических основ, заложенных октябрьским переворотом. Упираясь и сопротивляясь, она вынуждена была встать на путь индустриализации и коллективизации. Она впервые открывает при этом те неизмеримые производственные возможности, которые обеспечены сосредоточением средств производства в руках государства.

Крупные, хотя крайне несогласованные успехи пятилетнего плана, естественно, подняли самоуверенность бюрократии. Коллективизация миллионов мелких крестьян создала для нее одновременно новую социальную базу. Поражения мирового пролетариата, рост фашистских и бонапартистских диктатур в Европе содействовали успеху доктрины "социализма в отдельной стране". Бюрократии удалось фактически ликвидировать большевистскую партию, как и советы, сохранившиеся лишь по имени. Власть перешла от масс, от советов, от партии к централизованной бюрократии, от нее - к замкнутой верхушке, и наконец - к одному лицу, как воплощению бесконтрольной бюрократии.

Многих наблюдателей поражает и отталкивает "религия вождя", которая так унижительно сближает нынешний советский режим с режимом Гитлера. "Партия" здесь, как и там, имеет одно-единственное право: соглашаться с вождем. Партийные съезды являются лишь парадами заранее обеспеченного единогласия. Чем же советский порядок лучше фашистского? - спрашивают демократы, пацифисты, идеалисты, неспособные глядеть глубже политической надстройки. Нимало не защищая бюрократической карикатуры на советский режим, мы

отвечаем, однако, на такую одностороннюю его критику указанием на его социальную базу. Режим Гитлера является последней, поистине отчаянной формой самообороны гниющего и распадающегося капитализма. Режим Сталина является уродливой бюрократической формой самообороны строящегося социализма. Это не одно и то же.

Поскольку советская бюрократия вынуждена собственными интересами охранять границы и учреждения СССР от внешних и внутренних врагов и заботиться о развитии национализированных производительных сил, постольку она имеет право на поддержку мирового рабочего класса. Но суть в том, что задачи экономического и культурного строительства чем дальше, тем меньше могут разрешаться бюрократическими методами. Распределение производительных сил и средств совершается ныне на глаз начальства, по команде сверху, без участия трудящихся в решении вопросов, от которых зависят их труд и их жизнь. Диспропорции и несоответствия в хозяйстве накапливаются. Повышение жизненного уровня масс происходит крайне медленно, неравномерно, далеко отставая от технических достижений и затрат трудовой энергии. Так, экономические успехи, временно укрепившие самодержавие бюрократии, в дальнейшем своем развитии все больше направляются против нее.

Социалистическое хозяйство должно служить для всестороннего удовлетворения человеческих потребностей. Разрешить такую проблему нельзя путем голого командования. Чем выше производительные силы, чем сложнее техника, чем сложнее потребности, тем необходимее широкая и свободная творческая инициатива организованных производителей и потребителей. Социалистическая культура предполагает высшее развитие человеческой личности. Продвигаться на этом пути можно не путем стандартизованного пресмыкательства перед безответственными "вождями", а лишь посредством сознательного и критического участия всех в социалистическом творчестве. Молодые поколения нуждаются в самостоятельности, которая вполне совместима с твердым руководством, но исключает полицейское командование. Так бюрократический режим, подавивший советы и партию, приходит во все более явное противоречие с основными потребностями развития хозяйства и культуры.

Рабочее государство существует впервые в истории. Ни формы, ни методы его, ни этапы, через которые оно должно пройти, не могли и не могут быть предопределены заранее. Буржуазное общество развивалось в течение столетий и пришло к господству, сменяя десятки политических режимов. Можно с достаточным основанием рассчитывать, что социалистическое общество достигнет полного развития несравненно более коротким и экономным путем. Но было бы все же жалкой иллюзией вообразить, будто "просвещенная бюрократия" способна довести на уздечке человечество до социализма по прямой линии. Рабочее государство еще не раз обновит свои методы, прежде чем раствориться в коммунистическом обществе. Та большая историческая реформа, которая стоит ныне на очереди, требует освобождения советского государства от бюрократического абсолютизма, иными словами: восстановления творческой роли советов на новой, более высокой хозяйственной и культурной основе. Эта задача неразрешима без борьбы рабочих масс против узурпаторской бюрократии.

Историческая роль государственного насилия естественно меняется вместе с изменением характера рабочего государства. Поскольку бюрократическое насилие, как бы жестоко оно подчас ни было, ограждает социальные основы нового режима, постольку оно исторически оправдано. Но защита советского государства и защита позиций бюрократии в советском государстве – не одно и то же. Чем дальше, тем циничнее бюрократия прибегает к террору против партии и рабочего класса для ограждения своих экономических и политических привилегий. Она заинтересована, разумеется, в том, чтобы свою кастовую самооборону выдавать за ограждение высших интересов социализма. Отсюда возрастающая фальшь официальной идеологии, отвратительный культ вождей и прямой обман рабочих масс посредством политических и судебных подлогов.

Особенно преступный характер имеет политика советской бюрократии в отношении международного пролетариата. Отказавшись по существу давно уже от надежд на мировую революцию, бюрократия держит секции Коммунистического Интернационала в чисто военном подчинении, превращая их во вспомогательные органы для своей дипломатии. Революционная защита Советского Союза давно уже подменена адвокатской защитой всех действий правящей советской верхушки. Вожди Коминтерна все больше обнажаются перед рабочими, как независимые от масс чиновники.

Казавшаяся столь внушительной германская коммунистическая партия при столкновении с серьезной опасностью оказалась политическим нулем. Слепое подчинение не есть доблесть революционера. Коминтерн опустошен, обезличен, обездушен. Если в Англии, несмотря на исключительно благоприятные условия, коммунистическая партия остается незначительной организацией без влияния, без авторитета, без будущего, то ответственность за это ложится прежде всего на советскую бюрократию.

Вся обстановка в Англии готовит революционную развязку. Благоприятный перелом экономической конъюнктуры, сам по себе возможный и даже неизбежный, имел бы по необходимости лишь эпизодический характер и скоро уступил бы место новому жестокому кризису. На капиталистическом пути спасения нет. Приход к власти Рабочей партии будет иметь лишь то прогрессивное значение, что снова обнаружит, притом несравненно ярче, чем до сих пор, несостоятельность методов и иллюзий парламентаризма в условиях распада капиталистической системы. Тем самым необходимость новой, подлинно революционной партии раскроется во всей своей остроте. Британский пролетариат войдет в эпоху политического кризиса и теоретической критики. Проблемы революционного насилия встанут перед ним во весь рост. Доктрина Маркса и Ленина впервые найдет массовую аудиторию. В этих условиях, может быть, и настоящая книга не окажется лишней.

Л.Троцкий

10 января 1935 г.

Кто защищает СССР и кто помогает Гитлеру?

(Незаконченная статья)

Соглашаясь голосовать за империалистическую армию, если она "очистится" от фашистов, французские сталинцы показывают этим, что дело идет для них, как и для Блюма, не о защите Советского Союза, а о французской "демократии". Они поставили себе отныне высокую цель: насадить чистую демократию в офицерском корпусе версальской армии (версальской в смысле Коммуны и в смысле Версальского мира). Каким путем? Посредством правительства Даладье. "Sovjets partout!", "Daladier au pouvoir!"¹⁰. Но почему же великий демократ Даладье, который два года был военным министром (1932-1934), не позаботился очистить армию от фашистов, бонапартистов и роялистов? Не потому ли, что сам Даладье еще не очистился тогда в живительном источнике "народного фронта"? Пусть "Юманите" со свойственной ей глубиной и честностью объяснит нам эту загадку. Пусть заодно ответит на вопрос: почему Даладье капитулировал при первом натиске вооруженной реакции в феврале 1934 года? Мы ответим за "Юманите"! Потому что партия радикалов есть самая жалкая, трусливая, лакейская из всех партий финансового капитала. Стоит гг. де Венделю¹¹, Шнейдеру¹², Ротшильду¹³, Мерсье¹⁴ и К° топнуть ногой, - радикалы всегда станут на колени: сперва Эррио, а немного спустя и Даладье.

Допустим однако, что на этот раз правительству "народного фронта" удастся для демонстрации, т. е. для обмана масс, уволить из армии несколько второстепенных реакционеров и распустить (на бумаге) несколько бандитских лиг. Что изменится в природе? Армия останется по-прежнему важнейшим орудием империализма. Генеральный штаб армии останется по-прежнему штабом военного заговора против трудящихся. Во время войны наиболее реакционные, решительные и беспощадные элементы получают в офицерском корпусе решающий перевес. Пример Италии и Германии показывает, что империалистическая война есть для офицерства высшая школа фашизма.

*

Как быть далее в тех странах, относительно которых неизвестно, какую позицию займут они в войне: за или против СССР? Так, британские лейбористы и трэд-юнионисты уже сегодня парализуют борьбу против собственного империализма, ссылаясь на то, что Великобритания, может быть, придется защищать СССР. Эти политические мошенники ссылаются, конечно, на Сталина не

только с успехом, но и с полным основанием. Если французские сталинцы обещают хвастливо "контролировать" внешнюю политику своего империализма, то британские лейбористы могут предъявить тот же довод. А что делать польскому пролетариату, буржуазия которого связана союзом с Францией и дружбой с Гитлером?

Гражданский мир (Union sacrée¹⁵) означает низкопробное прислуживание социалистов перед империализмом, совершающим наиболее подлую и кровавую работу. Какие политические последствия имеет ползание на патриотическом брюхе, показала последняя война. Социал-патриотические вожди вышли из школы "гражданского мира" совершенно раздавленными, политически опустошенными, без веры, без мужества, без чести и совести. Об этом свидетельствует вся послевоенная история рабочего движения. Рабочие Германии и Австрии завладели после войны властью, но социал-демократические вожди вернули эту власть генералам и капиталистам. Если бы вожди французского пролетариата не вышли из войны жалкими политическими инвалидами, Франция была бы сегодня страной социализма. Гражданский мир 1914-1918 гг. спас гниющий капитализм на целые десятилетия и обрек народы на неслыханные жертвы и страдания. Гражданский мир 1914-1918 гг. в интересах собственной "нации" подготовил новую империалистическую войну, грозящую полным истреблением нации. Под каким бы предлогом социал-патриоты ни готовили новый "гражданский мир" ("национальная оборона", "защита демократии", "защита СССР"), результатом новой измены явилось бы крушение всей современной культуры.

*

Деморализованная бюрократия Коминтерна органически неспособна противостоять патриотическому напору буржуазии во время войны. Вот почему все эти трусы: Кашены, Жанмоты, Шмерали... рады уцепиться за любой повод, который может прикрыть их капитуляцию перед бешеным разгулом патриотического "общественного мнения". Таким поводом - не причиной, а только поводом - является для них "защита СССР". По своей политической физиономии Дорио ничем не отличается от Кашена или Дюкло: он продукт той же школы. Но мы видели, как легко Дорио порывает с идеей защиты СССР, чтобы прийти к программе "соглашения с Гитлером", хотя для каждого младенца в St. Denis¹⁶ должно быть ясно, что соглашение французской буржуазии с Гитлером может быть направлено только против СССР. Мы видим: ст. ит. этим господам поспорить со сталинской бюрократией, и они сразу поворачиваются спиной к советскому государству. Этим политикам не хватает мелочи: позвоночника. Ползание на брюхе перед сталинской кликой было для них только тренировкой для пресмыкательства перед собственным империализмом.

С отличающим этих людей бесстыдством они немедленно переходят в наступление против революционных интернационалистов, обвиняя их в... поддержке Гитлера. Они забывают, что опрокинуть Гитлера может только немецкий пролетариат. Сейчас он, правда, ослаблен, раздроблен, придавлен всей тяжестью преступлений социал-демократии и Коминтерна. Но он поднимется. Ободрить его и помочь ему подняться можно только одним: развитием революционной борьбы в международном масштабе, прежде всего во Франции. Каждое патриотическое заявление Блюма, Жиромского, Тореза и пр. дает новое питание теории расизма (национализма) и, в последнем счете, укрепляет Гитлера. Наоборот, марксистская, большевистская непримиримая политика мирового пролетариата - во время мира, как и во время войны - нанесет смертельный удар фашизму, ибо покажет на деле, что судьбу человечества решает борьба классов, а не борьба наций. Нужно ли еще это доказывать? С того времени, как Третий Интернационал, вслед за Вторым, окончательно подменили международную классовую борьбу мнимой "всеобщей" борьбой против Гитлера, он фактически только помогал Гитлеру. Об этом свидетельствуют ныне неопровержимые факты и цифры: рост национал-социализма в Австрии, плебисцит в Саарской области, последние выборы в Богемии. Борьба против фашизма посредством национализма будет лишь подливать масла в огонь! И наоборот, первые серьезные успехи пролетарской революции во Франции, в Бельгии, в Чехословакии - в любой стране - прозвучат для Гитлера, как похоронный звон. Кто не понимает этой азбуки, тот пусть занимается чем угодно, но только не проблемами социализма!

Знать заранее, каков будет ход войны, если слабость пролетариата

позволит ей разразиться, мы не можем. Фронты будут передвигаться. Границы государств будут нарушаться: в этом и состоит война. При нынешнем могуществе авиации все границы будут нарушаться и все национальные территории будут попираются и опустошаться. Только прямые реакционеры (называющие себя иногда социалистами и даже коммунистами) могут в этих условиях призывать пролетариат к защите "собственных" национальных границ в союзе с "собственной" буржуазией. Действительная задача пролетариата состоит на самом деле в том, чтобы воспользоваться военными затруднениями буржуазии, низвергнуть ее в пропасть и ликвидировать заодно национальные границы, которые душат хозяйство и культуру.

В первый период войны буржуазия сильнее всего. Но она неизменно слабее с каждым новым месяцем бойни. И наоборот, пролетариат, если его авангард сохранит с самого начала полную независимость от патриотических шакалов, будет крепнуть и усиливаться не по дням, а по часам. Не военные фронты решат, в конечном счете, судьбу войны, а тот социальный фронт, который проходит между буржуазией и пролетариатом. Те насилия, обиды и бедствия, которые причинит народам война, сможет поправить только победоносная революция. Она покончит не только с Гитлером, но и с империализмом, который неизбежно порождает фашизм. Она спасет СССР не только от внешних опасностей, но и от тех внутренних противоречий, которые порождают варварскую диктатуру сталинской клики. Пролетарская революция объединит наш разрозненный и обескровленный континент, спасет гибнущую культуру, создаст Социалистические Соединенные Штаты Европы. Она перекинется на почву Америки и поднимет на ноги угнетенные народы Востока. Она объединит все человечество в социалистическом хозяйстве и гармонической культуре.

Л.Троцкий

(Январь 1935 г.)

Новая эра "советской демократии"

Перевести для "La Verit "

Чтобы хотя отчасти перекрыть отталкивающее впечатление, произведенной расправой Сталина над политическими противниками под видом борьбы с террористами, возведена великая демократическая реформа: колхозники в качестве членов социального общества уравниваются в правах с промышленными рабочими. Лакеи кричат по этому поводу о наступлении царства истинной демократии (а что же было до вчерашнего дня?).

Неравенство избирательных прав рабочих и крестьян имело социальные причины. Диктатура пролетариата в крестьянской стране нашла свое необходимое и открытое выражение в избирательных привилегиях рабочих. Неравенство прав предполагало, во всяком случае, наличие прав. Советский строй дал трудящимся действительную возможность определять судьбы страны. Политическая власть сосредоточилась в руках авангарда - партии. Через Советы и профессиональные союзы партия всегда стояла под давлением масс. Этим давлением партия подчиняла себе советскую демократию.

Чистейший вздор, будто крестьянство успело социально переовоспитаться за два-три года коллективизации. Антагонизм города и деревни сохраняет еще всю свою остроту. Диктатура и сейчас немислима без гегемонии пролетариата над крестьянством. Но неравенство политических прав рабочих и крестьян потеряло свое реальное содержание, поскольку бюрократия окончательно отняла политические права и у тех, и у других. С точки зрения механики бонапартистского режима распределение избирательных округов не имеет ровно никакого значения. Бюрократия могла бы дать крестьянству в десять раз больше голосов, чем рабочему - результат получился бы тот же, ибо все вместе и каждый в отдельности имеют в конце концов одно единственное право: подавать голос за Сталина.

Тайное голосование может на первый взгляд представиться действительной уступкой. Но кто решится выставлять свою кандидатуру против официального списка? Ведь выбранный "тайным голосованием" оппозиционер будет немедленно после выборов объявлен классовым врагом. Тайное голосование, таким образом, ничего существенного изменить не может.

Вся реформа представляет собою бюрократическую маскировку, не более.

Сама необходимость такой маскировки безошибочно свидетельствует о возрастающем обострении отношений между бюрократией и трудящимися массами. Ни рабочим, ни крестьянам не нужны демократические фикции. Пока Сталин держит обе руки на горле пролетарского авангарда, все конституционные реформы останутся бонапартистским шарлатанством.

Л.Т[роцкий]

10 февраля 1935 г.

[Заметка]17

Мною ли написан этот документ?

Память моя ничего мне на этот счет не говорит. Анализ текста не позволяет прийти к окончательному выводу.

Кое-что общее с моими воззрениями (отчасти и со стилем) в документе есть; хотя как раз наиболее для моих тогдашних писаний характерные мысли выражены крайне угловаты, хуже, чем я должен был бы их выразить.

Еще важнее то обстоятельство, что в тексте встречаются мысли, мне безусловно чуждые и даже плохо вяжущиеся с остальным текстом. Достаточно прочесть мою полемику против Череванина, относящуюся, по-видимому, к тому же периоду, чтобы убедиться в этом.

Вывод (гипотетический).

Либо документ был написан лицом, стоящим между мною и меньшевиками (например, Стрельским¹⁸), либо мой первоначальный текст был подвергнут меньшевистской правке (в ЦК?).

Л. Троцкий

21 февраля 1935 г.

Замечания по поводу проекта тезисов (Draft thesis)

Коммунистической лиги Южной Африки¹⁹

Тезисы написаны несомненно на основании серьезного изучения как экономических и политических условий Южной Африки, так и литературы марксизма и ленинизма, в частности - большевиков-ленинцев. Серьезный научный подход ко всем вопросам является одним из важнейших условий успеха для революционной организации. Пример наших южноафриканских друзей снова подтверждает, что в нынешнюю эпоху только большевики-ленинцы, т. е. последовательные пролетарские революционеры, серьезно относятся к теории, анализируют действительность, учатся сами прежде чем учить других. Сталинская бюрократия давно подменила марксизм сочетанием невежества и наглости.

На нижеследующих строках я хочу сделать некоторые замечания по поводу проекта тезисов, которые должны служить программой для Коммунистической Лиги Южной Африки. Я ни в каком случае не противопоставляю эти замечания тексту тезисов. Мое знакомство с условиями Южной Африки слишком недостаточно, чтобы я мог претендовать на вполне законченное мнение по ряду практических вопросов. Только в некоторых случаях мне приходится высказывать свое несогласие с отдельными положениями проекта. Но и тут, насколько я могу судить издали, у нас нет принципиальных разногласий с авторами тезисов; дело идет скорее о некоторых преувеличенных полемических формулировках в борьбе с пагубной национальной политикой сталинизма. Но в интересах дела не замазывать даже и неточности формулировок, а наоборот, подвергнуть их открытому обсуждению, чтоб достигнуть наиболее ясного и безупречного текста. Такова цель дальнейших строк, продиктованных стремлением оказать южноафриканским большевикам-ленинцам хоть некоторое содействие в той большой и ответственной работе, к которой они приступили.

Южноафриканские владения Великобритании представляют "доминион" лишь под углом зрения белого меньшинства. С точки зрения черного большинства Южная Африка есть рабская колония.

Никакой социальный переворот (в первую очередь аграрная революция) немислим при сохранении владычества британского империализма в южноафриканском доминионе. Низвержение британского владычества в Ю[жной] Африке является одинаково необходимым для торжества социализма как в Ю[жной] Африке, так и в самой Великобритании.

Если, как можно предполагать, революция начнется ранее в Великобритании, английская буржуазия потерпит поражение тем скорее в метрополии, чем меньшую опору она сможет найти в колониях и доминионах, в том числе в таком важном для нее владении, как Южная Африка. Борьба за изгнание британского империализма, его орудий и агентов, входит таким образом необходимой частью в программу южноафриканской пролетарской партии.

Низвержение владычества британского империализма в Ю[жной] Африке может явиться результатом военного поражения Великобритании и распада империи: в этом случае южноафриканские белые могут еще в течение некоторого, вряд ли продолжительного времени сохранять свое господство над черными. Другой вариант, который на деле может оказаться связан с первым вариантом, - это революция в Великобритании и в ее владениях. Три четверти населения Южной Африки (почти 6 миллионов из почти 8) составляют черные. Победоносная революция, немислимая без пробуждения туземных масс, даст им в свою очередь то, чего им так не хватает теперь: веру в свои силы, повышенное сознание личности, рост культуры. При этих условиях Южноафриканская республика станет прежде всего "черной" республикой: это не исключает, разумеется, ни полного равноправия белых, ни братских отношений между двумя расами (что зависит главным образом от поведения белых); но совершенно очевидно, что определяющую печать на государство наложит подавляющее большинство его населения, освобожденное от рабской зависимости.

Поскольку победоносная революция радикально изменит отношения не только между классами, но и между расами и обеспечит черным то место в государстве, какое отвечает их численности, постольку социальная революция в Южной Африке будет иметь также и национальный характер. У нас нет ни малейшего основания закрывать глаза на эту сторону вопроса или преуменьшать ее значение. Наоборот, пролетарская партия должна и на словах и на деле открыто и смело взять разрешение национальной (расовой) проблемы в свои руки. Однако разрешать национальную проблему пролетарская партия может и должна своими методами.

Историческим оружием национального освобождения может быть только классовая борьба. Коминтерн, начиная с 1924 г., превратил программу "национального освобождения" колониальных народов в пустую демократическую абстракцию, возвышающуюся над реальностью классовых отношений. Для борьбы с национальным гнетом разные классы освобождаются (на время!) от материальных интересов и становятся простыми "антиимпериалистическими" силами. Для того, чтобы эти бесплотные "силы" дружно выполнили порученную им Коминтерном задачу, им обещается в награду бесплотное "национально-демократическое" государство (с неизбежной ссылкой на ленинскую формулу "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства").

Тезисы указывают на то, что в 1917 г. Ленин открыто и раз навсегда ликвидировал формулу "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства" в качестве необходимого будто бы условия для разрешения аграрного вопроса. Это совершенно верно. Но во избежание недоразумений надо прибавить: а) Ленин всегда говорил о революционной буржуазно-демократической диктатуре, а не о бесплотном "народном" государстве; б) для борьбы за буржуазно-демократическую диктатуру он предлагал не блок всех "антицаристских сил", а проводил самостоятельную классовую политику пролетариата. "Антицаристский" блок был идеей русских эсеров и левых кадетов, т. е. партий мелкой и средней буржуазии. С ними большевизм вел всегда непримиримую борьбу.

*

Когда тезисы говорят, что лозунг "черная республика" одинаково вреден (equally harmful) для дела революции, как и лозунг "Южная Африка для белых",

то с этой формулировкой мы не можем согласиться: на стороне белых дело идет о поддержании полного угнетения; на стороне черных - о первых шагах к освобождению. Полное и безусловное право черных на самостоятельность мы должны признать со всей решительностью и без всяких оговорок. Только на основе совместной борьбы против господства белых эксплуататоров можно воспитывать и укреплять солидарность черных и белых тружеников. Возможно, что черные признают после победы ненужным создание отдельного черного государства в Южной Африке; конечно, мы не станем им навязывать государственный сепаратизм; но пусть они сделают это признание свободно, на основе собственного опыта, а не из-под палки белых насильников. Пролетарские революционеры не должны никогда забывать о праве угнетенных национальностей на самоопределение, включая и полное отделение, и об обязанности пролетариата угнетательской нации защищать это право, если нужно, с оружием в руках!

Тезисы совершенно правильно подчеркивают тот факт, что разрешение национального вопроса в России принесла Октябрьская революция. Национально-демократические движения сами по себе были бессильны справиться с национальным гнетом царизма. Только благодаря тому, что движения угнетенных национальностей, как и аграрное движение крестьянства, дали возможность пролетариату овладеть властью и установить свою диктатуру, национальный вопрос, как и аграрный, нашел смелое и решительное разрешение. Но само сочетание национальных движений с борьбой пролетариата за власть оказалось политически возможным только благодаря тому, что большевистская партия на протяжении всей своей истории вела непримиримую борьбу с великорусскими угнетателями, поддерживая всегда и без оговорок право угнетенных наций на самоопределение вплоть до отделения от России.

*

Политика Ленина в отношении угнетенных наций не имела, однако, ничего общего с политикой эпигонов. Большевистская партия защищала право самоопределения угнетенных наций методами классовой пролетарской борьбы, отвергая начисто шарлатанские "антиимпериалистические" блоки с многочисленными мелкобуржуазными "национальными" партиями царской России (Р.Р.С.20, партия Пилсудского в царской Польше; дашнаки²¹ - в Армении; украинские националисты²²; сионисты - у евреев и пр., и пр.). Большевизм всегда беспощадно разоблачал эти партии, как и русских "социалистов-революционеров", их половинчатость и авантюризм, особенно же ложь их надклассовой идеологии. Своей непримиримой критики он не приостанавливал даже тогда, когда условия навязывали ему те или другие эпизодические, строго практические соглашения с ними. О каком-либо перманентном союзе под знаменем "антицаризма" не могло быть и речи. Только благодаря непримиримой классовой политике большевизму удалось в условиях революции отбросить в сторону

меньшевиков, эсеров, национальные мелкобуржуазные партии и сплотить вокруг пролетариата массы крестьянства и угнетенных национальностей.

*

"Мы не должны, - говорят тезисы, - конкурировать с Африканским Национальным Конгрессом²³ в области националистических лозунгов с целью завоевать туземные массы". Мысль сама по себе верна, но она требует конкретизации. Не будучи ближе знаком с деятельностью Национального Конгресса, я могу лишь по аналогии наметить нашу политику в отношении к нему, причем отмечаю заранее свою готовность внести в свои предложения все необходимые поправки.

1) Большевики-ленинцы становятся на защиту Конгресса, каков он есть, во всех тех случаях, когда он подвергается ударам со стороны белых насильников и их шовинистических агентов в рядах рабочих организаций.

2) Большевики противопоставляют прогрессивные и реакционные тенденции в программе Конгресса.

3) Большевики разоблачают перед туземными массами неспособность Конгресса добиться осуществления даже своих собственных требований вследствие его поверхностной, соглашательской политики и развивают в

противовес Конгрессу программу классово-революционной борьбы.

4) Отдельные, эпизодические соглашения с Конгрессом, если они навязываются обстановкой, допустимы лишь в рамках строго определенных практических задач, при сохранении полной независимости собственной организации и свободы политической критики.

*

Тезисы выдвигают в качестве главного политического лозунга не "национально-демократическое государство", а южноафриканский "Октябрь". Они доказывают, притом с полной убедительностью: а) что национальный и аграрный вопрос в Ю[жной] Африке в основе своей совпадают; б) что оба эти вопроса могут быть разрешены только революционным путем; в) что революционное разрешение этих вопросов ведет неотвратимо к диктатуре пролетариата, руководящего туземными крестьянскими массами; г) что диктатура пролетариата откроет эру советского режима и социалистического строительства. Этот вывод есть краеугольный камень всего здания программы. Здесь у нас полная солидарность.

Но к этой общей "стратегической" формуле надо подвести массы через посредство ряда "тактических" лозунгов. Выработать их на каждом данном этапе можно только на основании анализа конкретных условий жизни и борьбы пролетариата и крестьянства и всей внутренней и международной обстановки. Не вдаваясь в эту область, я хотел бы лишь вкратце остановиться на взаимоотношении национальных и аграрных лозунгов.

Тезисы несколько раз подчеркивают, что на первое место следует выдвигать не национальные, а аграрные требования. Это очень важный вопрос, заслуживающий серьезного внимания. Отодвигать или ослаблять национальные лозунги с той целью, чтобы не отталкивать белых шовинистов в среде рабочего класса, было бы, разумеется, преступным оппортунизмом, абсолютно чуждым авторам и сторонникам тезисов: это совершенно ясно вытекает из самого текста тезисов, проникнутых духом революционного интернационализма. О тех социалистах, которые борются за привилегии белых, тезисы прекрасно говорят: "Этих "социалистов"... мы должны признать величайшими врагами революции". Остается другое объяснение, которое мимоходом указывается в самом тексте: отсталые туземные крестьянские массы гораздо непосредственнее ощущают аграрный гнет, чем национальный. Это вполне возможно (большинство черных - крестьяне; главная масса земель - в руках белого меньшинства). В своей борьбе за землю русские крестьяне долго надеялись на царя и упорно уклонялись от политических выводов. Из традиционного лозунга революционной интеллигенции "Земля и воля" мужик долго принимал только первую половину. Понадобились десятки лет аграрных волнений и воздействия городских рабочих, чтобы крестьянин связал оба лозунга вместе.

Вряд ли паупер²⁴ и раб банту²⁵ питает большие надежды на британского короля или на Макдональда. Но его крайняя политическая отсталость выражается также и в отсутствии у него национального самосознания. В то же время он очень остро ощущает земельную и фискальную кабалу. В этих условиях пропаганда может и должна исходить прежде всего из лозунгов аграрной революции, чтобы шаг за шагом на основе опыта борьбы приводить крестьян к необходимым политическим и национальным выводам. Если эти гипотетические соображения верны, то дело идет не о самой программе, а лишь о том, какими путями провести эту программу в сознание туземных масс.

При малочисленности революционных сил и крайней разбросанности крестьянства воздействовать на него, по крайней мере в ближайший период, можно будет главным образом, если не исключительно, через передовых рабочих. Тем важнее воспитать этих последних в духе ясного понимания значения аграрной революции для исторической судьбы Южной Африки.

Пролетариат страны состоит из отсталых черных париев и из привилегированной высокомерной касты белых. В этом величайшая трудность всего положения. Экономические потрясения эпохи загнивающего капитализма, как правильно указывают тезисы, должны сильно расшатать старые перегородки и облегчить работу революционного сплочения. Во всяком случае худшим преступлением со стороны революционеров было бы идти на малейшие уступки привилегиям и предрассудкам белых. Кто дал мизинец черту шовинизма, тот пропал. Революционная партия должна перед каждым белым рабочим ставить

альтернативу: или с британским империализмом и с белой буржуазией Южной Африки – или с черными рабочими и крестьянами против белых феодалов и рабовладельцев и их агентов в среде самого рабочего класса.

Низвержение британского господства над черным населением Южной Африки не будет, разумеется, означать экономического и культурного разрыва с бывшей метрополией, если последняя сама освободится от угнетающих ее империалистических хищников. Через посредство тех белых, которые на деле, в общей борьбе, свяжут свою судьбу с судьбой нынешних колониальных рабов, Советская Англия сможет оказывать могущественное экономическое и культурное влияние на Южную Африку, уже не на основе господства, а на началах пролетарской взаимопомощи.

Но может быть, еще важнее будет то воздействие, которое Советская Южная Африка окажет на весь черный материк. Помочь неграм догнать белую расу, чтоб рука об руку с нею подниматься на новые высоты культуры, – такова будет одна из грандиознейших и благороднейших задач победоносного социализма.

*

В заключение я хочу сказать несколько слов по вопросу о легальной и нелегальной организации (Concerning the Constitution of the Party)²⁶.

Тезисы правильно подчеркивают неразрывную связь между организацией, программой и тактикой партии. Организация должна обеспечивать выполнение всех революционных задач, дополняя легальный аппарат нелегальным. Никто, разумеется, не предлагает создавать нелегальный аппарат для таких функций, которые в данных условиях могут быть выполнены легальными органами. Но каждый раз в условиях надвигающегося политического кризиса надо создавать резервные нелегальные ячейки, которые смогут развернуться в случае надобности. Некоторая, притом очень важная часть работы не может ни при каких условиях быть выполнена открыто, т. е. на глазах классовых врагов.

Однако важнейшей – для данного периода – формой нелегальной или полунелегальной работы революционеров является работа в массовых организациях, прежде всего трэд-юнионах. Вожди трэд-юнионов представляют собою неофициальную полицию капитала; они ведут безжалостную борьбу против революционеров. Надо уметь работать в массовых организациях, не попадая под удары реакционного аппарата. Это очень важная, для данного периода – важнейшая часть нелегальной работы. Революционная группа в трэд-юнионе, научившаяся на опыте всем необходимым правилам конспирации, сумеет перевести свою работу на нелегальное положение, когда этого потребуют обстоятельства.

Л.Троцкий

20 апреля 1935 г.

Центристская алхимия или марксизм?

(К вопросу о S.A.P.)

Внутренние группировки в Германии и международные вопросы

Политическая жизнь Германии настолько сдавлена, последствия поражения так остро чувствуются массами, что различные группировки в рабочем классе лишены пока еще возможности развернуться вширь и вглубь и обнаружить заложенные в них тенденции. Тем большее значение для воспитания передовых рабочих получают в такие периоды: во-первых, политическая эмиграция; во-вторых, международные проблемы. Сказанное отнюдь не имеет целью умалить значение внутренних организаций и внутренних проблем немецкого рабочего движения. Преемственность и непрерывность революционной мысли и революционного воспитания, даже в самые глухие периоды – великое благо, которое принесит затем плоды сторицей в периоды революционного подъема. Именно теперь, в тисках диктатуры наци, воспитаются кадры стальных борцов, которые наложат свою печать на судьбу Германии. Мы хотели бы лишь со всей силой подчеркнуть ту мысль, что немецкие товарищи сейчас более, чем когда-либо, должны рассматривать свои внутренние отношения и группировки не изолированно, а в связи с жизнью тех стран, где революционные проблемы стоят

в более развернутом и ясном виде. Совершенно очевидно, например, что крупный успех большевиков-ленинцев в одной из нефашистских стран Европы сейчас же отразился бы живительно на судьбе нашей секции в Германии. Нельзя забывать также и то, что политические вопросы нефашистских стран для Германии - не только прошлое, но в значительной мере и будущее: немецкому пролетариату многое придется начинать сначала и повторять снова, только в несравненно более короткие сроки.

С соответственными изменениями сказанное относится, конечно, и к другим организациям. Без перспективы, без ясных лозунгов КПГ ведет все же значительную нелегальную работу: этот факт свидетельствует, как многочисленен несмотря на все слои революционных рабочих, которые не хотят сдаваться. Не зная другого знамени, они группируются под знаменем КПГ. Сюда надо прибавить и классовый "фактор". Деньги сами по себе еще не обеспечивают, конечно, победы. Но в течение достаточно долгого времени они могут поддерживать существование организации, даже обреченной на слом.

С другой стороны, общая придавленность политической жизни в Германии и крайне узкие пределы рабочего движения не позволяют КПГ обнаружить и довести до конца свои ложные тенденции. Организация, агитация, как и ошибки, остаются пока еще в неразвернутом виде. Но КПГ не стоит особняком. Все фигуры связаны сейчас на европейской доске теснее, чем когда-либо. Много заставляет думать, что гибельная и преступная политика французской компартии нанесет жестокий удар КПГ, прежде чем эта последняя сама успеет подкопать свои нелегальные организации. Верить в возрождение Коминтерна сейчас еще меньше основания, чем год или два назад.

Из этого вовсе не вытекает, однако, будто нужно повернуться спиной к нелегальным организациям КПГ. Наоборот, скорее можно сказать, что наши немецкие друзья уделяли этим организациям слишком мало внимания, неизмеримо меньше, во всяком случае, чем маленькой S.A.P. Правильно ли это?

Ответ на этот вопрос немыслим без точных критериев. Чего наши товарищи искали у S.A.P.? Арены для своей деятельности? Очевидно, нет: в качестве арены S.A.P., насчитывающая пару тысяч членов, слишком тесна. КПГ скорее может служить "ареной", не говоря уж о том молодом поколении рабочих, которое впервые пробуждается к политической жизни под кнутом Гитлера. Остается другая возможность: S.A.P. как союзница, как единомышленница. Разумеется, слияние обеих организаций представляло бы совершенно очевидные выгоды для дальнейшей революционной работы. Но для слияния нужно единомыслие - не в частных и второстепенных, а в основных вопросах. Есть ли оно?

Вожди S.A.P. часто говорят, что "в сущности" у них те же взгляды, что и у нас, но только они умеют лучше, реалистичнее, "умнее" защищать наши взгляды. Если бы дело обстояло так, то раскол был бы чистейшим безумием: в рамках единой организации вожди S.A.P. научили бы нас более умело и успешно развивать наши общие взгляды. Но, к несчастью, это не так. Вожди S.A.P. клеветают на самих себя. Если они после долгих колебаний уклонились от объединения в национальных рамках; если они затем порвали с нами интернациональную связь, то для этого должны быть очень серьезные причины. Они есть. Нас разделяют не оттенки тактики, а основные вопросы. Было бы смешно и недостойно после проделанного опыта закрывать на это глаза. Разногласия между нами и S.A.P. целиком укладываются в рамки противоречия между марксизмом и центризмом.

На следующих ниже строках я не собираюсь сказать ничего нового. Я хочу лишь подвести итоги опыту целого политического периода, особенно последних полутора лет. Нет ничего полезнее для политического воспитания, как проверять принципы в свете фактов, своевременно оцененных или даже заранее предсказанных. Если я прошу у читателей этой статьи внимания к подробному анализу политической природы S.A.P., то отнюдь не для того, чтобы открыть период новых переговоров, а скорее для того, чтоб попытаться закрыть его. Вожди S.A.P. нам не единомышленники и не союзники, а противники. Опыт сближения с ними исчерпан, по крайней мере, для ближайшего периода. Разумеется, нельзя, особенно со стороны, категорически высказаться против тех или других совместных действий в самой Германии. Но наши немецкие единомышленники должны, думается мне, устанавливать свои взаимоотношения с S.A.P. не только в зависимости от большего или меньшего совпадения взглядов в области неразвернутых внутренних немецких вопросов гитлеровского подполья

(в сумерках фашизма все кошки подчас кажутся серыми), но и в зависимости от той роли, которую S.A.P. играет или пытается играть на международной арене.

*

Может, пожалуй, показаться странным, что мы посвящаем маленькой организации сравнительно большую работу. Но суть в том, что вопрос о S.A.P. гораздо больше самой S.A.P. Дело идет в последнем счете о правильной политике по отношению к центристским тенденциям, которые сейчас играют всеми цветами радуги и на всем поле рабочего движения. Надо помешать консервативным центристским аппаратам, унаследованным от прошлого, задержать революционное развитие пролетарского авангарда: в этом задача!

Баланс конференции I.A.G.27

В Париже состоялась, после полуторалетнего промежутка, конференция I.A.G. (международного сотрудничества революционно-социалистических организаций). Что дала эта конференция? Этого нам до сих пор никто по существу не сказал. В отчете S.A.P. ("Neue Front"28, март 1935 г.) можно, правда, найти недурные профили некоторых участников конференции; но совершенно нельзя найти ответа на вопрос: для чего созывалась конференция и что она принесла? Отчет о конференции составлен не по-марксистски, т. е. не с целью вскрыть все наличные тенденции и противоречия, а по-центристски, - замазать разногласия и представить, что все обстоит благополучно.

Академические тезисы о мировом положении были приняты "единогласно". Почему, в самом деле, не повторить еще раз общие формулы насчет распада капитализма и пр.? Это звучит радикально, но ни к чему не обязывает. Такие формулы за годы мирового кризиса стали дешевым товаром. Попыталась, однако, ли резолюция о "мировом положении" высказать ту маленькую истину, что N.A.P.29, собравшая 45% голосов, следовательно, имеющая за собой несомненное большинство в населении, могла бы, если бы хотела, превратить Норвегию в рабочую крепость, вдохнуть своим примером революционное мужество в массы Скандинавии и стать важным фактором в развитии Европы? Ведь N.A.P. - все еще член I.A.G.! Несмотря на это, - нет, именно потому, - конференция обошла вопрос о N.A.P., а занялась другими, более "высокими" вопросами. Разве будущий "государственный человек" Кильбум мог допустить бестактную, сектантскую критику своих соседей? Никогда! А Шваб, разве он мог огорчить Кильбума? Нет! Лучше поговорить о распаде капитализма "вообще". Таков дух этой конференции. И таков дух отчета S.A.P.

Резолюция конференции о войне, по докладу старого центриста Феннера Броквея, вождя I.L.P., звучит очень радикально. Но давно известно, что в вопросе о войне самые крайние оппортунисты, особенно из маленьких организаций или из "нейтральных" и малых, не воюющих государств, склонны бывают к чрезвычайному радикализму. Разумеется, и в маленьких организациях, и в "нейтральных" странах могут быть подлинные революционеры; но чтобы отличить их от оппортунистов, надо взять их повседневную политику, а не праздничную резолюцию о (чужой) войне. Голосование Кильбума за всеобщую стачку и за восстание против войны совершенно обесценивается оппортунистической политикой того же Кильбума в Швеции. И если бы обстоятельства втянули Швецию в войну, то Кильбум наверняка сделал бы практические выводы не из академической резолюции I.A.G., а из собственной оппортунистической политики. Разве не видали мы сотни таких примеров? Между тем об оппортунистической политике шведской партии, самой большой организации в составе I.A.G. после N.A.P., ни одна из резолюций не говорит, конечно, ни слова.

Какой вес имеет подпись Дорио30 под радикальной резолюцией о войне, если Дорио "в интересах мира" рекомендует своей дипломатии: "разговаривайте с Гитлером"! Не союз с СССР, а соглашение с Гитлером - такова программа Дорио. Мы, впрочем, не знаем даже, как голосовали Кильбум и Дорио: по вопросу о войне было три воздержавшихся, а покрытый лаком отчет "Neue Front" умалчивает о том, кто воздержался и почему. Зачем давать читателю возможность разбираться в фактах и приходиться к выводу, что не все обстоит благополучно? Мы увидим дальше, что когда сама S.A.P. перешла от академической резолюции о войне "вообще" к вопросу о "борьбе за мир" в нынешних условиях, все высокие слова полетели к черту: S.A.P. предложила

конференции вторую резолюцию, "практическую", насквозь проникнутую духом пацифистского филистерства.

Нельзя поэтому без возмущения читать слова "Neue Front" о том, что "ленинская теория и практика (!) нашла и в вопросе о войне своих единственных (!) и истинных (!!)" защитников в партиях I.A.G.". Задачу всякого рода резолюций Ленин видел в том, чтобы экзаменовать оппортунистов, не оставляя им лазеек, выводить их на чистую воду, ловить их на противоречии между словом и делом. "Революционную" резолюцию, за которую могли голосовать оппортунисты, Ленин считал не успехом, а обманом и преступлением. Задачу всяких конференций он видел не в том, чтоб вынести "приличную" резолюцию, а в том, чтоб произвести отбор борцов и организаций, которые не предадут пролетариат в трудные часы. Методы руководства S.A.P. прямо противоположны методам Ленина.

Делегация S.A.P. внесла на конференцию проект принципиальной резолюции. Как все документы S.A.P., проект представляет собрание общих "радикальных" мест с тщательным обходом наиболее острых вопросов. Все же этот документ затрагивает несравненно ближе текущую работу партии, чем академические тезисы о мировом положении.

Какая судьба постигла проект S.A.P.? Читаем: "Представленный конференции проект принципиальной резолюции не мог быть поставлен на голосование из-за отсутствия времени (!!) и (?) потому что некоторые (?) партии не имели ранее возможности (!!) им заняться". Для марксиста одна эта фраза стоит целых томов. Конференция откладывалась с месяца на месяц, собралась после полуторогодового промежутка, в течение которого произошли грандиозные события; дезориентированный авангард пролетариата требует ясных ответов... И что же? У конференции не нашлось времени (!!) для принятия принципиальной резолюции.

Второй аргумент ("и") ничуть не лучше: некоторые партии (какие?) не имели возможности (почему?) подумать над теми принципами, какими должно руководиться рабочее движение в нашу эпоху. Чем же вообще занимаются эти "некоторые партии"? Никто не знает. "Некоторые" партии не находят нужным тратить время на принципиальные вопросы. У конференции тоже нет времени этим заняться. Можно ли придумать более удручающее, более убийственное, более унижительное свидетельство о бедности?

На самом деле плачевный баланс конференции объясняется не недостатком времени, а разнородностью ее состава с преобладанием право-центристских комбинаторов. Такою же разнородностью отличаются "некоторые" из примыкающих к I.A.G. партий. Отсюда внутренняя необходимость: не трогать наиболее острых, т. е. наиболее важных и неотложных вопросов. Молчать о принципах - единственный принцип I.A.G.

*

Напомним, что Интернациональный Пленум большевиков-ленинцев в резолюции 13 сентября 1933 г. дал следующую оценку предпоследней конференции I.A.G., состоявшейся в августе 1933 г.: "Не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы новый Интернационал строился организациями, исходящими из глубоко различных и даже противоположных основ... Что касается решений, вынесенных разношерстным большинством конференции и насквозь проникнутых печатью этой разношерстности, то Пленум большевиков-ленинцев не считает возможным брать на себя за эти решения политическую ответственность"³¹. Кто не делает себе никаких иллюзий, тому не приходится впоследствии терять их!

"Глубокая проблематика" центризма

Конференция отклонила резолюцию голландских делегатов, товарищей Снивлита и Шмидта³², в пользу Четвертого Интернационала. Среди отклонивших была, конечно, и делегация S.A.P. Присмотримся ближе к путаным объяснениям "Neue Front".

Оказывается: делегаты S.A.P. согласны были подписать резолюцию голландцев, если она не будет поставлена на голоса, а останется лишь как "пожелание подписавшихся организаций". Но пожелание предполагает волю. Кто изъявляет пожелание, тот хочет осуществить свою волю. На конференции это достигается голосованием. Казалось бы, делегаты S.A.P. должны были бы предоставить [право] голосовать против резолюции тем, которые по существу

против Четвертого Интернационала. Но нет, Шваб голосует против не потому, что он против, а потому, что другие против. Впрочем, большинство не голосует против, а... трусливо воздерживается. Это не мешает Дорио писать, что конференция "осудила троцкистскую идею Четвертого Интернационала". Можно во всем этом что-нибудь понять? Но подождите: это только начало.

Резолюция голландцев, оказывается, отличается "полным отвлечением от нынешней реальной ситуации" и "непониманием глубокой проблематики задачи". Допустим. Тогда почему же делегация S.A.P. соглашалась подписать такую жалкую резолюцию? Шваб, видимо, не очень ценит свою подпись (он уже доказал это, впрочем, в 1933 году!).

В чем же все-таки состоит позиция S.A.P. по существу? "Возвешение нового Интернационала, - читаем мы, - несмотря на свою объективную необходимость, - покамест по субъективным причинам невозможно". Прежде всего здесь сознательно, т. е. недобросовестно смешаны "возвешение нового Интернационала" и возвешение необходимости борьбы за Четвертый Интернационал. Мы требуем не первого, а второго.

В чем состоит, однако, "глубокая проблематика" вопроса? Объективно новый Интернационал необходим; но субъективно он невозможен. Проще говоря: без нового Интернационала пролетариат будет раздавлен; но массы еще не понимают этого. В чем же другом состоит задача марксистов, как не в том, чтобы поднимать субъективный фактор на уровень объективного, приближать сознание масс к пониманию исторической необходимости; проще сказать: разъяснять массам их собственный интерес, которого они еще не понимают? "Глубокая проблематика" центристов есть глубокая трусость перед великой и неотложной задачей. Вожди S.A.P. не понимают значения сознательного революционного действия в истории.

"Neue Front" приводит нам в поучение довод Дорио: невозможно "игнорировать настоящего состояния масс". Зачем же сам Дорио порвал с компартией, за которой во всяком случае стоят неизмеримо бльшие массы, чем за Дорио? Абстрактный, пустой аргумент от неизвестных "масс" есть жалкий софизм, за которым скрывается несостоятельность вождей. Беспартийные, т. е. самые многочисленные "массы" стоят вне всяких Интернационалов. Партийные "массы" в преобладающем числе состоят во Втором и Третьем Интернационале, а вовсе не в I.A.G.; недаром Жиромский требует, чтобы организации I.A.G. вернулись на старые квартиры, к "массам". За I.A.G. никаких масс нет. Вопрос состоит не в том, что думают сегодня массы, а в том, в каком духе и направлении господства вожди собираются воспитывать массы.

В партиях I.A.G. против Четвертого Интернационала сопротивляются на самом деле не массы, а вожди. Почему? По той самой причине, по которой они сопротивляются принципиальной резолюции. Они не хотят ничего, что ограничивало бы их центристскую свободу колебаться. Они хотят независимости от марксизма. По вполне понятным соображениям, они именуют марксизм "троцкистской идеей Четвертого Интернационала".

Вожди S.A.P. нашли общий язык со всеми, кроме голландцев. В отчете полемика ведется только против Снивлита и Шмидта. Ни слова критики против оппортунистов, составлявших большинство конференции! Разве из одного этого не очевидно, что Шваб и К° представляют собою центристов, повернувшихся спиной - к марксистам, лицом - к оппортунистам?

"Разоружение" или... кастрация?

Помимо всех прочих достижений, конференция открыла "борьбу" за мир. Какими методами? Старонемецкими: она создала... новый ферейн33, ферейн друзей мира. Этот "ферейн" состоит пока что из представителей трех (целых трех!) партий и называется Инициативным Комитетом (каких партий, по обыкновению, не сказано). Этот инициативный комитет имеет своей задачей создать новый "ферейн", который будет называться - внимание! - Всемирным комитетом по борьбе за мир. Уже одно это имя приведет в трепет империалистов. Задачей всемирного комитета по борьбе за мир является, как сообщает "Neue Front", "введение и выполнение весь мир охватывающего массового движения за истинное (а-а!) разоружение и мир". Как водится, S.A.P. внесла особую резолюцию "для распространения интернациональной борьбы за мир". Как водится, конференция оказалась не в состоянии принять и эту резолюцию (очевидно, за недостатком времени). Но раз создан комитет из целых трех человек, то самое главное сделано. Шваб прав: конференция "дала все,

что в данной ситуации было возможно". К этому меланхолическому замечанию мы готовы присоединиться.

Не принятая конференцией резолюция S.A.P. "для борьбы за мир" представляет – надо ей отдать справедливость – самый жалкий документ оппортунистической мысли, какой нам приходилось встречать за последнее время. Для его авторов не существует ни истории марксизма, ни вековой борьбы направлений в рабочем классе, ни свежего опыта войн и революций. Эти алхимики открывают заново свой философский камень.

Мы уже знаем из "Neue Front", что центральным лозунгом будущей "весь мир охватывающей" борьбы является "истинное разоружение". Лозунг Литвинова "правилен", вина Литвинова лишь в том, что он обращается со своим лозунгом "только к правительствам". Так наши алхимики, не подозревая того, опрокидывают мимоходом все завоевания революционного опыта и марксистской теории. Кто сказал, что лозунг разоружения правилен? Каутский эпохи упадка, Леон Блюм, Литвинов, Отто Бауэр, "сам" Бела Кун. Но как смотрели на этот вопрос Маркс, Энгельс, Ленин, Третий Интернационал в эпоху подъема? Об этом ни слова. Между тем, Энгельс противопоставлял программе разоружения программу народной милиции и требовал – о ужас! – военного обучения учащейся молодежи. Ленин непримиримо клеймил малейшую уступку идее "разоружения". В 1916 г. в специальной статье для юношества Ленин разъяснял, что, пока существуют гнет и эксплуатация, оружие останется необходимым фактором в отношениях между классами, как и между государствами. Буржуазия милитаризует сегодня молодежь. "Завтра, – писал он, – она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по этому поводу: тем лучше... тем ближе к вооруженному восстанию против капитала". Проклинать войну и требовать разоружения? Женщины революционного класса никогда "не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям: "... Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев..." Ленин поясняет: "Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, – такой угнетенный класс заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами"³⁴. (К сведению рабов Коминтерна!) В те же дни Ленин записывал у себя в тетради по-немецки: "Разоружение – это кастрация. Разоружение – это реакционно-христианская иеремияда. Разоружение – не борьба против империалистической реальности, а бегство из нее в следующую после победоносной социалистической революции заманчивую будущность".

Не в том беда, следовательно, что советская дипломатия предложила капиталистическим правительствам разоружение; беда и преступление в том, что Коминтерн, а ныне – S.A.P. превратили это предложение в лозунг для пролетариата. На самом деле надо было использовать эксперимент советской дипломатии для раскрытия и разъяснения нереальности, фальши, иллюзорности как буржуазного, так и социалистического пацифизма.

Если бы даже, в силу определенного исторического сочетания обстоятельств, те или другие капиталистические правительства оказались вынуждены произвести в той или другой форме "разоружение", эта военно-дипломатическая "реформа" ни в какой мере не обеспечивала бы мира. Тезисы большевиков-ленинцев "Четвертый Интернационал и война"³⁵ говорят, в числе прочего: "Разоружение не есть средство против войны, ибо, как мы видим на опыте той же Германии, эпизодическое разоружение есть только этап на пути к новому вооружению. Возможность нового, притом очень быстрого, вооружения заложена в современной промышленной технике. "Всеобщее" разоружение, даже если бы оно было осуществимо, означало бы только усиление военного перевеса наиболее могущественных промышленных стран... Выдвигать разоружение как "единственное действительное средство предотвращения войны" значит обманывать рабочих во имя общего фронта с мелкобуржуазными пацифистами". Этот пункт направлен непосредственно против сталинцев. Но он целиком относится и к S.A.P.³⁶

Допустим, что Маркс, Энгельс, Ленин и их ученики, большевики-ленинцы, ошибались. Но почему теоретики S.A.P. не потрудились даже объяснить нам, в чем именно состоит ошибка учителей? Наши новаторы просто переступили молча, без комментариев, через революционную традицию марксизма в одном из важнейших вопросов. Как объяснить этот поразительный факт? Очень просто. Наши алхимики не интересуются ни теорией, ни историческим опытом, ни традицией. Они руководствуются глазомером, нюхом, здравым смыслом. В каждом

отдельном случае они хотят открыть философский камень³⁷.

Остается еще прибавить, что требование разоружения капиталистических государств для избежания войны стоит в той же самой политической плоскости, что и требование разоружения фашистских лиг для избежания физической классовой борьбы. Оба "требования" вытекают из мелкобуржуазной трусости и служат не для разоружения буржуазии, а для деморализации пролетариата.

"Борьба за мир"

Итак, в центре резолюции S.A.P. стоят, говоря словами Ленина, "добренькие, гуманные и почти левые фразы о мире, разоружении и т. п." Тот самый комитет, который будет создан при помощи комитета, уже созданного на конференции I.A.G., должен будет развернуть "большую борьбу за мир". Большую!..

Переступая через сектантское понятие классовой борьбы, резолюция обращается к "противникам (!) войны всего мира". Политическое понятие "противника войны" не значилось до сих пор в марксистском словаре. Профессиональные "противники войны" - квакеры, толстовцы³⁸, гандисты³⁹; затем: салонные пацифисты, демократические болтуны, жонглеры и шарлатаны. Марксисты - классовые враги буржуазии и империалистических войн; но они сторонники национально-освободительных и революционных войн, в том числе и наступательных. Неужели вожди S.A.P. ничего не слышали об этом? Или они успели опровергнуть эти устарелые воззрения? Где, в каких книгах и статьях?

Та часть резолюции, которая посвящена описанию будущей деятельности будущего "весь мир охватывающего" Комитета представляет собой совершенно непревзойденный клубок фразерства. Для противодействия военной подготовке Комитет должен будет "привлечь специалистов (!) и собрать все в этом (!) смысле, хотя сегодня еще (!) вне организованной связи действующие силы (?) для совместной и плановой работы". "Специалисты" и не названные по имени "силы" должны будут употребить "тягу к миру, живущую в миллионах и миллионах людей, как рычаг для проведения весь мир охватывающего и носимого народными массами всех стран антивоенного движения..." И т. д. и т. п.

Правительства, которые захотят подавить весь мир, охватывающее движение за мир, должны будут быть "морально осуждены и заклеены". Крайне действенное средство против Гитлера, Муссолини и пр. Либеральные правительства будут, вероятно, получать похвальные аттестаты. В запасе у S.A.P. есть еще "всеобщий экономический бойкот" против особо плохих правительств. Чтобы бойкот был действительно "всеобщим", Всемирному комитету мира придется вступить, однако, в союз с пацифистскими банками и трестами, и, наоборот, "осудить" тех капиталистов, которые наживаются на войне. Но и это еще не весь арсенал S.A.P. Резолюция рекомендует, по примеру "опыта, сделанного в Англии с пацифистской стороны", устраивать демонстративные "народные голосования". Следовало бы еще прибавить петиции, обращенные в генеральные штабы. Тогда мир окажется действительно охвачен со всех сторон!

"Демократический контроль"

"Комитет" S.A.P. будет бороться за "интернациональный демократический контроль над военными приготовлениями" и для этой цели - слушайте, слушайте! - он создаст в каждой стране "специальные комиссии". После этого Гитлеру ничего не останется, как утопиться в ведре воды, которую он без труда сможет выжать из резолюции S.A.P.

"Демократический (!) контроль (!) над приготовлениями к войне". Даже Гендерсон не мог бы сказать лучше! Особенно хорошо это звучит в настоящее время под пером немецкого социалиста. Где вы, прекрасные дни Веймара⁴⁰? Ваша тень ожила в правлении S.A.P.

Во время последней войны в Англии существовал "Ферейн демократического контроля" (так именно и назывался: Union of Democratic Control⁴¹), под руководством известного левого либерала Мореля⁴². Ленин писал по этому поводу в 1916 г.: "Только неразвитость политических отношений и отсутствие политической свободы в Германии мешает тому, чтобы в ней так скоро и легко, как в Англии, образовалась буржуазная Лига мира и разоружения с программой Каутского"⁴³. S.A.P. считает, очевидно, что ныне политические отношения в Германии достаточно "развились" для создания демократического Verein а с программой Мореля-Каутского-Шваба.

- Но ведь мы же стоим за демократические лозунги, - попробует, пожалуй,

возразить автор резолюции, который кое-что схватил у большевиков-ленинцев, но плохо понял. – Да, революционеры защищают даже самые жалкие остатки демократических свобод, пока не могут перейти в наступление для захвата власти. Но революционеры вовсе не обещают превратить эти жалкие остатки в весь мир охватывающее царство демократического контроля при помощи "особых комиссий", состоящих неизвестно из кого. Защищать реальные демократические траншеи пролетариата в революционной борьбе – это одно. Строить воздушные демократические замки после утраты всех демократических траншей – это совсем другое. Именно по этой линии проходит водораздел между революционным реализмом и иллюзорным пацифизмом.

*

Резолюция S.A.P. – нимало не оригинальна: это простая подделка под Коминтерн. К чему, в самом деле, создавать этот весь мир охватывающий комитет, когда он уже создан? Его имя – Амстердам-Плейель! Он объединяет всех специалистов и все "силы": Барбюса, весь мир охватывающего Мюнценберга, индусских либералов, мелких демагогов, крупных болтунов, английских лордов и американских вдов, – словом, "все силы", страдающие болезнью, которая называется "тягой к миру"... Этот комитет фабрикует гораздо более красноречивые документы, чем S.A.P., так как в распоряжении Мюнценберга находятся самые лучшие специалисты... Великий план Шваба и К° есть провинциальная, ремесленная подделка под бюрократическую авантюру сталинцев. При помощи звонкой монеты сталинцы устраивают, по крайней мере, пышные парады (устроивали вчера; завтра вряд ли устроят), I.A.G. и этого не сможет. Из ее комитета не выйдет никакого нового комитета. Мир, пожалуй, совсем и не заметит, что он охвачен.

*

В политике Коминтерна, как и реформистов, не случайно господствуют ныне чисто отрицательные формулировки, как антиимпериализм, антифашизм, антивоенная борьба, без классовых определений, без революционной программы действий. Такие формулировки совершенно необходимы для политики маскарадных блоков (Антиимпериалистическая лига, антифашистский и антивоенный комитет, Амстердам-Плейель и пр.). Все эти блоки, конгрессы и комитеты имеют задачей прикрыть пассивность, трусость, несостоятельность в разрешении тех задач, которые составляют самую суть классовой борьбы пролетариата. Вслед за сталинцами и реформистами на тот же путь стала и I.A.G. Те же вожди садятся на другие стулья в надежде на то, что массы не узнают их и побегут к ним. Этот отказ от себя есть добровольное признание своей негодности.

Новый "Циммервальд"?

Некоторые товарищи рассуждают так: вожди S.A.P., конечно, не марксисты; но ведь Третий Интернационал тоже возник не сразу; ему предшествовали конференции в Циммервальде и Кинтале, причем Ленин принимал в них участие, бок о бок с центристами. Не есть ли I.A.G. – новый "Циммервальд"? В этом рассуждении не менее четырех фундаментальных ошибок.

Во-первых. Циммервальд происходил во время войны. Подавляющее большинство центристов, которые в мирное время говорили о борьбе за мир и о разоружении, перешли в первый день войны в лагерь национализма. Лишь ничтожное меньшинство довоенных центристов, отдельные единицы, проявили готовность к совещанию с "врагами" своей страны. Таким образом, состав Циммервальда подвергся жестокому отбору условий войны.

Во-вторых. Кроме России и отчасти Германии (Р.Люксембург, К.Либкнехт) ни в одной из стран не было в то время настоящих революционеров, понявших задачи борьбы до конца. Социал-демократы, втягивавшиеся в борьбу против войны (не будущей войны, не войны вообще, а данной, сегодняшней войны), проходили тогда почти поголовно через центристскую стадию. Для первого шага не было других политических партнеров.

В третьих. В условиях войны, когда вступление в связь рабочих организаций воюющих стран каралось как преступление, сам факт нелегально собранной интернациональной конференции, даже независимо от ее решений, становился политическим событием и революционным сигналом.

В четвертых. Ленин участвовал в конференции не для примирения с центристами, не для вынесения пустопорожних "резолуций", а для борьбы за принципы большевизма. Как только сложилась "циммервальдская левая", Ленин, несмотря на ее крайнюю слабость (она была неизмеримо слабее нынешней интернациональной организации большевиков-ленинцев), поставил вопрос о разрыве с Циммервальдом. Разрыв оттянулся вопреки воле Ленина, который, однако, не ошибся в своей оценке: большинство участников Циммервальда оказалось вскоре в рядах Второго Интернационала.

Наше нынешнее положение в корне отлично от тогдашнего. Войны еще нет. 99% реформистов и центристов, источающих ныне пацифистские фразы ("против войны", "за разоружение"), окажутся в новой войне на стороне своих правительств. Революционный отбор нужен сейчас, в мирное время, вдвойне более строгий. Критерии отбора: ясность теории и соответствие между теорией и практикой. Вожди, которые, отправляясь на "международную" конференцию, забывают захватить с собою свои "принципы" (ведь это же не портсигар и не спички!), не дадут ни малейших гарантий революционного поведения во время войны.

К тому же 1935-ый год – не 1915-ый. Мы имеем за собою опыт войны и Циммервальда. Швабы, Кильбумы, Дорио и пр. – не дети и даже не юноши. Они были руководящими деятелями Коминтерна. Если из опыта последних двадцати лет они сделали не революционные, а центристские и пацифистские выводы, то надо искать других союзников.

Наконец, не надо забывать и того, что мы уже побывали однажды в этом "Циммервальде" мирного времени: в августе 1933 г. мы приняли участие в конференции I.A.G., которая отказалась даже поставить на голосование нашу резолюцию о Четвертом Интернационале. Предлог: "Участники недостаточно знакомы с ней". Прошло полтора года. Попытка Снивлита-Шмидта дала тот же результат. Не пора ли, наконец, сделать выводы?

Во всех странах имеются сейчас действительно революционные организации и группы, сложившиеся в борьбе с реформизмом и сталинизмом. Число и сила их растут. Бешеная травля и клевета врагов закаляет их. Их идейный багаж проверен на грандиозных исторических событиях. Этого совершенно не было во время последней войны. Большевикам незачем объединяться с центристскими верхами ("объединяться"... раз в полтора года на конференции!). Бессодержательные интернациональные парады нам не нужны. Революционеры должны не кокетничать на конференциях с центристами, а вести против них неутомимую повседневную работу в своих собственных странах и съезжаться на свои собственные, революционные интернациональные конференции, где не пускают мыльных пузырей, а обсуждают и решают вопросы классовой борьбы.

Из истории формирования руководства S.A.P.

Чтобы правильно оценить политическую физиономию данной группы, надо знать ее прошлое. Руководство S.A.P. вышло из состава правой оппозиции Германской компартии (Брандлер, Тальгеймер, Вальхер и др.). В 1923 г. эта группа руководила партией и в условиях величайшего революционного кризиса, связанного с оккупацией Рура, обнаружила свою полную несостоятельность. Вина за упущение революционной ситуации лежит не на "массах", как уверяли оппортунистические вожди, а на фракции Брандлера-Вальхера, которая в самые критические месяцы колебалась и упускала время, перекладывая революционные обязанности на "исторический процесс". После того, как революционная ситуация превратилась в контрреволюционную, руководство проявляло, как водится, фальшивый оптимизм ("революция близится!") и вообще всей своей дальнейшей политикой показало, что совершенно не поняло своей "ошибки" 1923 г., вошедшей огромной вехой в историю победы германского фашизма.

Вся оппортунистическая политика Коминтерна (стратегия китайской революции, "рабоче-крестьянские партии" на Востоке, Англо-русский комитет, "Крестинтерн", курс на кулака в СССР, борьба с марксизмом под видом борьбы с "троцкизмом") проходила при участии или прямой поддержке фракции Брандлера-Вальхера. Дело шло не о мелких тактических эпизодах, а о стратегии пролетариата в событиях грандиозного исторического масштаба.

Мы вовсе не хотим сказать, что группа, несущая на себе такой тяжелый груз оппортунистических преступлений против революции, осуждена раз навсегда: история знает немало примеров, когда революционеры становились оппортунистами, а оппортунисты революционерами. Но, во всяком случае,

переход на путь революционной политики должен был для представителей школы Брандлера-Тальгеймера означать глубокий внутренний кризис, переоценку ценностей, разрыв с собственным прошлым. Откол группы Вальхера в связи с ее вступлением в S.A.P.⁴⁴, от группы Брандлера, которая продолжала смиренно и тщетно надеяться на милость сталинской бюрократии, создал более благоприятные условия для пересмотра Вальхером и другими собственного прошлого. Трагический разгром германского пролетариата сделал такой пересмотр необходимым и неотложным. И действительно, группа Вальхера, занявшая руководящее положение в S.A.P. накануне эмиграции, качнулась влево.

Именно к этому периоду относятся попытки большевиков-ленинцев побудить руководство S.A.P. пересмотреть в свете новых событий опыт 1923 года в Германии, опыт китайской революции, англо-русского комитета и пр. Вожди S.A.P. проявили ко всем этим вопросам минимальный интерес. Наша теоретическая настойчивость казалась им сектантским "расщеплением волос". Коминтерну они вменяли в вину, по крайней мере, до последнего ультра-оппортунистического поворота, один-единственный грех: ультра-левизну. Они никак не могли переварить определение бюрократического центризма. Слово центризм вообще плохо действует на их нервы. И тем не менее, под свежим впечатлением банкротства Второго и Третьего Интернационалов в Германии, группа Вальхера дошла до признания необходимости приступить к строительству Четвертого Интернационала.

В августе 1933 г. руководство S.A.P. подписало вместе с нами известную "резолюцию четырех". "В полном сознании ложающейся на них исторической ответственности" вожди S.A.P. заявили вместе с нами: "Нижеподписавшиеся обязуются приложить все силы к тому, чтобы этот (четвертый) Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным".

Эта резолюция была крайней левой точкой, до которой под ударом событий докатилось руководство S.A.P. После этого маятник центризма стал откатываться вправо. Не снимая открыто своей подписи под резолюцией, вожди S.A.P. открыли подспудную, двусмысленную, нелояльную борьбу против идеи Четвертого Интернационала. Причина? "Троцкисты хотят немедленно объявить новый Интернационал". Заранее предвидя возможность подобных инсинуаций со стороны центристских тихоходов, особая Декларация большевиков-ленинцев на конференции I.A.G. в августе 1933 заявила:

"Курс на новый Интернационал диктуется всем ходом развития. Это не значит, однако, что мы предлагаем провозгласить новый Интернационал немедленно... Никто не может предсказать сейчас, сколько времени пройдет до создания нового Интернационала. Это зависит не только от объективного хода событий, но и от наших усилий".

Кажется, ясно? Отчетливое письменное заявление не оставляло, как будто, никакого места для глупеньких инсинуаций и клевет. Да, наконец, если бы кто-нибудь другой предложил неправильный, поспешный, авантюристский путь, разве это может изменить содержание моей собственной задачи?

На самом деле руководство S.A.P. отнеслось к Декларации в пользу Четвертого Интернационала так же поверхностно, несерьезно, словесно, как центристы вообще относятся к теоретическим принципам. Мысль у них была при этом такая: "Мы подпишем этот очень приятный документ, чтобы иметь дружественное прикрытие левого фланга; а продолжать будем то же, что делал Зейдевиц и что делали мы сами до сих пор, т. е. искать союзников справа". План был, что и говорить, замечательный. Но он сорвался на том, что ленинцы не согласились играть роль почетного революционного караула при оппортунистических сделках. Отсюда разрыв.

Опыт с N.A.P.

Положение ярче всего осветилось на вопросе об N.A.P. (Норвежская Рабочая партия). Нисколько не преувеличивая международной роли S.A.P., мы, однако, устойчиво указывали на то, что ее блок с N.A.P. через посредство I.A.G. помогает оппортунистическому руководству N.A.P. усмирять собственную левую оппозицию. Именно для этого и только для этого вожди N.A.P. поддерживали "компрометирующие" связи слева. Мы предсказывали, что Транмель бесцеремонно порвет с I.A.G., как только достигнет пристани: "Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan..."⁴⁵. Мы рекомендовали вождям S.A.P. вдуматься в опыт Англо-русского комитета, который в течение 1925-1927 гг. буквально

свернул шею многообещающему оппозиционному движению (minority movement⁴⁶) в британских трэд-юнионах. С каким самодовольством отмахивались от наших доводов вожди S.A.P.: "Массы... Массы... Массы... Исторический процесс..." Мы не удивлялись: если бы центристы понимали взаимоотношение между "массами" и авангардом, между авангардом и руководством, между "историческим процессом" и инициативой меньшинства, они не были бы центристами.

События сложились еще более ярко и убедительно, чем мы предсказывали. Прямо и непосредственно из рядов I.A.G. вожди N.A.P. пересели на скамьи правительства и первым делом обеспечили цивильный лист короля⁴⁷. "Исторический процесс" умеет шутить злые шутки! А между тем остается неоспоримым, что вожди S.A.P. порвали с группировкой Четвертого Интернационала именно для того, чтобы беспрепятственно поддерживать дружбу с вождями N.A.P. и им подобными.

Заметьте, что мы, злые "сектанты", не ставили никаких ультиматумов Швабу и К°. Мы говорили нашим временным центристским полусоюзникам: "Вам мало опыта Англо-русского комитета? Хорошо, проделайте ваш опыт с Транмелем; мы будем терпеливо ждать результатов, сохраняя за собой лишь полную свободу критики". Но именно этого вожди S.A.P. не могли терпеть. Политика центристских комбинаций требует дипломатических кулис; додумать собственные мысли до конца и открыто высказать то, что есть, значит убить центристские иллюзии в самом зародыше. Правда, чтобы "обезоружить" нас, они тоже "критиковали" Транмеля; но ровно настолько, чтобы не обнаружить перед читателями гниль и фальшь своего союза с Транмелем; они гневно рычали, как влюбленные голуби. Гораздо важнее, однако, то, что для норвежских рабочих существовал только факт союза N.A.P. с целым рядом "революционных" иностранных партий, стоящих вне Второго Интернационала: под флагом этого союза "вожди" N.A.P. отлично обделывали свои дела. А так как вождям S.A.P. было слишком неудобно признать перед собственными сторонниками, что они порвали полусоюз с революционерами ради союза с оппортунистами, то они пустили в оборот глупенькую сплетню: "Троцкисты хотят в ближайший четверг провозгласить Четвертый Интернационал"; тогда как S.A.P. в качестве разумной, осторожной, чуждой авантюры особы хочет... Чего она, впрочем, хочет?... Выйти замуж за "исторический процесс". Адрес этого знатного и богатого жениха хорошо известен старым опытным центристским свхам.

Сейчас вожди S.A.P. больше всего озабочены тем, чтобы заставить рабочих забыть всю историю с N.A.P. К чему поднимать старые вопросы? Транмель все равно уходит от нас... к счастью, без шума. У нас много немецких дел... Гитлер... Опасность войны... И пр. и пр. Нет, мы не позволим этим хитрецам спрятать под стол позорный провал их позорной политики в отношении N.A.P. Мы их заставим отдать рабочим отчет. Мы призовем передовых рабочих разобраться до конца в вопросе: кто оказался прав, мы или S.A.P.?

Большевики-ленинцы в Германии тем более обязаны провести энергичную кампанию по этому вопросу, что новый скандальный опыт ничему не научил самодовольных стратегов из S.A.P. Наоборот, они сдвинулись еще дальше вправо, в путаницу, в болото. В глубине души они считают, что они оттолкнули Транмеля своей неумеренной левизной (под злокозненным влиянием "троцкистов"). О, теперь они поведут себя иначе. Кильбума они уже не выпустят из объятий, что бы он ни совершал. Что же мешает этим людям учиться на собственных ошибках? Прочно сложившаяся, насквозь консервативная центристская политическая психология.

Пагубная роль S.A.P. в стокгольмском бюро молодежи

В области юношеского движения группировка сложилась - по крайней мере, до сегодняшнего дня - несколько иначе, чем в I.A.G.; но политика вождей S.A.P. и здесь имеет тот же самый, т. е. беспринципный, комбинаторский характер, особенно вредный в среде революционной молодежи. Стокгольмское бюро в нынешнем его составе создано было при помощи фиктивных величин: великого призрака N.A.P. и маленькой клики де Кадта⁴⁸, которая "представляла O.S.P. (Голландия). S.A.P. объединилась с тенью N.A.P. и с вполне реальным мелкобуржуазным филистером де Кадтом (против большевиков все союзы хороши!), чтобы захватить руководство стокгольмским бюро в свои руки. Надо сказать правду: молодые ленинцы проявили на конференции недопустимую уступчивость. Они недостаточно прониклись пониманием важнейшей черты центразма: его постоянной готовности подставить ножку революционерам или нанести им удар в

спину, чтоб сохранить милость оппортунистов.

На последней конференции I.A.G. представитель стокгольмского бюро молодежи обличал т. Снивлита и Шмидта в сектантстве, и чтобы дать им урок "реализма", этот молодой комбинатор голосовал за две резолюции сразу: голландскую, за 4-ый Интернационал, и S.A.P. - против Четвертого Интернационала. Терпеть такое издевательство над принципами, значило бы топтать ногами элементарные требования революционной гигиены!

Французский "Бюллетень" Стокгольмского бюро (No 1, апрель 1935 г.) представляет собой новый политический скандал. Передовая статья как бы специально написана для того, чтоб запутать, сбить с толку и обмануть читателей. Перечень примыкающих организаций в статье построен на двусмысленностях и фикциях: чудовищно преувеличено оппортунистическое крыло, сознательно замолчаны, кроме американского "Спартака", все организации молодежи большевиков-ленинцев. Господа центристы всегда стесняются показываться в "приличном" (т. е. оппортунистическом) обществе рядом с революционными союзниками!

Задача Стокгольмского бюро определена чисто отрицательно: "Его задача не в том, чтобы приготовить новый раскол". На это Жиромский справедливо отвечает: но сам факт существования Бюро есть раскол, ибо группировка молодежи идет отныне не по двум, а по трем осям. Предлагать новую "ось" можно и должно лишь в том случае, если старые оси не годятся, а новая - надежна, солидна, отвечает своему историческому назначению. Беда, однако, в том, что никакой своей оси у центризма нет и быть не может.

"С социалистической молодежью Испании, - говорит передовица с полной неожиданностью, - Стокгольмское бюро требует (!) нового Интернационала". Не спешите, однако, радоваться. Послав воздушный поцелуй испанцам, наш дипломат вспоминает о Дорио, о пюпистах, о Жиромском, о всех пророках "полного единства" и немедленно прибавляет: "Его (Стокгольмское бюро) задача - добиться одного-единственного и истинного Интернационала". Значит, не новый Интернационал, а объединение двух старых. Значит, S.A.P. принципиально высказывается за единство с реформистами и патриотами, совершенно в духе своего учителя Милеса⁴⁹.

А вот Ленин, на которого "Neue Front" так неуместно ссылается, учил, что "единство с оппортунистами есть союз рабочих со 'своей' национальной буржуазией и раскол интернационального рабочего класса". Что скажут насчет этого вожди S.A.P.? Разумеется, временная организационная связь с оппортунистами в определенных, конкретных условиях может быть навязана обстоятельствами. Но делать из нее принцип есть измена, есть прежде всего отказ от интернационального единства пролетариата, ибо во время войны оппортунисты снова разрушат ту фикцию, которую они зовут Интернационалом и которую они в мирное время поддерживают для утешения центристских простачков. "Всеобщее", "полное" единство означает худший раскол в самых трудных условиях.

Несколькими строками ниже читаем: "Этот Интернационал будет результатом исторического процесса и сможет формироваться лишь действиями масс". Очень хорошо! Но зачем же вы мешаетесь не в свое дело: вы ведь не уполномочены на это ни "историческим процессом", ни "массами"?.. Автор статьи является законченным учеником русских меньшевиков, которые были в старое время виртуозами по части сочетания "революционных" формул с практикой фатализма и протрации. Но насколько же ученики из S.A.P. грубее, слабее и беспомощнее таких классиков левого центризма, как покойный Мартов!

Задача задач сейчас - подготовить кадры ленинской молодежи, поднять их на уровень задач нашей эпохи. В этой области нужна особая теоретическая ясность, идейная честность, непримиримость к оппортунизму и дипломатии. Политика S.A.P. в Стокгольмском бюро есть прямое издевательство над основными требованиями революционного воспитания наших преемников! Этого терпеть нельзя.

Интернационал No 2 1/2?

Те оптимисты, которые надеются на "эволюцию" I.A.G., должны ответить себе на вопрос: как и почему эта эволюция должна идти влево, а не вправо? Исходные позиции участников I.A.G. далеки от марксизма. Кильбум, Дорио, пюписты, Маурин (мелкобуржуазный каталонский националист) являются открытыми противниками ленинизма. В текущей работе эти партии не оказывают друг на

друга ни малейшего влияния. Раз в полтора года их делегаты съезжаются, чтоб обнаружить "недостаток времени" для обсуждения принципиальных вопросов. Как же должно, в конце концов, произойти "возрождение рабочего движения" и прежде всего возрождение самих членов I.A.G.? Единственный ответ гласит: "милостью исторического процесса".

Но исторический процесс "создает" все: и большевизм, и центризм, и реформизм, и фашизм. "Массовые акции" тоже бывают разные: пилигримство в Лурд50, плебисцит наци, голосование за реформистов, патриотические манифестации, стачки под руководством предателей, наконец, революционные бои, обреченные на поражение вследствие центристского руководства (Австрия, Испания). Вопрос перед нами стоит пока что совсем другой, именно: какое содержание собирается вносить в "исторический процесс" и в будущем "действия масс" маленькая пропагандистская организация, именуемая S.A.P.? Смешно приделывать себе пышный павлиний хвост из будущих (!) массовых действий, чтобы отвлечь внимание от отсутствия ясных мыслей в голове. Прошлой руководящей группы S.A.P. (1923 г.!) совсем не таково, чтобы мы могли верить на слово в ее способность руководить революционными массами. Во всяком случае, на данной, подготовительной стадии вожди S.A.P. должны доказать свое право на руководство правильной теоретической позицией, ясностью и последовательностью революционной линии. Увы, этих качеств у них нет и следа!

Не имея собственной оси, они пытаются "комбинировать" чужие оси, идущие в разных, даже противоположных направлениях. N.A.P. есть, по существу, партия Второго Интернационала. I.L.P. нерешительно тяготеет к Третьему. Голландская партия твердо стоит за Четвертый. Дорио и пюписты – за "полное единство". А алхимики из S.A.P. уверяют немецких рабочих, что из столь разнообразных элементов получится как раз то, что надо.

Теоретически говоря, вторичное возникновение Интернационала No 2 1/2, конечно, не исключено. Но ввиду наличия печального первого опыта такого рода и особенно ввиду крайнего обострения классовой борьбы, второй опыт окажется гораздо слабее и ничтожнее первого. Этот прогноз находит уже достаточное подтверждение в короткой истории I.A.G., центробежные силы которой оказывались до сих пор сильнее всяких центристских формул. Напомним еще раз свежие факты.

N.A.P. – серьезная оппортунистическая партия: буржуазия даже доверяет ей управление своим государством. Вот почему N.A.P. порвала с S.A.P. Большевики-ленинцы – серьезная революционная организация: у них своя традиция и свои принципы. Вот почему S.A.P. порвала с большевиками. Клика де Кадта (O.S.P.), на которую опирался Шваб, при первой серьезной пробе покинула революционные ряды. С руководящей группой Шмидта, действительно стоящей за Четвертый Интернационал, Шваб не находит общего языка. Американскую Рабочую Партию (Muste) Шваб и его друзья считали почти "своей" организацией; между тем Рабочая партия объединилась с нашей секцией. Шваб почти вовлек бельгийца Спаака в I.A.G. Но Спаак неожиданно стал министром своего короля. Так же будет и впредь. Центристские дипломаты I.E.P. не спасут своей партии от дальнейшего распада. Внутренняя дифференциация неизбежна и в шведской партии (Кильбум). Чтобы утвердиться ныне в рабочем движении, нужны более, чем когда-либо, ясные принципы и отчетливое знамя, различимое издали.

Негодные лощманы в бурную погоду

Вожди S.A.P. поддерживают во Франции центристов типа Жиромского и Дорио против большевиков-ленинцев. При этом они нашептывают им о нашем "сектантстве", нетерпимости, склонности раскалывать волос на четыре части и пр. и пр. ("Не думайте, ради бога, что мы похожи на этих фанатиков, о нет..."). Они закрывают глаза только на одно: что большевики-ленинцы – единственная группа, которая дала своевременно правильный анализ обстановки и тенденций ее развития; которая сделала из своего анализа все необходимые практические выводы и которая действительно непримиримо борется против повального легкомыслия "вождей", их безответственности, надежд на чудо. Разница вовсе не в том, что Жиромские и Дорио, отчасти и Пивер, "добрее", "шире", "реалистичнее" большевиков. Нет, разница, вернее, беда, в том, что они не понимают характера обстановки, не смеют по-марксистски раскрыть глаза, не имеют решимости сделать необходимые революционные выводы. Другими

словами, Жиромский, Дорио, отчасти и Пивер переживают то самое политическое состояние, какое Брандлер, Вальхер и К° переживали в 1923 году. Влияние вождей S.A.P. в этих условиях тем более опасно, что для борьбы против революционной политики они не без ловкости эксплуатируют марксистский словарь и даже пользуются готовыми формулами большевиков-ленинцев.

Эту новую, важнейшую стадию борьбы вождей S.A.P. против большевиков-ленинцев надо внимательно и серьезно продумать до конца: ставка на этот раз слишком велика.

Во всех тех странах, где фашизм еще только наступает, главная опасность состоит вовсе не в "пассивности" масс, а в том, что реформисты и центристы разных оттенков продолжают тормозить мобилизацию пролетариата. "Объективно", говоря языком "Neue Front", революционный отбор необходим. "Субъективно" он невозможен... поскольку центристы, боясь разрыва с реформистами и с самими собою, не смеют стать на революционный путь и в свое оправдание ссылаются на "массы". При этом центристы ведут борьбу против ленинцев. Мы имеем здесь те же самые группировки, те же соотношения и даже те же аргументы, что и в вопросе о Четвертом Интернационале. Не случайно: это только две стороны одного и того же вопроса. Когда дело идет о строительстве Интернационала, центристы из S.A.P. - именно они, а не мы - мыслят абстрактно, отвлекаясь от исторической действительности: как-нибудь, когда-нибудь дело сделается, рабочее движение "обновится". Им кажется, что у них имеется неограниченный кредит времени. Но когда вопрос стоит о фашизме или войне, обманывать себя и других труднее, ибо перспектива из далекой и расплывчатой становится близкой и отчетливой. Фашизм наступает теперь, и наступает своим собственным темпом, независимым от центристских расчетов. Надо давать отпор революционными средствами теперь же, немедленно. Надо не приспособляться к субъективному состоянию соседей справа, ссылающихся на "массы", а открыто разяснять массам объективную остроту опасности. Кто действительно выполняет эту работу, тот тем самым готовит Четвертый Интернационал; у того нет и не может быть оснований прятать свое знамя. Это две стороны одного и того же дела.

Что касается вождей S.A.P., то они, поскольку имеют влияние, скажем, во Франции, направляют его везде и всюду на поддержку центристов, которые топчутся на месте, и против большевиков, которые высказывают то, что есть, т. е. вскрывают требования объективного положения вещей. Реакционный характер работы вождей S.A.P. в этом случае выступает особенно ясно, ибо дело идет об объективной опасности, которая надвигается железными шагами. Вожди S.A.P. повторяют в новых условиях ту же роковую ошибку, которой поражена была их злосчастная политика в Германии в 1923 г.: у них нет решимости сделать практические революционные выводы, когда этого неотложно требует объективная обстановка.

Цель настоящей статьи и состоит прежде всего в том, чтобы рассеять какие бы то ни было иллюзии насчет пригодности вождей S.A.P. для руководства революционным движением масс. Не потому, чтобы они были лично неспособными людьми. Нет, в этой группе есть умные, серьезные и заслуженные деятели, искренне преданные интересам пролетариата. Они могут дать неплохой совет по поводу профессионального движения или избирательной агитации в сравнительно спокойную эпоху. Но по складу своей мысли они остаются на поверхности явлений. Они ищут линию наименьшего сопротивления. Они закрывают глаза на реальные препятствия. Они абсолютно неспособны уловить логику борьбы в период революционного - или контрреволюционного прилива. Они трагически доказали это в 1923 г.; с тех пор они, как свидетельствует все их поведение в годы эмиграции, ничему не научились. Закоренелые центристы, политики золотой середины, комбинаторы, они в трудных и ответственных условиях безнадежно теряются, утрачивают свои положительные черты и играют отрицательную роль. Наше предупреждение сводится к короткой формуле: при всех своих несомненных достоинствах вожди S.A.P. - никуда не годные лощманы в бурную погоду. А Европа стоит под знаком бурь.

Большевики-ленинцы и Четвертый Интернационал

Единственная организация, которая планомерно развивалась за последние годы - наша, большевиков-ленинцев. Оба Интернационала знают только поражения, упадок, развал; в области теории они пали ниже нуля. Рядом с ними стояла несколько лет тому назад очень внушительная организация правой коммунистической оппозиции (Брандлер - Тальгеймер - Вальхер). От этой

организации остались сегодня лишь осколки: кадры S.A.P. представляют собой один из этих осколков.

Интернациональная организация большевиков-ленинцев возникла только весной 1930 г. на очень еще слабом и неустойчивом фундаменте. Короткая история работы ленинцев была в то же время историей внутренней идейной борьбы. Целый ряд лиц и групп, искавших у нас приюта от жизненных невзгод, успели, к счастью, покинуть наши ряды. Бельгийская секция и сейчас еще проходит через острый кризис. Будут, несомненно, кризисы и впредь. Филистеры и снобы, не знающие, как складывается революционная организация, пожимали иронически плечами по поводу наших "расколов" и "отколов". Между тем в итоге наша организация выросла численно, создала секции в большинстве стран, закалилась идеологически, возмужала политически. В наши ряды за этот период вступила голландская революционно-социалистическая партия (Снивлит). Голландская O.S.P., очистившись от клики де Кадта (неизменный союзник Шваба против нас), объединилась затем с R.S.P. на марксистской платформе. В Америке Рабочая партия (организация Muste) объединилась с нашей секцией на строго принципиальных основах. Французские большевики-ленинцы, совершившие очень смелый организационный шаг (вступление в социалистическую партию⁵¹), стоят сейчас со своими лозунгами в центре пролетарского авангарда Франции. Нельзя не указать также на новую бешеную кампанию против "троцкистов" в СССР, где подпольная работа большевиков неизмеримо труднее, чем даже в Италии или Германии. Десятки, если не сотни тысяч исключений из партии, массовые аресты и высылки свидетельствуют, что сталинская бюрократия живет в постоянном страхе перед неискоренимыми симпатиями к нашему знамени. При первых революционных успехах на Западе мы сразу соберем в СССР богатую жатву.

Большевики-ленинцы далеки от самодовольства: об этом достаточно свидетельствуют наши внутренние дискуссии. Мы готовы учиться у всех, у кого можно чему-нибудь поучиться. Наши многочисленные издания во всех частях света свидетельствуют, что наши секции учатся прилежно и с успехом. Жизненность нашей интернациональной организации, ее способность к развитию, ее готовность преодолевать собственные слабости и болезни доказана полностью.

Наши голландские друзья (большинство партии) считают еще, видимо, нужным оставаться в I.A.G. Пусть проделают этот опыт! Мы не сомневаемся в том выводе, который они сделают завтра. Но было бы ошибочно откладывать даже на один лишний день работу по дальнейшему строительству Четвертого Интернационала. Если революционные марксисты всех стран, конечно, вместе с нашими голландскими друзьями теперь же создадут интернациональное объединение под своим собственным знаменем, они ускорят неизбежный распад I.A.G., как и двух старых Интернационалов, и станут центром притяжения для всех действительно революционных группировок пролетариата.

"Личные влияния" и личные... инсинуации

Бывает часто, что личной борьбе пытаются придать принципиальный характер. Но бывает и наоборот: когда неудобно вести принципиальную борьбу, то ее прикрывают личные соображения. У Шваба есть десяток объяснений того, почему он и его друзья могут работать с оппортунистами, но не могут работать с большевиками: у нас, видите ли, слишком сильно "личное влияние"; слишком мал "противовес" и пр. и пр. Сделаем над собой насилие и остановимся на этом доводе.

Чрезмерное личное влияние X или Y, если оно действительно существует, можно (д лжно) ослабить одним-единственным способом: противопоставляя ложным и недостаточно продуманным взглядам X или Y другие взгляды, более правильные, лучше сформулированные. Этот путь открыт всякому: у нас нет ни цензуры, ни бюрократии, ни ГПУ, ни кассы для коррупции. Вопрос о "личных влияниях" может, таким образом, разрешаться лишь попутно, в результате политического сотрудничества, столкновения мнений, проверки их опытом и пр. Кто ставит вопрос о "личных влияниях" как самостоятельный вопрос, который должен быть разрешен какими-то особыми средствами, в стороне от идейной борьбы и политической проверки, тот не найдет в своем арсенале никаких других средств, кроме... сплетни и интриги.

Нетрудно поэтому понять, что страдание "личным влиянием" является результатом центристской неспособности дать бой в плоскости принципов и

методов. Чье-либо "личное влияние" ненавистно и враждебно нам, когда оно стоит на службе враждебных нам идей. Всех революционных учителей пролетариата, больших и малых, обвиняли в чрезмерном личном влиянии те, кто не разглядел их взглядов. Все центристы, все путаники, избегающие ясной, открытой, смелой, честной, идейной борьбы, всегда ищут побочного, случайного, личного, психологического оправдания тому отнюдь не случайному факту, что сами они оказываются в союзе с оппортунистами против революционеров.

В действительности ни одна организация не обсуждает вопрос так открыто и демократически, на глазах у друзей и врагов, как наша. Мы можем себе это позволить только потому, что не заменяем анализа фактов и идей комбинаторством и дипломатией. Проще сказать: мы не обманываем рабочих. Но как раз наш принцип: высказывать то, что есть, больше всего ненавистен вождям S.A.P., ибо политика центризма немыслима без замалчиваний, уловок и... личных инсинуаций.

Выводы

В течение длительного периода мы проделали - лояльно и терпеливо, но вполне безрезультатно - опыт сближения с руководством S.A.P. Именно благодаря методическому характеру нашего опыта мы получили возможность измерить всю глубину центристского консерватизма этой группы. В нашей критике мы захватили только часть спорных вопросов. Но и сказанного, надеемся, достаточно, чтобы опровергнуть до основания наивные или лицемерные утверждения, будто между нами и S.A.P. разногласия касаются только частных тактических или "личных" вопросов. Нет, разногласия охватывают основные вопросы теории, стратегии, тактики и организации, причем за последний период, после временных левых колебаний Шваба и его друзей, эти разногласия чрезвычайно возросли и вышли наружу.

Руководство S.A.P. представляет классический тип консервативного центризма.

1. Оно не умеет ни понять революционную ситуацию, ни использовать ее (1923 г. в Германии; нынешняя политика в Западной Европе).
 2. Оно не усвоило себе азбуку ленинской революционной стратегии на Востоке (события в Китае в 1925-[19]27 гг.).
 3. Вместо борьбы за массы оно гоняется за их оппортунистическими вождями, поддерживая последних против революционной части масс (англо-русский комитет, N.A.P.).
 4. Оно подменяет революционную диалектику безжизненным автоматизмом и фатализмом (упования на "исторический процесс").
 5. Оно относится с презрением закоренелых эмпириков к теории и принципам, ставя на первое место дипломатию и комбинирование.
 6. Понимание роли партии и революционного руководства оно заимствовало не у большевиков, а у "левых" социал-демократов, меньшевиков.
 7. Оно выносит академические "левые" резолюции, чтобы развязать себе и другим руки для оппортунистической работы: противоречие между мыслью и словом, между словом и делом - главная язва центризма - разъедает всю политику S.A.P.
 8. Несмотря на огромный разлив центристских течений в нынешнюю критическую эпоху, руководство S.A.P. игнорирует самое понятие центризма, прикрывая таким путем от марксистской критики своих союзников и прежде всего себя самого.
 9. Оно заискивает перед правыми и ведет нелояльную борьбу против левых, тормозя процесс освобождения пролетарского авангарда от влияний реформизма и сталинизма.
 10. В странах, где фашизм надвигается семимильными шагами, руководство S.A.P. своей борьбой против единственно последовательной революционной организации помогает центристам усыплять пролетариат.
 11. В жгучем вопросе войны оно окончательно подменило ленинизм пацифизмом ("разоружение", "мирная офензива", "демократический контроль" и пр.).
 12. Оно подписало программную резолюцию за Четвертый Интернационал, чтобы вести против него борьбу на деле.
 13. В руководимой им I.A.G. оно держит курс на Интернационал 2 1/2.
- Ясно: работу сплочения революционных сил под знаменем Четвертого

Интернационала надо вести помимо S.A.P. и против S.A.P.

Л.Троцкий

24 апреля 1935 г.

[Заметка о взаимоотношениях правительства СССР и Коминтерна]

Во время муниципальной избирательной кампании во Франции в конце апреля у министра иностранных дел Лавалья вышла своеобразная стычка с коммунистической партией в избирательном округе той коммуны, где Лаваль состоит мэром. Коммунисты обвиняли Лавалья в нежелании подписать соглашение с Советским Союзом и тем обеспечить мир. В особой афише Лаваль, с одной стороны, упрекал "les repr sentants qualifies ou non, de la tro sieme internationale"⁵² в том, что они свирепо нападают на него как раз во время переговоров с Советами, в то же время отказывая своим противникам в праве говорить от имени советского правительства. Эта избирательная стычка интересует нас лишь постольку, поскольку она вынесла на минуту на площадь тот деликатный вопрос, который, по всей видимости, занимал и занимает не последнее место в дипломатических переговорах западноевропейских государств с Москвой: вопрос о взаимоотношении советского правительства и Третьего Интернационала.

За последние 16 лет, т. е. со дня основания Коминтерна, в Европе и Америке установилась прочная традиция отождествлять его с советским правительством. Это отождествление, разумеется, не случайное, имело две версии: русская белая эмиграция объявила "антинациональное" кремлевское правительство агентурой Интернационала; наоборот, иностранные правительства и особенно пресса объявляли Интернационал просто агентурой национальной советской дипломатии. Как бы логичны ни были те чисто юридические доводы, при помощи которых Кремль опровергал обе эти версии, противники нимало не чувствовали себя убежденными: они знали, что основателем и вдохновителем Интернационала был Ленин, глава советского правительства; что решающую роль в жизни Интернационала, как и советского государства, играла большевистская партия в лице своего Центрального Комитета, который формировал не только Совет Народных Комиссаров, но и Президиум Коминтерна. В сравнении с этими фактами вопрос о денежных субсидиях иностранным секциям со стороны большевистской партии отступает на второй план.

Известно, с какой чувствительностью и раздражительностью относилось к этому вопросу правительство Великобритании. Внимательное чтение официального сообщения по поводу результатов визита Идена в Москву⁵³ позволяет и без помощи британской печати догадаться, что вопрос о дальнейшей судьбе Коминтерна, настойчиво выдвигавшийся лордом [в] частной печати, и вызвал достаточно успокоительные разъяснения советского правительства. Избирательная афиша французского министра внутренних дел, отказывающая французским коммунистам в праве говорить от имени советского правительства, ставит как бы новую веху в вопросе, немало волновавшем также и официальное общественное мнение Франции. Изрядная доля иронии, сквозящая в афише мэра Aubervilliers⁵⁴, не ослабляет того факта, что французский министр иностранных дел выступает в самом процессе переговоров с политическим заявлением, смысл которого можно выразить примерно так: нет никаких оснований опасаться того, что французские коммунисты могут оказать какое-нибудь влияние на будущие взаимоотношения между Парижем и Москвой.

Скажем сразу: мы думаем, что французский министр иностранных дел совершенно прав в своем утверждении. Мы имеем при этом в виду не юридическую сторону дела, которая осталась, пожалуй, неизменною; а политическую, которая за последние 10-12 лет изменилась в корне.

[Л.Д.Троцкий]

[Не ранее мая 1935 г.]

По поводу письма М.Пивера

Письмо Марсо Пивера по поводу исключения вождей революционной сенской молодежи, несмотря на похвальную цель этого письма, включает в себе ряд неправильных идей, которые в своем развитии могут привести к серьезным ошибкам. Предупредить молодых товарищей против этих ошибок - прямой долг

марксиста.

Сам Пивер обвиняет наших друзей в большой "психологической ошибке", которую они совершают, присваивая себе имя "большевиков-ленинцев". Так как "первоначальный большевизм", по Пиверу, отрицает демократическую структуру партии, равенство для всех тенденций и пр., то самим своим именем большевики-ленинцы дают партийной бюрократии оружие против себя. Другими словами: "психологическая ошибка" состоит в недостаточном приспособлении к психологии... партийной бюрократии.

Это рассуждение Пивера представляет собою серьезнейшую политическую ошибку, даже ряд ошибок. Неверно, будто "первоначальный большевизм" отвергал демократическую структуру партии. Я выставлю прямо противоположное утверждение: не было и нет более демократической партии, чем партия Ленина. Эта партия строилась снизу. Она зависела только от передовых рабочих. Она не знала скрытой, замаскированной, но тем более губительной диктатуры буржуазных "друзей" пролетариата, карьеристов-парламентариев, аферистов-мэров, салонных журналистов, - всей этой паразитической братии, которая позволяет низам партии "свободно", "демократически" разговаривать, но сама держится цепко за аппарат и в конечном счете делает всегда то, что хочет. Этого рода партийная бюрократия есть не что иное, как слепок буржуазного демократического государства, которое тоже позволяет народу "свободно" разговаривать, но реальную власть предоставляет горсти капиталистов. Пивер делает величайшую политическую ошибку, идеализируя и приукрашивая лицемерную и вероломную "демократию" SFI055, которая на деле тормозит и парализует революционное воспитание рабочих, подавляя их голоса дружным хором муниципальных советников, парламентариев и пр., которые насквозь пропитаны эгоистическими мелкобуржуазными интересами и реакционными предрассудками. Задача революционера, даже если ход развития вынуждает его работать в одной организации с оппортунистами, этими политическими эксплуататорами пролетариата, состоит не в том, чтобы принимать покровительственную окраску и усваивать по отношению к агентам буржуазии тон ложного дружелюбия, а в том, чтобы как можно ярче, резче, непримиримее противопоставлять себя перед лицом масс всем оппортунистам, патриотам, насквозь буржуазным "социалистам". Выбирать и решать будут, в последнем счете, не Блюмы и Жиромские, а массы, миллионы эксплуатируемых. По ним надо равняться, для них строить партию. Беда Пивера в том, что он до сих пор не оборвал моральной пуповины, связывающей его с мирком Блюмов и Жиромских. При всякой новой okazji он оглядывается на этих своих "друзей" и тревожно щупает их пульс. Такой же политики - ложной, иллюзорной, не реалистической - он требует и от большевиков-ленинцев. Они должны, видите ли, отказаться от собственного имени. Почему? Разве это имя отпугивает рабочих? Наоборот, если так называемые "коммунисты", несмотря на все совершенные ими измены и преступления, удерживают под своим знаменем значительную часть пролетариата, то только потому, что они все еще представляются массам носителями традиций Октябрьской революции. Рабочие не боятся ни большевизма, ни ленинизма. Они лишь спрашивают себя (и хорошо делают!): подлинные ли это большевики или поддельные? Долг последовательных пролетарских революционеров - не отказываться от имени большевиков, а доказать массам на деле свой большевизм, т. е. революционную последовательность и беззаветную преданность делу угнетенных.

Но зачем же, - настаивает Пивер, - наклеивать себе на пупок этикетку вместо того, чтобы "suivre les enseignements qu'il comporte"⁵⁶? Но ведь сам Пивер тоже носит "этикетку" социалиста. В области политики, как и в других областях человеческой деятельности, нельзя обходиться без "этикеток", т. е. возможно точных названий и определений. Имя "социалиста" не только недостаточно, но прямо обманчиво, ибо социалистами называют себя во Франции все, кому не лень. Своим именем большевики-ленинцы говорят всем и каждому, что теорию их составляет марксизм; что это - не извращенный и протитуйрированный "марксизм" реформистов (à la Поль Фор, Ж. Лонге и пр.), а подлинный марксизм, восстановленный Лениным и применяемый им к основному вопросу эпохи империализма; что они опираются на опыт Октябрьской революции, развитый в решениях первых четырех конгрессов Коминтерна; что они солидарны с той теоретической и политической работой, которую проделала "левая оппозиция" Коминтерна (1923-1932), наконец, что они стоят под знаменем борьбы за Четвертый Интернационал. В политике имя есть знамя. Кто

откажется сегодня от революционного имени в угоду Леону Блюму и К°, тот столь же легко откажется завтра от красного знамени в пользу трехцветного⁵⁷. Совершенно аналогичную политическую ошибку делает Пивер и в вопросе о новом Интернационале, когда он провозглашает право каждого социалиста надеяться на лучший Интернационал - "avec ou sans changement de num raux"⁵⁸. Эта не очень уместная ирония насчет "номера" (вполне, увы, в духе филистеров из SAP) представляет политическую ошибку того же типа, что и ирония насчет "этикетки". Политически вопрос стоит так: может ли мировой пролетариат вести с успехом борьбу против войны, фашизма, капитализма под руководством реформистов или сталинцев (т. е. советской дипломатии)? Мы отвечаем: не может. Второй и Третий Интернационалы исчерпали себя и стали помехами на пути революционной борьбы. "Реформировать" их нельзя, так как весь состав руководства в корне враждебен задачам и методам пролетарской революции. Кто понял до конца крушение двух старых Интернационалов, тот не может не поднять знамя нового Интернационала. "Avec ou sans changement de num raux"? Эта фраза лишена смысла. Не случайно три старых интернационала оказались "перенумерованы". Каждый "номер" означает определенную эпоху, программу и методы действия. Новый интернационал должен явиться не суммой двух трупов, как мечтает старый социалист Жиромский, обнаруживший в себе неожиданное призвание "защищать СССР", а живым отрицанием этих трупов и в то же время продолжением совершенной ими исторической работы. Другими словами: дело идет о Четвертом Интернационале. "Номер" означает здесь определенную перспективу и программу, т. е. знамя. Пусть филистеры иронизируют по этому поводу. Подражать им не следует.

Неприязнь к "этикеткам" и "номерам" в политике так же вредна, как неприязнь к точным терминам в науке. В том и другом случае мы имеем перед собою безошибочный симптом недостаточной ясности в самих мыслях. Ссылки на "массы" служат в таких случаях только прикрытием собственных колебаний. Рабочий, который еще верит Вандервельде или Сталину, конечно, будет врагом Четвертого Интернационала. Рабочий, который понял, что Второй и Третий Интернационалы мертвы для дела революции, немедленно станет под наше знамя. Именно поэтому было бы преступлением прятать это знамя под стол.

*

Пивер ошибается, когда думает, будто большевизм непримирим с существованием фракций. Принцип большевистской организации есть демократический централизм, обеспечивающий полную свободу критики и группировок, как и железную дисциплину действия. История большевистской партии есть в то же время история внутренней борьбы идей, группировок и фракций. Правда, весной 1920 г.⁵⁹, в момент страшного кризиса, голода, холода, острого недовольства масс, X съезд большевистской партии, насчитывавшей к тому времени уже 17 лет существования, запретил фракции. Но мера эта считалась самими инициаторами исключительной, временной, и применялась ЦК в высшей степени осторожно и эластично. Действительное подавление фракций началось лишь с победой бюрократии над пролетарским авангардом и скоро привело к фактической смерти партии. Четвертый Интернационал, разумеется, не потерпит в своих рядах механической "монолитности". Наоборот, он имеет одной из важнейших своих задач возродить на более высоком историческом уровне революционную демократию пролетарского авангарда. Большевики-ленинцы рассматривают себя как одну из фракций строящегося Интернационала. Они вполне готовы работать рука об руку с другими действительно революционными фракциями. Но они категорически отказываются приспособлять свою политику к психологии оппортунистических клик и отречься от собственного знамени.

Л.Троцкий

7 августа 1935 г.

[Письмо Ф.Броквею]

Дорогой тов. Феннер Броквей,

Я очень рад тому, что товарищ Айзекс удовлетворил Вас своими

сообщениями о Китае. Он действительно хорошо осведомлен о положении в стране и очень добросовестно относится к собиранию материалов, что, увы, встречается не часто.

Большое спасибо за присылку "Нью Лидер". Я получал и раньше Вашу газету, но неправильно, через Париж, с большими запозданиями. Во всяком случае, я внимательно следил за "Нью Лидер", особенно в течение последних месяцев.

Не так давно я получил брошюрку "What the ILP stands for"⁶⁰, в которой собраны важнейшие документы Вашей партии. Плодом моего изучения этих документов явилась статья для нашего американского органа "Нью Интернэйшенал"⁶¹. Я надеюсь, что Вы получаете это издание. Во всяком случае, я попрошу немедленно выслать Вам несколько оттисков статьи, как только она будет переведена и напечатана.

Статьи "Нью Лидер" по вопросу о нападении Муссолини на Эфиопию и, в частности, по вопросу о политике британского правительства в этом деле, прекрасны. Если развивать основную идею этих статей до конца, то получится политика Ленина и Либкнехта во время войны. Лучших образцов мы найти не можем. Но... эта политика совершенно несовместима, на мой взгляд, с нынешним отношением НРП к Коминтерну и его британской секции. Резолюции 17-го конгресса представляют наиболее злокачественную из всех социал-патриотических отрав. Думать, что можно создать Интернационал совместно с этими отравителями, значит фактически прикрывать социал-патриотизм новейшего и опаснейшего образца. Не случайно Ленин и Либкнехт уже в начале войны провозгласили необходимость Третьего Интернационала: Ленин - в 1914 году, Либкнехт - в 1915 г. Борьба против войны может быть только интернациональной. В вопросе об Интернационале нет места ни иллюзиям, ни дипломатии.

Простите, что я позволил себе высказаться по вопросу, по которому Вы вовсе не спрашивали моего мнения. Моя критика НРП продиктована отнюдь не какой-либо предвзятой враждебностью, а наоборот, сочувственным вниманием к ее эволюции и искренним желанием ее успеха на пути революционного марксизма. Надвигающаяся война может временно изолировать интернационалистов и создать для них тягчайшие условия политического существования. Выдержать бешеный напор буржуазного общественного мнения (не говорю уж о репрессиях) они смогут лишь при наличии двух условий: а) полной ясности своих позиций, б) тесной интернациональной связи между собою.

С братским приветом

Л.Троцкий

17 сентября 1935 [г.]

Британская независимая рабочая партия и борьба за Четвертый Интернационал

На полдороге

Если исключить голландскую Революционно-социалистическую партию, стоящую под знаменем IV Интернационала, то можно с уверенностью сказать, что среди партий, примыкающих к Амстердамско-Лондонскому бюро, британская НРП стоит на левом фланге. В отличие от САП, которая за последний период сдвинулась вправо, в сторону вульгарнейшего мелкобуржуазного пацифизма, НРП проделала, несомненно, серьезное развитие влево. Разбойничий поход Муссолини на Эфиопию обнаружил это с несомненностью. По вопросу о Лиге Наций, о роли в ней британского империализма и о "мирной" политике Лейбор Парти "Нью Лидер" опубликовал, пожалуй, лучшие статьи во всей рабочей печати. Но если одна ласточка не делает весны, то и несколько хороших статей еще не определяют политику партии. По вопросу о войне сравнительно легко занять "революционную" позицию; но крайне трудно сделать из этой позиции все необходимые теоретические и практические выводы. Между тем к этому именно сводится задача.

Скомпрометированный опытом 1914-1918 годов, социал-патриотизм нашел сейчас новый источник питания в виде сталинизма. Буржуазный шовинизм получает благодаря этому возможность развить бешеную атаку против революционных интернационалистов. Колеблющиеся элементы, так называемые центристы, неизбежно капитулируют перед натиском шовинизма накануне войны или в начале ее. Разумеется, они будут прикрываться при этом ссылкой на

"единство", на необходимость не отрываться от массовых организаций и проч. Формулы лицемерия, которые служат центристам для прикрытия их трусости перед буржуазным общественным мнением, очень разнообразны, но назначение их одно: прикрыть капитуляцию. "Единство" с социал-патриотами – не временное сосуществование с ними в общей организации в целях борьбы с ними, а единство как принцип есть единство с собственным империализмом и, следовательно, открытый разрыв с пролетариатом других национальностей. Центристский принцип единства во что бы то ни стало есть подготовка самого злокачественного раскола по линиям империалистических противоречий. Мы видим уже сегодня во Франции, как группа "Спартак", переводящая идеи САП на французский язык, проповедует во имя "единства" с массами политическую капитуляцию перед Блюмом, который был и остается главным агентом французского империализма в среде рабочего класса.

После разрыва с Лейбор Партии НРП вступила в близкую связь с британской компартией и через нее с Коминтерном. Острые денежные затруднения, которые испытывает "Нью Лидер" и сейчас, показывают, что НРП сумела сохранить свою полную материальную независимость от советской бюрократии и ее методов коррупции. Этому можно только радоваться. Тем не менее связь с компартией не прошла бесследно: наперекор своему имени НРП не стала действительно независимой, а превратилась как бы в довесок к Коминтерну. Она не уделяла необходимого внимания массовой работе, которая невозможна вне профессиональных союзов и Лейбор Партии; взамен этого она увлеклась Амстердам-Плейельским маскарадом, Антиимпериалистической лигой и другими суррогатами революционной работы. В результате она представлялась рабочим коммунистической партией второго сорта. Столь невыгодное положение НРП не было случайным: оно определялось отсутствием у нее твердой принципиальной базы под ногами. Ни для кого не секрет, что сталинизм долго импонировал вождям НРП своими штампованными формулами, которые представляют жалкий бюрократический фальсификат ленинизма.

Попытка, которую сделал свыше двух лет тому назад автор этих строк объяснить с вождями НРП в нескольких статьях и письмах, не привела к результату: наша критика Коминтерна казалась, несомненно, в тот период вождям НРП "предвзятой" и продиктованной "фракционными", пожалуй, даже "личными" мотивами. Не оставалось ничего другого, как предоставить слово времени. Последние два года были для НРП бедны успехами, но богаты опытом. Социал-патриотическое вырождение Коминтерна, прямое последствие теории и практики "социализма в отдельной стране", стало из предвидения живым и неоспоримым фактом. Поняли ли вожди НРП смысл этого факта? Готовы ли и способны ли они сделать из него все необходимые выводы? От ответа на этот вопрос зависит дальнейшая судьба НРП.

От пацифизма к пролетарской революции – такова, несомненно, общая тенденция развития НРП. Но это развитие далеко еще не нашло законченной программы. Хуже того, не без влияния старых и опытных оппортунистических комбинаторов из немецкой САП, вожди НРП как бы остановились на полдороге и топчутся на месте.

В следующих ныне критических строках мы хотим остановиться преимущественно на двух вопросах: на отношении НРП ко всеобщей стачке в связи с борьбой против войны и на позиции НРП в вопросе об Интернационале. И там, и здесь мы найдем элементы половинчатости: в вопросе о всеобщей стачке половинчатость принимает форму безответственной радикальной фразы; в вопросе об Интернационале – половинчатость останавливается перед радикальным решением. Между тем марксизм и ленинизм, как его прямое продолжение, совершенно не мирятся ни со склонностью к радикальной фразе, ни с боязнью радикальных решений.

Различные категории всеобщей стачки

Вопрос о всеобщей стачке имеет длинную и богатую историю, как теоретическую, так и практическую. Между тем вожди НРП действуют так, как если бы им первым пришла в голову мысль о всеобщей стачке в качестве средства предотвратить войну. В этом их величайшая ошибка. Именно в вопросе о всеобщей стачке нельзя импровизировать. Мировой опыт борьбы за последние 40 лет в самом основном подтвердил то, что говорил о всеобщей стачке Энгельс в конце прошлого века, главным образом на основании опыта чартистов, отчасти бельгийцев. Предупреждая австрийских социал-демократов против слишком

легкого отношения ко всеобщей стачке, Энгельс писал Каутскому 3 ноября 1893 г.: "Ты сам говоришь, что баррикады устарели (они могут, однако, снова стать полезными, когда армия на 1/2 или на 2/5 станет социалистической, и дело будет идти о том, чтоб дать ей возможность повернуть штыки), но политическая стачка должна либо сейчас же победить, одной только угрозой (как в Бельгии, где армия была очень шаткой), или же должна закончиться колоссальным фиаско, или наконец прямо вести на баррикады"⁶². Эти сжатые строки дают, кстати сказать, замечательное выражение взглядам Энгельса на ряд вопросов. Сколько было споров по поводу знаменитого предисловия Энгельса к марксовой "Классовой борьбе во Франции" (1895 г.)⁶³ - предисловия, смягченного и урезанного в свое время в Германии по цензурным соображениям. Сотни и тысячи раз филистеры разных мастей утверждали за последние 40 лет, будто "сам Энгельс" раз навсегда отверг старые, "романтические" методы уличного боя. Но незачем обращаться к прошлому: достаточно прочитать сегодняшние необыкновенно невежественные и плоские писания на этот счет Поля Фора, Леба⁶⁴ и проч., для которых уже самый вопрос о вооруженном восстании есть "бланкизм". Между тем, если Энгельс что отвергал, так это, во-первых, путчи, т. е. несвоевременные вспышки небольшого меньшинства, и, во-вторых, устарелые, т. е. несоответствующие новым техническим условиям, формы и методы уличного боя. В цитируемом письме Энгельс мимоходом, как бы говоря о чем-то само собой разумеющемся, поправляет Каутского: баррикады "устарели" лишь в том смысле, что буржуазная революция отошла в прошлое, а для социалистических баррикад время еще не настало. Нужно, чтобы армия на 1/3 или, еще лучше, на 2/5 (конечно, эти цифры даны лишь для иллюстрации) прониклась симпатиями к социализму, тогда восстание не будет "путчем", тогда баррикада снова получит права гражданства, - конечно, не баррикада 1848 года, а новая "баррикада", но служащая той же цели: задержать наступление армии на рабочих, дать солдатам возможность и время почувствовать силу восстания и тем самым создать наиболее выгодные условия для перехода армии на сторону восставших. Как далеки эти строки Энгельса - не юноши, а 73-летнего старика! - от тупоумного и реакционного отношения к баррикаде как к "романтике". Каутский удосужился опубликовать это замечательное письмо только теперь, в 1935 г.! Без прямой полемики с Энгельсом, которого он до конца никогда не понимал, Каутский в особом примечании самодовольно поясняет, что сам он в конце 1893 года опубликовал статью, в которой "развивал выгоды демократически-пролетарского метода борьбы в демократических странах по сравнению с политикой насилия". Эти слова о "выгодах" (будто пролетариат имеет свободу выбора!) звучат особенно хорошо в наши дни, когда политика Веймарской демократии, не без участия Каутского, раскрыла до конца все свои... невыгоды. Чтобы не оставлять никакого места для сомнений о своем отношении ко взглядам Энгельса, Каутский присовокупляет: "Я выступал за ту самую политику, которую я отстаиваю сегодня." Чтобы отстаивать "ту самую политику", Каутскому пришлось только перейти в чехословацкое подданство⁶⁵: кроме паспорта, ничто не изменилось.

Но вернемся к Энгельсу. В отношении политической стачки он различает, как мы видели, три случая:

1) Правительство пугается всеобщей стачки и уже в самом начале, не доводя дела до открытого столкновения, идет на уступки. Энгельс указывает на "шаткое" состояние армии в Бельгии как на основное условие успеха бельгийской всеобщей стачки (1893 г.). Нечто подобное, но в более грандиозном масштабе, произошло в России в октябре 1905 года. После несчастного исхода русско-японской войны царская армия была или, по крайней мере, казалась крайне ненадежной. Смертельно напуганное стачкой петербургское правительство пошло на первые конституционные уступки (манифест 17 октября 1905 г.)⁶⁶.

Совершенно очевидно однако, что, не прибегая к решающим боям, правящий класс может пойти лишь на такие уступки, которые на затрагивают основ его господства. Так именно и обстояло дело в Бельгии и в России. Возможны ли такие случаи в будущем? Они неизбежны в странах Востока. Они менее вероятны, вообще говоря, в странах Запада, хотя вполне возможны и здесь как частные эпизоды развертывающейся революции.

2) Если армия достаточно надежна и правительство чувствует себя уверенно; если политическая стачка провозглашена сверху и в то же время рассчитана не на решающие бои, а на "испуг" врага, то она легко может

оказаться простой авантюрой и обнаружить свою несостоятельность. К этому надо прибавить: после первых опытов всеобщей стачки, которые самой новизной своей действовали на воображение как народных масс, так и правительств, прошло - если оставить в стороне полузабытых чартистов - несколько десятилетий, в течение которых стратеги капитала накопили огромный опыт. Вот почему всеобщая стачка, особенно в старых капиталистических странах, требует тщательного марксистского учета всех конкретных обстоятельств.

3) Остается, наконец, та всеобщая стачка, которая, по выражению Энгельса, "прямо ведет на баррикады". Такого рода стачка может дать как полную победу, так и поражение. Но уклонение от боя, когда бой навязывается объективной обстановкой, ведет неизбежно к самому губительному и деморализующему из всех возможных поражений. Исход революционной, инсurreкционной всеобщей стачки⁶⁷ зависит, конечно, от соотношения сил, в состав которого входит очень большое число факторов: классовое расчленение общества, удельный вес пролетариата, настроение низов мелкой буржуазии, социальный состав и политические настроения армии и проч. Не последнее место в числе условий занимает, однако, правильное революционное руководство, ясное понимание условий и методов всеобщей стачки и ее перехода в открытую революционную борьбу.

Классификацию Энгельса не надо, разумеется, брать догматически. В нынешней Франции вопрос, несомненно, идет не о частичных уступках, а о власти: революционный пролетариат или фашизм? Рабочие массы хотят борьбы. Но руководство тормозит, обманывает и деморализует рабочих. Всеобщая стачка может вспыхнуть так же, как вспыхнули движения в Тулоне и Бресте. В этих условиях, независимо от своего непосредственного результата, всеобщая стачка будет, конечно, не "путчем", а необходимым этапом в борьбе масс, необходимым средством освободиться от предательского руководства и создать в самом рабочем классе предварительные условия победоносного восстания. В этом смысле вполне правильна политика французских большевиков-ленинцев, выдвинувших лозунг всеобщей стачки и выясняющих условия ее победы. Против этого лозунга выступают спартакисты, французские кузены САП, которые уже теперь, в начале борьбы, начинают играть роль штрейкбрехеров.

Следует прибавить, что Энгельс не указал еще одной "категории" всеобщей стачки, образец которой дали нам Англия, Бельгия, Франция, как и некоторые другие страны: дело идет о таких случаях, где руководители стачки заранее, т. е. до боя, стовариваются о ее ходе и исходе с классовым врагом. Парламентарии и тре-юнионисты видят в известный момент необходимость дать выход накопившемуся возмущению масс или попросту вынуждены вприпрыжку примкнуть к движению, которое вспыхнуло помимо них. В таких случаях они забегают с черного крыльца к правительству и берут у него разрешение на руководство всеобщей стачкой, причем обязуются закончить ее как можно скорее и без повреждения государственной посуды. Иногда, далеко не всегда, им удается при этом выторговать заранее ничтожные уступки, которые должны служить для них самих фиговым листком. Так действовал Генеральный совет британских тред-юнионов (Т.У.С.)⁶⁸ в 1926 г. Так действовал в 1934 г. Жуо. Так они будут действовать и впредь. Разоблачение этих бесчестных махинаций за спиной борющегося пролетариата входит необходимой частью в подготовку всеобщей стачки.

Всеобщая стачка как средство задержать войну ("to stop war")⁶⁹

К какому же из типов относится та всеобщая стачка, которую НРП намечает специально на случай мобилизации, как средство приостановить войну в самом начале?⁷⁰ Скажем заранее: к самому непродуманному и самому несчастному из всех возможных типов. Мы не хотим этим сказать, что революция ни в каком случае не может совпасть с мобилизацией или с началом войны. Если в стране развивается широкое революционное движение; если во главе его стоит революционная партия, пользующаяся доверием масс и способная идти до конца; если потерявшее голову правительство, несмотря на революционный кризис или именно вследствие такого кризиса, бросается очертя голову в военную авантюру, то мобилизация может послужить могущественным толчком для масс, привести ко всеобщей стачке железных дорог, к братанию мобилизованных с рабочими, к захвату важных узловых пунктов, к столкновению восставших с полицией и реакционными частями войска, к учреждению местных советов рабочих и солдат, наконец, к полному низвержению правительства и, следовательно, к

предотвращению войны. Такой случай теоретически возможен. Если "война, - по словам Клаузевица, - есть продолжение политики другими средствами", то и борьба против войны есть продолжение всей предшествующей политики революционного класса и его партии. Отсюда вытекает: всеобщая стачка может встать в порядок дня как средство борьбы против мобилизации и войны только в том случае, если все предшествующее развитие страны поставило революцию и вооруженное восстание в порядок дня. Взятая же как "специальное" средство борьбы против мобилизации, всеобщая стачка явится чистой авантюрой. Если оставить в стороне возможный, но все же исключительный случай, когда правительство бросается в войну, чтобы спастись от непосредственно угрожающей революции, то останется как общее правило, что как раз до, во время и после мобилизации правительство чувствует себя наиболее сильным и, следовательно, наименее склонным позволить запугать себя всеобщей стачкой. Патриотические настроения, сопровождающие мобилизацию, в сочетании с военным террором делают само проведение всеобщей стачки, по общему правилу, безнадежным. Наиболее отважные элементы, которые, не учтя обстановки, рванутся в борьбу, окажутся раздавленными. Поражение и частичное истребление авангарда надолго затруднит революционную работу в атмосфере недовольства, порождаемого войною. Вызванная искусственно стачка должна неизбежно оказаться путчем и помехой на пути революции.

В своих тезисах, принятых в апреле 1935 г., НРП пишет: "Политика партии имеет в виду всеобщую стачку, чтобы остановить войну, и социальную революцию на случай, если война произойдет." Поразительно точное, но - увы - совершенно фиктивное обязательство! Всеобщая стачка здесь не только отделяется от социальной революции, но и противопоставляется ей как специфическое средство "остановить войну". Это старая концепция анархистов, давно разбитая жизнью. Всеобщая стачка без победоносного восстания не может "задержать войну". Если в условиях мобилизации невозможно восстание, то невозможна и стачка.

В одном из следующих параграфов читаем: "НРП вызовет всеобщую стачку против британского правительства, если эта страна окажется каким бы то ни было путем вовлечена в нападение на Советский Союз..." Если всеобщей стачкой можно предупредить всякую войну, то тем более, конечно, нужно приостановить войну против СССР. Но мы здесь входим в царство иллюзий: вписать в тезисы всеобщую стачку в качестве наказания за определенное уголовное преступление правительства значит впасть в грех радикальной фразы. Если бы всеобщую стачку можно было вызвать по желанию, то лучше всего было бы вызвать ее сегодня, чтобы помешать британскому правительству душить Индию и сотрудничать с Японией в удушении Китая. Вожди НРП ответят нам, конечно, что они не в силах это сделать. Но ничто не дает им права обещать, будто они окажутся в силах вызвать всеобщую стачку в день мобилизации. А если смогут, то почему ограничиваться стачкой? На самом деле поведение партии во время мобилизации вытечет из ее предшествующих успехов и изо всей обстановки в стране. Целью же революционной партии должна явиться не изолированная всеобщая стачка как специальное средство "остановить войну", а пролетарская революция, в которую всеобщая стачка войдет неизбежным или весьма вероятным составным элементом.

Н.Р.П. и Интернационал

НРП порвала с Лейбор парти главным образом ради независимости своей парламентской фракции. Мы не входим здесь в обсуждение вопроса, правилен ли был разрыв в данный момент и извлекла ли из него НРП ожидавшиеся ею выгоды. Мы думаем, что нет. Но остается фактом, что для всякой революционной организации в Англии отношение к массам, к классу почти совпадает с отношением к Лейбор парти, опирающейся на трэд-юнионы. Вопрос о том, действовать ли в данное время внутри Лейбор парти или вне ее, не есть принципиальный вопрос, а вопрос реальных возможностей. Во всяком случае, без сильной фракции внутри трэд-юнионов, а следовательно, и внутри Лейбор парти, НРП и сегодня обречена на бессилие. Между тем НРП в течение долгого времени придавала гораздо большее значение "единому фронту" с ничтожной компартией, чем работе в массовых организациях. Политику оппозиционного крыла в Лейбор парти вожди НРП считают неправильной по совершенно неожиданным соображениям: хотя "они (оппозиционеры) критикуют руководство и политику партии, но, ввиду сплошных голосований (коллективных мандатов) и формы организации партии они

не могут изменить ни личного состава, ни политики Исполнительного комитета и парламентской фракции в течение такого срока, чтобы оказать сопротивление реакции, фашизму и войне" (стр. 8). Политика оппозиции Лейбор парти из рук вон плоха. Но это значит лишь, что нужно противопоставить ей внутри Лейбор парти другую, правильную, марксистскую политику. Это нелегко? Конечно! Но надо уметь до поры до времени скрывать свою работу от полицейских глаз лорда Ситрина и его агентов. Марксистской фракции не удастся изменить структуру и политику Лейбор парти? С этим мы совершенно согласны: бюрократия не сдастся. Но революционерам может и должно удастся, действуя извне и изнутри, завоевать десятки и сотни тысяч рабочих. Критика, которую НРП направляет против левой фракции в Лейбор парти, имеет явно искусственный характер. С гораздо большим основанием можно сказать, что маленькая НРП, связавшись со скомпрометированной компартией и тем отделившись от массовых организаций, не имеет никаких шансов превратиться в массовую партию "в течение такого срока, чтобы оказать сопротивление капиталистической реакции, фашизму и войне".

В национальных рамках НРП считает, таким образом, необходимым независимое существование революционной организации уже в данную минуту. Марксистская логика требует, казалось бы, перенести это рассуждение также и на интернациональную арену. Борьба против войны и за революцию немыслима вне Интернационала. Если НРП считает необходимым свое собственное существование рядом с компартией и, следовательно, против компартии, то тем самым она признает необходимость создания - против Коминтерна - нового Интернационала. Но этого вывода НРП не смеет сделать. Почему?

Если бы НРП считала, что Коминтерн возможно реформировать, она обязана была бы вступить в его ряды, чтобы работать над этой реформой. Если же НРП убедилась, что Коминтерн неисправим, тогда она обязана вместе с нами приступить к борьбе за Четвертый Интернационал. НРП не делает ни того, ни другого. Она останавливается на полдороге. Она намерена поддерживать "дружеское сотрудничество" с Коминтерном. Если она будет приглашена на ближайший конгресс Коминтерна - так буквально гласят апрельские тезисы этого года! - она будет там защищать свою позицию и интересы "единства революционного социализма". НРП ждала, следовательно, "приглашения" в Интернационал. Это значит, что по отношению к Интернационалу у нее психология гостя, а не хозяина. Но Коминтерн не пригласил НРП. Что же делать после этого?

Надо прежде всего понять, что действительно независимые рабочие партии - независимые не только от буржуазии, но и от обоих обанкротившихся Интернационалов - могут строиться не иначе, как в тесной международной связи друг с другом, на основе одних и тех же принципов, при условии живого обмена опытом и бдительного взаимного контроля. Мысль о том, что раньше должны сложиться национальные партии (Какие? На каких основах?) и лишь затем сплотиться в новый интернационал (как же обеспечить при этом их общую принципиальную базу?), представляет собою карикатурный отголосок истории Второго Интернационала: и Первый, и Третий Интернационалы строились иначе. Ныне же, в условиях империалистической эпохи, после того, как пролетарский авангард всех стран мира проделал гигантский общий опыт многих десятилетий, в том числе и опыт крушения двух Интернационалов, абсолютно немыслимо строить новые, марксистские, революционные партии вне прямой связи с таким же строительством в других странах. А это и есть строительство Четвертого Интернационала.

"Интернациональное бюро рев[олюционно]-соц[иалистического] единства" (I.A.G.)

Правда, НРП имеет в резерве некое интернациональное объединение: Лондонское бюро (I.A.G.). Есть ли это начало нового Интернационала? Нет, ни в каком случае. НРП решительнее всех других участников высказывается против "раскола": недаром же бюро отколовшихся организаций написало на своем знамени... "единство". С кем? Сама НРП очень желала бы, чтобы все революционно-социалистические организации и все секции Коминтерна объединились в один общий Интернационал и чтобы этот Интернационал имел хорошую программу. Добрыми пожеланиями вымощен ад. Позиция НРП тем более безнадежна, что внутри самого лондонского объединения никто ее не разделяет. С другой стороны, Коминтерн, сделав из теории социализма в отдельной стране социал-патриотические выводы, ищет ныне союза с сильными реформистскими организациями, а вовсе не со слабыми революционными группами. Апрельские

тезисы НРП утешают нас: "Зато они (т. е. другие организации лондонского объединения) согласны, что вопрос о новом интернационале является ныне теоретическим (!) и что форма (!), которую примет восстановленный интернационал, будет зависеть от событий (!) и от развития действительной борьбы рабочего класса" (стр. 20). Замечательное рассуждение! НРП предлагает объединить "революционно-социалистические организации" с секциями Коминтерна; но ни те, ни другие не желают и не могут желать этого объединения. "Зато", утешает себя НРП, революционно-социалистические организации согласны... с чем? С тем, что сейчас еще нельзя предвидеть, какую "форму" примет восстановленный Интернационал. По этому поводу сам вопрос об Интернационале ("Пролетарии всех стран, объединяйтесь!") объявляется "теоретическим". С таким же правом можно объявить теоретическим вопрос о социализме, ибо неизвестно, какую форму он примет; к тому же социалистическую революцию нельзя совершить при помощи "теоретического" Интернационала.

Вопрос о национальной партии и вопрос об Интернационале стоят для НРП в двух разных плоскостях. Опасность фашизма и войны требует, как мы слышали, немедленной работы над созданием национальной партии. Что же касается Интернационала, то это вопрос... "теоретический". Ни в чем другом оппортунизм не обнаруживается так явно и неоспоримо, как в этом принципиальном противопоставлении национальной партии и Интернационала. Знамя "революционно-социалистического единства" должно лишь прикрыть зияющий пробел в политике НРП. Не вправе ли мы сказать, что Лондонское объединение есть временный приют для колеблющихся, для беспризорных, или для тех, кто надеется быть "приглашенными" в один из существующих Интернационалов?

Н.Р.П. и Коминтерн

Признавая за компартией "революционный и теоретический базис", НРП отмечает в ее поведении "сектантство". Эта характеристика поверхностна, одностороння, в основе своей прямо не верна. О каком "теоретическом базисе" говорит НРП? О "Капитале" Маркса, о сочинениях Ленина, о резолюциях первых конгрессов Коминтерна или же об эклектической программе Коминтерна, принятой в 1928 г., о злосчастной теории "третьего периода" и "социал-фашизма", наконец, о последних социал-патриотических откровениях?

Вожди НРП делают вид (по крайней мере, так было до вчерашнего дня), будто Коминтерн сохранил теоретическую базу, заложенную Лениным. Они отождествляют, другими словами, ленинизм и сталинизм. Правда, они не решаются сказать это прямо. Но, обходя молчком огромную критическую борьбу, которая развернулась сперва внутри Коминтерна, а затем за его пределами; отказываясь изучить борьбу "левой оппозиции" (большевиков-ленинцев) и определить к ней свое отношение, вожди НРП оказываются в области вопросов мирового движения отсталыми провинциалами. Этим они отдают дань худшей из традиций островного рабочего движения. На самом деле никакой теоретической базы у Коминтерна нет. Да и какая может быть теоретическая база, когда вчерашние вожди, как Бухарин, объявляются "буржуазными либералами", вожди третьего дня, как Зиновьев, заключаются в тюрьму, как "контрреволюционеры", а Мануильские, Лозовские, Димитровы, как и сам Сталин, никогда вообще не отягощали себя теоретическими вопросами.

Не менее ошибочна фраза насчет "сектантства". Бюрократический центризм, который пытается командовать рабочим классом, не есть сектантство, а специфическое преломление самодержавия советской бюрократии. Обжегши себе пальцы, эти господа сегодня униженно пресмыкаются перед реформизмом и патриотизмом. Вожди НРП поверили на слово вождям САП (плохие советники!) насчет того, что если бы не "ультра-левое сектантство", то Коминтерн стоял бы вполне на высоте. Тем временем Седьмой конгресс⁷¹ отказался от последних остатков "ультра-левизны"; но в результате этого Коминтерн не поднялся выше, а опустился еще ниже, потеряв всякие права на самостоятельное политическое существование. Ибо для политики блоков с буржуазией и патриотического развращения рабочих партии Второго Интернационала во всяком случае более пригодны: у них серьезный оппортунистический стаж, и они меньше возбуждают подозрительность буржуазных союзников.

Не думают ли вожди НРП, что им после Седьмого конгресса необходимо радикально пересмотреть свое отношение к Коминтерну? Если нельзя реформировать Лейбор партии, то еще неизмеримо меньше шансов реформировать

Коминтерн. Тогда не остается ничего другого, как строить новый Интернационал. Правда, в составе коммунистических партий имеется и по сей день немало честных революционных рабочих. Но их-то и надо вывести из трясины Коминтерна на революционную дорогу.

"Советы рабочих депутатов" и новый Интернационал

НРП включает в свою программу и революционное завоевание власти, и диктатуру пролетариата. После событий в Германии, Австрии и Испании эти лозунги навязываются сами собою. Но это вовсе не значит, что за ними во всех случаях скрывается подлинно революционное содержание. Жиромские всех стран не стесняются сочетать "диктатуру пролетариата" с самым низкопробным патриотизмом, причем подобное шарлатанство все больше входит в моду. Вожди НРП - не социал-патриоты. Но до тех пор, пока они не взорвут мостов к сталинизму, их интернационализм сохранит полуплатонический характер.

Апрельские тезисы НРП позволяют нам подойти к тому же вопросу под новым углом зрения. Два особых параграфа тезисов (27 и 28) посвящены будущим британским советам рабочих депутатов. Ничего ошибочного они в себе не заключают. Но необходимо отметить, что советы как таковые являются лишь организационной формой, отнюдь не каким-либо незыблемым принципом. Маркс и Энгельс дали теорию пролетарской революции, в частности на анализе Парижской Коммуны, но ни слова не сказали при этом о советах. В России существовали эсеровские и меньшевистские, т. е. антиреволюционные советы. В Германии и Австрии советы стояли в 1918 г. под руководством реформистов и патриотов и сыграли контрреволюционную роль. Осенью 1923 года в Германии роль советов фактически выполняли заводские комитеты, которые могли бы вполне обеспечить победу революции, если бы не трусливая политика компартии под руководством Брандлера и К°. Таким образом, лозунг советов как организационной формы не имеет сам по себе принципиального характера. Мы не возражаем, разумеется, против включения советов, как "всеохватывающих организаций" (all-inclusive organizations)⁷² (стр. 11) в программу НРП. Нужно только, чтоб этот лозунг не стал фетишем, или еще хуже - пустой фразой, как у французских сталинцев ("власть Даладьё!" - "советы повсюду!").

Но нас интересует другая сторона вопроса. □ 28 тезисов гласит: "Рабочие советы возникнут в своей окончательной форме в действительном революционном кризисе, но партия должна последовательно подготавливать их организацию" (подчеркнуто нами). Приняв это к сведению, сравним отношение НРП к будущим советам и ее же отношение к будущему Интернационалу: ошибочность позиции НРП предстанет перед нами с особой яркостью. В самом деле: по поводу Интернационала мы слышали общие места в духе САП: "Форма, которую примет восстановленный интернационал, будет зависеть от исторических событий и развития действительной борьбы рабочего класса". На этом основании НРП делает вывод, что вопрос об Интернационале является чисто "теоретическим", т. е., на языке эмпириков, нереальным. В то же время нам говорят: "Рабочие советы возникнут в своей окончательной форме в действительном революционном кризисе, но партия должна последовательно подготавливать их организацию". Трудно запутаться более безнадежно! В вопросе о советах и в вопросе об Интернационале НРП применяет прямо противоположные методы рассуждения. В каком же случае она ошибается? В обоих. Тезисы опрокидывают реальные задачи партии с ног на голову. Советы представляют организационную форму, и только форму. "Подготавливать" советы нельзя иначе как посредством правильной революционной политики во всех областях рабочего движения: никакой особой, специфической "подготовки" советов не существует. Совсем иначе обстоит дело с Интернационалом. Если советы могут возникнуть только в условиях революционного кипения миллионных масс, то Интернационал необходим всегда: и в праздники, и в будни, во время наступления, как и отступления, во время мира, как и войны. Интернационал вовсе не есть "форма", как вытекает из ошибочной насквозь формулы НРП. Интернационал есть прежде всего программа и вытекающая из нее система стратегических, тактических и организационных методов. Вопрос о британских советах волею исторических обстоятельств отодвинут на неопределенное время. Вопрос же об Интернационале, как и вопрос о национальных партиях, не может быть отложен ни на один час: это в сущности две разные стороны одного и того же вопроса. Без марксистского интернационала национальные организации, даже самые передовые, обречены на ограниченность, на шатания, на беспомощность; передовые рабочие вынуждены

питаться суррогатами интернационализма. Объявлять строительство Четвертого Интернационала "чисто теоретическим", т. е. ненужным делом, - значит трусливо отречься от основной задачи нашей эпохи. В этом случае лозунги революции, диктатуры, советов и пр. теряют 9/10 своего значения.

Преимущества предвидения над "изумлением"

В "Нью Лидер" от 30 августа напечатана прекрасная статья: "Не доверяйте правительству!" (Don't trust government!73). Статья показывает, как опасность "национального единства" надвигается вместе с опасностью войны. В то время как злополучные вожди САП призывают подражать британским пацифистам (буквально!), "Нью Лидер" пишет: "Оно (британское правительство) эксплуатирует в действительности энтузиазм в пользу мира, чтобы подготовить британский народ для империалистической войны". Эти напечатанные жирным шрифтом строки с полной точностью выражают политическую функцию мелкобуржуазного пацифизма: давая платонический выход страху масс перед войной, пацифизм позволяет империализму тем легче превратить эти массы в пушечное мясо. "Нью Лидер" клеймит патриотическую позицию Ситрина и других социал-империалистов, которые (со ссылками на Сталина) садятся верхом на спину Ленсбери⁷⁴ и других пацифистов. Но та же статья выражает свое "изумление" по поводу того, что британские коммунисты поддерживают политику Ситрина в вопросе о Лиге Наций и ее "санкциях" против Италии (astonishing support of labour line⁷⁵). "Изумление" статьи представляет ахиллесову пяту всей позиции НРП. Когда какое-нибудь отдельное лицо "изумляет" нас своими неожиданными поступками, то это значит лишь, что мы плохо знаем действительный характер этого лица. Неизмеримо хуже, когда политик вынужден признать свое "изумление" перед действиями политической партии, более того, целого Интернационала: ибо британские коммунисты выполняют лишь постановления Седьмого конгресса Коминтерна. Вожди НРП "изумлены" только потому, что они не сумели понять до сих пор подлинный характер Коминтерна и его секций. Между тем, марксистская критика Коминтерна имеет за собой 12-летнюю историю. С того времени, как советская бюрократия сделала своим символом веры теорию "социализма в отдельной стране" (1924 г.), большевики-ленинцы предсказали неизбежность националистического и патриотического перерождения секций Коминтерна и затем критически прослеживали этот процесс на всех его этапах. Только потому, что вожди НРП игнорировали критику нашего направления, они и оказались застигнуты событиями врасплох. Право "изумляться" перед лицом крупных событий есть прерогатива пацифистского и реформистского мелкого буржуа. Марксист, особенно претендующий на руководящую роль, должен не изумляться, а предвидеть. Не в первый раз в истории, отметим мимоходом, марксистская подозрительность оказалась пронизательнее, чем центристская доверчивость.

НРП покинула могущественную Лейбор парти из-за ее реформизма и патриотизма. И сейчас, возрождая Вилкинсон, "Нью Лидер" пишет, что независимость НРП полностью оправдывается патриотической позицией Лейбор парти. Но что же сказать тогда о длительном романе НРП с британской компартией, которая идет сейчас в хвосте Лейбор парти? Что сказать о стремлении НРП слиться с Коминтерном, который в социал-патриотическом оркестре играет сейчас первую скрипку? Вы "изумляетесь", товарищи Макстон, Феннер Броквей и др.? Этого мало для руководства партией. Чтобы перестать изумляться, надо критически оценить пройденный путь и сделать выводы на будущее.

Еще в августе 1933 года делегация большевиков-ленинцев в особой Декларации официально предложила всем участникам Лондонского объединения, в том числе и НРП, обсудить совместно с нами основные стратегические проблемы нашей эпохи и определить, в частности, свое отношение к нашим программным документам. Но вожди НРП сочли ниже своего достоинства заниматься этим делом. К тому же они боялись скомпрометировать себя общением с организацией, которая является предметом особенно бешеной и подлой травли со стороны московской бюрократии: не забудем, что вожди НРП все время ждали "приглашения" от Коминтерна. Ждали и не дождались...

Неужели же вожди НРП откажутся и после Седьмого конгресса представить дело так, будто британские сталинцы только по недоразумению, только на миг оказались оруженосцами малопочтенного лорда Ситрина? Такие увертки были бы недостойны революционной партии. Мы хотели бы надеяться, что вожди НРП

поймут, наконец, закономерность полного и безвозвратного крушения Коминтерна как революционной организации и сделают из этого факта все необходимые выводы. Они очень просты:

Выработать марксистскую программу.

Повернуться спиной к вождям компартии, лицом – к массовым организациям.

Стать под знамя Четвертого Интернационала.

На этих путях мы пошли бы с НРП рука об руку.

Л.Троцкий

18 сентября 1935 г.

Предисловие к норвежскому изданию⁷⁶

Эти строки пишутся в Норвегии, или, чтобы быть более точным, – в муниципальной больнице Осло⁷⁷. Неожиданная глава! Можно предвидеть иногда большие исторические события, но трудно предсказать этапы собственной судьбы. Помню, когда французское правительство выслало меня во время войны из Франции в Испанию за недостаточно горячий патриотизм по отношению к царю и к Антанте, а правительство Альфонса XIII арестовало меня без объяснения причин, я со смехом спрашивал себя, лежа на койке "образцовой" мадридской тюрьмы: как и почему я попал сюда? Неожиданная глава! Но более серьезный ответ гласил: как ни причудлива орбита моей личной жизни, но она складывается в последнем счете под действием таких тяжеловесных исторических факторов, как войны, революции и контрреволюции. Надо уметь брать свою судьбу такой, какую ее выковывает молот событий... И не будет преувеличением, если я скажу, что в мадридской тюрьме за книгой я чувствовал себя, право же, не хуже, чем через год-два в Смольном или в Кремле.

С тех пор прошло почти двадцать лет: немаленький срок в жизни отдельного человека, тем более, что в жизни всего человечества эти два десятилетия были туго набиты грандиозными событиями. Но через все превратности и потрясения я пронес, к счастью, склонность и готовность спокойно посмеяться над злоключениями своей личной жизни. И тот факт, что приближающаяся 18-ая годовщина Октябрьской революции застигает меня на больничной койке в норвежской столице, меньше всего способен побудить меня "обижаться" на исторический процесс или жаловаться на собственную участь. Правда, переход от нынешнего, вконец исчерпавшего себя общественного строя к новому, более гармоническому, совершается несравненно медленнее, чем ожидалось и чем хотелось бы; консерватизм и легковерие масс, тупость и измены вождей отбрасывают человечество назад, причиняя ему неисчислимые дополнительные жертвы, – но победа нового строя и новой культуры обеспечена, а это главное. *Fais ce que tu dois, advienne que pourra...*⁷⁸

*

Моя первая эмиграция была настолько краткой (октябрь 1903 г. – февраль 1905 г.), что не может быть, в сущности, названа эмиграцией: просто молодой русский революционер между двумя периодами подпольной работы, между двумя тюрьмами и двумя ссылками в царской России провел полтора года в Зап[адной] Европе, где в кругу старших эмигрантов двух поколений (Плеханов и Аксельрод, Ленин и Мартов...) учился марксизму и революционной политике.

Моя вторая эмиграция длилась десять лет. Она совпала с черным реакционным провалом между двумя русскими революциями (1905 г. и 1917 г.). В последней своей части эта вторая эмиграция пришлась на годы войны, разъединившей, отравившей шовинизмом и отбросившей далеко назад мировой рабочий класс.

Третья эмиграция, после года ссылки в Центральной Азии, началась в январе 1929 г. и длится уже почти семь лет. Эти годы характеризуются страшным обострением капиталистических противоречий во всем мире, ростом и наступлением фашизма, величайшими поражениями европейского пролетариата (Германия, Австрия, Испания...). В этом параллелизме периодов личной жизни и периодов исторического развития нет ничего случайного. Судьба многих революционных поколений, не только в России, но во всех странах, знавших глубокие социальные потрясения, по этой кривой: от тюрьмы и изгнания до

власти и от власти до тюрьмы и изгнания.

Одно возражение напрашивается тут, однако, само собою: ведь в Советском Союзе контрреволюция не победила; там общественное развитие идет и сегодня на основах, заложенных Октябрьской революцией; между тем, в третью свою эмиграцию автор этой книги вынужден был отправиться именно из Советского Союза, в создании которого он сам принимал участие. Как объяснить это противоречие?

В нем нет ничего загадочного. Капиталистическая контрреволюция в Советском Союзе не победила, это верно. Но только очень близорукие или прямо заинтересованные люди могут не видеть того глубокого перерождения, которое претерпели за последние 10-12 лет партия, совершившая Октябрьскую революцию, и государство, созданное победоносным рабочим классом. Советским Союзом правит сейчас бюрократия. Она сосредоточила в своих руках неограниченную власть и неисчислимые материальные привилегии. Было бы, отметим мимоходом, очень поучительно подсчитать, какую часть национального дохода поглощает правящая привилегированная каста; но эта статистика принадлежит к числу величайших государственных тайн. Освободившись окончательно от контроля масс и поднявшись высоко над бесправным обществом трудящихся, бюрократия должна была неизбежно выделить из своей среды третьейского судью, вершителя судеб, абсолютного и непогрешимого "вождя". В этой насквозь византийской идеологии находит свое высшее (вернее, низшее) выражение претензия бюрократии на роль вечной, несменной и хорошо оплачиваемой опекуны народа. Но режим просвещенного абсолютизма не имеет и не может иметь ничего общего с режимом рабочего государства, тем более "бесклассового, социалистического общества".

Технические, экономические и культурные успехи Советского Союза грандиозны. Этот факт стоит для нас вне спора. Успехи были обеспечены национализацией средств производства и героическим напряжением трудящихся масс. Но только так называемые "Друзья СССР"⁷⁹ (на самом деле друзья верхов советской бюрократии) способны думать, будто режим единоличной диктатуры и бюрократической безнравственности, режим беспощадного подавления критической мысли передовых рабочих может вызываться потребностями социалистического строительства. На самом деле бонапартистский произвол, вызываемый борьбой бюрократии за свое самосохранение, приходит во все большее и большее противоречие с потребностями строящегося нового общества. Чувствуя неустойчивость своих позиций перед лицом экономически и культурно растущих народных масс, бюрократия устанавливает в своей среде систему круговой поруки и беспощадно расправляется со всяким, кто осмелится усомниться в божественном... то бишь в "революционном" происхождении узурпированных ею привилегий. Отсюда жесточайшие репрессии против десятков тысяч старых и молодых революционеров, остающихся верными знамени Октябрьской революции. В этом смысле я могу сказать, что моя третья эмиграция совпадает с периодом глубокой бюрократической реакции в Советском Союзе.

Выход этой книги в издательстве Норвежской рабочей партии не означает, разумеется, ни того, что партия берет на себя ответственность за взгляды автора, ни того, что автор отказался от взглядов, которые он выработал в течение почти сорокалетней политической деятельности. Читатель понимает, разумеется, что ни о том, ни о другом не может быть и речи! Вместе с тем автор считает своим долгом выразить свою благодарность издательству, которое, несмотря на глубокие разногласия, сочло возможным довести эту книгу до сведения норвежского читателя.

Дописывая настоящее предисловие, я не могу не отметить, что пребывание мое в больнице Осло дало мне неожиданную и исключительную возможность ближе соприкоснуться с определенной категорией норвежских граждан: врачами, сестрами, больничными служащими и служительницами. Со стороны всех этих людей я не встречал ничего, кроме внимания, участия, простой и искренней человечности. О своем пребывании в больнице Осло я сохранил теплое воспоминание до конца своих дней.

На столике, за которым я пишу эти строки, лежит больничное Евангелие на норвежском языке. 37 лет тому назад на столике моей одиночной камеры в одесской тюрьме - мне было тогда еще 20 лет - лежала та же книга на нескольких европейских языках. Сравнивая параллельные тексты, я упражнялся в лингвистике: стиль Евангелия и тщательность перевода очень облегчают изучение иностранных языков. Я не могу, к сожалению, никому обещать, что новая встреча со старой и хорошо знакомой книгой может оказать содействие

спасению моей души. Но зато чтение норвежского текста Евангелия может помочь мне овладеть языком страны, которая оказала мне гостеприимство и литературу которой я научился ценить и любить с молодых лет.

Л.Троцкий
Oslo,
Kommunale Sykehus80,
1 октября 1935 г.

Фридрих Энгельс в новых письмах

Karl Kautsky. Aus der Fruhzeit des Marxismus. Engels Briefwechsel mit Kautsky. 1935. Obbis - Verlag. Prag. 416 s.81

Переписка Энгельса - Каутского

В этом году исполнилось сорок лет со дня смерти Фридриха Энгельса, одного из двух авторов "Коммунистического Манифеста". Другой из авторов назывался Карл Маркс. Годовщина отмечена, в частности, тем, что Карл Каутский, перевалив за 81 год жизни, опубликовал, наконец, свою переписку с Энгельсом. Письма самого Каутского сохранились, правда, лишь в виде исключения; зато письма Энгельса дошли до нас почти все. Новые письма не открывают нам, разумеется, нового Энгельса. Его огромная международная переписка, поскольку она сохранилась, уже вся или почти вся опубликована; его жизнь достаточно исследована. И тем не менее для всякого, кто серьезно интересуется политической историей последних десятилетий прошлого века, ходом развития марксистских идей, судьбами рабочего движения, наконец, личностью Энгельса, книга представляет исключительно ценный подарок.

При жизни Маркса Энгельс, по собственному выражению, играл вторую скрипку. Но со времени последней болезни своего соратника и особенно после его смерти он в течение 12-ти лет непосредственно и неоспоримо руководил концертом мирового социализма. К этому времени Энгельс давно уже освободился от своих коммерческих дел, был в материальном смысле вполне независим и все свое время отдавал приведению в порядок и изданию литературного наследия Маркса, собственным научным исследованиям и огромной переписке с левыми вождями рабочего движения всех стран. На этот последний период жизни Энгельса (1881-1895) и падает переписка его с Каутским.

Единственная в своем роде по цельности и ясности фигура Энгельса подвергалась в дальнейшем - такова логика борьбы - многочисленным толкованиям: достаточно напомнить, что во время последней войны Эберт, Шейдеман и пр. изображали Энгельса добрым немецким патриотом, а публицисты Антанты - пангерманистом. В этом отношении, как и в других, письма помогают очистить образ Энгельса от тенденциозных наслоений. Но не в этом их суть. Письма замечательны главным образом для характеристики человека. Не будет преувеличением, если мы скажем, что каждый новый человеческий документ, касающийся Энгельса, дорисовывает его лучше, выше, обаятельнее, чем мы знали его до того.

Второй из двух корреспондентов также имеет права на наш интерес. С первой половины 80-х годов Каутский выдвигается на роль официального теоретика германской социал-демократии, которая, в свою очередь, становится руководящей партией Второго Интернационала. Как Энгельс - при жизни Маркса, Каутский при жизни Энгельса играет в лучшем случае вторую скрипку, на большой дистанции от первой. После смерти Энгельса авторитет ученика быстро возрастает, и в эпоху первой русской революции (1905 г.) достигает апогея... В своих комментариях к переписке Каутский рассказывает, с каким волнением он появился впервые в домах Маркса и Энгельса. Такое же волнение испытывали четверть века спустя многие молодые марксисты - в частности, автор настоящей статьи - поднимаясь по лестнице скромного чистенького дома во Фриденау под Берлином, где много лет проживал Каутский. Он считался тогда, по крайней мере в теоретических вопросах, самым крупным и бесспорным авторитетом Интернационала. Противники величали его "папой" марксизма.

Но высокий авторитет Каутского держался недолго. Большие события последней четверти века нанесли ему сокрушительный удар. Во время войны и после нее Каутский олицетворял собою раздраженную растерянность. Окончательно подтвердилось то, о чем немногие догадывались и ранее, именно,

что его марксизм имел по существу академический, созерцательный характер. Когда в апреле 1889 года Каутский пишет Энгельсу из Вены, во время стачки: "Мои мысли больше на улице, чем за письменным столом" (стр. 242), то эта фраза, даже под пером молодого Каутского, кажется неожиданной и почти фальшивой. Его операционным полем оставался всю жизнь письменный стол. Уличные события он воспринимал как помеху. Популяризатор доктрины, истолкователь прошлого, защитник метода – да; но не человек действия, не революционер, не наследник духа Маркса и Энгельса.

Переписка не только полностью вскрывает коренное различие двух фигур, но и обнаруживает совершенно неожиданно, по крайней мере, для позднейшего поколения, тот антагонизм, который существовал между Энгельсом и Каутским и привел в конце концов к разрыву личных отношений.

"Генерал"

Военная проницательность Энгельса, опиравшаяся не только на обширные специальные познания, но и на общую способность синтетической оценки обстоятельств и сил, дала ему возможность во время франко-прусской войны опубликовать в лондонском "Пель-Мель"⁸² замечательные военные обозрения, которые молва приписывала одному из высших военных авторитетов того времени (господа "авторитеты", вероятно, не без удивления поглядывали на себя в зеркало). В кругу друзей Энгельс получил шутовскую кличку Генерала. Этим именем подписан ряд его писем к Каутскому.

Энгельс не был оратором, или, может быть, не имел случая стать им. Он даже относился к "ораторам" с оттенком пренебрежения, считая не без основания, что они склонны банализировать мысль. Но Каутский вспоминает Энгельса как замечательного собеседника с неистощимой памятью, замечательной находчивостью и меткостью слова. К сожалению, сам Каутский – посредственный наблюдатель и совсем не художник: из своих писем Энгельс выступает неизмеримо ярче, чем из комментариев и воспоминаний Каутского.

Отношения Энгельса к людям, чуждые сентиментальности или иллюзий, были проникнуты насквозь проницательной простотой и поэтому глубоко человечны. В его присутствии за вечерним столом, где сходились представители разных стран и континентов, как бы сам собою исчезал контраст между изысканной радикальной графиней Шах⁸³ и совсем неизысканной русской нигилисткой⁸⁴ Верой Засулич. Щедрость личности хозяина дома выражалась также и в этой счастливой способности подняться самому и поднять других над всем второстепенным и внешним, нисколько не поступаясь при этом ни своими взглядами, ни даже своими привычками.

Напрасно было бы у этого революционера искать черт богемы, столь нередких в среде радикальной интеллигенции. Энгельс не терпел неряшливости и небрежности ни в крупном, ни в малом. Он любил точность мысли и точность в расчетах, точность выражения и точность печатания. Когда немецкий издатель пытался изменить его правописание, Энгельс потребовал выправить заново несколько печатных листов. "Я так же мало, – писал он, – позволю навязывать мне орфографию, как и жену" (стр. 147). В этой сердитой и в то же время шутовской фразе Энгельс встает перед нами, как живой!

Помимо родного языка, которым он владел как виртуоз, Энгельс свободно писал по-английски, по-французски, по-итальянски, читал по-испански и почти на всех славянских и скандинавских языках. Его философских, экономических, исторических, естественно-исторических, филологических и военных знаний хватило бы на добрый десяток ординарных и экстраординарных профессоров. Но и за вычетом всего этого у него осталось его главное сокровище: окрыленная мысль.

В июне 1884 года, когда Бернштейн и Каутский, поддаваясь симпатиям и антипатиям самого Энгельса, жаловались ему на начинающееся засилие в партии всякого рода "образованных" филистеров, Энгельс отвечал им: "Главное дело – ни в чем не уступать, но сохранять при этом полное спокойствие духа" (стр. 119). Если сам Генерал не всегда сохранял "спокойствие духа" в буквальном смысле слова, – наоборот, он умел великолепно вскипать, – то он всегда быстро поднимался над временными злключениями, возвращая себе необходимое равновесие мыслей и чувств. Стихия этой личности – оптимизм с доброй приправой юмора по отношению к себе и своим и – иронии по отношению к врагам. В оптимизме Энгельса нет и крупицы самодовольства: само слово это отскакивает от его образа. Подпочвенные источники жизнерадостности крылись,

конечно, в счастливом, гармоническом темпераменте: но этот темперамент насквозь пронизан мыслью, которая несла в себе высшую из радостей: радость творческого познания.

Оптимизм Энгельса одинаково распространялся и на политические вопросы, и на личные дела. После любого поражения он сейчас же находил обстоятельства, которые подготавливают новый подъем, и после каждого жизненного удара он умел встряхнуться и глядеть вперед. Таким он сохранился до конца. Ему приходилось иногда неделями лежать, чтобы избавиться от грыжи, которую причинило ему падение с лошади во время "джентльменской" охоты на лисиц. Старые глаза подчас отказывались служить при искусственном свете, без которого и днем не обойтись при лондонских туманах. Только вскользь упоминает Энгельс о своих недомоганиях в объяснение каких-нибудь задержек и тут же обещает, что на днях все "пойдет лучше", и тогда работа закипит всю.

В одном из писем Маркса упоминается, что Энгельс имел привычку при разговоре игриво подмигивать глазом. Это ободряющее "подмигивание" проходит через всю переписку Энгельса. Человек долга и глубоких привязанностей меньше всего похож на аскета. Он любит природу, искусство во всех его видах, общество умных и веселых людей с участием женщин, шутку и смех, хороший ужин, хорошее вино, хороший табак. Ему не претит подчас даже утробный юмор Рабле, который охотно ищет своих вдохновений ниже грудобрюшной преграды. Вообще ничто человеческое ему не чуждо. Нередки в его корреспонденции упоминания о том, что новый год, счастливые выборы в Германии, его собственный день рождения, а иногда и события меньшего масштаба были вспыснуты в его доме несколькими бутылками хорошего вина. Изредка мы наталкиваемся на жалобу Генерала по поводу того, что он вынужден лежать на софе "вместо того, чтобы выпивать с вами...", ну, что отсрочено, то не потеряно" (стр. 335). Автору этих строк перевалило за 72 года. Через несколько месяцев в прессу проник ложный слух о тяжком заболевании Энгельса. 73-летний Генерал пишет: "Ну-с, по поводу чрезвычайного упадка сил и ежечасно ожидаемой кончины мы опорожнили разные бутылки" (стр. 352).

Эпикурец85? Но второстепенные "дары жизни" никогда не имели над этим человеком власти. Зато его подлинно захватывали за живое семейные нравы дикарей, или загадки ирландской филологии, всегда в неразрывной связи с грядущими судьбами человечества. Он мог позволить себе тривиальную шутку только в обществе нетривиальных людей. Под его юмором, иронией, жизнерадостностью всегда чувствовался нравственный пафос - без малейших фраз и поз, глубоко скрытый, но тем более подлинный и всегда готовый на жертву. Коммерсант, владелец фабрики, охотничьей лошади и домашнего винного погреба был революционным коммунистом до мозга костей.

Душеприказчик Маркса

Каутский нисколько не преувеличивает, когда говорит в своих комментариях к переписке, что во всей мировой истории нельзя найти примера, когда бы два человека с такими могучими темпераментами и с такой идейной независимостью, как Маркс и Энгельс, оставались в течение всей своей жизни столь неразрывно связанными развитием своих мыслей, своей общественной деятельностью и личной дружбой. Энгельс был легче на подъем, подвижнее, предприимчивее, разнообразнее; Маркс - тяжеловеснее, упорнее, суровее к себе и другим. Сам звезда первой величины, Энгельс признавал умственный авторитет Маркса с такой же простотой, с какой он устанавливал все вообще свои личные и политические отношения.

Совместная работа двух друзей - вот где это слово звучит полным звуком! - заходила так глубоко, что провести окончательную линию водораздела между их произведениями никогда не удастся. Однако неизмеримо важнее чисто литературного сотрудничества то духовное общение между ними, которое никогда не прекращалось: они либо переписывались изо дня в день эпиграмматически, понимая друг друга с полуслова, либо вели столь же эпиграмматические беседы в дыму сигар. В течение четырех десятков лет Маркс и Энгельс в постоянной борьбе с официальной наукой и традиционными предрассудками заменяли друг для друга общественное мнение.

Материальную помощь Марксу Энгельс рассматривал как важнейший политический долг; ради этого, главным образом, он и закабалил себя на много лет "проклятой коммерцией", в сфере которой он действовал столь же успешно,

как и во всех других: его состояние росло, а вместе с тем росло и благосостояние семьи Маркса. После его смерти Энгельс перенес все свои заботы на его дочерей. Старая прислуга Марксов, неразрывно сросшаяся со всей семьей, Елена Демут⁸⁶ перешла к этому времени хозяйкой в дом Энгельса. Он относился к ней с нежной преданностью, делился всеми интересами, какие были ей доступны, и после ее смерти жаловался, что ему не хватает ныне ее советов не только в личных, но и в партийных делах. Почти все свое состояние, составлявшее, кроме библиотеки, обстановки и проч., сумму в 30.000 фунт[ов] стерлингов, Энгельс завещал дочерям Маркса.

Если в молодые годы Энгельс ушел в тень текстильной промышленности Манчестера, чтоб дать Марксу возможность работать над "Капиталом", то теперь, стариком, он без жалоб и, можно уверенно сказать, без сожаления отодвинул в сторону собственные исследования, чтобы проводить годы над разборкой иероглифических рукописей Маркса, над тщательным просмотром переводов и не менее тщательной корректурой его произведений почти на всех европейских языках. Нет, в этом "эпикурейце" сидел совсем необыкновенный стоик!

Сообщения о ходе работ над литературным наследством Маркса составляют один из наиболее постоянных мотивов в переписке Энгельса с Каутским, как и с другими единомышленниками. В письме к матери Каутского⁸⁷ (1885 г.), неизвестной в то время писательнице тенденциозных романов, Энгельс выражает надежду на то, что старая Европа снова придет, наконец, в движение: "Я хочу лишь надеяться, - прибавляет он, - что она оставит мне еще время закончить 3-ий том "Капитала", а после этого пусть действует!" (стр. 206) Из этой полушутливой фразы ясно видно, какое значение придавал он "Капиталу"; но видно и другое: революционное действие стоит для него над всякой книгой, даже и над "Капиталом". 3 декабря 1891 г., т. е. через шесть лет, Энгельс объясняет Каутскому свое длительное молчание: "Виною в том третий том, над которым я снова потею". Он не только разбирает по убийственной рукописи главы о денежном капитале, банках и кредите, но и штудирует попутно соответствующую литературу. Правда, он знает заранее, что сможет оставить рукописи в большинстве случаев такими, как они вышли из-под пера Маркса; но своими вспомогательными исследованиями он хочет обеспечить себя от промахов при редактировании. Ко всему этому еще бездна мелких технических забот! Энгельс переписывается по поводу того, нужна или не нужна в таком-то месте текста запятая, и особо благодарит Каутского за открытую им в рукописи буквенную описку. Это не педантизм, это - добросовестность, для которой нет ничего безразличного, когда речь идет о научных итогах жизни Маркса.

От слепого преклонения перед текстом Энгельс, однако, дальше, чем кто бы то ни было. Просматривая изложение экономической теории Маркса, сделанное французским социалистом Девилем⁸⁸, Энгельс часто впадал, по собственным словам, в искушение вычеркивать или исправлять отдельные фразы, которые на проверку оказывались... фразами самого Маркса. Но суть в том, что "в оригинале они, благодаря всему предшествующему, подвергались ясному ограничению. У Девиля же принимали абсолютно всеобщее и тем самым неправильное значение" (стр. 95). В немногих словах здесь дана классическая характеристика столь обычных злоупотреблений с готовыми формулами учителя ("magister dixit"⁸⁹).

Но и это еще не все. Энгельс не только расшифровывает, обрабатывает, переписывает, корректирует и комментирует второй и третий тома "Капитала", - он зорко охраняет память Маркса от враждебных покушений. Консервативный прусский социалист Робертус⁹⁰ и его почитатели утверждали, что Маркс использовал научное открытие Робертуса без ссылок на него, т. е. совершил, другими словами, плагиат. "Какое чудовищное невежество нужно, - пишет Энгельс Каутскому в 1884 г., - чтобы утверждать нечто подобное" (стр. 140). И Энгельс заново штудирует ненужного ему Робертуса, чтобы во всеоружии опровергнуть обвинение.

В письмах к Каутскому находит не менее яркое отражение и эпизод с известным немецким экономистом Брентано⁹¹, обвинившим Маркса в ложном цитировании Гладстона⁹². Кто, как не Энгельс, знал научную скрупулезность Маркса, который к каждой, даже и абсурдной идее противника относился с таким же вниманием, с каким бактериолог относится к болезнетворной бацилле. Упрек в изысканной добросовестности десятки встречается в письмах Энгельса к Марксу и к общим друзьям. Немудрено, если все другие работы отодвигаются

ради гневного опровержения Брентано.

Энгельс носился с мыслью написать биографию Маркса. Никто не мог бы написать ее так, как он, ибо она, по необходимости, должна была бы явиться в значительной степени автобиографией самого Энгельса. "К этой работе, - пишет он Каутскому, - о которой я давно уже думаю с радостью, я приступлю сейчас же, как только смогу" (стр. 382). Энгельс обещает себе не отвлекаться: "Мне 74 года - я должен торопиться". И сейчас еще нельзя без горечи думать о том, что Энгельсу не удалось "поторопиться" и выполнить свой замысел.

Для готовившегося в Швейцарии народного олеографического портрета⁹³ Маркса Энгельс дал через Каутского описание своего умершего друга в красках: "Настолько смуглый, насколько это вообще возможно для южного европейца, без большой румяности на щеках... Усы черные как смоль, с белыми волосками, а волосы на голове и борода снежно-белые" (стр. 149). Из этого описания становится яснее, почему Маркса в семье и в кругу друзей называли Мавром.

Учитель вождей

В первые два года переписки Энгельс пишет в обращении: "Дорогой господин Каутский" (слово "товарищ" еще не пользовалось признанием); после первого сближения в Лондоне обращение сокращается до двух слов: "Дорогой Каутский"; с марта 1884 года Энгельс переходит с Бернштейном и Каутским, каждый из которых был моложе его на 25 лет, на "ты". "С 1883 года, - пишет не без основания Каутский, - Энгельс рассматривал Бернштейна и меня как наиболее надежных представителей Марксовой теории" (стр. 93). В переходе на ты скрывалось несомненное расположение учителя к молодым ученикам. Но действительной близости внешняя фамильярность не означала: мешало ей главным образом то, что и Каутский, и Бернштейн были изрядно пропитаны филистерством. Во время их долгого пребывания в Лондоне Энгельс помог им усвоить марксистский метод. Но он не мог привить им ни революционной воли, ни смелой мысли. Ученики были и остались детьми другого духа.

Маркс и Энгельс пробудились в бурную эпоху и прошли через революцию 1848 года уже как сложившиеся бойцы. Каутский и Бернштейн сформировались в течение сравнительно мирного промежутка между той эпохой войн и революций, которая тянулась от 1848 до 1871 года, и той, которая, открывшись русской революцией 1905 года и мировой войной 1914 года, далеко еще не закончилась и сейчас. Всю свою долгую жизнь Каутский умел уклоняться от выводов, которые грозили нарушить его умственный или физический покой. Он не был революционером, и это безнадежно отдаляло его от красного Генерала.

Да и помимо этого они были слишком различны. При непосредственном общении Энгельс, несомненно, только выигрывал: его личность была богаче и привлекательнее всего того, что он писал и делал. Ни в каком случае нельзя сказать того же о Каутском. Лучшие из его книг гораздо умнее его самого. При личном общении он сильно терял. Может быть, этим объясняется отчасти тот факт, что Роза Люксембург, которая жила бок о бок с Каутским, разглядела его филистерство раньше Ленина, несмотря на то, что уступала Ленину в политической проницательности. Но это относится уже к более позднему времени.

Из переписки совершенно очевидно, что не только в политической, но и в теоретической области между учителем и учеником всегда оставалась незримая перегородка. О работах Франца Меринга или Георгия Плеханова Энгельс, вообще скупой на похвалы, отзывался иногда с восторгом ("Ausgerechnet!"⁹⁴). Каутского он одобряет всегда сдержанно, а под критикой его чувствуется оттенок раздражения. Как и Маркса при первом появлении Каутского в его доме, Энгельса отталкивали всезнайство и пассивное самодовольство молодого венца. Как легко находил он ответы на самые сложные вопросы! Правда, Энгельс сам склонен бывал к поспешным обобщениям; но у него зато были орлиные крылья и орлиный взор, а с годами он все больше перенимал у Маркса беспощадную к себе научную добросовестность. Каутский же при всех своих способностях был человеком золотой середины.

"Девять десятых нынешних немецких писаний, - так предостерегал учитель ученика, - составляют писания о других писаниях" (стр. 139). Это значит: нет исследования живой действительности, нет движения мысли вперед. По поводу работ Каутского по вопросам первобытной истории Энгельс пытается внушить ему, что в этой большой и темной области сказать что-нибудь действительно новое можно не иначе, как изучив вопрос до конца. "Иначе, - прибавляет он

довольно безжалостно, - книги, подобные 'Капиталу', были бы гораздо чаще" (стр. 85).

Через год (20 сентября 1884 г.) Энгельс снова ставит Каутскому в упрек "аподиктические утверждения⁹⁵ в таких областях, где ты сам не чувствуешь себя твердым" (стр. 144). Эта нота проходит через всю переписку. Упрекая Каутского в вульгарном осуждении "абстракции", - без абстрактного мышления нет мышления вообще, - Энгельс дает классическое определение животворной и мертвящей абстракции. "Маркс сводит имеющееся в вещах и отношениях общее содержание к его наиболее всеобщему мысленному выражению; его абстракция воспроизводит, следовательно, лишь в мысленной форме содержание, уже заложенное в самих вещах. Робертус же создает себе более или менее несовершенное мысленное выражение и мерит вещи этим понятием, по которому они должны равняться" (стр. 144). Девять десятых ошибок человеческого мышления укладывается в эту формулу. Через одиннадцать лет в последнем своем письме Каутскому Энгельс, отдавая должное его исследованию о "предтечах социализма", снова делает автору упрек в склонности к "общим местам там, где имелся пробел в изучении". "В отношении стиля ты, чтоб оставаться популярным, впадаешь то в тон передовой статьи, то в тон школьного учителя" (стр. 388). Нельзя выразиться более метко о литературной манере Каутского!

В то же время умственная щедрость учителя по отношению к ученику поистине неистощима. Важнейшие статьи плодovitого автора он прочитывает в рукописи, и каждое из его критических писем содержит неоценимые указания, плод серьезных размышлений, а иногда и изысканий. Известная работа Каутского "Классовые противоречия во французской революции", переведенная почти на все языки цивилизованного человечества, тоже прошла, как оказывается, через умственную лабораторию Энгельса. Большое письмо его, посвященное социальным группировкам в эпоху Великой революции XVIII века и, заодно, - применению материалистического метода к историческим событиям, представляет собой один из самых великолепных документов человеческой мысли. Оно слишком сжато и каждой своей формулой предполагает слишком значительный багаж знаний, чтобы войти в обиход массового чтения; но кто серьезно продумывал динамику классовых отношений в революционную эпоху, как и общие проблемы материалистического истолкования событий, - для того этот столь долго лежавший под спудом документ останется навсегда источником не только теоретического поучения, но и эстетического наслаждения.

Развод Каутского и конфликт с Энгельсом

Каутский утверждает - не без задней мысли, как увидим, - что Энгельс плохо разбирался в людях. Несомненно, Маркс был в гораздо большей мере "ловцом человекoв". Он лучше умел играть на их сильных и слабых сторонах и доказал это, например, своей нелегкой работой в крайне разношерстном Генеральном совете Первого Интернационала. Однако именно переписка Энгельса как нельзя лучше свидетельствует, что, если он не всегда счастливо маневрировал в личных отношениях, то это вытекало из его бурной непосредственности, но никак не из неумения распознавать людей. Сам Каутский, очень близорукий в вопросах психологии, приводит в качестве примера упрямую защиту Энгельсом друга дочери Маркса - Эвелинга⁹⁶, который оказался при несомненных способностях мало достойной личностью. Осторожно, но очень настойчиво Каутский стремится внушить ту мысль, что в отношении к нему лично Энгельс не проявил психологической чуткости. С этой целью и поднят, собственно, вопрос о способности Энгельса разбираться в людях.

Всю свою жизнь Энгельс особенно бережно относился к женщине, как угнетенной вдвойне. Этот энциклопедически образованный гражданин мира был женат на простой текстильной работнице, ирландке, а после ее смерти сошелся с ее сестрой. Его нежность к обеим была поистине замечательной. Недостаточный отклик Маркса на смерть Мэри Бернс, первой жены Энгельса, вызвал облачко в их отношениях, видимо, первое и последнее за 40 лет их дружбы. К дочерям Маркса Энгельс относился так, как если бы они были его собственными детьми; но в то время как сам Маркс, видимо, не без влияния своей жены, пытался вмешиваться в сердечные дела своих дочерей, Энгельс осторожно давал ему понять, что эти дела не касаются никого, кроме самих участников. Особенной любовью Энгельса пользовалась младшая дочь Маркса Элеонора⁹⁷. Ее другом стал Эвелинг, женатый человек, порвавший со своей первой семьей: это обстоятельство создавало вокруг "незаконной" четы

атмосферу удушливого, истинно британского лицемерия. Мудрено ли, если Энгельс взял под свою крепкую защиту Элеонору и ее друга, даже независимо от его моральных качеств? Элеонора боролась за свою любовь к Эвелингу, пока хватало сил. Энгельс не был слеп, но он считал, что вопрос о личности Эвелинга касается прежде всего Элеоноры. За собою он оставлял лишь долг защищать ее от лицемерия и злословия. "Руки прочь!" – упрямо говорил он благочестивым филистерам. В конце концов Элеонора не выдержала ударов личной жизни и покончила с собою.

Каутский ссылается на то, что Энгельс поддерживал Эвелинга также и в политике. Но это объясняется попросту тем, что Элеонора, как и Эвелинг, действовали политически под прямым руководством Энгельса. Правда, деятельность их далеко не дала ожидавшихся результатов. Но и деятельность их антагониста Гайндмана⁹⁸, за которого продолжает держаться Каутский, также закончилась крушением. Причину неудачи первых марксистских попыток надо искать в объективных условиях Англии, прекрасно вскрытых тем же Энгельсом. Его личная неприязнь к Гайндману питалась, в частности, тем, что тот упорно замалчивал имя Маркса, оправдываясь нелюбовью англичан к иностранным авторитетам. Энгельс, однако, подозревал, что в самом Гайндмане сидит "самый шовинистический Джон Буль"⁹⁹, какой только есть" (стр. 140). Каутский пытается отвести подозрения Энгельса на этот счет, как будто позорное поведение Гайндмана в войне – об этом у Каутского ни слова! – не обнаружило его злокачественный шовинизм до конца. Насколько же Энгельс и тут оказался проницательнее!

Однако главный пример "неумения" Энгельса разбираться в людях относится к жизни самого Каутского. В опубликованной ныне переписке большое, если не центральное, место занимает развод Каутского со своей первой женой¹⁰⁰. Это щекотливое обстоятельство и удерживало, видимо, Каутского так долго от выпуска старых писем в свет. Весь эпизод ныне впервые становится достоянием печати... Молодая чета Каутских прожила свыше трех лет в Лондоне в постоянном и безоблачном общении с Энгельсом и его домочадцами. Весть о разводе Карла и Луизы Каутских, происшедшем почти сейчас же после их переезда на континент, буквально потрясла Генерала. Все ближайшие друзья оказались помимо своей воли как бы моральными арбитрами в этом конфликте. Энгельс сразу и безоговорочно встал на сторону жены и не изменил этой позиции до конца.

В письме от 17 октября 1888 года Энгельс отвечает Каутскому: "Прежде всего следовало взвесить различие в положении женщины и мужчины при нынешних условиях... Мужчина только в самом крайнем случае, только после зрелого размышления, только при полной ясности относительно необходимости этого дела может предпринять этот наиболее крайний шаг, но и то в самой осторожной и мягкой форме" (стр. 227). В устах Энгельса, который хорошо знал, что сердечные дела касаются лишь самих заинтересованных, эти фразы звучат несколько неожиданной нравоучительностью. Но не случайно, однако, он направлял их по адресу Каутского... У нас нет ни возможности, ни основания пытаться разобраться в брачном конфликте, все элементы которого нам недоступны. Сам Каутский почти воздерживается от комментариев к своей давно ушедшей в прошлое семейной истории. Из его осторожных замечаний должно, однако, вытекать, что Энгельс определил свою позицию под односторонним влиянием Луизы. Но откуда взялось это влияние? Во время развода обе стороны оставались в Австрии. Как и в случае с Элеонорой, Каутский явно обходит суть дела. По всей своей натуре Энгельс был склонен – по крайней мере, при прочих равных условиях – встать на защиту слабейшей стороны. Но, очевидно, в его глазах и "прочие" условия не были равны. Сама возможность "влияния" на него Луизы говорит в ее пользу. Наоборот, в фигуре Каутского были черты, которые явно отталкивали Энгельса. Он мог молчать об этом, пока сношения ограничивались вопросами теории и политики. Но оказавшись по инициативе самого Каутского вовлеченным в его семейный конфликт, он без особого снисхождения высказал то, что думал. Взгляды человека и его нравы, как известно, совсем не одно и то же. В марксисте Каутском Энгельс явно чувствовал венского мелкого буржуа, самодовольного, эгоистичного и изрядно консервативного. Отношение к женщине – одно из важнейших мерил мужской личности. Энгельс считал, очевидно, что в этой области марксист Каутский нуждается еще в некоторых прописях буржуазного гуманизма. Прав был Энгельс или нет, но именно так объясняется его поведение.

В сентябре 1889 года, когда развод стал уже фактом, Каутский, желая, очевидно, показать, что он совсем не так черств и эгоистичен, неосторожно писал Энгельсу о своем "сострадании" к Луизе. Но именно это слово вызвало новый взрыв возмущения в ответ: "Луиза во всем этом деле держалась с таким героизмом и с такой женственностью... - гремел разгневанный Генерал, - что если вообще кого-либо следовало бы пожалеть, то конечно, не Луизу" (стр. 248). Эти беспощадные слова, следующие сейчас же за более примирительной фразой: "Вы двое только одни компетентны, и что вы одобряете, то мы - другие - должны принять" (стр. 248), дают безошибочный ключ к позиции Энгельса в конфликте и очень неплохо освещают всю его фигуру.

Дело с разводом сильно затянулось, так что Каутский оказался вынужден провести в Вене целый год. Вернувшись в Лондон (осенью 1889 г.), он уже не нашел у Энгельса того теплого приема, к которому привык. Мало того, Энгельс как бы демонстративно пригласил Луизу хозяйкой в свой дом, осиротевший со смертью старой Елены Демут. Луиза вышла вскоре вторично замуж и жила в доме Энгельса вместе со своим мужем. Наконец, Луизу Энгельс сделал одной из своих наследниц. В своих привязанностях Генерал был не только великодушен, но и упорен.

21 мая 1895 г. за десять недель до смерти больной Энгельс по случайному в сущности поводу написал Каутскому крайне раздраженное письмо, полное желчных упреков. Каутский категорически заверяет, что упреки были неосновательны. Возможно. Но на свою попытку рассеять подозрения старика ответа он не получил. 6 августа Энгельса не стало. Каутский пытается объяснить трагический для него разрыв состоянием болезненной раздражительности учителя. Объяснение явно недостаточное. Письмо Энгельса, наряду с гневными упреками, заключает в себе суждения о сложных исторических проблемах, дает доброжелательную оценку последней научной работы Каутского и вообще свидетельствует о высокой ясности духа. К тому же мы знаем от самого Каутского, что перемена в отношениях наступила лет за 7 до разрыва и сразу приняла недвусмысленный характер.

В январе 1889 года Энгельс еще твердо рассчитывал сделать Каутского и Бернштейна литературными душеприказчиками Маркса и своими собственными. В отношении Каутского он, однако, скоро отказался от этой мысли. Уже отданные ему для разборки и переписки рукописи ("Теории прибавочной стоимости") Энгельс под явно искусственным предлогом вытребовал обратно. Это произошло в том же 1889 г., когда о болезненной раздражительности не было еще и речи. О причинах того, почему Энгельс вычеркнул Каутского из числа своих литературных душеприказчиков, мы можем высказать только догадку; но она властно вытекает из всех обстоятельств дела. Сам Энгельс, как мы знаем, относился к изданию литературного наследия Маркса как к главному делу своей жизни. У Каутского этого отношения не было и в помине. Молодой плодовитый писатель был слишком занят самим собою, чтобы отдавать рукописям Маркса то внимание, какого требовал для них Энгельс. Может быть, старик опасался даже, что много пишущий Каутский вольно или невольно использует отдельные мысли Маркса для собственных "открытий". Только так можно объяснить замену Каутского Бебелем, теоретически гораздо менее подходящим, но зато пользовавшимся полным доверием Энгельса. К Каутскому этого доверия не было.

Если мы до сих пор слышали от Каутского, что Энгельс, в отличие от Маркса, был плохим психологом, то в другом месте своих комментариев Каутский берет уже обоих своих учителей за общие скобки: "Большими знатоками людей, - пишет он, - видимо, они не были оба" (стр. 44). Эта фраза кажется невероятной, если вспомнить богатство и несравненную меткость личных характеристик, рассеянных не только в письмах и памфлетах Маркса, но и в его Капитале. Можно сказать, что Маркс по отдельным признакам устанавливал человеческий тип, как Кювье¹⁰¹ по челюсти - животное. Если Маркс не разгадал в 1852 году венгерско-прусского провокатора Бангия (Bangya)¹⁰², - единственный пример, на который ссылается Каутский! - то это лишь доказывает, что Маркс не был ни ясновидящим, ни хиромантом и мог делать ошибки в оценке людей, особенно случайно подвернувшихся. Своим утверждением Каутский явно стремится ослабить впечатление от неблагоприятного отзыва, который Маркс дал о нем после первого и последнего с ним свидания. В полном противоречии с собою Каутский пишет двумя страницами ниже, "что Маркс очень хорошо владел искусством обращения с людьми, это он наиболее блестящим

образом показал, несомненно, в Генеральном Совете Интернационала." (стр. 46) Остается спросить: как можно руководить людьми, тем более "блестяще", не умея распознавать их характер? Нельзя не прийти к выводу, что Каутский плохо подвел итоги своим отношениям с учителями!

Оценки и прогнозы

В письмах Энгельса рассыпаны характеристики отдельных лиц и афористические суждения о событиях мировой политики. Ограничимся немногими примерами. "Парадоксальный беллетрист Шоу¹⁰³, - как беллетрист, очень талантливый и остроумный, как экономист и политик - абсолютно негодный" (стр. 338). Отзыв 1892 года и сейчас сохраняет всю свою силу. Известный журналист В.Т.Стэд¹⁰⁴ характеризуется как "совершенно взбалмошный парень, но блестящий делец" (стр. 298). О Сиднее Веббе Энгельс отзывается кратко: "ein echter britischer politician"¹⁰⁵ (истинно британский политикан). Из всех отзывов Энгельса это, может быть, самый неприязненный.

В январе 1889 года, в разгар буланжистской кампании во Франции, Энгельс писал: "Избрание Буланже¹⁰⁶ приводит положение во Франции к кризису. Радикалы... превратили себя в слуг оппортунизма и коррупции и этим буквально вскормили буланжизм" (стр. 231). Эти строчки поражают своей свежестью - стоит только сегодня буланжизм заменить фашизмом.

Теорию об "эволюционном" превращении капитализма в социализм Энгельс бичует, как "благочестиво-жизнерадостное 'врастание' старого свинства в социалистическое общество". Эта эпиграмматическая формула предвосхищает итог прений, которые заняли впоследствии долгие годы.

В том же письме Энгельс обрушивается на речь социал-демократического депутата Фольмара¹⁰⁷ "с ее... излишними и сверх того неправомочными заверениями, что социал-демократы не останутся в стороне, если отечество подвергнется нападению, - будут, следовательно, помогать защищать аннексию Эльзаса-Лотарингии..." Энгельс требовал, чтоб руководящие органы партии публично дезавуировали Фольмара. Во время великой войны¹⁰⁸, когда немецкие социал-патриоты трепали имя Энгельса на все лады, Каутский не догадался опубликовать эти строки. К чему? Война и без того доставила ему слишком много беспокойств.

1 апреля 1895 г. Энгельс протестует против того употребления, которое сделал из его предисловия к марксовой "Классовой борьбе во Франции" центральный орган партии "Форвертс". При помощи пропусков статья так искажена, - возмущается Энгельс, - "что я оказываюсь миролюбивым поклонником законности во что бы то ни стало". Он требует устранить во что бы то ни стало "это постыдное впечатление" (стр. 383). Энгельс, которому шел в это время 75-ый год, явно не успел отрешиться от революционных увлечений молодости!

*

Если уж говорить об ошибках Энгельса в людях, то в качестве примера следовало бы привести не неопрятного в личных делах Эвелинга и не шпиона Бангия, а виднейших вождей социализма: Виктора Адлера, Геда, Бернштейна, самого Каутского и многих других. Все они, без исключения, обманули его ожидания, правда, уже после его смерти. Но именно этот повальный характер "ошибки" свидетельствует, что дело шло совсем не о проблемах индивидуальной психологии.

О германской социал-демократии, которая делала быстрые успехи, Энгельс писал в 1884 г., как о партии, "свободной от всякого шовинизма в наиболее опьяненной победой стране Европы" (стр. 154). Позднейший ход развития показал, что Энгельс слишком прямолинейно рисовал себе будущий ход революционного развития. Он не предвидел прежде всего того мощного капиталистического расцвета, который начался как раз после его смерти и длился до кануна империалистической войны: именно в течение этих пятнадцати лет экономического полнокровия произошло полное оппортунистическое перерождение руководящих кругов рабочего класса. Оно полностью раскрылось в войне и привело в конце концов к постыдной капитуляции перед национал-социализмом.

По словам Каутского, Энгельс еще в 80-ые годы считал, будто бы, что германская революция "сперва приведет к власти буржуазную демократию, и лишь

затем - социал-демократию", в противовес чему он, Каутский, уже тогда предвидел, что "ближайшая немецкая революция может быть только пролетарской" (стр. 190). Но замечательно, что в связи с этим старым, вряд ли правильно воспроизводимым разногласием Каутский совсем не ставит вопроса о том, какую же была в действительности немецкая революция 1918 года? Иначе ему пришлось бы сказать: революция эта была пролетарской; она сразу вручила власть социал-демократии; но эта последняя при участии самого Каутского вернула власть буржуазии, которая оказавшись неспособной удержать власть, призвала на помощь Гитлера.

Историческая действительность неизмеримо богаче возможностями и переходными этапами, чем самое гениальное воображение. Политические прогнозы ценны не тем, что они совпадают с каждым этапом действительности, а тем, что они помогают разбираться в ее подлинном развитии. Под этим углом зрения Фридрих Энгельс выдержал экзамен истории.

Л.Троцкий

Oslo, Kommunale Sykehus

15 октября 1935 г.

Сектантство, центризм и Четвертый Интернационал

Смешно было бы отрицать наличие сектантских тенденций в нашей среде. Они обнаружены целым рядом дискуссий и отколов. Да и как не быть элементам сектантства в идейном течении, которое непримиримо противостоит всем господствующим в рабочем классе организациям и подвергается во всем мире чудовищным, совершенно небывалым преследованиям? На наше "сектантство" по каждому поводу охотно указывают реформисты и центристы, причем чаще всего они имеют в виду не наши слабые, а наши сильные стороны: серьезное отношение к теории; стремление продумать каждую политическую обстановку до конца и дать ясные лозунги; нашу ненависть к тем "легким" и "удобным" решениям, которые сегодня избавляют от забот, но зато на завтра готовят катастрофу. Обвинение в сектантстве со стороны оппортунистов есть чаще всего похвала.

Курьез, однако, в том, что в сектантстве нас обвиняют нередко не только реформисты и центристы, но и противники "слева", заведомые сектанты, которых можно было бы в этом качестве демонстрировать в любом музее. Причиной их недовольства нами является наша непримиримость к ним самим, наше стремление очиститься от сектантских болезней детства и подняться на более высокую ступень.

Человеку поверхностному может казаться, что слова: сектант, центрист и пр. являются просто полемическими кличками, которыми противники обмениваются за недостатком других, более подходящих ругательств. Между тем понятие сектантства, как и понятие центризма, имеет в марксистском словаре вполне определенный смысл. На открытых им законах движения капиталистического общества марксизм построил научную программу. Огромное завоевание! Однако мало создать правильную программу. Надо, чтобы ее принял рабочий класс. Сектант же останавливается по сути дела на первой половине задачи. Активное вмешательство в реальную борьбу рабочих масс подменяется для него отвлеченной пропагандой марксистской программы.

Каждая рабочая партия, каждая фракция проходит на первых порах период чистой пропаганды, т. е. воспитания кадров. Кружковый период марксизма неизбежно прививает навыки абстрактного подхода к проблемам рабочего движения. Кто не умеет своевременно перешагнуть через рамки этой ограниченности, тот превращается в консервативного сектанта. Жизнь общества представляется ему большой школой, а сам он в ней - учителем. Он считает, что рабочий класс должен, оставив все свои менее важные дела, сплотиться вокруг его кафедры: тогда задача будет решена.

Хотя бы сектант в каждой фразе клялся марксизмом, он является прямым отрицанием диалектического материализма, который исходит из опыта и к нему возвращается. Сектант не понимает диалектического взаимодействия готовой программы и живой, т. е. несовершенной, незаконченной борьбы масс. По методам своего мышления сектант является рационалистом, формалистом, просветителем. На известной стадии развития рационализм прогрессивен: он направляется критически против слепого предания, против суеверий (XVIII век!).

Прогрессивная стадия рационализма повторяется в каждом большом освободительном движении. Но с того момента, когда рационализм (абстрактный пропагандизм) направляется против диалектики, он становится реакционным фактором. Сектантство враждебно диалектике (не на словах, а на деле) в том смысле, что оно становится спиной к действительному развитию рабочего класса.

Сектант живет в сфере готовых формул. Жизнь проходит мимо него, чаще всего не замечая его; но иногда она попутно дает ему такой щелчок, что он поворачивается на 180° вокруг своей оси и продолжает нередко идти по прямой линии, только... в противоположном направлении. Разлад с действительностью вызывает у сектанта потребность в постоянном уточнении формул. Это называется дискуссией. Для марксиста дискуссия - важное, но служебное средство классовой борьбы. Для сектанта дискуссия - самоцель. Чем больше, однако, он дискутирует, тем больше реальные задачи ускользают от него. Он похож на человека, который удовлетворяет жажду соленой водой: чем больше он пьет, тем сильнее жажда. Отсюда постоянное раздражение сектанта. Кто ему подсыпал соли? Наверное, "капитулянты" из Интернационального Секретариата. Сектант видит врага во всяком, кто пытается разъяснить ему, что активное участие в рабочем движении требует постоянного изучения объективных условий, а не высокомерного командования с сектантской кафедры. Анализ действительности сектант заменяет кляузой, сплетней, истерией.

Центризм является в известном смысле антиподом сектантства: он не выносит точных формул, ищет путей к действительности помимо теории. Но вопреки известной формуле Сталина, "антиподы" часто оказываются... "близнецами". Отрешенная от жизни формула пуста. Живая действительность вне теории неуловима. Так оба они - сектант и центрист - уходят в конце концов с пустыми руками и объединяются... на чувстве враждебности к подлинному марксисту.

Сколько раз встречался нам самодовольный центрист, который считает себя "реалистом" только потому, что пускается в плавание без всякого идейного багажа и отдается каждому встречному течению! Он не понимает, что принципы для революционного пловца - не мертвый груз, а спасательный круг. Сектант же, по общему правилу, вообще не хочет пускаться в плавание, дабы не замочить свои принципы. Он сидит на берегу и читает нравоучения потоку классовой борьбы. Но нередко отчаявшийся сектант бросается очертя голову в воду, хватается за центриста и помогает ему утонуть. Так было, так будет.

*

В нашу эпоху разложения и разброда можно в разных странах встретить немало кружков, которые усвоили себе марксистскую программу, чаще всего путем заимствования у большевиков, но превратили затем свой идейный багаж в большую или меньшую окаменелость.

Возьмем для примера лучший образец этого типа, именно, бельгийскую группу, руководимую товарищем Вареекенем. 10 августа орган этой группы "Спартакус"109, заявил о ее присоединении к IV Интернационалу. Это заявление следует приветствовать. Но нужно в то же время сказать заранее, что Четвертый Интернационал обрек бы себя на гибель, если бы сделал уступки сектантским тенденциям.

Вареекен был в свое время непримиримым противником вступления французской Коммунистической лиги в Социалистическую партию. Греха в этом нет: вопрос был новый, шаг рискованный, разногласия вполне допустимы. В известном смысле допустимы, по крайней мере, неизбежны, и преувеличения в идейной борьбе. Так, Вареекен предсказывал неизбежную гибель международной организации большевиков-ленинцев в результате ее "растворения" во Втором интернационале. Мы бы предложили Вареекену перепечатать сегодня его прошлогодние пророческие документы в "Спартакус". Но не в этом главная беда. Хуже то, что в своей нынешней декларации "Спартакус" лишь уклончиво отмечает, что французская секция "в значительной мере, скажем даже, в большой мере" оставалась верна своим принципам. Если бы Вареекен действовал как марксистский политик, он сказал бы ясно и точно, в чем именно наша французская секция отошла от своих принципов, и дал бы прямой и открытый ответ на вопрос о том, кто же оказался прав: сторонники вхождения или противники?

Еще неправильнее отношение Вареекена к нашей бельгийской секции, вступившей в реформистскую Рабочую партию. Вместо того, чтобы изучать опыт работы в новых условиях и критиковать реальные шаги, если они заслуживают критики, Вареекен продолжает жаловаться на условия той дискуссии, в которой он потерпел поражение. Дискуссия была, видите ли, неполной, недостаточной, нелояльной: Вареекен не удовлетворил своей жажды соленой водой. В Лиге вообще нет "настоящего" демократического централизма! Лига проявила по отношению к противникам вступления... "сектантство". Разве не ясно, что у т. Вареекена не марксистское, а либеральное понимание сектантства: в этом пункте он явно сближается с центристами? Неправда, будто дискуссия была недостаточна: она велась в течение ряда месяцев, устно и печатно, притом в интернациональном масштабе. После того, как Вареекену не удалось убедить других в том, что лучшая революционная политика есть топтание на месте, он отказался подчиниться решениям национальной и интернациональной организаций. Представители большинства не раз говорили Вареекену: если опыт покажет, что мы сделали неправильный шаг, мы общими силами исправим ошибку. Неужели же после 12-ти лет борьбы большевиков-ленинцев у вас нет настолько доверия к собственной организации, чтобы сохранить дисциплину действия даже и в случае тактических разногласий? Вареекен не вынул дружественным и терпеливым доводам. После вступления большинства бельгийской секции в Рабочую партию группа Вареекена естественно очутилась вне наших рядов. Вина в этом на ней самой, и только на ней.

Если вернуться к вопросу по существу, сектантство т. Вареекена выступает во всей своей догматической неприглядности. Как же так, - возмущался Вареекен, - Ленин говорил о разрыве с реформистами, а бельгийские большевики-ленинцы вступают в реформистскую партию! Но Ленин имел в виду разрыв с реформистами как неизбежный результат борьбы с ними, а не как спасительный акт независимо от места и времени. Раскол с социал-патриотами ему нужен был не для спасения собственной души, а для отрыва масс от социал-патриотизма. В Бельгии профессиональные союзы слиты с партией, бельгийская партия есть по существу организованный рабочий класс. Разумеется, вхождение революционеров в БРП не только открывало возможности, но и налагало ограничения. При пропаганде марксистских идей приходится считаться не только с легальностью партии (обе эти легальности, к слову сказать, в значительной мере совпадают). Приспособление к чужой "легальности" включает в себе, вообще говоря, несомненную опасность; но это не останавливало большевиков даже от использования царской легальности: в течение ряда лет большевики вынуждены были называть себя на собраниях профессиональных союзов и в легальной печати не социал-демократами, а "последовательными демократами". Правда, это не обошлось даром: к большевизму примкнуло изрядное число элементов, которые были лишь более или менее последовательными демократами, но никак не интернациональными социалистами; однако, дополняя легальную работу нелегальной, большевизм справился с затруднениями. Конечно, "легальность" Вандервельде, де Мана, Спаака и других лакеев бельгийской банократии налагает очень тяжелые ограничения на марксистов и тем порождает опасности. Но для борьбы с опасностями реформистского пленения у марксистов, еще недостаточно сильных для создания собственной партии, есть свои методы: точная программа, постоянная фракционная связь, интернациональная критика и проч. Правильно судить о деятельности революционного крыла в реформистской партии можно лишь, если оценивать динамику развития. Вареекен не делает этого по отношению к фракции "Action socialiste revolutionnaire"¹¹⁰, как и по отношению к "Verit". Иначе он не мог бы не признать, что ASR проделала за последний период очень серьезное движение вперед. Каковы будут окончательные итоги, сейчас еще предсказать нельзя. Но вхождение в БРП уже оправдано опытом.

*

Расширяя и обобщая свою ошибку, Вареекен утверждает, что существование отдельных мелких групп, отколовшихся на разных этапах от нашей интернациональной организации, есть доказательство наших сектантских методов. Так реальные отношения опрокидываются вниз головой. На самом деле на первых порах к большевикам-ленинцам примкнуло немалое количество

элементов анархического и индивидуалистического склада, вообще неспособных к организационной дисциплине, а иногда и просто неудачников, не сделавших карьеры в Коминтерне. Борьбу против "бюрократизма" эти элементы понимали примерно так: никаких решений никогда не выносить, а вместо этого учредить "дискуссию" как перманентное занятие. Можно сказать с полным правом, что большевики-ленинцы проявили очень много, может быть, слишком много терпения к такого рода одиночкам и группам. Только с того времени, как сложилось международное ядро, которое стало помогать национальным секциям очищать свои ряды от внутреннего саботажа, начался действительный и систематический рост нашей международной организации.

Возьмем несколько примеров групп, отколовшихся от нашей международной организации на разных этапах ее развития.

Французский журнал "Que faire"¹¹¹ является поучительным образцом сочетания сектантства с эклектикой. В важнейших вопросах журнал излагает взгляды большевиков-ленинцев, переставляя запятые и делая нам строгие критические замечания. В то же время в журнале ведется безнаказанная защита социал-патриотических пошлостей под видом дискуссии и под прикрытием "защиты СССР". Как и почему интернационалисты из "Que faire", порвав с большевиками, уживаются мирно с социал-патриотами, этого они и сами не могут объяснить. Ясно, однако, что при таком эклектизме "Que faire" меньше всего способен ответить на вопрос, что делать (que faire). В одном лишь согласны и интернационалисты, и социал-патриоты: ни в каком случае в 4-ый Интернационал! Почему? Нельзя "отрываться" от коммунистических рабочих. Тот же довод мы слышим от САП: не отрываться от социал-демократических рабочих. И здесь антиподы оказываются близнецами. Курьез, однако, в том, что ни с какими рабочими "Que faire" не связан, и по самой своей сущности связаться не может.

О группах "Internationale"¹¹² или "Proletaire"¹¹³ можно сказать еще меньше. Они тоже составляют свои взгляды на основании последних номеров "Verit" с приправой критических импровизаций. Никаких перспектив революционного роста у них нет; но они обходятся без перспектив. Вместо того, чтобы учиться в рамках более серьезной организации (учиться трудно), эти не любящие дисциплины и очень претенциозные "вожди" хотят учить рабочий класс (это им кажется легче). В минуты трезвого размышления они должны сами видеть, что само существование их как "независимых" организаций есть чистейшее недоразумение.

В Соединенных Штатах можно назвать группы Филда и Вейсборда. Филд по всему своему политическому складу - буржуазный радикал, усвоивший себе марксистские экономические воззрения. Чтобы стать революционером, Филду надо было бы ряд лет поработать в революционной пролетарской организации в качестве дисциплинированного солдата; между тем он начал с того, что решил создать "свое собственное" рабочее движение. Заняв позицию "влево" от нас (как же иначе?), Филд вскоре вступил в дружественные отношения с САП. Анекдотическое приключение с Бауэром, как видим, вовсе не является случайным. Стремление встать влево от марксизма фатально заводит в центристское болото.

Вейсборд, несомненно, ближе к революционному типу, чем Филд. Но вместе с тем он представляет наиболее чистый образец сектанта. Он абсолютно неспособен соблюдать пропорции ни в идеях, ни в действиях. Из каждого принципа он делает сектантскую карикатуру. Поэтому даже правильные идеи становятся в его руках орудием дезорганизации собственных рядов.

Незачем останавливаться на подобных же группах в других странах. Они откололись от нас не потому, что мы были нетерпимы или нетерпеливы, а потому, что они сами не хотели и не умели идти вперед. Со времени откола они успели лишь обнаружить свою несостоятельность. Попытки их объединиться друг с другом в национальном или интернациональном масштабе ни разу не привели к результату: сектантству свойственна только сила отталкивания, но не сила притягивания.

Какой-то чудаков подсчитал, сколько у нас было "расколов", и насчитал, кажется, несколько десятков. В этом он видел убийственную улику против нашего плохого режима. Курьез состоит в том, что в самой САП, торжественно опубликовавшей эти исчисления, произошло за немногие годы ее существования больше расколов и отколов, чем во всех наших секциях вместе взятых. Сам по себе этот факт, однако, ни о чем не говорит. Нужно брать не голую статистику

расколов, а диалектику развития. После всех своих расколов САП осталась крайне разнородной организацией, которая не выдержит первого напора больших событий. Еще в большей мере это относится к лондонскому "Бюро революционного социалистического единства", раздираемому непримиримыми противоречиями: его завтрашний день будет состоять не из "единства", а из одних расколов. Между тем, организация большевиков-ленинцев, очищаясь от сектантских и центристских тенденций, не только спланивалась общими идеями, не только росла численно, не только укрепляла свою международную связь, но и нашла путь к слиянию с родственными ее по духу организациями (Голландия и С.Ш.С.А.114). Попытки САП взорвать голландскую партию (справа, через Молинаара15!) и американскую (слева, через Бауэра!) привели лишь к внутреннему сплочению обеих партий. Можно с уверенностью предсказать, что параллельно с распадом лондонского бюро будет идти все более быстрый рост организаций Четвертого Интернационала.

*

Как сложится новый Интернационал, через какие этапы он пройдет, какую окончательную форму он примет, - этого сейчас никто не может предсказать; да в этом нет и надобности: события укажут. Но начать надо с предъявления программы, которая отвечает задачам нашей эпохи. На основе этой программы надо группировать единомышленников, пионеров нового Интернационала. Другого пути не может быть.

"Коммунистический Манифест" Маркса-Энгельса, направленный непосредственно против всех видов утопически-сектантского социализма, со всей силой указывает, что коммунисты не противопоставляют себя реальному рабочему движению, а участвуют в нем, как авангард. В то же время сам "Манифест" был программой новой партии, национальной и интернациональной. Сектант удовлетворяется программой как рецептом спасения. Центрист руководится знаменитой (по существу, бессмысленной) формулой Эдуарда Бернштейна: "Движение - все, конечная цель - ничто". Марксист выводит научную программу из движения, взятого в целом, чтобы затем применить эту программу к каждому конкретному этапу движения.

Первые шаги нового Интернационала, с одной стороны, затруднены старыми организациями и их обломками, с другой - облегчены грандиозным опытом прошлого. Процесс кристаллизации, очень трудный и мучительный на первых порах, будет в дальнейшем иметь порывистый и быстрый характер. Нынешние международные события имеют неизмеримое значение для формирования революционного авангарда. На свой манер Муссолини - надо это признать - "помог" делу Четвертого Интернационала116. Большие конфликты сметают все половинчатое и искусственное, и, наоборот, укрепляют все жизнеспособное. В рядах рабочего движения война оставляет место только для двух течений: социал-патриотизма, не останавливающегося ни перед каким предательством, и смелого, идущего до конца революционного интернационализма. Именно поэтому центристы, боящиеся надвигающихся событий, ведут бешеную борьбу против Четвертого Интернационала. Они по-своему правы: выжить и развернуться в грохоте великих потрясений сможет только та организация, которая не только очищала свои ряды от сектантства, но и систематически воспитывала их в духе презрения ко всякой идейной половинчатости и трусости.

Л.Троцкий

22 октября 1935 г.

Уроки Октября

От редакции117

Настоящая статья написана для французской газеты "Революция"118, органа парижской организации революционной молодежи. Как читатели убедятся из содержания статьи, главная цель ее - показать на опыте Октябрьской революции гибельный характер политики "народного фронта" во Франции, как и в других странах. Нетрудно, разумеется, возразить, что в России 1917 года дело шло о революционной ситуации, которой нет еще в сегодняшней Франции. Но такой довод бьет мимо цели не только потому, что все элементы революционной

ситуации во Франции налицо, но и потому, что партия большевиков и в глухие годы реакции решительно и непримиримо выступала против тенденции меньшевиков к блоку с кадетами. Политика большевиков и меньшевиков в 1917 году полностью выросла из их предреволюционной тенденции.

Уроки Октября

Предложение Фреда Зеллера¹⁹ дать статью для "Революции" по поводу 18-ой годовщины Октябрьского переворота я не мог принять иначе, как с полной готовностью. Конечно, "Революция" – не "большая" ежедневная газета, а всего лишь стремится стать еженедельной. Высокопоставленные бюрократы могут по этому поводу делать презрительные гримасы. Но мне приходилось много раз наблюдать, как "могущественные" организации с "могущественной" прессой рассыпались в пыль под напором событий и как, наоборот, маленькие организации с технически слабой прессой в короткое время превращались в решающую историческую силу. Будем твердо надеяться, что именно такая судьба ждет вашу газету и вашу организацию.

В 1917 году Россия переживала острейший социальный кризис. Но можно сказать с уверенностью на основании всех уроков истории, что, если бы не было налицо партии большевиков, неизмеримая революционная энергия масс израсходовалась бы бесплодно в отдельных взрывах и великие потрясения закончились бы злейшей контрреволюционной диктатурой. Движущей силой истории является борьба классов. Однако слепой силы возмущения угнетенному классу недостаточно. Ему нужна правильная программа, крепкая партия, надежное и мужественное руководство, – не героев салонной и парламентской фразы, а революционеров, готовых идти до конца. Таков важнейший из уроков Октябрьской революции.

Не забудем, однако, что в начале 1917 года большевистская партия вела за собой лишь незначительное меньшинство трудящихся. Не только в солдатских, а и в рабочих советах большевистские фракции составляли обычно лишь 1-2%, в лучшем случае – 5%. Господствующие партии мелкобуржуазной демократии (меньшевики и так называемые "социалисты-революционеры") вели за собой, по меньшей мере, 95% рабочих, солдат и крестьян, участвовавших в борьбе. Большевиков вожди этих партий называли то сектантами, то... агентами германского кайзера. Но нет, большевики не были сектантами! Все их внимание было направлено на массы, причем не на верхний только слой, а на самые глубокие, самые угнетенные миллионы и десятки миллионов, о которых парламентские болтуны обычно забывают. Именно для того, чтобы повести за собой пролетариев и полупролетариев города и деревни, большевики считали необходимым резко отделиться от всех фракций и группировок буржуазии, начиная с тех фальшивых "социалистов", которые по сути дела состоят агентами буржуазии.

Патриотизм является важнейшей частью той идеологии, при помощи которой буржуазия отравляет классовое сознание угнетенных и парализует их революционную волю, ибо патриотизм означает подчинение пролетариата "нации", на которой верхом сидит буржуазия. Большевики и соц[иалисты]-революционеры были патриотами: до Февральского переворота – наполовину замаскированными, после Февраля – открытыми и явными. Они говорили: "У нас теперь республика, притом самая свободная в мире: даже солдаты у нас организованы в советы; эту республику мы должны защищать от германского милитаризма". Большевики отвечали: "Бесспорно, российская республика является сейчас самой демократической; но эта поверхностная политическая демократия может завтра же рассыпаться прахом, ибо она держится на капиталистическом фундаменте. До тех пор, пока трудящийся народ под руководством пролетариата не экспроприрует собственных помещиков и капиталистов и не порвет грабительские договоры с Антантой, мы не можем считать Россию нашим "отечеством" и не можем брать на себя ее защиту". Противники негодовали: "Тогда вы не просто сектанты, а агенты Гогенцоллерна! Вы предаете ему российскую, французскую, английскую и американскую демократии!" Но сила большевиков состояла в том, что они умели презирать патриотические софизмы трусливых "демократов", которые называли себя социалистами, а на самом деле стояли на коленях перед капиталистической собственностью.

Судьей в споре являлись трудящиеся массы, и их приговор чем дальше, тем больше склонялся в пользу большевиков. И немудрено. Советы объединяли тогда вокруг себя все те пролетарские, солдатские и крестьянские массы, которые пробудились для борьбы, и от которых зависела судьба страны. "Единый фронт"

меньшевиков и соц[иалистов]-революционеров господствовал в советах и фактически имел в своих руках власть. Буржуазия была политически совершенно парализована, потому что 10 миллионов солдат, измученных войною, стояли во всеоружии на стороне рабочих и крестьян. Но вожди "единого фронта" больше всего боялись "испугать" буржуазию и "оттолкнуть" ее в лагерь реакции. Единый фронт не решался прикоснуться ни к империалистической войне, ни к банкам, ни к помещичьему землевладению, ни к заводам и фабрикам. Он топтался на месте, источал из себя общие фразы, а массы теряли терпение. Мало того: меньшевики и эсеры прямо передали власть партии кадетов, отвергнутой трудящимися и ненавистной им. Кадеты представляли собою империалистическую буржуазную партию, опирающуюся на верхи "средних классов", но во всех основных вопросах остававшуюся верной интересам "либеральных" собственников. Кадетов можно сравнить, пожалуй, с французскими радикалами: та же социальная опора, т. е. "средние классы"; та же "левая" программа; те же виляния между "народом" и финансовым капиталом; то же убаюкивание народа пустыми фразами и та же верная служба интересам империализма. Как и у радикалов, у кадетов были свое правое и свое левое крыло: левое - чтобы морочить народу голову; правое - чтобы делать "серьезную" политику. Меньшевики и эсеры думали найти поддержку средних классов посредством союза с кадетами, т. е. с эксплуататорами и обманщиками средних классов; этим самым социал-патриоты подписали себе смертный приговор.

Привязав себя добровольно к колеснице буржуазии, вожди меньшевиков и соц[иалистов]-революционеров уговаривали трудящихся отложить экспроприацию собственников на будущее, а пока что... умирать на фронте за "демократию", т. е. за интересы той же буржуазии. "Нельзя отталкивать кадетов в лагерь реакции", - повторяли оппортунисты, как попугаи, на бесчисленных митингах. Но массы не хотели и не могли этого понять. Ведь они же отдали все свое доверие единому фронту меньшевиков и "соц[иалистов]-революционеров"; они готовы были в любой момент поддержать единый фронт с оружием в руках против буржуазии. Между тем партии единого фронта, заручившись доверием народа, призвали к власти буржуазную партию, а сами прятались за ее спину. Трусости и вероломства пробужденная революционная масса никогда не прощает. Сперва петербургские рабочие, за ними - пролетариат всей страны, за пролетариатом - солдаты, а за солдатами - крестьяне в течение нескольких месяцев убедились на опыте, что большевики были правы. Так в течение немногих месяцев кучка "сектантов", "авантюристов", "заговорщиков", "агентов Гогенцоллерна" и проч. и проч. превратилась в руководящую партию миллионов пробужденного народа. Верность революционной программе, непримиримая вражда к буржуазии, решительный разрыв с социал-патриотами, глубокое доверие к революционной силе масс - таковы важнейшие уроки Октября.

Вся большая пресса, включая газеты меньшевиков и "соц[иалистов]-революционеров"¹²⁰, вела бешеную, поистине небывалую в истории травлю против большевиков. Тысячи и тысячи тонн газетной бумаги покрывались сообщениями о том, что большевики находятся в связи с царской полицией, что они получают из Германии золото вагонами, что Ленин скрылся на немецком аэроплане и проч. и проч. В первые месяцы после Февраля этот водопад клеветы оглушил массы. Матросы и солдаты не раз грозили взять Ленина и других вождей большевизма на штыки. В июле 1917 года кампания клеветы достигла высшего напряжения. Многие сочувствующие левые и полулевые, особенно из среды интеллигенции, испугались напора буржуазного общественного мнения. Они говорили: "Большевики, конечно, не агенты Гогенцоллерна, но они сектанты; они бестактны; они провоцируют демократические партии; с ними невозможно работать". Такова была, например, господствующая мелодия в большой ежедневной газете Максима Горького¹²¹, вокруг которого объединялись всякого рода центристы, полубольшевики-полуменьшевики, теоретически очень левые, но страшно боящиеся разрыва с меньшевиками и эсерами. А закон таков: кто боится разрыва с социал-патриотами, тот неизбежно становится их агентом.

Тем временем в массах происходил прямо противоположный процесс. Чем больше они разочаровывались в социал-патриотах, которые ради дружбы с кадетами предавали интересы народа, тем внимательнее они прислушивались к речам большевиков и тем более убеждались в их правоте. Рабочему на заводе, солдату в окопе, голодающему крестьянину становилось теперь ясно, что капиталисты и их прислужники так бешено клеветают на большевиков именно потому, что большевики непоколебимо преданы интересам угнетенных. Вчерашнее

негодование солдата или матроса против большевиков переплавлялось сегодня в горячую преданность им и беззаветную готовность следовать за ними до конца. И наоборот: ненависть масс к кадетской партии неизбежно переносилась на ее союзников: меньшевиков и "соц[иалистов]-революционеров". Кадетов социал-патриоты не спасли, но себя погубили. Окончательный перелом в массах, происшедший в течение 2-3 месяцев (август-сентябрь), подготовил возможность Октябрьской победы. Большевики овладели советами, а советы - властью.

*

Господа скептики могут сказать: но ведь Октябрьская революция привела в конце концов к торжеству бюрократии: стоило ли ее совершать? Этому вопросу следовало бы посвятить особую статью, а, может быть, и две. Здесь скажем кратко: история идет вперед не по прямой линии, а по кривой; за гигантским скачком вперед следует, как после артиллерийского выстрела, откат. Но история все же идет вперед. Советский бюрократизм есть, несомненно, злокачественная язва, угрожающая и завоеваниям Октябрьской революции, и мировому пролетариату. Но кроме бюрократического абсолютизма в СССР есть и кое-что другое: национализация средств производства, плановое хозяйство, коллективизация земледелия, которые, несмотря на чудовищный вред бюрократизма, ведут страну экономически и культурно вперед, в то время как капиталистические страны откатываются назад. Освободить Октябрьскую революцию из тисков бюрократизма может только развитие международной революции, победа которой действительно обеспечит построение социалистического общества.

Наконец, - и это немаловажно, - Октябрьская революция важна и тем, что дала ряд неопределимых уроков мировому рабочему классу. Если пролетарские революционеры Франции твердо усвоят эти уроки, они будут непобедимы.

Л.Троцкий

4 ноября 1935 г.

Э.Эррио, политик золотой середины

Эдуард Эррио, мэр Лиона, министр без портфеля, представляет сейчас центральную фигуру французской политической жизни. Это место он занимает не столько, может быть, по размерам своей личности, сколько по той политической функции, которую он выполняет в своей партии, а партия - в стране. Выводя свою родословную от якобинцев (одно из многих недоразумений!), радикалы представляют средние классы Франции, т. е. основную массу ее населения. Социальный кризис, наступивший во Франции позже, чем в других странах, означает прежде всего кризис средних классов, а следовательно, и их политического представительства: в этом и состоит, собственно, реальная основа кризиса парламентской демократии. Средние классы недовольны и даже ожесточены. Верх их тянут к фашизму, низы - к революции. Положение радикалов становится все более неустойчивым. Но костер, как известно, ярче всего вспыхивает перед тем, как потухнуть. Радикалы сейчас больше, чем когда бы то ни было, стоят в фокусе политики. За ними настойчиво, даже назойливо ухаживают справа и слева. Вожди радикалов заседают в правительстве Лавалея и ставят свои имена под драконовскими финансовыми декретами. В то же время радикальная партия в целом участвует в "Народном фронте", который мечет риторические молнии против правительства Лавалея и его декретов. Консервативный официоз "Le Temps" ежедневно апеллирует к патриотизму Эррио и к его испытанной рассудительности. "L'Humanité", орган коммунистов (очень благоразумных, очень умеренных, очень патриотических коммунистов), с такой же правильностью слагает гимны в честь демократизма Эррио, его республиканской верности и его дружбы к Советскому Союзу. Эррио, несомненно, очень чувствителен к похвалам "Le Temps" и не может не морщиться от неуклюжих похвал "Юманите". Но у него в партии два крыла. Одно восходит к банкам, другое спускается к крестьянам. Эдуарду Эррио приходится "делать хорошую мину при плохой игре". Долго ли, однако, протянется двусмысленная игра? Долго ли еще мэр Лиона останется центральной политической фигурой Франции?

*

Ораторское искусство Франции так богато классическими образцами, готовыми формулами и привычными ассоциациями, что чрезвычайно трудно, особенно по выправленным и наполовину мертвым протоколам, выделить ораторскую индивидуальность на плотном фоне национальной традиции. После смерти Жореса, атлетического и страстного мастера, который хотел свести идеи с философских небес на покрытую преступлениями землю, лучшим оратором Франции считался "очарователь" Бриан, который, оправдывая себя, льстил порокам и слабостям других. Что касается Эррио, которому многие после смерти Бриана отводят первое место, то у него нет ни сокрушительной патетики Жореса, ни ласкающей вкрадчивости Бриана. Оратор честно отражает радикального политика: он прозаичен. Его красноречие ходит скорее в туфлях, - правда, прочных, - чем на котурнах¹²². Удовлетворяя свои высшие запросы в области литературы и музыки, Эррио высвобождает здравый смысл для политики и даже для трибуны. Если у этого оратора есть поза, то это поза простоты, без доверчивости, но и без активного вероломства.

Здравый смысл был бы, однако, слишком тесен, если бы не был сдобрен сентиментальностью. Эррио охотно придает своим доводам вид личной исповеди и никогда не забывает напомнить о своей искренности. Если он прибегает к иронии, то настолько смягченной оговорками, что она кажется другим видом добродушия. Свидетели отмечают, что в случае надобности Эррио умеет вызывать слезы, в том числе и свои собственные. Но это те слезы, которые, облегчая душу, своевременно высыхают. На всем его стиле лежит неизгладимый оттенок внушительной, но не очень уверенной в себе золотой середины. Крупный парламентский оратор, без сомнения, но не великий.

На почву здравого смысла Эррио становится сознательно и настойчиво. Он не без основания видит - по крайней мере, видел до вчерашнего дня - источник своей силы в том, что мыслит и чувствует как "все" - не считая, разумеется, тех, которые мыслят иначе. Это "средний француз", но более крупного масштаба, так сказать, первый среди равных: он наделен даром отчетливого изложения, разносторонним, преимущественно гуманитарным образованием, сильным голосом и обнадеживающей фигурой. Этого немало. Но этого, может быть, все же недостаточно.

Лучший педагог не тот, который сходит к ученикам с высот, а тот, который поднимается вместе с ними на новую ступень. Сила Эррио как оратора заключается в такого рода педагогической непосредственности общения со слушателями. Секрет ее, однако, в том, что у Эррио нет какой-либо социальной концепции или политической перспективы. Вместе с аудиторией он пытается выбраться из затруднений при помощи ресурсов здравого смысла, и слушателям часто должно казаться, что их вождь вслух думает за них.

Эррио, несомненно, искренне убежден, что логика цивилизованного мелкого буржуа есть не только общефранцузская, но и общечеловеческая логика. Он рассуждает так, как если бы посредством доводов можно было привести к одному знаменателю все противоречия. Он проповедует и поучает. "Мы покинули школьные скамьи!" - бросил ему однажды Тардье. И эта неучтивая реплика вызывает гул одобрения в правом секторе, где гораздо лучше знают, чего хотят. Политика была бы очень простым делом, если бы ее можно было свести к системе логических аргументов. В действительности она состоит в столкновении социальных и национальных интересов. Но здесь кончаются права здравого смысла и убедительность Эррио как оратора.

В борьбе за доверие среднего француза Эррио больше всего озабочен, чтобы его, ввиду его "левой" репутации, не принимали за импровизатора, за дилетанта, или, хуже того, за мечтателя. "Что касается меня, - говорит он, - то у меня мало вкуса к синтезу... истинный метод перед лицом всех усложнений - это применить столь свойственный французам метод анализа, который расчленяет..." Философская тирада звучала в свое время как недружелюбный намек на Бриана, который изучение вопроса заменял чутьем. Эррио, несомненно, подражает Пуанкаре в прилежном подборе цитат и в классификации документов. Но нумерованные доводы нотариуса - излюбленный прием Пуанкаре - имеют мало общего со школой Паскаля¹²³ и Декарта: это еще не анализ. А кроме того, политика, в отличие от упражнений в семинариях, вовсе не исчерпывается анализом и синтезом: политика есть искусство больших

решений. Анализ и синтез лишь ориентируют волю. Но ясно, что оратор не может дать того, чего нет у политика: воли к действию.

Часто апеллируя то к своей политической, то к своей личной совести, Эррио при случае прибавляет: "Впрочем, это одно и то же". Так ли? Политика радикализма есть на самом деле политика постоянных внутренних конфликтов: слово у него расходится с делом, намерение с результатом. Причина двойственности лежит, однако, не в "личной совести" вождей, а в характере социальной опоры.

Поднимаясь на одном фланге до крупной буржуазии и спускаясь на другом до пролетариата, мелкобуржуазный радикализм обречен на роль неустойчивого центра. Те объективные противоречия, которые он пытается преодолеть, раздирают рикошетом его собственные ряды. Внутри радикальной партии место центра пытается по-прежнему удержать за собой Эррио. Он становится благодаря этому точкой приложения всех центробежных сил современного общества. Опасаясь скатиться влево, он недвусмысленно тянет вправо. Но там все места уже заняты партиями и политиками, которым крупная буржуазия доверяет больше, чем Эррио. Слева же стоят социалисты в тесном содружестве с вылинявшими коммунистами.

Несколько лет тому назад Эррио пришлось отложить в сторону свое благодушие и вступить в ожесточенную драку с социалистическими "друзьями", чтобы обеспечить себе в качестве мэра маленькое большинство в лионском муниципалитете. В парламенте социалисты оказывали радикалам двусмысленную поддержку с расчетом вытеснить их из деревень, как уже вытеснили из городских центров. С правого крыла не переставали приглашать Эррио примкнуть к буржуазной концентрации. Но Эррио пытался сперва устоять: ведь цель "национальных" зазываний, на которых специализировался Temps, состоит в том, чтоб "окружить радикалов и задушить их".

"Я вам говорю без озлобления, - обращался Эррио к правому сектору палаты, прежде чем дал "окружить" себя, - что вы ошибаетесь". Оратор тут же поворачивается к левому крылу: "Я вам говорю дружески: и вы ошибаетесь". Такова симметрия золотой середины. Но она неустойчива в нашу эпоху, которая не выносит симметрии. Стоит Эррио оказаться на заседании собственной фракции, как он опять вынужден поочередно поворачиваться лицом к обоим флангам, главным образом, впрочем, к левому, со словами: "Вы ошибаетесь". Политик средней линии, он не находил бы самого себя, если бы не мог отталкиваться от флангов.

По разным поводам, не всегда счастливым, Эррио приглашает противников признать, что у него и его партии нет, по крайней мере, недостатка в "мужестве". Опять иллюзия! Если под мужеством понимать не личную смелость, а политическую решимость на большие действия, то французский радикализм представляет прямое отрицание мужества. Причина и здесь лежит вне отдельных лиц: характеры вождей подбираются и воспитываются в соответствии с тем историческим делом, которому они служат.

Социальные отношения Франции, особенно рядом с Германией, казались очень устойчивыми. При всей своей калейдоскопичности, политика третьей республики долго оставалась равна самой себе. Причина устойчивости в слабом движении хозяйства и населения. Франция сберегает, накапливает, пускает деньги в оборот, но не меняет своих производственных основ. В хорошие месяцы и годы она далеко выдвигает свои золотые щупальца, чтобы, однако, сразу втянуть их, как только в мировой атмосфере почувствуется тревога. Это мудрость негативная, оборонительная и к тому же вступающая во все большее противоречие с европейской гегемонией страны. Мировая политика Франции есть прежде всего политика ее финансов. Средний француз, который отдает радикалам свои голоса, а банкам - свои сбережения, чувствует себя беспомощным в океане мировой политики, с его приливами и отливами, встречными течениями и водоворотами. Решающее слово здесь принадлежит банкирам и промышленным магнатам. В столкновении с ними радикализм теряет последние остатки мужества.

Придя к власти в 1924 году и подвергшись жестокому обстрелу со скамей парламентской правой, особенно со стороны тяжелой индустрии и банков, Эррио успокаивал и оправдывался: "Выше всякой теории я ставлю интересы страны". С научной точки зрения эта формула поражает своей наивностью. "Теория", т. е. программа партии, по назначению своему должна быть не чем иным, как до конца продуманным выражением "интересов страны". Противопоставляя теорию

"интересам", Эррио признавал уже десять лет назад, что радикальная программа при всей своей умеренности не находит себе места в послевоенной действительности.

Кризис франка и государственных финансов в 1924 г. сразу поставил радикальное правительство лицом к лицу со всей системой финансового капитала. Биржа делала вид, что страшно боится радикалов. На самом деле Эррио смертельно испугался биржи: поэтому он и заклинал не брать его программу всерьез. В конце концов Эррио уступил свое место Пуанкаре. Вместе со своим антагонистом Тардые Эррио провел два года в министерстве концентрации, которое покинул затем лишь по категорическому требованию партии, против собственной воли, "со смертью в душе". По всему своему складу Эррио предпочел бы иметь авторитетных представителей крупного капитала в своем правительстве, а не в оппозиции. Но затруднение в том, что политики биржи предпочитают иметь свое правительство с Эррио в качестве заложника, как в 1926-[19]28 гг., и снова сегодня, а не в качестве колеблющегося суперарбитра между интересами крупной буржуазии и иллюзиями мелкой, как в 1924 и в 1932 году.

Тот факт, что Пуанкаре оказался в критическую минуту столь авторитетным для банков, укрепил навсегда его авторитет в душе Эррио. Вождь радикалов не упустил впоследствии ни одного случая, чтобы не повторить, иногда два или три раза в одной речи, о своем глубоком преклонении перед Пуанкаре. Можно ли себе представить якобинца, который почтительно склоняется перед авторитетом... Неккера124? Между тем Эррио продолжает считать себя якобинцем.

Призывая в декабре 1932 г. к уплате по американскому векселю, Эррио напоминал, что он вынужден лишь нести последствия чужой политики. Когда парламент проявил намерение не платить, Эррио воскликнул: "Другой, может быть, сможет завтра связать нить. Я буду помогать ему извне". "Связывать нить" пришлось, однако, самому Эррио. Шло ли дело о внешней политике или о внутренней, Эррио в качестве кратковременного министра-председателя начинал с неизменной ссылки на обстановку, которую он застал и которая предопределяет его путь. Точно кто-то другой решает за него каждый раз, что именно ему нужно делать. Разгадка проста: логика французского империализма могущественнее симпатий "среднего француза". Когда радикалы приходят к власти, они вынуждены защищать те же интересы, которым служит и национальный блок. Им остается лишь свобода выбора информации.

Высший довод Эррио против тех, которые противились очередному взносу, гласил: "Вы собираетесь из-за 480 миллионов франков разбить соглашение свобод против диктатур". Это звучит неплохо в политической акустике Франции. Но соглашение "трех великих демократий" остается лишь благочестивым пожеланием радикалов. Фактом же являлся в те дни - остается с некоторой трещиной и сейчас - союз Франции с тремя реакционными диктатурами: Польшей, Румынией и Югославией. Пацифистский адвокат или педагог в качестве министра обречен проводить политику, которая ему не по душе. Естественно, если радикальные депутаты недовольны своими министрами, а радикальные избиратели - своими депутатами. Столь же естественно, если недовольство тех и других обречено на бессилие. Сводя сложную механику к простейшей формуле, придется сказать: в больших вопросах мелкий буржуа фатально вынужден склоняться перед крупным.

Вскоре после падения своего второго министерства Эррио раскрыл афинскому телеграфному агентству высший смысл своей политики: "То, что я защищаю в моих последних речах, - это мораль Платона". В лице "горячо любимой" Греции Эррио приветствовал родину своей доктрины: "Я пожертвовал собою, чтобы остаться верным идеалу". Пожертвование собою имело, в сущности, не столь трагический характер: теснимый социалистами и собственной фракцией Эррио предпочел почетно свалиться на международном вопросе в ожидании того неизбежного момента, когда палата остынет от последних выборов и передвинет свой центр тяжести вправо. Может показаться на первый взгляд парадоксальным, что евангелие философского идеализма адресовано было Греции Венизелоса125 и Цалдариса126, которая вряд ли может служить образцом в вопросе об уплате долгов. Но нельзя не признать, что добрые намерения Эррио в отношении Уолл стрит действительно сохранили на этот раз... платонический характер.

Было бы ошибкой думать, что чрезмерно возвышенная мотивировка парламентского поражения есть просто неудачный оборот. Нет, философия

абсолютных ценностей входит необходимым элементом в душевное хозяйство Эррио. Подчиняясь вчерашнему дню с чисто консервативной покорностью, Эррио примиряет противоречие между своей "теорией" и навязываемой ему политикой в надзвездных пустотах философии: этот метод имеет то преимущество, что не повышает накладных расходов. Как самому Платону, "божественному" идеалисту с широкими плечами, культ чистой идеи не мешал вести торговлю оливковым маслом и третировать рабов подобно рабочему скоту, так преклонение перед вечной моралью не препятствует Эррио поддерживать систему Версаля. Тем и хорош платонизм, что позволяет вести два независимых текущих счета: один для духа, другой для материи. Если бы мы не боялись оскорбить в г. Эррио человека добрых нравов и вольтерьянца¹²⁷, мы сказали бы, что им руководят в последнем счете, те же психологические мотивы, которые побуждают великосветскую католичку раздваиваться между адюльтером и церковью.

С историей Эррио обращается примерно так же, как с философией: он черпает в ней скорее нравственные утешения, чем уроки действия. Такой метод позволяет ему, как это ни невероятно, вести свою генеалогию от революционеров 1793 года! Радикалы считают, что из традиций якобинизма они полнее всего ассимилировали антиклерикализм и патриотизм. Но антиклерикализм давно перестал быть боевой доктриной: дело сводится к мирному разделению труда между светской республикой и католической церковью. Что касается патриотизма, то у якобинцев он был неразрывно связан с провозглашением революционного принципа и с его защитой против феодальной Европы. Патриотизм Эррио не возвещает никакой новой идеи и тесно примыкает к патриотизму Тардьё. Тени Робеспьера и Сен-Жюста¹²⁸ потревожены напрасно. Недаром сам Пуанкаре покровительственно отзывался об Эррио: "Этому человеку свойственны национальные реакции".

Ссылки на якобинцев имеют у Эррио всегда беспредметный характер. Когда же ему нужны исторические образцы, он цитирует охотнее "великого либерала" Ламартина¹²⁹ и даже герцога де Брольи¹³⁰. В одной из парламентских речей Эррио ссылался на банальную фразу Людовика XV¹³¹ в доказательство... миролюбия "французского духа"! Идеалисты вообще обращаются с историей, как с оптовым складом моральных прописей. Обращение к Ламартину, впрочем, наименее случайно. Напыщенный поэт был не только фальшивым историком жирондистов, но и их эпигоном в политике. Радикализм Эррио не имеет ничего общего с Горой¹³²; это тот же жирондизм, но прошедший через огонь 1848 и 1871 годов и сжегший в нем остатки иллюзий.

*

Эррио был бы, несомненно, идеальным мэром Франции, если бы ему не мешали мировые противоречия, войны и опасности войн, репарации и долги, немецкий и итальянский фашизм, - словом, все то, что составляет физиономию нашей эпохи, не говоря уже о кризисе и безработице, недовольстве чиновников, диктаторских претензиях Тардьё, вооруженных отрядах полковника де ла Рокка и вероломной дружбе Блюма.

Положительная программа Эррио, от которой сам он так легко отрекается, состоит из блеклых принципов либерализма в жидком растворе "социализма": индивидуальная инициатива и индивидуальная свобода прежде всего; но - "в социальной среде, гармонизированной государством"; "производитель и потребитель должны понять, что их интересы солидарны"; "крестьянин и рабочий - братья". Если прибавить бесплатность обучения и светский характер школы, то программа внутренней политики будет почти исчерпана. Над ее фронтоном возвышенная лучезарная идея "прогресса" и образ Франции со светочем в руке.

Во внешней политике формулы Эррио, если возможно, еще менее определены. "Соглашение трех великих демократий"; "мир создают, веря в него"; "из дискуссии рождается всегда примирение"; "нужны не общие идеи - нужно изучение фактов". За подобными афоризмами средний француз предполагает программу действий; на самом деле за ними не кроется ничего, кроме растерянности перед сложностью мировой обстановки.

Творческой мысли было бы тщетно искать у радикального вождя, религией которого является выжидательная осторожность. Бриан отлично обходился без категорического императива и вообще без философских идей; зато его беззаботная находчивость подсказывала ему в нужных случаях если не

творческие идеи, то широкие и эластичные формулы. Достаточно вспомнить, – сейчас это уже звучит как исторический анекдот, – что 15 сентября 1929 года за дипломатическим завтраком, где собрались представители 27 государств, Бриан предложил приступить к созданию Соединенных Штатов Европы. Вот жест, на который Эррио не способен! Не потому, чтобы он был враждебен идее Соединенных Штатов Европы, если угодно, – всего мира. Прекрасная идея, высокая идея! Но слишком высокая, чтобы ее можно было вмешивать в практическую политику.

Послевоенная театральная дипломатия непрерывных личных контактов, ускоряемых самолетами, и женевских дискуссий: без выводов, но с аплодисментами, как бы специально создана для отвлечения внимания от все ту же затягивающихся узлов. Своим личным встречам с бывшим британским премьером Макдональдом Эррио придавал чрезвычайное политическое значение: так создается и обновляется "взаимное понимание". Чем меньше высокие собеседники доводят свои мысли до конца, чем чаще ссылаются со вздохом на свои парламенты и общественное мнение, чем больше вопросов откладывают до следующего раза, тем теснее становится обоим в пределах трех измерений эмпирической политики: Макдональд искал утешений в Старом и Новом Завете¹³³, Эррио – в светском богословии идеализма.

Внимательного иностранца не может не поражать то чрезмерное место, какое в речах французских политиков всех направлений занимают заверения в любви к Франции. И при самом большом словесном мастерстве трудно для одной и той же мысли находить каждый раз новое выражение: неудивительно, если повторные патриотические признания утомляют своим однообразием. Эррио счел однажды нужным присовокупить, что его любовь к Франции является "чувством глубоким, но скрытым и целомудренным". Протокол отмечает: "смех справа". Действительно: трудно считать чувство скрытым, если его целомудрие удостоверяется с парламентской трибуны.

Патриотическая декламация, не делающая чести столь изощренному вообще французскому вкусу, вытекает не столько из законной гордости грандиозной ролью, какую Франция играла в истории человечества, – такого рода чувство могло бы быть действительно более сдержанным, – сколько из тревоги за нынешнее мировое положение Франции, явно не отвечающее ее реальным силам. Исторические воспоминания служат лишь материалом для патриотической риторики; жизненным нервом ее является неумолчная и острая тревога, которой неспособны скрыть взаимные призывы к хладнокровию и самообладанию.

Эррио, конечно, всегда стоял за разоружение. Но материальному разоружению должно предшествовать моральное. Кроме того: действительный мир может быть основан только на безопасности. А безопасность нуждается в крепкой французской армии. Впредь до разумного сокращения вооружений народы должны видеть гарантию мира в оружии Франции. Кто не соглашается с этим, тот обнаруживает злую волю.

Чрезвычайно вообще сдержанный оратор, Эррио не находит достаточно резких слов по адресу нечестивцев, которые сомневаются в миролюбии Франции и ее правительства. Мы, со своей стороны, ни на минуту не сомневаемся в неподдельности пацифизма Эррио. Нужно только прибавить: это пацифизм победителя. Если не считать воинственных кочевников, победитель всегда склонен к пацифизму, притом тем решительнее, чем больше его победа и чем большими жертвами она оплачена. Формула насыщенного пацифизма проста: побежденный должен примириться со своей участью и не мешать победителю пользоваться плодами победы. Наполеон после каждой новой успешной кампании хотел, чтобы его оставили в покое. И если ему приходилось снова воевать, то только потому, что раздавленные им не хотели мириться с тиранией победителя. Если бы маленький капрал не относился столь презрительно к идеологии, он мог бы без труда свою заботу о мире поставить под знак Платона.

На конференции по разоружению (в каком столетии это происходило?) Эррио торжественно заявил: "Мы находимся здесь, чтобы провозгласить наше отвращение ко всякому империализму, открытому и замаскированному". Эти слова звучали бы убедительнее, если бы оратор дал себе труд пояснить, что он понимает под империализмом. Не будем пускаться в теоретические определения: простого напоминания о наиболее бесспорных признаках империализма для нас достаточно. Принудительное удержание отсталых стран на положении эксплуатируемых колоний есть самая явная, хотя далеко не единственная форма империализма. Насколько мы знаем, Эррио никогда не собирался отказываться от

колониальных владений Франции. Насильственное противодействие объединению какой-либо нации в границах национального государства (вопрос об аншлюссе¹³⁴ и коридоре¹³⁵); укрепление собственной гегемонии посредством военной и финансовой поддержки явно антинародных правительств в других странах (Польша, Румыния, Сербия) – если все это не империализм, то империализма вообще не существует на свете.

Захваты и насилия перестают для Эррио быть захватами и насилиями, раз они санкционированы давностью или, еще лучше, международными трактатами. Решают не моральные, не философские соображения; решает патриотический интерес: империализмом называется все то, что противоречит интересам Франции. Империалистов следует поэтому искать всегда за ее границами.

Чем меньше Эррио склонен к практическим уступкам в пользу побежденных противников, тем щедрее он оказывался в области философских репараций. Так, на той же конференции по разоружению он ссылаясь на Иммануила Канта¹³⁶, который в своем проекте вечного мира предвидел... Лигу Наций. О кенигсбергском мыслителе пришлось бы очень пожалеть, если бы он не предвидел ничего лучшего. Но сам факт апелляции к Канту очень характерен: вопрос переносится, по обычаю, из реальной области в трансцендентальную, а сверх того ссылка на немецкого классика должна была побудить немцев к миролюбию. К сожалению, осталось неразъясненным, предвидел ли Кант в системе вечного мира также и Версальский договор.

Философская цитата, однако, не помогла. Гитлер утвердился на развалинах веймарской демократии. Вооружение Германии вошло грозной реальностью в искусственный режим Версальской Европы. Британская дипломатия подняла голову, снова почувствовав себя в излюбленной роли арбитра. Муссолини, опираясь на вооружения Гитлера, предъявил Франции ультиматум: свободные руки в Африке как залог дружбы. Лаваль уступил. Прежде, однако, чем итало-эфиопский конфликт успел покончить с независимостью Эфиопии, или, наоборот, подпилить клыки итальянскому фашизму, он нанес жестокий удар международному положению Франции. Ее континентальная гегемония оказалась сразу под знаком вопроса. Метания между Италией и Англией вскрыли тяжелую международную зависимость французского империализма с его слишком узкой демографической и экономической базой. Кризис международного положения Франции осложняет ее и без того глубокий внутренний кризис, вырывая почву из-под ног империалистического пацифизма Эррио. Нельзя ли, однако, прочнее опереться на Москву?

После того, как большевики отбили все попытки интервенции и справились с внутренними противниками, интерес Эррио к Советам окрасился в цвет воспоминаний об эпохе якобинского террора. Во время посещения Советской республики в 1922 году Эррио беседовал с большевиками – не как единомышленник, конечно, но почти как доброжелатель, как наследник Горио¹³⁷, который умеет "понять" большевиков. Он интересовался хозяйственными и культурными мероприятиями революции, но более всего – успехами Красной армии. В советском календаре стоял еще очень тяжелый год, но гражданская война была закончена, и потрясенная страна уже начала подниматься. Сильно сокращенная в численности армия почистилась, приделалась и выглядела так, что по крайней мере в Москве ее можно было показать иностранному гостю. Эррио посещал, насколько помню, военные школы и казармы. Политика немыслима без коварства: были отданы заранее распоряжения, чтобы во время пребывания Эррио в военном комиссариате караульный батальон прошел с песней под самыми окнами кабинета, в котором проходил прием. Надо сказать, что батальон, состоявший под особым попечением тогдашнего главнокомандующего Каменева¹³⁸, большого любителя солдатского пения, числился образцовой частью. Расчет на "национальные реакции" демократического политика не обманул нас. Когда от первого залпа солдатских голосов зазвенели стекла, Эррио приподнял в кресле свою тяжелую фигуру и сразу же обнаружил, что ему знакомы не только мелодия, но и текст.

В беседе гость умело обходил острые вопросы, опасаясь задеть предрассудки большевистских варваров. Его собеседнику не чуждо было опасение разойтись с "вечными законами" демократической мифологии. Темы Версальского мира или еще свежей тогда интервенции Антанты были явно непригодны для безобидного обмена мнений. Оставалась область признаний, впрочем, вполне добросовестных, в симпатиях к французской культуре. В заключение беседы Эррио с шутливой любезностью справился, когда я думаю снова посетить Париж.

Я напомнил, что осенью 1916 года был "навсегда" выслан из Франции.

В течение дельнейших лет отношение Эррио к Советам постепенно ухудшалось. В годы сотрудничества с Пуанкаре он сурово осуждал режим, который так долго не хочет отказаться от методов диктатуры. Однако по мере того, как в Германии креп воинственный национализм, Эррио снова обнаруживал более благожелательный подход к Советскому Союзу. "Как демократ, правнук революции, которая подчас обагряла кровью руки, я отказываюсь покрывать проклятиями и сарказмами эту Россию, которая работает над созданием нового режима". Да будет, впрочем, известно: он, Эррио, ныне так же далек от коммунизма, как раньше - от царизма; но он не сомневается, что большевистский режим создаст в конце концов мелких крестьянских собственников: на них и на их армию сможет опереться Франция. А к этому, в конце концов, и сводится ведь задача мировой истории.

Так Эррио стал осторожным, но настойчивым проповедником военной дружбы с Советским Союзом. Он делал это, надо сказать прямо, без энтузиазма, скорее, понукаемый горькой необходимостью. В конце концов крупная буржуазия допустила франко-советское соглашение¹³⁹ в тех рамках, в каких оно терпимо для Англии и не противоречит дружбе с Италией. Будущее покажет, что это значит на деле. Во всяком случае, лионский мэр не без лукавства носит звание "друга СССР". Правда, коллективизация нанесла некоторый удар его консервативным упованиям на крепкого крестьянина; но зато советская дипломатия стала гораздо мудрее, осторожнее, солиднее. Вслед за советской дипломатией - и французская коммунистическая партия. На последнем конгрессе радикалов Эррио демонстративно говорил о своем друге Литвинове ("Да, мой друг Литвинов"). Это не препятствует ему, конечно, оставаться в министерстве Лавалля, который с гораздо большей уверенностью и с большим правом говорит: "Мой друг Муссолини". Не исключено и то, что Эррио станет преемником Лавалля и переведет дружбу с Муссолини на свой собственный счет. Надолго ли?

Здесь не место заниматься политическими гаданиями, тем более, что личный вопрос Эррио неотделим от вопроса о будущем Франции и всей Европы. Однако можно сказать с уверенностью: политические фланги будут и далее поглощать центр. Радикалы обеспечивали равновесие парламентских качелей лишь до тех пор, пока в стране сохранялось относительное социальное равновесие. Эти счастливые дни прошли безвозвратно. Избирательная победа Эррио (май 1932 г.) послужила как бы только для того, чтобы обнаружить полную несостоятельность его партии перед лицом надвигающихся внутренних и внешних катастроф. Радикальные вожди сменяли друг друга во главе правительства, чтобы тем ярче обнаружить жалкую растерянность всех группировок партии. 6 февраля 1934 г. самый "левый" из радикалов, Даладьё, бесславно капитулировал перед уличной манифестацией фашистов и роялистов. Он не хотел, видите ли, гражданской войны. На самом деле он широко раскрыл перед ней ворота. Язык фактов неоспорим. Медленнее, чем другие европейские страны, Франция идет навстречу великим потрясениям. Первой их жертвой станет радикализм. Как бы ни выглядела грядущая эпоха, она не будет эпохой золотой середины.

Л.Троцкий
Вексал¹⁴⁰,
7 ноября 1935 г.

Предисловие к брошюре Фреда Зеллера

"Французская революционная молодежь на повороте"

Надо горячо приветствовать появление этой небольшой работы. Секретарь Сенской организации молодежи, активный член социалистической партии тов. Зеллер, вместе с широкими кругами молодежи проделал за последний период в высшей степени важный путь: от централизма к марксизму. Изобразить этот путь в предисловии нет надобности: пусть читатель обратится к самой брошюре; он, может быть, сделает лучше всего, если раньше прочитает изложение Зеллера, дающее ценный фактический и политический материал, а затем уже обратится к этому предисловию, которое ставит своей задачей сделать наиболее неотложные выводы.

Исключение вождей парижской молодежи и руководящей группы "Веритэ" (большевиков-ленинцев) из Социалистической партии представляет собою факт крупного значения. Во всех странах Европы происходит сейчас политическая перегруппировка ввиду надвигающейся опасности. По этой линии началось размежевание в пролетариате. Как самые левые вожди буржуазии отбрасывают прочь демократический парламентаризм, когда дело идет о защите собственности, так оппортунисты попирают ногами партийную демократию, когда их социал-патриотизм оказывается под угрозой со стороны революционных интернационалистов. Здесь гвоздь вопроса! Что партийные верхи нарушили все "статуты" и все "нормы" демократии, это неопровержимо доказал Марсо Пивер, который сам продолжает, как известно, верить в статуты, как некоторые наивные "республиканцы" верят в незыблемость буржуазной демократии.

Традиционные социал-патриоты (Леон Блюм, Леба, Жиромский и проч.) после опыта великой войны "за демократию" попали в крайне затруднительное положение. Они боялись пораженческой критики коммунистов и недоверия масс. Отсюда их стремление обойти вопрос о национальной обороне, отложить его подальше: когда разразится война, застигнув снова трудящихся врасплох, тогда гораздо легче будет под прикрытием военной цензуры приковать партию и пролетариат к колеснице национальной обороны. И вдруг – о счастье! Советская дипломатия приходит окончательно к выводу, что реформистская бюрократия рука об руку с радикальными буржуа гораздо полезнее и надежнее в качестве союзника, чем революционный пролетариат. Из Москвы раздается команда: равняться по социал-патриотам и, вместе с ними, по радикалам, по левой партии французского империализма. Какой приятный сюрприз: Сталин обеими руками посадил Блюма в седло национальной обороны. Правда, он сделал при этом слишком энергичное движение, так что Блюм испугался даже, как бы не свалиться по другую сторону лошади. Отсюда укоризненные статьи Блюма: "Нельзя же так грубо, надо действовать более осторожно, не надо пугать левых..." VII-ой Конгресс Коминтерна внял увещаниям Блюма и напустил в социал-патриотическую резолюцию максимум тумана. Чего же желать еще? "Единый фронт" почти бесшумно скользил к национальному единению. И вдруг слева раздался резкий, даже угрожающий голос протеста, притом не только со стороны большевиков-ленинцев (ведь это "чужеродное тело"!), но и со стороны большинства парижской молодежи. Спорить с ней по существу? Увы – это нелегко. Где найти доводы в защиту нового патриотического предательства? Что противопоставить революционному интернационализму? Жиромский попытался выдвинуть на первое место необходимость защиты СССР. Еще Гед, видите ли, поучал, что нужно оборонять русскую революцию... Но над этим доводом, особенно в устах Жиромского, смеется не только молодежь, начинают смеяться и пионеры. Мы знаем, как Гед защищал французскую демократию: он стал министром империалистического правительства во время войны. Эти же методы – по существу, если не по форме – имеют в виду и Жиромские, когда говорят о защите СССР. На это революционная молодежь, вместе с большевиками-ленинцами отвечает: СССР мы будем защищать так же, как и себя самих, т. е. непримиримой революционной борьбой против собственной буржуазии.

Так как доводы самого левого, самого крайнего из фаланги социал-патриотов не произвели ни малейшего действия, – молодежь за К.Либкнехта, а не за Жиромского, – то что же оставалось? Задушить, исключить, раздавить! Если отбросить в сторону мишуру фраз, то исключение революционных интернационалистов представляет собою акт патриотической полиции в целях подготовки национального единения на случай войны.

Наивные люди возражают: тут есть какое-то недоразумение! Ведь сам Шошуа, новый национальный секретарь молодежи, – "тоже" интернационалист, ведь он "тоже" против национальной обороны, а между тем он стоял за исключение Фреда Зеллера и его товарищей. Очевидно, виноват... Зеллер. На самом деле "интернационалисты" типа Шошуа для того и существуют в природе, чтобы помогать Леону Блюму вводить в заблуждение доверчивых людей. Тот "интернационалист", который свою дружбу с социал-патриотической бюрократией ставит выше обязанностей революционного действия, есть на деле только левое звено империалистической цепи. Финансовый капитал нуждается в известные моменты в Даладье, в Гендерсоне, даже в Ленсбери, чтоб прикрыть свои намерения и успокоить массы. Когда обстановка меняется, финансовый капитал прогоняет Даладье, заменяя его Думергом или Лавалем. Так и социал-патриотическая бюрократия для известных операций в известные периоды

нуждается в Шошуа, чтобы затем на следующем этапе, если он попытается раскрыть рот, сместить его и даже исключить. Кто не понял этой хитрой механики, тот – будь у него даже седая борода – остается в политике слепым котенком.

Центристы из так называемой "Революционной левой" поучительно заявляют: но ведь и мы тоже ведем борьбу против идей социал-патриотизма, однако нас не исключают; ошибка в том, что большевики-ленинцы и Фред Зеллер с его товарищами не ограничились идейной борьбой, а перешли на личности, позволив себе нападки на "обожаемых вождей" партии. Этот довод не нов, но он заслуживает внимания. В то время, как социал-патриоты своими аппаратными репрессиями готовят и облегчают будущие полицейские репрессии против пораженцев, центристские резонеры, желая или не желая того, дают бюрократии аргументы для оправдания исключений. Заметим себе это твердо!

"Надо бороться с идеями, а не с вождями!" Да ведь это классический довод "левых" меньшевиков против Ленина в эпоху войны. Немцы говорят на этот счет: нельзя вымыть шубу, не замочив шерсти. Ведь идеи не висят в воздухе; носителями идей являются живые люди, которые объединяются в организации и выдвигают своих вождей. Как же можно бороться против буржуазных идей, не борясь против тех вождей, которые защищают эти идеи внутри пролетариата и собираются снова заклать его на алтаре патриотизма? Кто не хочет, как Шошуа и ему подобные, удовлетворяться по воскресеньям игрой на флейте интернационализма в запертой комнате для утешения собственной души, кто серьезно относится к лозунгу Маркса-Энгельса: "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!", – тот обязан открыто и мужественно сказать французским рабочим: Леон Блюм, Марсель Кашен, Леон Жуо, Монмуссо и К° ведут вас по гибельной дороге! Пусть Марсо Пивер разъяснит молодежи: имеет ли социалист право – с точки зрения статута и принципов партийной демократии – сказать своей партии правду, т. е. что ее "обожаемые вожди" готовят новую измену? Как будто бы имеет... Что касается нас, то мы думаем, что долг революционного интернационализма стоит выше всех обязательств по отношению к партийной бюрократии и ее "дисциплине".

Леон Блюм, Жиромский и прочие отнюдь не удовлетворились борьбой против идей Маркса и Ленина, а открыли бешеную кампанию против молодых вождей, защищающих эти идеи. Такова неизбежная логика борьбы. Но этого не хотят понять центристы. Левые меньшевики потому только восставали против "сектантских" методов Ленина, что, будучи на словах интернационалистами, они на деле чувствовали свою неразрывную связь с социал-патриотическими вождями Второго Интернационала. Так и резонеры из "Революционной левой", наблюдая исключения интернационалистов, мечутся между обоими флангами, но кончают неизменно тем, что отмежевываются от... исключаемых. Почему? Потому что исключаящие им ближе политически.

При ваших "сектантских" методах (т. е. при методах Маркса и Ленина) – поучают они – мы никогда не пришли бы к организационному единству. Между тем "массы стремятся к единству", а мы не должны "отрываться от масс". Здесь перед нами вся аргументация злополучных вождей САП141, которые, к слову сказать, никогда не имели за собой масс, не имеют их теперь и никогда не будут иметь в будущем. Массам, отвечаем мы, нередко свойственно инстинктивное стремление к единству; но авангарду пролетариата свойственно сознательное стремление к единству на революционной основе. Какую же из этих тенденций должны поддержать революционные марксисты? В Англии, например, организационное единство рабочего класса уже давно налицо. Но оно означает в то же время его политическое единство с империалистической буржуазией. Изменник Макдональд сидит в консервативном правительстве Болдуина; патриот-пацифист Гендерсон до конца дней своих представлял консервативное правительство в Лиге Наций; майор Эттли142, новый вождь Лейбор парти, стоит за империалистические санкции, назначаемые Лигой Наций под диктовку лондонской биржи. "Организационное единство" является в этих условиях заговором рабочей бюрократии против основных интересов пролетариата. А разве в Бельгии дело обстоит хоть на волос лучше? В дни Бреста и Тулона четыре бюрократических аппарата (Соц[иалистической] партии, Компартия, Генер[альной] конфедерации труда143 и Унитарн[ой] конфедерации144) были совершенно "едины" в удушении восстания и в его оклеветании – ради дружеской улыбки радикалов. Единый фронт во Франции с самого начала превращен в орудие сотрудничества с буржуазией. Организационное слияние двух партий, если бы

оно осуществилось, означало бы при нынешних условиях только подготовку национального единения. Жуо с Монмуссо уже осуществили профсоюзное единство, обеспечив интересы своих аппаратов, но запретив фракции, т. е. приняв заранее меры к удушению революционного социализма. Когда центристы вслед за правыми начинают слишком много декламировать о единстве, марксист обязан насторожиться: единство кого с кем? Во имя чего? Против кого? Без ясного определения целей и задач лозунг единства может стать худшей западней. Марксисты выступают за единство подлинных революционеров, за сплочение воинствующих интернационалистов, которые одни только способны повести пролетариат на путь социалистической революции.

Это не сектантство. Марксисты лучше других умеют находить путь к массам, а те, которые еще не умеют, научатся завтра. Именно в этой области школа Ленина есть великая школа. Если социал-патриоты придут к организационному соглашению между собою (а это не так просто!), революционеры – и вне единой партии, и внутри ее, смотря по обстоятельствам – поведут непримиримую борьбу за освобождение рабочих от идей и вождей реформизма, сталинизма, социал-патриотизма, т. е. против Второго и Третьего Интернационалов, которые стали агентурой Лиги Наций. Борьба за независимую политику пролетариата, за сплочение его авангарда на марксистской программе, за интернациональную связь рабочих против империализма – это и есть борьба за Четвертый Интернационал.

В приливах и отливах нашей эпохи, в больших поражениях и разочарованиях, в росте консервативной советской бюрократии старшее поколение обоих Интернационалов в большинстве своем израсходовалось, опустошилось, впало в прострацию. Строительство нового Интернационала главной своей тяжестью ложится на молодое поколение. Препятствия велики, задачи грандиозны. Но именно в борьбе с великими препятствиями формируются и закаляются боевые кадры. Сенская федерация молодежи, а за нею и провинция, могут и должны занять в этой работе почетное место. Побольше веры в себя, в свои силы и будущее! Пусть филистеры скулят по поводу бестактностей, резкостей и преувеличений молодежи! Кадры революционной партии еще никогда не воспитывались ни в балетной школе, ни в дипломатической канцелярии. Революция не только "бестактна", но и беспощадна, когда нужно. Поэтому господ буржуа и ненавидят ленинизм (со сталинизмом они уживаются неплохо). Социал-патриоты переводят страх буржуазии на язык "санкций", исключая из партии молодых большевиков, а центристские филистеры проклинают по этому поводу... Четвертый Интернационал. Не надо этим смущаться. Все эти процессы происходят в тонком слое бюрократии и рабочей аристократии. Надо глядеть глубже в массы, которые томятся в цепях кризиса, ненавидят своих рабовладельцев, хотят борьбы, способны на борьбу, и в Тулоне и Бресте сделали уже свою первую вылазку. Этим массам нужны не пустые причитания о единстве, не фальшивый "такт" салонов, а ясные лозунги и мужественное руководство. Пожелаем же, чтоб брошюра Зеллера послужила делу воспитания молодых кадров нового Интернационала!

Л.Троцкий

Вексал,

7 ноября 1935 г.,

18 годовщина Октябрьской Революции

Народный фронт¹⁴⁵ и комитеты действия

"Народный фронт" есть коалиция пролетариата с империалистической буржуазией в лице радикальной партии и более мелкой гнили того же рода. Коалиция распространяется как на парламентскую, так и на внепарламентскую область. В обеих областях радикальная партия, сохраняя за собой полную свободу действий, грубо ограничивает свободу действий пролетариата.

Сама радикальная партия находится в процессе упадка. Каждые новые выборы показывают уход от нее избирателей вправо и влево. Наоборот, социалистическая и коммунистическая партии – за отсутствием подлинно революционной партии – усиливаются. Общая тенденция трудящихся масс, в том числе и мелкобуржуазных, совершенно ясна: влево. Ориентировка вождей рабочих партий не менее очевидна: вправо. В то время, как массы своими голосованиями

и своей борьбой хотят опрокинуть партию радикалов, вожди единого фронта, наоборот, стремятся спасти ее. Собрав доверие рабочих масс на основании "социалистической" программы, вожди рабочих партий добровольно уступают затем львиную долю этого доверия радикалам, которым сами рабочие массы совершенно не доверяют.

"Народный фронт" в нынешнем своем виде представляет вопиющее попрание не только рабочей, но и формальной, т. е. буржуазной, демократии. Большинство радикальных избирателей не участвуют в борьбе трудящихся, и, следовательно, в Народном фронте. Между тем, радикальная партия занимает в этом фронте не только равноправное, но и привилегированное положение; рабочие партии вынуждены ограничивать свою деятельность программой радикальной партии: с наибольшей откровенностью проводят эту идею циники из "Юманите"! Последние выборы в сенат особенно ярко обнаружили привилегированное положение радикалов в Народном фронте. Вожди компартии открыто хвастались тем, что они отказались в пользу непролетарских партий от нескольких мест, принадлежавших по праву рабочим. Это значит попросту, что Единый фронт восстановил частично имущественный избирательный ценз в пользу буржуазии.

"Фронт" есть, по замыслу, организация прямой и непосредственной борьбы. Где дело идет о борьбе, там каждый рабочий стоит десятка буржуа, хотя бы и примкнувших к Единому фронту. С точки зрения революционной боеспособности фронта избирательные привилегии должны были бы быть предоставлены не радикальным буржуа, а рабочим. Но в привилегиях, в сущности, нет надобности. Народный фронт защищает "демократию"? Пусть же он начнет с ее применения в своих собственных рядах. Это значит: руководство народным фронтом должно прямо и непосредственно отражать волю борющихся масс.

Как? Очень просто: через посредство выборов. Пролетариат никому не запрещает бороться рядом с ним против фашизма, бонапартистского правительства Лавала, военного заговора империалистов и всех других видов угнетения и подлости. Единственное, чего сознательные рабочие требуют от своих действительных или возможных союзников, — это чтобы они боролись на деле. Всякая группа населения, действительно участвующая в борьбе на данном ее этапе и готовая подчиняться общей дисциплине, должна на равных правах влиять на руководство Народным фронтом.

Каждые двести, пятьсот или тысяча граждан, примыкающих в данном городе, квартале, заводе, в казарме, в деревне к Народному фронту, должны во время боевых действий выбрать своего представителя в местный Комитет действия. Все участники борьбы обязуются признавать его дисциплину.

Последний конгресс Коминтерна в резолюции по докладу Димитрова высказался за желательность образования выборных Комитетов действия как массовой опоры Народного фронта. Это, пожалуй, единственно прогрессивная мысль во всей резолюции. Но именно поэтому сталинцы ничего не делают для ее осуществления. Они не могут на это решиться, не разрывая классового сотрудничества с буржуазией.

Правда, принять участие в выборах Комитетов действия могут не только рабочие, но и служащие, чиновники, бывшие участники войны, ремесленники, мелкие торговцы и мелкие крестьяне. Таким образом, Комитеты действия как нельзя лучше отвечают задачам борьбы пролетариата за влияние на мелкую буржуазию. Но зато они чрезвычайно затрудняют сотрудничество рабочей бюрократии с буржуазией. Между тем Народный фронт в нынешнем его виде есть не что иное, как организация классового сотрудничества между политическими эксплуататорами пролетариата (реформисты и сталинцы) и политическими эксплуататорами мелкой буржуазии (радикалы). Действительно, массовые выборы Комитетов действия должны автоматически вытеснить буржуазных дельцов (радикалов) из рядов Народного фронта и тем самым взорвать на воздух преступную политику, продиктованную Москвой.

Было бы, однако, ошибкой думать, что можно просто в известный день и час призвать пролетарские и мелкобуржуазные массы к выбору Комитетов действия на основе определенного устава. Такой подход был бы чисто бюрократическим и потому бесплодным. Выбрать Комитет действия рабочие могут только в том случае, если они сами участвуют в каком-либо действии и испытывают потребность в революционном руководстве. Дело идет не о формально-демократическом представительстве всех и всяких масс, а о революционном представительстве борющихся масс. Комитет действия есть

аппарат борьбы. Незачем гадать заранее, какие именно слои трудящихся окажутся привлечены к созданию Комитетов действия: границы борющихся масс определяются в самой борьбе.

Величайшая опасность во Франции состоит в том, что революционная энергия масс израсходуется по частям, в отдельных взрывах, как Тулон, Брест, Лимож, и уступит место апатии. Только сознательные изменники или безнадежные тупицы способны думать, что при нынешнем положении можно удерживать массы в неподвижности до тех пор, пока их не облагодетельствует сверху правительство Народного фронта. Стачки, протесты, уличные столкновения, прямые восстания совершенно неизбежны в нынешней обстановке. Задача пролетарской партии состоит не в том, чтобы тормозить и парализовать эти движения, а в том, чтобы объединять их и придать им наивысшую силу.

Реформисты и сталинцы больше всего боятся испугать радикалов. Аппарат Единого фронта вполне сознательно играет роль дезорганизатора по отношению к самочинным движениям масс. А левые типа Марсо Пивера лишь прикрывают этот аппарат от возмущения масс. Спасти положение можно лишь в том случае, если помочь борющимся массам в процессе самой борьбы создать новый аппарат, отвечающий потребностям момента. В этом и состоит назначение Комитетов действия. Во время борьбы в Тулоне и Бресте рабочие без колебаний создали бы местную боевую организацию, если бы их к этому призвали. На другой день после кровавой расправы в Лиможе рабочие и значительная часть мелкой буржуазии, несомненно, обнаружили бы готовность создать выборный Комитет для расследования кровавых событий и для их предупреждения в будущем. Во время движения в казармах летом этого года, против "рабио" (продления срока службы), солдаты, не задумываясь, выбрали бы ротные, полковые и гарнизонные Комитеты Действия, если бы им подсказали этот путь. Такие случаи представляются и будут представляться на каждом шагу. Чаще в местном, но нередко и в национальном масштабе. Задача состоит в том, чтоб не упустить ни одного такого случая. Первое условие для этого: ясно понимать самим значение Комитетов действия, как единственного средства сломить антиреволюционное сопротивление партийных и синдикальных аппаратов.

Значит ли это, что Комитеты действия заменяют партийные и синдикальные организации? Было бы нелепо так ставить вопрос. Массы входят в борьбу со всеми своими идеями, группировками, традициями и организациями. Партии продолжают жить и бороться. При выборах в Комитеты действия каждая партия будет естественно стремиться провести своих сторонников. Решать Комитеты действия будут по большинству голосов (при наличии полной свободы партийных и фракционных группировок). В отношении к партиям Комитеты действия могут быть названы революционным парламентом: партии не исключаются, наоборот, они необходимо предполагаются; в то же время они проверяются в действии, и массы учатся освобождаться от влияния гнилых партий.

Значит, Комитеты действия – это просто Советы? При известных условиях Комитеты действия могут превратиться в Советы. Было бы, однако, неправильно называть Комитеты действия этим именем. Ныне, в 1935 г., народные массы привыкли со словом "Советы" соединять представление об уже завоеванной власти; но до этого во Франции пока еще не близко. Русские Советы на первых своих шагах были совсем не тем, чем стали впоследствии, и даже назывались в те времена нередко скромным именем Рабочих или Стачных комитетов. Комитеты действия на нынешней своей стадии имеют задачей объединить оборонительную борьбу трудящихся масс Франции и тем дать этим массам сознание собственной силы для будущего наступления. Дойдет ли дело до подлинных Советов, зависит от того, развернется ли нынешняя критическая ситуация во Франции до последних революционных выводов. Это зависит не только, разумеется, от воли революционного авангарда, но и от ряда объективных условий; во всяком случае, массовое движение, упершееся ныне в барьер Народного фронта, не двинется вперед без Комитетов действия.

Такие задачи, как создание рабочей милиции, вооружение рабочих, подготовка всеобщей стачки, останутся на бумаге, если этими задачами не займется сама борющаяся масса в лице своих ответственных органов. Только выросшие из борьбы Комитеты действия могут обеспечить действительную милицию, насчитывающую не тысячи, а десятки тысяч бойцов. Только Комитеты действия, охватившие важнейшие центры страны, смогут выбрать момент для перехода к более решительным методам борьбы, руководство которой будет принадлежать им по праву.

*

Из намеченных выше положений вытекает ряд выводов для политической деятельности пролетарских революционеров во Франции. Первый из этих выводов касается так называемой "Революционной (?) левой". Эта группировка характеризуется полным непониманием законов движения революционных масс. Сколько бы центристы ни болтали о "массах", они всегда ориентируются на реформистский аппарат. Повторяя те или другие революционные лозунги, Марсо Пивер подчиняет их абстрактному принципу "организованного единства", которое на деле оказывается единством с патриотами против революционеров. В то время, как для революционных масс вопросом жизни и смерти является разбить противодействие объединенных социал-патриотических аппаратов, левые центристы "единство" этих аппаратов рассматривают как абсолютное благо, стоящее над интересами революционной борьбы.

Строить Комитеты действия может лишь тот, кто до конца понял необходимость освободить массы от предательского руководства социал-патриотов. Между тем Пивер цепляется за Жиромского, который цепляется за Блюма, который, вместе с Торезом, цепляется за Эррио, который цепляется за Лавалья. Пивер входит в систему Народного фронта (недаром на последнем Национальном Совете партии он голосовал за постыдную резолюцию Блюма!), а Народный фронт входит, как крыло, в бонапартистский режим Лавалья. Крушение бонапартистского режима неизбежно. Если руководству Народного фронта (Эррио -Блюм-Кашен-Торез-Жиромский-Пивер) удастся устоять на ногах в течение всего ближайшего решающего периода, то бонапартистский режим неизбежно уступит свое место фашизму. Условием победы пролетариата является ликвидация нынешнего руководства. Лозунг "единства" становится при этих условиях не только глупостью, но и преступлением. Никакого единства с агентами французского империализма и Лиги Наций! Их вероломному руководству надо противопоставить революционные Комитеты действия. Строить эти комитеты можно, только беспощадно разоблачая антиреволюционную политику так называемой "Революционной левой" во главе с Марсо Пивером. Иллюзиям и сомнениям на этот счет не может быть, разумеется, места в наших рядах.

Л.Троцкий

26 ноября 1935 г.

[Письмо французским сторонникам]

3 дек[абря 19]35 [г.]

Дорогие товарищи,

1) Разногласия, которые отделяют вас от группы "Коммуна"146, являются, как показывает письмо тов. Франка, совершенно непримиримыми. Отвечать Франку нет надобности. Он не привел ни одного нового аргумента, все, что он говорит, сказано давно сапистами и пиверистами. Это есть капитуляция перед социал-демократической волной. Кто этого не понимает, тот не марксист. Приближение войны дало (временно) социал-патриотам мощное оружие против интернационалистов. Отсюда - исключение ленинцев. Отсюда - трусливая капитуляция Пивера (голосование за резолюцию Блюма по вопросам общей политики; молчание на Национальном совете по поводу исключений и пр.). Наконец, отсюда же страх неустойчивых элементов в нашей собственной среде перед "изоляцией" и стремление во что бы то ни стало удержаться рядом с центристами и как можно меньше отличаться от них. Никакого другого политического содержания в поведении Молинье и Франка нет. Они капитулируют перед социал-патриотической волной. Все остальное - пустые фразы, не имеющие никакой цены в глазах серьезного марксиста.

2) Я думаю, что большинство ЦК французской секции проявило недопустимую снисходительность к оппортунистическим тенденциям Молинье и Франка (я уж не останавливаюсь на преступно авантюристском образе действий Молинье). Снисходительность можно психологически объяснить стремлением сохранить единство и проч. В этом отношении роль центральной группы тов. Руса147 была вполне положительной, - поскольку дело касалось борьбы клик и лиц. Но примиренчество стало серьезной ошибкой с того момента, как капитулянтские и

центристские тенденции группы Молинье обнаружались полностью. В сто раз лучше прямой, открытый и честный разрыв, чем двусмысленные уступки тем, которые капитулируют перед социал-патриотической волной.

3) О постыдном воззвании "Коммуны" я сказал уже все, что мог. Из новых писем трудно разобрать, будет ли выходить "Коммуна" или же "Революция" будет превращена в "массовый орган". Но не этот вопрос получает сейчас решающее значение. Если даже фирма "Коммуны" будет похоронена, то остается вопрос, в чьих руках будет "Революция" и на основе какой программы она будет издаваться?

4) Недопустимая уступчивость по отношению к центристам-капитулянтам (Молинье, Франк) явно запутала молодежь. Зеллер уезжал отсюда с добрыми намерениями провести энергичную кампанию а) за слияние его группы с большевиками-ленинцами, б) за присоединение Сенской организации молодежи к Открытому письму. Теперь Зеллер сбит окончательно, как я сужу по его письму. С одной стороны, ему говорят: "В Сенской антанте мы все согласны, теперь фракции больше не нужны". С другой стороны, его убеждают, что сливать надо сразу всех: б[ольшевиков]-л[енинцев], группу Зеллера, оппозиционных сталинцев, оппозиционных членов Социального фронта¹⁴⁸ и проч. И проч. Даже отсюда совершенно ясно видно, что возможности очень велики, но оппортунистические стратеги вместо серьезной и систематической организационной работы успокаивают себя пустыми фразами, радужными перспективами и проч.

а) Что значит: "Мы, сенская молодежь, теперь во всем согласны"? В чем согласны? Разве Сенская организация приняла платформу большевиков-ленинцев? Разве она примкнула к Откр[ытому] письму¹⁴⁹? Разве этот вопрос дискутировался и разве можно придавать серьезное значение самым революционным лозунгам, если люди не поняли необходимости новой партии, а следовательно, и нового Интернационала? Между тем, на недавнем конгрессе Зеллера заставили отказаться от лозунга Четверт[ого] Интернационала. Кто заставил? Уж не большевики ли ленинцы? С такими лучше рвать, ибо они только компрометируют это имя. В то время как голландская партия подавляющим большинством выбрасывает сапистов во имя IV Интернац[ионала], в то время как американская партия объявляет разрыв дружественных отношений с САП, обвиняя ее в измене IV Интернационалу, в то время как в британской НРП открывается решительная кампания за IV Интернационал, в то время как Вальтер Дож¹⁵⁰ внутри партии Вандервельде выдвигает впервые перспективу IV Интернационала, во Франции после исключения находятся, с позволения сказать, большевики-ленинцы, которые "стесняются" этого лозунга и мешают Зеллеру поднять кампанию за IV Интернационал в Сенской антанте. Надо сказать прямо и открыто: кто сейчас не ведет открытой борьбы за революционную партию, национальную и интернациональную, тот капитулирует или готовится капитулировать перед социал-патриотизмом. С такими людьми надо рвать беспощадно.

б) Когда придет час, надо будет произвести слияние с оппозиционными сталинцами и со всеми другими революционными группировками, но не на основе... равного представительства в редакции - без принципов, без знамени (метод Молинье) - а на основе определенной программы. Такой минимальной программой является Открытое письмо. Прежде чем присоединять сталинцев и проч., надо завоевать Сенскую антанту для IV Интернационала. Кто противодействует этому или тормозит эту работу, тот капитулирует или собирается капитулировать перед волной социал-патриотизма.

в) Лакмусовой бумажкой для испытания революционного направления является сейчас отношение к так называемой "революционной левой". В ее рядах, вероятно, есть потенциальные революционеры. Но каждое направление определяется своей программой и своим руководством. Марсо Пивер является левым прикрытием Блюма и всего народного фронта. Кто не разоблачает Марсо Пивера, тот капитулирует или подготавливает капитуляцию перед Леоном Блюмом. "Революционная политика" в рамках дисциплины Леона Блюма есть в настоящий момент, после исключения б[ольшевиков]-л[енинцев], - шарлатанство и обман. Верно ли, что Марсо Пивер, голосовавший за политическую резолюцию Блюма, пригласен к сотрудничеству в "Революции"? Если верно, то это знаменует стремление прикрыться центризмом, т. е. прятать свое знамя.

Колебания, опыты, попытки, прощупывания были в известный период неизбежны. Но после того, как направления определились в результате свирепой

борьбы по основным вопросам нашего времени (война и IV Интернационал), - теперь тащить революционеров к блоку с Марсо Пивером - значит совершать реакционную работу, значит включаться в социал-патриотический фронт.

г) Всякая критическая эпоха порождает во множестве временные течения и контртечения, в которых оппортунисты и авантюристы плавают, захлебываются и тонут. Нужна выдержка, серьезная революционная кристаллизация пойдет только по правильной марксистской оси. Шумиха "Коммуны" через несколько недель будет, вероятно, позабыта или же пойдет прямо на пользу социал-патриотам. А систематическая борьба под знаменем IV Интернационала пойдет своим чередом. Именно сейчас проверяются убеждения и закрепляются характеры. Надо уметь перешагнуть через политический труп бывш[его] противника, если он капитулирует перед социал-патриотизмом или лакеями социал-патриотизма, что несколько не лучше. Если мы перешагнули в свое время, когда были неизмеримо слабее, через Зиновьева, Каменева, Раковского и др[угих] старых и выдающихся революционеров, то тем легче мы сейчас перешагнем через клику капитулянтов, постыдно отрекающихся от собственного знамени.

Л.Троцкий

3 декабря 1935 г.

P.S. Только что получил циркулярное письмо от 24 ноября 1935 года без всякой подписи, но зато с возгласом "Да здравствует 'Коммуна'!" Мы уже знаем, что это за "Коммуна", под знаменем которой собирается группа, члены которой почему-то не сочли нужным подписать свои имена. Весь документ состоит из организационных дразг и кляуз, которых не члену Центр[ального] Комитета невозможно даже и проверить. Но в такой проверке нет, в сущности, и надобности. Своим беспринципным кляузным характером документ достаточно говорит сам за себя. Меняя в корне позицию, отказываясь от основных лозунгов ленинизма, попирая ногами его методы, соединяясь за спиной организации и ее руководящих учреждений (национальных и интернациональных) с прямыми противниками ленинизма, выпуская в свет постыдное воззвание в пользу "Коммуны", достойное самого Мориса Паза, - центристские капитулянты не могут и не пытаются привести ни одного принципиального соображения в защиту своей измены. "Выступим на арену", - заканчивают они свое изложение. На какую арену? На арену оппортунизма.

Каждый серьезный марксист отбросит кляузный документ и рассмотрит существо вопроса, т. е. отношение к центризму, с одной стороны, ленинизму, с другой.

Оппортунистические тенденции Молинье возникли не вчера и не составляли тайны ни для кого из нас. Участие Молинье в руководящей работе оправдывалось до тех пор, пока его контролировали и поправляли другие товарищи, более прочно стоящие на базе принципов марксизма. С того момента, как Молинье вырвался из-под национального и интернационального контроля и попытался свои авантюристические импульсы превратить в "направление", он немедленно же попал обеими ногами в болото оппортунизма. Это болото он высокопарно называет ареной.

Л.Т[роцкий]

[Письмо А.Цилиге]151

24.12.1935 г.

Дорогой товарищ Цилига,

Посылаю это письмо через Париж, чтобы одновременно информировать тамошних друзей (у меня сейчас нет русского переписчика). Знаете ли Вы иностранные языки? Какие именно?

1. Выделить вопрос о товарищах Дедиче¹⁵², Драгиче¹⁵³ и Хеберлинге¹⁵⁴ можно лишь в том случае, если у Вас есть для этого особые пути (сербская дипломатия, влиятельные родственники названных лиц и пр.). На этот счет я ничего не знаю. Во всяком случае, даже если у Вас имеются особые "ходы", задерживать из-за этого общую кампанию нет смысла: она только поможет частичным требованиям.

2. Инициативный комитет следовало бы немедленно создать в Праге хотя бы из 3-5 лиц. Нельзя ли в качестве председателя привлечь немецкого журналиста Вилли Шламма¹⁵⁵, редактора "Еуропеише Хефте"¹⁵⁶? Через него, может быть,

найдете кого-либо из чехов? Вы также должны, конечно, войти. Может быть, т. Зейпольд, бывший депутат прусского ландтага.

3. Этот комитет должен разослать меморандум (типа Вашего письма157, но для более широкой и менее осведомленной публики) на трех языках ряду лиц по заранее составленному списку. Этот список помогут составить наши друзья во всех странах, прежде всего в Праге и в Париже. Я отсюда окажу всякое содействие.

4. Основным "аппаратом" по распространению меморандума, поиску подходящих лиц, сочувствующих изданию, и пр., являются, естественно, большевики-ленинцы в разных странах. Их надо прежде всего заинтересовать. Для них достаточно Вашего первого письма: оно уже переписано и переводится. Если Вы хотите произвести в нем какие-либо изменения или подписать его псевдонимом (есть ли, однако, в этом смысл?), напишите об этом немедленно в Париж (о том, что надо вычеркнуть указание на вашу педагогическую деятельность, уже написано мною отсюда).

5. Начинать с книжки об СССР158 непрактично: уйдет много времени, да и не так просто без подготовки найти издателя. Если же провести предварительную кампанию с минимумом успеха и популяризовать при этом Ваше имя, то издатель, наверное, найдется. Книжку надо писать немедля, чтобы она была готова в надлежащий момент.

6. Возвращаясь к меморандуму. Он должен быть составлен в спокойных, но твердых тонах. "Мы" (составители) не враги Советского Союза. Но правящая бюрократия, пользуясь безнаказанностью, совершает тягчайшие преступления. - Дать картину преследований (аресты, изолятор, ссылки и пр.), представить выпукло дело сербских и вообще иностранных товарищей. - Обрисовать кратко дело Зиновьева, Каменева, как осужденных по явно подложному обвинению159. - Другие примеры. - Требования: создать международную комиссию для проверки актов террора по отношению к революционерам.

Один проект меморандума будет составлен в Париже. Другой попробуйте составить в Праге (при участии Шламма, если он согласится). Письмо для него при сем прилагаю. Если в ход будут пущены два меморандума, беды не будет, н а о б- о р о т.

7. В Париже может (должен!) возникнуть одновременно самостоятельный инициативный комитет, с которым Пражский комитет войдет немедленно в связь.

8. Очень серьезный вопрос: как быть с меньшевиками? Разумеется, Интернациональная комиссия расследования (когда она будет создана) должна была бы заняться и ими. Но до этого еще далеко. Пока дело идет только об агитации. В этой стадии участие меньшевиков было бы только вредным. Несмотря на нынешнюю меньшевистскую международную политику сталинизма, репутация русских меньшевиков в сознании мирового пролетариата остается безнадежной с 1917 г. Их участие только оттолкнуло бы ценных союзников.

9. От вас впервые я узнаю, что анархисты в тюрьмах и ссылке столь многочисленны. Теоретически это вполне объяснимо. Как быть, однако, с анархистами при постройке комитетов защиты пленников Сталина? В Европе анархизм в упадке (хотя может возродиться). Вряд ли найдутся сколько-нибудь "представительные" фигуры для комитетов. Скорее уже полуанархисты (синдикалисты) во Франции. Во всяком случае, это не принципиальный вопрос.

10. Вопрос об общей оценке СССР надо вовсе выделить (устранить) из кампании. Иначе она может оказаться взорванной с самого начала. Позволю себе дать Вам личный совет: не ангажироваться сразу публично в этом вопросе, как потому, что вам придется играть в кампании видную роль, так и потому (это уж чисто личное мнение), что только отойдя от гнусностей сталинской бюрократии, Вы сможете - на необходимом расстоянии - выработать более "социологическую" (объективную), менее "моралистическую" (субъективную) оценку всего противоречивого режима СССР в целом.

11. Ваш приезд в Норвегию вряд ли мог бы повредить мне, и мы с Н.И. [Седовой] были бы очень рады повидать Вас. С точки зрения интересов кампании, было бы, однако, неизмеримо выгоднее, если бы Вы приехали по с л е первым шагов, прощупывания разных лиц, создания первых инициативных комитетов и выработки меморандумов. Иначе при моей изолированности (не говоря уже о вашей) наши беседы и планы могли бы повиснуть в воздухе. Необходима хоть первая подготовительная работа.

Н.И. [Седова] горячо благодарит Вас за письмо.

Жму крепко руку, желаю бодрости и здоровья.

Ваш
Л.Т [роцкий]

Фракции и Четвертый Интернационал

Работа по построению Четвертого Интернационала развивается уже сейчас на значительно более широкой основе, чем работа по созданию фракции большевиков-ленинцев. Весьма возможно и даже вероятно, что некоторые из тех элементов, перевоспитание которых оказалось не под силу тесной фракции, будут ассимилированы более широкой международной группировкой. Не все, конечно, а те, которые способны учиться, т. е. прежде всего проверять свои взгляды на опыте классовой борьбы. С этой точки зрения вполне правильно дать место под знаменем Четвертого Интернационала также и тем организациям, которые порвали с нами на одном из предшествующих этапов. Мы вступили лишь в подготовительный период истории Четвертого Интернационала.

Толкаемые разложением реформизма и сталинизма, обострением классовой борьбы и приближением военной опасности, группы разного происхождения будут стучаться в двери Четвертого Интернационала. Необходима будет по отношению к ним очень убедительная, дальновидная и гибкая политика. На первых порах необходимо будет открыть известный кредит группам с сектантскими или левоцентристскими тенденциями и пережитками. Но этот кредит не может быть, разумеется, ни неограниченным, ни вечным. Четвертый Интернационал не позволит никому - в этом мы не сомневаемся - играть ни с принципами, ни с дисциплиной. Но эту дисциплину нельзя декретировать заранее: ее надо выковать в совместной борьбе, она должна опираться на продуманный и критически проверенный коллективный опыт подавляющего большинства участников. В этом смысле следует признать, что присоединение группы "Спартакус" к Четвертому Интернационалу есть положительный факт. Он открывает этой группе серьезные шансы освободиться от грехов сектанства и тем самым обещает вернуть в наши ряды бескорыстных и преданных работников.

Вопрос о фракциях внутри революционной партии получает сейчас, при формировании нового Интернационала, огромное значение. Между тем как раз в этом вопросе годы господства Коминтерна внесли ужасающую смуту и деморализацию. В Коминтерне фракции запрещены, причем это полицейское запрещение опирается будто бы на традицию большевизма. Правда, в марте 1920 г. 160 особым постановлением X съезда партии фракции были запрещены. Но сама необходимость этого постановления показывает, что в предшествующий период, т. е. в течение тех 17-ти лет, когда большевизм возник, рос, крепнул и пришел к власти, фракции составляли часть легальной жизни партии. Так оно и было на деле. На Стокгольмском съезде партии (1906 г.), где фракция большевиков снова объединилась с фракцией меньшевиков, внутри большевиков по важнейшему вопросу об аграрной программе были две фракции, открыто боровшиеся на съезде: большинство большевиков под руководством Ленина выступало за национализацию земли, считая, что эта мера, не стесняя капиталистического развития, облегчит на дальнейшем историческом этапе социалистическую работу пролетариата. Сталин, выступавший на съезде под именем Иванова, принадлежал к небольшой группе так называемых "разделистов", отстаивавших немедленный раздел земли между мелкими собственниками и ограничивавших таким образом революцию заранее фермерско-капиталистической перспективой. Об этом интересном эпизоде, бросающем яркий свет на многие позднейшие события, официальная историография тщательно молчит. В 1907 году в большевизме идет острая фракционная борьба по вопросу о бойкоте Третьей Государственной Думы. Из сторонников бойкота выросла затем фракция "ультиматистов". Сторонники бойкота разбились затем на две фракции, которые в ближайшие годы вели ожесточенную борьбу против фракции Ленина не только в рамках "объединенной партии", но и в рамках большевистской фракции. Обостренная борьба большевизма против ликвидаторства порождает затем внутри большевизма примиренческую фракцию, к которой принадлежали видные практики того времени: Рыков, Дубровинский¹⁶¹, Сталин и др. Борьба с примиренцами дотягивается до самой войны. Август 1914 года открывает период группировок в большевизме по линии отношения к войне и ко Второму Интернационалу. Одновременно слагается фракционная группа

противников национального самоопределения (Бухарин, Пятаков и др.). Острая фракционная борьба внутри большевизма в первый период после февральской революции и накануне Октябрьского переворота сейчас уже достаточно известна (см., напр[имер], Л.Троцкий "История русской революции"). После завоевания власти острая фракционная борьба разыгрывается вокруг вопроса о Брест-Литовском мире. Создается фракция левых коммунистов с собственным фракционным органом (Бухарин, Ярославский и проч.). В дальнейшем формируются фракции "демократического централизма" и "рабочей оппозиции", которые переплетаются с группировками по вопросу о профессиональных союзах. Только Десятый съезд, собравшийся в условиях блокады и голода, страшной нужды, растущего крестьянского недовольства и первых шагов к НЭПу, развязывавшему мелкобуржуазные политические и экономические тенденции, только этот Десятый съезд в столь исключительных условиях, когда дело шло о жизни и смерти революции, счел возможным прибегнуть к такой исключительной мере, как запрещение фракций. Можно относиться к решению Десятого съезда как к тяжелой необходимости; но в свете позднейших событий совершенно ясно: запрещение фракций завершает особую героическую историю большевизма и готовит его бюрократическое вырождение. С 1923 года эпигоны переносят запрещение и удушение фракционной борьбы с правительственной партии в СССР на молодые секции Коминтерна и тем обрекают их на вырождение, прежде чем они успели вырасти и сформироваться.

Значит ли это, однако, что революционная партия пролетариата должна или может представлять собою простую сумму фракций? Чтобы лучше ответить на этот вопрос, возьмем для сравнения французскую социалистическую партию, которая узаконила фракции в своем составе, введя для всех партийных выборов принцип пропорционального представительства. В этом смысле французская секция Второго Интернационала долгое время и не без успеха выдавала себя за наиболее чистое выражение "партийной демократии". Формально это так и есть, вернее, так и было, но как чистая демократия буржуазного общества прикрывает собою фактическое господство верхушки собственников, так и наиболее идеальная демократия Второго Интернационала прикрывает собою господство неофициальной, но могущественной фракции: парламентских и муниципальных карьеристов. Эта фракция, прочно держащая в своих руках аппарат, позволяет левым фракциям говорить очень революционные речи, но при одном условии: чтобы они сами не брали себя всерьез. Но как только действительно марксистская фракция, у которой слово и дело идут заодно, начинает вскрывать фальшь партийной бюрократии, аппаратная фракция немедленно же становится на путь исключений.

Кстати сказать, некоторые сектантские пороки, предвещавшие, что вхождение в СФИО приведет к деморализации нашей секции, к ее капитуляции перед реформизмом, теперь обнаруживают силу своего пророческого дара в противоположном направлении: вот, видите, - вас исключают. Так как большевики вошли в реформистскую партию не для приспособления, а для борьбы, то столкновение с правящей фракцией было предопределено заранее. Приближение военной опасности и социал-патриотический поворот Коминтерна ускорили конфликт и сразу придали ему исключительную остроту. Если социал-патриоты исключают революционеров, а не революционеры социал-патриотов, то тут виною соотношение сил, насчет которого никто себе не делал ни малейших иллюзий. Вступлением в социалистическую партию можно было достигнуть кое-чего, но отнюдь не всего. Достигнут серьезный рост влияния нашей французской секции, вокруг ее лозунгов и идей идет фактическая борьба фракций внутри обеих рабочих партий. Борьба интернационализма и социал-патриотизма поставлена с замечательной ясностью. Что касается организационных итогов, то их еще подводить рано: борьба внутри французской социалистической партии еще далеко не закончилась.

Находятся мудрецы (нередко это прежние противники вхождения), которые говорят: большевики-ленинцы держали себя внутри социалистической партии слишком неосторожно, выдвигая, напр[имер], лозунг Четвертого Интернационала и проч., и привели, таким образом, к преждевременным исключениям. Эта ошибка политического зрения встречается в политике очень часто; успехи - настолько привлекательная вещь, что хотелось бы, чтобы они развивались без перерыва. При этом легко упускать из виду, что существует на свете противник, у которого есть глаза и уши. Только совсем безнадежные простаки могут думать, что Блюма и К° испугал лозунг Четвертого Интернационала. Наша секция стояла

под этим лозунгом еще до вступления в социалистическую партию, распространяла тезисы "Война и Четвертый Интернационал" и проч. Для оппортунистов и социал-патриотов это всегда остается второстепенным вопросом, из-за которого они совсем не склонны проливать кровь. Вздор! Только приближение военной опасности и открытая измена Коминтерна, чрезвычайно укрепившая позиции социал-патриотизма, по крайней мере на ближайшее время, заставили Леона Блюма и К^о перейти в наступление. Уже на конгрессе в Мизюле Блюм откровенно сказал: единство со сталинцами, но без вас. Правда, он взял позже назад свои слова, но извинение имело чисто дипломатический характер, а вырвавшаяся из уст угроза выражала существо его политики. Думать, что те или другие "неосторожные" выражения, к тому же неизбежные в острой борьбе, могли играть в вопросе об исключениях серьезную роль, значит слишком поверхностно и легкомысленно оценивать противника. Как раз Леону Блюму и К^о нелегко дается исключение ввиду традиционного мифа партийной демократии. Если руководящая клика решила на исключение, понимая традиционный миф демократии, значит, у нее есть для этого серьезные и неотложные причины. Повод же найти нетрудно: не только у Муссолини, но и у Блюма всегда есть про запас свой Уал-уал162. Когда САПисты и их ученики спартакисты ссылаются по поводу исключения на лозунг Четвертого Интернационала, то они играют роль мелких адвокатов Блюма и только.

Именно свежий опыт французской социалистической партии доказывает, что партия не может быть простой суммой фракций. Партия может терпеть те фракции, которые не преследуют целей, прямо противоположных ее собственным целям. Традиционная левая во французской социалистической партии безобидно топталась на месте. Ее терпели. Более того: ее поощряли. Маргаринового революционера Жиромского Блюм никогда не величал иначе, как "мой друг". Этот титул, дававшийся одновременно и Фроссару (до его открытой измены), означает: человек, необходимый для прикрытия правящей клики, слева или справа. Но ленинцев, у которых слово не расходится с делом, демократия социал-патриотической партии вынести не может.

Революционная партия предполагает определенную программу и тактику. Это заранее ставит определенные и очень отчетливые пределы внутренней борьбе тенденций и группировок. Сейчас, после крушения Второго и Третьего Интернационалов, межевые знаки получают особенно яркий и отчетливый характер. Сама принадлежность к Четвертому Интернационалу не может не быть ограничена определенным количеством условий, в которых должен резюмироваться весь предшествующий опыт рабочего движения. Но если рамки внутренней идейной борьбы этим заранее ограничиваются, то сама борьба в рамках общих принципов вовсе не отрицается. Она неизбежна. В определенных пределах она плодотворна. Не дискуссия, конечно, дает основное содержание партии, а борьба. Где непрерывная дискуссия питается сама собой, там возможны только гниение и распад. Но где дискуссия опирается на совместную борьбу, критически освещает ее и готовит ее новые этапы, там она необходимый элемент развития. Дискуссия по серьезным вопросам немислима без группировок; но при нормальных условиях они рассасываются затем организмом партии, особенно благодаря новому опыту, который всегда дает наилучшую проверку политическим разногласиям. Превращение группировок в устойчивые фракции есть само по себе тревожный синдром, который знаменует либо полную непримиримость борющихся тенденций, либо показывает, что партия в целом зашла в тупик. Предотвратить такое положение нельзя, конечно, голым запрещением фракций: бить по симптомам не значит лечить болезнь. Только правильная политика и здоровый внутренний режим могут предотвратить превращение временных группировок в окостеневшие фракции.

Здоровый режим в огромной степени зависит от руководства партии, от его способности своевременно прислушиваться к голосу критики. Упрямая политика бюрократического "престижа" губительна для развития пролетарской организации, а вместе с тем и для авторитета руководства. Но доброй воли одного руководства недостаточно. Оппозиционная группировка также несет ответственность за характер внутривнутрипартийных отношений. Во фракционной борьбе с реформистами революционеры прибегают нередко к крайним средствам, хотя, по общему правилу, реформисты во фракционной борьбе действуют гораздо более непримиримо и решительно. Но тут дело идет с обеих сторон о подготовке разрыва в наиболее выгодных условиях. Кто переносит подобные методы внутрь революционной организации, тот обнаруживает либо политическую незрелость и

отсутствие чувства ответственности, либо свой анархический индивидуализм, чаще всего прикрытый сектантскими принципами, либо, наконец, свою чуждость революционной организации.

Чувство меры во фракционной борьбе растет вместе с повышением зрелости организации и авторитета ее руководства. Когда Вереекен изображает дело так, что "сектанты" исключили его за верность принципам марксизма, то мы можем только пожалеть плечами. На самом деле группа Вереекена проявила политическую незрелость, отколовшись от организации, которая в течение ряда лет доказала свою верность принципам марксизма. Если Вереекен имеет сейчас возможность примкнуть к работе по строительству Четвертого Интернационала, то он обязан этой возможности прежде всего той интернациональной организации, от которой он, в силу сектантской запальчивости, откололся.

[Л.Д.Троцкий]

[Декабрь 1935 г.]

1936

[Письмо А.Цилиге]

10 января 1936 г.

Дорогой товарищ Цилига,

Я и сам опасался, что чрезвычайная краткость моего письма может породить некоторые недоразумения. Спешу по возможности рассеять их настоящим, более детальным письмом.

Разумеется, наиболее острая и неотложная цель кампании: помочь революционным жертвам бонапартистской бюрократии. Но вы должны иметь в виду, что эта цель стоит перед нами по крайней мере уже в течение 7 лет, т. е. со времени нашей высылки в Турцию. Мы делали целый ряд попыток и по разоблачению преступных жестокостей по отношению к революционерам, и по собиранию средств. Результаты были всегда очень скромные. Этот опыт надо учесть. Причины наших поражений? Они ясны: буржуазные круги, даже и "либеральные", ненавидят нас гораздо больше, чем сталинцев (возьмите хотя бы русскую белую печать); социал-демократия раньше, до поворота Коминтерна, не прочь была использовать отдельные разоблачения, но никогда не оказывала ни малейшей помощи, ибо мы ей чужды и враждебны; радикальные интеллигенты втянуты в "Общество Друзей России" и в значительной мере подкуплены бюрократией (даровые поездки, княжеские приемы на юбилеях, соответственные гонорары, несмотря на отсутствие литературной конвенции, и проч. и проч.). Прибавьте к этому бешеную контрагитацию сталинской печати, богатой деньгами и всякими видами отравы. К рабочим массам мимо реформистских и сталинских аппаратов пробираться нам было очень трудно. Причина наших неудач, следовательно, не техническая, не организационная, не неясность цели, и проч., а чисто политическая. Если мы хотим иметь практические успехи, то нам необходимо сломить или хотя бы ослабить политические препятствия.

Сейчас обстановка стала несколько более благоприятной для предпринимаемой кампании. В глазах известной части радикальной интеллигенции Коминтерн скомпрометировал себя своими поворотами. Внутри соц[иал]-демократических партий разных стран возникли левые фракции. Мы сами как международная организация стали сильнее. Но все же отдельных радикальных интеллигентов, левых соц[иал]-демократов (центристов) и б[ольшевиков]-л[енинцев] слишком недостаточно в качестве базы для практической помощи. Надо попытаться через новых союзников и полусоюзников захватить более широкие круги, прежде всего рабочих. Каким путем? Надо заронить в них сомнение в сталинской "юстиции". Надо сказать им: перед вами серия подлогов. Вас обманывают. Мы беремся вам это доказать. Создайте комиссию, которая потребует у Москвы объяснения по всем тем пунктам, на которые мы вам укажем. Такая постановка вопроса понятна и доступна среднему мыслящему рабочему. На эту почву могут встать честные чиновники профессиональных союзов. Прецедент был: в 1921 г. мы допустили Вандервельде и К^о к участию в процессе эсеров-террористов¹⁶³. Как ответит на такие требования Москва, покажет будущее. Ответ Москвы будет зависеть от

количества требующих. Во всяком случае, политическая кампания такого рода есть необходимая предпосылка, а в дальнейшем – необходимый аккомпанемент всех и всяких практических шагов по конкретной помощи.

В числе "практических" лозунгов вы лично выдвигаете требование свиданий с заключенными. Это совершенно правильно. Можно было бы даже выдвинуть требование списка всех заключенных иностранцев (революционеров) и потребовать свидания прежде всего с ними. Но ведь это же и есть требование "контроля": ибо Сталин и Ягода отлично понимают, какова может быть политическая цель таких свиданий. Но приблизиться к осуществлению этой частной, конкретной задачи нельзя иначе, как на пути политической агитации, дискредитации сталинской бюрократии, привлечения политического сочувствия к заключенным. Другого пути нет. Ваша аналогия с комитетами помощи жертвам германского фашизма и политически и практически может только повредить. Против Гитлера все рабочие организации, и реформистские, и сталинские, вся радикальная интеллигенция, еврейская буржуазия, франкмасонство и проч. Здесь политические посылки для практических комитетов уже налицо. А в нашем деле их надо только создать, притом в той самой среде, которая, сочувствуя СССР, переносит это сочувствие и на бюрократию. Вы сами очень хорошо анализируете положение в отношении Чехословакии. Вам необходимо перенести ваш анализ – с теми или другими изменениями – на весь остальной "демократический" мир. Тогда станет ясно, что без серьезной политической кампании никакие практические задачи (кроме совсем мелких или случайных, индивидуальных) не будут разрешены. "Реформы" и тут могут явиться только в результате "революционной борьбы".

Стремление к блоку с меньшевиками и эсерами я считаю практически вредным. И те, и другие представляют бессильные эмигрантские группы с позорным прошлым и без какого бы то ни было будущего, а потому и без всякого влияния на рабочее движение Европы или Америки. Дело, таким образом, могло бы идти о блоке с изолированными и скомпрометированными кликами, которые только скомпрометировали бы вас в глазах тех кругов, к которым вы хотите обращаться. Меньшевики получают, видимо, известные суммы от с[оциал]-д[емократических] партий и никакой кампании не ведут: реформисты как бы платят им за молчание, ибо сейчас все партии Второго Интерн[ационала] ищут дружбы с СССР. Блок с меньшевиками был бы сочетанием оппортунизма с донкихотством, т. е. самым худшим из сочетаний: политический урон и ни гроша прибыли. Вы ссылаетесь на мою оценку сталинского режима как бонапартизма. Ведь по отношению к бонапартизму, говорите вы, мелкобуржуазно-демократическая оппозиция меньшевиков и эсеров прогрессивна. Почему бы не прибавить кадетов, которые тоже называют себя "республиканско-демократическим объединением" и с которыми эсеры находятся в союзе? Очевидно, я очень плохо сформулировал свои мысли о бонапартизме, если они поддаются такому истолкованию. Бонапартизм есть специфическая форма власти, как и демократия. Но для марксиста форма власти, взятая изолированно, без социального базиса, ничего не говорит и ничего не решает. Демократия? Мы сейчас же спрашиваем: демократия – для кого и против кого? Мы отличаем античную демократию от буржуазной, и эту последнюю от рабочей. То же и с бонапартизмом. Цезаризм был (если не бояться анахронистических выражений) бонапартизмом античного мира. Историческое развитие показало (этого еще не знали ни Маркс, ни Ленин), что бонапартизм возможен и на социальных основах пролетарской революции. Мелкобуржуазно-демократическая оппозиция тянет не вперед, к пролетарской демократии и отмиранию государства, ибо это немыслимо без развития мировой революции; мелкобуржуазная оппозиция тянет назад от социального фундамента октябрьской революции – к капиталистическому фундаменту. Ожидание новой "февральской" революции к лицу Керенскому, но не нам. Все говорит за то, что пролетариату придется в конце концов сбрасывать сталинскую бюрократию путем революции. Но это будет политическая революция пролетариата на основах национализированных средств производства, а не социальная контрреволюция мелкой буржуазии, которая способна только расчистить почву для крупного капитала. Именно в этом смысле я и предостерегал против субъективистских, не классовых оценок советского режима. То, что вы пишете о бонапартизме, подтверждает мои опасения, и я считаю долгом вам это сказать со всей откровенностью.

Эти разногласия я предлагал выделить из предстоящей политической кампании. Вы с этим согласны. Прекрасно! Остается проверить на практике, в

какой мере эти разногласия, хотя бы и невысказанные, могут помешать совместной работе. Я думаю, что мешать не должны. Если бы вы сочли необходимым – на собственный страх и риск – сделать попытку соглашения с меньшевиками и эсерами, то вы очень скоро сами вынуждены были бы остановиться, чтобы не оказаться переброшенными в лагерь белой эмиграции, которая не имеет никакого доступа к рабочему движению, и следовательно, не способна развернуть какую бы то ни было кампанию и добиться нужных нам практических результатов.

Кстати, из ваших же слов вытекает, что даже и в изоляторах большевики и меньшевики не соприкасаются друг с другом. Разве это случайно, что ли? Во всяком случае, я могу только горячо присоединиться к вашему намерению систематически ориентироваться в европейском положении и в здешних оценках СССР, прежде чем занимать по этому вопросу позицию открыто и во всеуслышание. Что касается нас, то мы будем очень терпеливы (это я во всяком случае обещаю вам) ко всем вашим самостоятельным поискам в разных направлениях: вы сами потом подведете необходимые итоги и встретите с нашей стороны полную готовность к дружному сотрудничеству.

[Л.Д.Троцкий]

Измена Испанской "Рабочей партии марксистского единства" 164

Испанская организация "левых коммунистов", которая всегда была путаной организацией, объединилась после бесчисленных шатаний вправо и влево на центристской программе с Каталонской Федерацией Маурина в партию "марксистского (?) единства". Введенные этим именем в заблуждение, некоторые наши издания писали об этой новой партии, как о приближающейся к IV Интернационалу. Нет ничего опаснее, как преувеличивать собственные силы при помощи... доверчивого воображения. Действительность все равно не замедлит принести жестокое разочарование!

Газеты сообщают, что в Испании все "левые" партии: и буржуазные, и рабочие, составили избирательный блок на основе общей программы, которая, разумеется, ничем не отличается от программы французского "Народного фронта" и всех других шарлатанских программ того же типа. Мы находим тут и "реформу трибунала конституционных гарантий", и строгую поддержку "принципа авторитета" (!), и "освобождение юстиции от всех влияний политического и экономического порядка" (освобождение капиталистической юстиции от влияния капитала!), и прочее в том же роде. Программа констатирует отклонение национализации земли буржуазными республиканцами, участниками блока, но "зато", наряду с обычными дешевыми обещаниями в пользу крестьян (кредит, повышение цен на сельскохозяйственные продукты и проч.) провозглашает "оздоровление" (!) промышленности и покровительство мелкой промышленности и мелкой торговле. Дальше следует неизбежный "контроль над банками", причем, так как буржуазные республиканцы, согласно тексту программы, отвергают рабочий контроль, то дело идет о контроле над банками... самих банкиров через посредство их парламентских агентов, вроде Асанья и ему подобных. Наконец, внешняя политика Испании будет следовать "принципам и методам Лиги Наций". Чего же больше?

Под этим постыдным документом подписаны представители двух левых буржуазных партий, Социалистической партии, социалистической Конфедерации труда, Коммунистической партии (ну конечно!), социалистической молодежи (увы!), "синдикалистской партии" (Пестания), и наконец, "Рабочей партии марксистского единства" (Хуан Андраде 165). Большинство этих партий стояло во главе испанской революции в годы ее подъема и сделало все от них зависящее, чтобы предать и растоптать ее. Новостью является подпись партии Маурина-Нина-Андраде. Бывшие испанские "левые коммунисты" превратились попросту в охвостье "левой" буржуазии. Трудно представить себе более унизительное падение!

Несколько месяцев тому назад вышла в Мадриде из печати книга Хуана Андраде "Реформистская бюрократия и рабочее движение", где с цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина и других авторов разбираются причины развращения рабочих бюрократов. Хуан Андраде дважды присылал мне свою книгу, оба раза с очень теплыми посвящениями, в которых он называет меня своим "вождем и

учителем". Этот факт, который в других условиях мог бы, конечно, только порадовать меня, заставляет меня теперь с тем большей решительностью заявить публично, что я никогда и никого не учил политической измене. А поведение Андраде есть не что иное, как измена пролетариату в интересах союза с буржуазией.

Нелишне упомянуть по этому поводу, что испанские "левые коммунисты", как указывает само их название, корчили из себя при каждом подходящем случае непримиримых революционеров. Они, в частности, грозно осуждали французских большевиков-ленинцев за их вступление в Социалистическую партию. Никогда и ни в каком случае! Вступить одновременно в массовую политическую организацию, чтобы непримиримо бороться в ее рядах против реформистских вождей за знамя пролетарской революции - это оппортунизм; а заключить политический союз с вождями реформистской партии на основе заведомо бесчестной программы, служащей для обмана масс и прикрытия буржуазии, - это доблесть! Можно ли больше унижить и проституировать марксизм?

"Партия марксистского единства" принадлежит к пресловутому лондонскому объединению "революционно-социалистических партий" (бывшее I.A.G.). Руководство этим объединением находится сейчас в руках Феннера Броквея, секретаря Независимой рабочей партии. Мы уже писали, что, несмотря на застарелые и, по-видимому, неизлечимые пацифистские предрассудки Макстона и др., НРП заняла в вопросе о Лиге и ее санкциях честную революционную позицию, и всякий из нас с удовлетворением читал прекрасные статьи в "Нью Лидер". На последних парламентских выборах Независимая рабочая партия отказала даже в избирательной поддержке лейбористам, именно по причине их поддержки Лиги Наций. Сам по себе этот отказ был тактической ошибкой. Где Независимая партия не могла выставить собственных кандидатов, она должна была поддержать лейбориста против консерватора. Но это все же частность. Во всяком случае, не могло быть и речи о каких-либо "общих программах" с лейбористами. Интернационалисты должны были избирательную поддержку связать с разоблачением пресмыкательства британских социал-патриотов перед Лигой Наций и ее "санкциями".

Мы позволяем себе поставить Феннера Броквею вопрос: что же, собственно, означает тот "Интернационал", секретарем которого он сам является? Британская секция этого "Интернационала" отказывает в простой избирательной поддержке рабочим кандидатам, если они стоят за Лигу Наций. Испанская секция заключает блок с буржуазными партиями на общей программе поддержки Лиги Наций. Можно ли дальше зайти в области противоречий, путаницы и несостоятельности? Войны еще нет, а секции лондонского "Интернационала" уже сейчас тянут в прямо противоположные стороны. Что же с ними станет, когда наступят грозные события?

Но вернемся к испанской партии "марксистского единства". Какая ирония в названии: "марксистское единство"... с буржуазией. Испанские "левые коммунисты" (Андрей Нин, Хуан Андраде и др.) не раз отбивались от нашей критики их соглашательской политики ссылкой на наше непонимание "особых условий" Испании. Обычный довод всех оппортунистов, ибо первая обязанность действительного пролетарского революционера состоит в том, чтоб особые условия своей страны перевести на интернациональный язык марксизма, который доступен и за пределами собственной страны¹⁶⁷. Но сейчас нет надобности в этих теоретических доводах. Испанский блок верхушек рабочего класса с левой буржуазией не заключает в себе ничего "национального", ибо ничуть не отличается от "народного фронта" во Франции, Чехословакии, Бразилии или Китае. "Партия марксистского единства" лишь рабски проводит ту политику, которую VII конгресс Коминтерна навязал всем своим секциям, совершенно независимо от их "национальных особенностей". Действительное отличие испанской политики состоит на этот раз лишь в том, что к блоку с буржуазией официально примкнула и секция лондонского Интернационала. Тем хуже для нее. Что касается нас, то мы предпочитаем ясность. В Испании найдутся, несомненно, подлинные революционеры, которые беспощадно разоблачат измену Маурина, Нина, Андраде и К° и положат начало испанской секции Четвертого Интернационала!

Л.Троцкий

22 января 1936 г.

Эта книжка состоит из нескольких статей, написанных в разное время в течение последних двух с половиной лет. Точнее сказать: с выступления фашистско-бонапартистско-роялистской коалиции 6 февраля 1934 года до грандиозной массовой стачки в конце мая - начале июня 1936 г. Какая грандиозная политическая амплитуда! Вожди Народного фронта склонны, конечно, приписывать заслугу происшедшего сдвига влево предусмотрительности и мудрости своей политики. Но это не так. Трехпартийный картель оказался третьестепенным фактором в ходе политического кризиса. Коммунисты, социалисты и радикалы ничего не предвидели и не направляли: они претерпевали события. Неожиданный для них удар 6 февраля 1934 года заставил их, вопреки вчерашним лозунгам и доктринам, искать спасения в союзе друг с другом. Столь же неожиданная майско-июньская стачка 1936 г.¹⁶⁹ наносит этому парламентскому сплочению неисцелимый удар. То, что на поверхностный взгляд может казаться апогеем Народного фронта, является в действительности его агонией.

Ввиду того, что отдельные части брошюры появлялись врозь, отражая разные этапы переживаемого Францией кризиса, читатель найдет на этих страницах неизбежные повторения. Устранить их значило бы полностью нарушить конструкцию каждой из частей и, что гораздо важнее, вытравить из всей работы ее динамику, отражающую динамику самих событий. Автор предпочел сохранить повторения. Они могут оказаться даже не бесполезными для читателя. Мы живем в эпоху повальной ликвидации марксизма на официальных верхах рабочего движения. Самые вульгарные предрассудки служат теперь официальной доктриной политическим и профессиональным вождям французского рабочего класса. Наоборот, голос революционного реализма звучит в этой искусственной акустике, как голос "сектантства". Тем настойчивее надо повторять и повторять основные истины марксистской политики перед аудиторией передовых рабочих.

В тех или других частных утверждениях автора читатель, может быть, найдет отдельные противоречия. Мы их не устраняем. На самом деле эти мнимые "противоречия" представляют только подчеркивание разных сторон одного и того же явления на разных этапах процесса. В общем брошюра, как нам кажется, выдержала испытание событий и, может быть, окажется способна облегчить их понимание.

Дни великой стачки будут, несомненно, иметь и ту заслугу, что проветрят затхлую, застоявшуюся атмосферу рабочих организаций, очистив ее от миазмов реформизма и патриотизма "социалистического", "коммунистического" и "синдикалистского" образцов. Разумеется, это произойдет не сразу и не само собою. Предстоит упорная идеологическая борьба на основе суровой борьбы классов. Но дальнейший ход кризиса покажет, что только марксизм позволяет своевременно разбираться в переплете событий и предвидеть их дальнейшее развитие.

Февральские дни 1934 г. отметили первое серьезное наступление объединенной контрреволюции. Майско-июньские дни 1936 г. знаменуют первую могучую волну пролетарской революции. Эти две вехи предопределяют два возможных пути: итальянский и русский. Парламентская демократия, именем которой действует правительство Блюма, будет стерта в порошок меж двух великих жерновов. Каковы бы ни были предстоящие отдельные этапы, переходные комбинации и группировки, частичные наступления и отступления, тактические эпизоды, - выбирать отныне придется только между фашизмом и пролетарской революцией. Таков смысл настоящей работы.

Л.Троцкий

10 июня 1936 г.

Приложение.

Первоначальный вариант

Эта книжка состоит из трех частей, написанных в разное время в течение последних двух лет. Две первые части появились в свое время в виде специальных выпусков французской газеты "Веритэ"; последняя часть написана в самые последние дни как предисловие к новому французскому изданию "Терроризм и коммунизм". Но это относится лишь к форме. По существу же работа представляет одно целое, выраженное заглавием книжки.

Ввиду того, однако, что отдельные части появлялись врозь и отражали разные этапы кризиса, переживаемого Францией, читатель на этих страницах нередкие повторения. Устранить их, значило бы нарушить конструкцию каждой из частей и, что еще важнее, вытравить из работы ее динамику, отражавшую динамику самих событий. Автор предпочел сохранить повторения. Они могут оказаться даже не бесполезны сами по себе. Мы живем в эпоху повальной ликвидации марксизма на официальных верхах рабочего движения. Самые чудовищные предрассудки, самые вульгарные суеверия служат теперь официальной доктриной политическим и профессиональным организациям пролетариев. Наоборот, азбука марксизма звучит сейчас как парадокс, как фантастика, как голос сектантства. Давно сказано, что повторение есть мать учения. Может быть, повторения этой книжки позволят читателю усвоить кое-какие истины классовой борьбы, заглушаемые базарной музыкой "народных фронтов".

Против реакции ревизионизма, который ничего не может принести пролетариату, кроме поражений и унижений, мы выступаем с революционной ортодоксией. Пусть Сталины и Димитровы борются с Вандервельде, Блумами и Отто Бауэрами. Мы остаемся с Марксом и Лениным.

Л.Троцкий

31 марта 1936 г.

P.S. Я не имел, к сожалению, возможности просмотреть перевод. Твердо верю, что он со [...]171

[Письмо Восовичу]172

6 апреля 1936 г.

Дорогой товарищ Восович,

Я получил ваше первое письмо в свое время, а теперь и второе с приложением "Открытого письма товарищей Подолинского, Терена и Гармаша". То обстоятельство, что я Вам не ответил своевременно на ваше первое письмо, лежит у меня на совести тяжелым укором. В оправдание свое должен сослаться на то, что за последние месяцы я много хворал и даже два раза вынужден был ложиться в клинику. Вследствие больших перерывов в работе из-за болезни у меня накопились залежи всяких невыполненных обязательств. Так, я задержал на несколько месяцев новое издание "Истории [русской] революции" в Америке, не написав своевременно новое предисловие. Сейчас я очень напряженно работаю над этим предисловием, которое составляет, в сущности, небольшую книгу под заглавием "Что такое СССР и куда он идет?"173 Я считаю эту работу очень важной, так как без правильного понимания тех процессов, которые происходят в СССР, нельзя ответить ни на один из вопросов мирового рабочего движения, в частности и на национальный вопрос. В своей недавней статье об интервью Сталина с Роем Говардом174 я попытался мимоходом хотя бы указать на связь между украинским вопросом и международной политикой советской бюрократии. Такая связь существует и во всех других плоскостях: экономической, политической, культурной и проч. Вот почему я считаю необходимым прежде всего закончить свою работу об СССР. Она отнимет у меня еще несколько недель. Только после этого я смогу подойти к вашим письмам по существу. Должен вас, однако, предупредить, что от развития украинского национального вопроса, как в советской, так и в западной Украине, я за последние годы чрезвычайно отстал. За все время моей третьей эмиграции мне не пришлось, к сожалению, ни разу встретиться с каким-либо украинским товарищем, который мог бы в живой беседе ввести в курс наиболее жгучих вопросов нынешней украинской политики. Библиотеки под рукою здесь нет, украинских изданий я не получаю. Все это вместе создает для меня большие затруднения. Во всяком случае, через несколько недель я постараюсь сделать все, что смогу, чтоб ответить по существу на ваши письма, как и на открытое письмо трех названных

выше товарищей.

Горячо желаю вам успеха в вашей работе.

С революционным приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Л.Седова Н.И.Седовой]175

16.IV [19]36 [г.]

Милая мамочка,

Получил твое письмо от 12.IV. Ты уже несколько раз поднимала вопрос о том, что П[апа] был по существу прав (в том числе и в своем резком письме Д.176 и пр.). Я отмалчивался, хотя и хотелось тебе написать, что не хотел тебя, мамочка, огорчать. Но я, мамочка, с тобой, к сожалению совсем, совсем не согласен. Наоборот, мне кажется, что все Папины недостатки с возрастом не смягчаются, а, видимо, в связи с изоляцией, болезнью, трудными условиями - трудными беспримерно - углубляются. Его нетерпимость, горячность, дергание, даже грубость и желание оскорбить, задеть, уничтожить - усиливаются. Причем это не только "личное", а прямо какой-то "метод", и вряд ли хороший метод в организационной работе. Что делать? Ничего, терпеть, если можно так сказать. Ибо основное не в этом, это пустяки по сравнению с основным, с тем, чем является Папа не только для меня, конечно. И если я все-таки решил тебе написать, то потому только, повторяю, что чувствую себя к этому как бы "вынужденным". Неверно, что Папа был прав в деле с "Коммун[ой]"177. Неверно. Если Папа через несколько недель после разрыва пришел к выводу, что нужно примирение - значит раскол был неправилен, значит нужно было вести не непримиримую линию в отношении Р.М[олинье] и К° до разрыва, а идти на компромисс. Разрыв же с Р.М[олинье] - пусть не так, как это считал наилучшим Папа, был проделан с его согласия, больше, при его нажиме. Ты пишешь: "Переоценили свои силы". Да. Но разве мы только переоценили? Если бы П[апа] правильно оценил эти силы, мог ли он толкать на разрыв? Нет, ответственность и вина общая. Наша больше тем, что мы сидим здесь "конкретно" на месте. П[апина] больше тем, что с него больше спрашивается.

Ты пишешь насчет П[апиного] предложения "арбитража", "сколько было указаний" и пр. Мамочка, но дело ведь совсем не в этом. Ты пишешь так потому, что ты вне нашей жизни. Организация состоит из живых людей - избитая, но верная фраза. Нельзя живую организацию в течение нескольких недель бешено настроить на разрыв, разжечь в ней чувство борьбы, непримиримости с тем, чтобы перестроить ее предложением об арбитраже или другим "указанием". Нет, борьба, особенно острая, сопровождающаяся разрывом, имеет свою логику. Остановиться сразу и резко изменить курс не легко, почти невозможно. Это требует времени, терпения, спокойствия. И это должен был бы понимать и Папа, организация не машина; ей можно в любой момент дать ход назад. Конечно, досадно терять время и силы - но друг[их] путей нет - остальное горячность, дергание и пр. Т. е. то, что делал Папа (и делает слишком часто) и что, в частности, отражало его недопустимо резкое письмо ко мне178. Недопустимое в особенности потому, что письмо не равное равному, а написано, когда знаешь, что тебе так или даже 1/10 от "так" не ответят. И это все также связано с друг[им] недостатком, серьезным недостатком в политике. П[апа] никогда не признает свою неправоту, даже свое участие в общей неправоте. Поэтому он не терпит критики. Когда ему говорят или пишут то, с чем он не согласен, он это либо игнорирует, либо отвечает179 резкостями. Все привыкли к тому, что Папе лучше не писать или не говорить о том, с чем он не согласен. Нет, мамочка, это не метод. (Я не говорю о том, когда Папа "ухаживает" за кем-нибудь, - это совсем другое дело).

Но возвращаюсь к франц[узскому] делу. Как политик, П[апа] должен был бы конкретно оценить и наши силы, и наши возможности. Знать, что ему идти на разрыв с Р.М[олинье] и К°, то, что этот разрыв будет иметь свою логику, что дело имеешь пусть с плохими (какие есть, лучших пока нет, поэтому нельзя их топтать), но с живыми людьми; раз направив их на резкую борьбу, остановить их по команде, "по указанию" нельзя и пр. И пр. Отсюда, если разрыв не был все же ошибкой и лишь новый авантюристический поворот "Коммуны" сделал слияние неизбежным, то надо все же понимать, что освоение этого требует для

организации времени и требует со стороны П[апы] спокойного, терпеливого и дружелюбного отношения к товарищам. Необходимо, чтобы вопрос был решен в Папиной голове, надо, чтобы он прошел через головы остальных. Бешенство же дает кажущееся ускорение дела, кажущееся, но не понятое, не завоеванное проводится плохо и противоречиво, но "зато" нарушает всякую возможность нормальных организационных, товарищеских и личных отношений. Вообще же в организац[ионных] вопросах Папа склонен к крайностям и переменам. Сперва рубит, потом клеит.

После нескольких бешеных писем о R.Well'e и Well'ю (Berlin) Папа написал ему вдруг примирительное письмо, которое я, к счастью, не передал, ибо на след[ующий] день Well перешел к сталинцам. Таких и подобных фактов больше чем много, и в каждом случае, к несчастью, Папа немедленно же ищет виновников - действительных или мнимых, ибо он об этом даже не задумывается, они ему нужны для собственной разрядки...

Людей же надо беречь. Скучно это, я знаю, но что делать. Ругать их надо, и крепко, но не переходя известной черты, но и беречь - они ведь на каждом углу не стоят, их мало, они нужны.

Возьмем вопрос о Секретариате. Плох он, работает плохо и пр. И пр. Все это верно. Но разве это позиция? Если плохи люди, надо их заменить лучшими, если эти плохие все же лучше других еще более плохих или если друг[ие] обстоятельства мешают заменить этих - нельзя их ругать и ругать, презрительно игнорировать или оскорблять или раздавать им пинки... Я писал Папе год тому назад, что этот С[екретаря]т к настоящей работе не способен, что надо искать другие выходы. Если этих выходов нет - надо терпеть, а не давать затрещины при всяком случае. Что это дает? Делу, работе, этим товарищам - ничего. Известное удовлетворение самому Папе? Нет, это неправильно.

Взять вопрос о Р.М[олинье]. Надо честно сказать, что П[апа] (и не он один) ошиблись, что поддержка систематическая Р.М[олинье] в прошлом была неправильна. Папа этого никогда не сделает, а будет искать очень остроумных и тонких доводов, чтобы доказать, что все было правильно.

Перо. Он скрыл от меня, что получил телеграмму [...]181 и поехал182. Это, конечно, возмутительно. Тем не менее Папино поведение по отношению к нему тоже было неправильно. Перо, как член общей организации, имел право на другое отношение, несмотря на свои недостатки, "невыносимость" и пр.

Не стоит больше писать. Организационные и личные отношения (последние в нашей среде являются лишь частью первых) не являются Папиной личной сильной стороной, и в этой области - и только в этой области - нет у него "правоты", хотя хотелось бы, чтобы и здесь он был прав - да нет этого. Лично я хотел бы как можно скорее развязаться с редактором183. Я несколько лет жизни потерял, зарывшись в бумаги, письма, переводы, пересылку. Мало чему научился, не было времени ни читать, ни "развиваться", а пользы для дела вышло ой как мало, пинков же много184.

Вот сегодня в письме Теодору Папа целит два камня на "богемистых и умников" и на "безответственных". Анонимно. Тягостно как-то письма эти читаются - "кто" имеется в виду: Дилаиль, Гего или кто другой. Или когда по французским делам Папа демонстративно - чтобы унижить других - пишет Фишеру, который во франц[узких] делах ушами хлопает и активного участия не принимает. Или когда по русским делам Папа писал Адольфу - всем было неприятно, и тем, кому пишет Папа, и тем, кому не пишет. Это какие-то будавочные уколы. Зачем?185

Не огорчайся из-за этого письма, мамочка, я уже очень давно пришел к этим выводам, - но ведь не это основное, что делает Папу единственным, незаменимым - для нас сегодня, для многих и многих других позже.

Всегда твой
[Л.Л.Седов]

К общетвенному мнению трудящихся всего мира!186

Вопрос о судьбе Советского Союза близок каждому мыслящему рабочему. 170 миллионов душ совершают величайший в истории опыт социального освобождения. Крушение нового режима означало бы страшный удар развитию всего

человечества. Но именно отсюда вытекает обязанность честного, т. е. критического, отношения ко всем тем сложным процессам и противоречивым явлениям, которые наблюдаются в жизни Советского Союза.

Самым тревожным признаком внутренней жизни СССР являются, несомненно, продолжающиеся жестокие расправы – в большинстве своем не над сторонниками капиталистической реставрации, а над революционерами, которые вступили в тот или другой конфликт с руководящим слоем. За последние месяцы в мировую печать проникли многочисленные сообщения об исключительно тяжелых репрессиях против оппозиционных членов самой правящей партии, а также иностранных коммунистов, если те не могут рассчитывать на защиту посольства собственной страны. Тюрем оказывается уже недостаточно. Концентрационные лагеря получили такое развитие, какого они никогда не имели в годы гражданской войны. Ответом заключенных на невыносимые преследования являются все учащающиеся коллективные и индивидуальные голодовки и самоубийства. Многочисленные трагические факты засвидетельствованы лицами, заслуживающими полного доверия и готовыми предстать перед любой инстанцией для подтверждения своих показаний. Критическая мысль отказывается совместить эти факты с официальным утверждением, что социалистическое общество установлено в СССР "окончательно и бесповоротно".

5 июня "Правда", руководящая газета СССР, возвестила о принятии Центральным Комитетом правящей партии проекта новой конституции, "самой демократической в мире"¹⁸⁷. Передовая статья, комментирующая это в высшей степени важное решение, возвещает в то же время новые еще более страшные репрессии против оппозиционеров. Вопрос настолько важен, что мы считаем необходимым привести дословно заявление "Правды" как непосредственного рупора правящих кругов. Указав на "грандиозные победы социализма", нашедшие свое выражение в новой конституции, газета тут же требует "повышения бдительности" против "классово враждебных социализму сил". Было бы, однако, ошибкой думать, что речь идет о сторонниках восстановления монархии, дворянства или буржуазии. Наоборот, рядом декретов, а затем и соответственными параграфами новой конституции окончательно устранено неравенство граждан по признаку их социального происхождения. Согласно официальным разъяснениям, социалистическое общество настолько окрепло, что может уже не бояться выходцев из дворянской и буржуазной среды. Что же касается "классово враждебных социализму сил", против которых требуются повышенные кары, то "Правда" говорит на этот счет следующее:

"Борьба продолжается. Бессильные для прямого нападения, остатки контрреволюционных групп, белогвардейцев всех мастей, особенно троцкистско-зиновьевской, не отказались от своей подлой шпионской, диверсантаской и террористической работы. Твердой рукой мы будем и впредь бить и уничтожать врагов народа, троцкистских гадов и фурий, как бы искусно они ни маскировались".

Эти слова говорят сами за себя. Публикуя "самую демократическую в мире" конституцию, правящая группа Советского Союза обещает в то же время "уничтожать" сторонников определенного течения социалистической мысли, обвиняя их в таких преступлениях, как "шпионская, диверсантаская (?) и террористическая работа". Обвинение имеет заведомо бредовый характер. Оно ничуть не лучше обвинения средневековых еретиков в вызывании засухи и эпидемий или обвинения евреев в употреблении христианской крови. Но угроза истребления не теряет от этого своей страшной реальности.

Так называемое "троцкистское" течение носит интернациональный характер и издаст книги и газеты не менее чем на 15 языках. Можно различно относиться к этому течению, сочувствовать ему или, наоборот, осуждать его, но всякий мыслящий рабочий, всякий серьезный человек способен из бесспорных документов убедиться в том, что дело идет о революционной группировке, ставящей своей задачей освобождение трудящихся. Так, во время июньских событий в Париже французская буржуазная пресса единодушно травила "троцкистов" за разжигание стачек, а печать Коминтерна обвиняла их в стремлении искусственно вызвать революцию. Можно ли хоть на минуту поверить, что одно и то же течение, руководимое одними и теми же идеями и лицами, стремится во всех капиталистических странах опрокинуть власть буржуазии, а в СССР – восстановить капитализм при помощи "шпионской, диверсантаской и террористической работы"?

Каждый бескорыстный друг СССР, т. е. друг советских трудящихся масс,

должен сказать себе: в официальных объяснениях заключена явная и очевидная неправда. Открыто готовя физическое истребление своих идейных противников, правящая группа не находит ни одного серьезного и веского слова в объяснение или в оправдание этой расправы. Можно ли пассивно и молчаливо терпеть такое положение?

Мы, нижеподписавшиеся, заявляем перед лицом общественного мнения всего мира: неправда, будто "троцкисты" и "зиновьевцы" стремятся или могут стремиться к восстановлению капитализма; неправда, будто они имеют или могут иметь какое-либо отношение к шпионским проискам или террористическим покушениям контрреволюции; неправда, будто их деятельность направлена или может быть направлена против социализма. Но зато безусловная правда, вытекающая из всей литературы вопроса, что "троцкисты" являются противниками политики правящей советской группы, противниками все более растущего социального неравенства в СССР, противниками восстановления офицерской касты и прежде всего противниками неограниченной власти и неограниченных привилегий бюрократии. Не советский пролетариат карает своих "классовых врагов", а советская бюрократия в борьбе за свою власть и свои привилегии истребляет ту группу, которая пытается выразить протест и недовольство трудящихся масс.

Мы, нижеподписавшиеся, берем на себя полную ответственность за наши слова, которые могут в любой момент и без труда быть проверены: нужно только, чтоб советское правительство дало возможность беспристрастной международной комиссии свободно ознакомиться на месте с действительными или мнимыми преступлениями троцкистов, зиновьевцев и других оппозиционных групп. Ничего иного мы не хотим.

Всякая рабочая организация, всякая прогрессивная общественная группа, всякая честная газета, всякий друг трудящихся заинтересованы в полном и бесспорном выяснении этого жгучего вопроса. Надо поднять завесу над непрерывной серией трагедий. Надо добиться расследования. Надо раскрыть правду, всю правду до конца. В рабочих организациях, на собраниях, в печати надо поднять и поддержать требование послать в СССР беспристрастной, авторитетной для всех комиссии с целью расследования действительных причин ужасающих репрессий бюрократии над революционерами, как троцкистами и зиновьевцами, так и представителями других течений. Если советской бюрократии нечего скрывать в этом деле перед лицом мирового рабочего класса, то она должна пойти навстречу такому требованию.

[Л.Д.Троцкий]

[После 5 июня 1936 г.]

По поводу "программного" письма тов. Цилиги от 14 мая 1936 г.

1) Заявление т. Цилиги, будто я ставлю "ультиматум", требуя от него "капитуляции", "отказа от своей линии" и проч., совершенно неправильно и представляет собой чистейшее недоразумение. Я являюсь редактором определенного издания¹⁸⁸, за которое несу политическую ответственность. При печатании статей я руководствуюсь и содержанием статьи, и личностью сотрудника, и его политическими связями. Это мое право и моя обязанность. Я считаю абсолютно вредным и принципиально недопустимым для "Бюллетеня" иметь общих сотрудников с "Социалистическим Вестником". Может быть, моя позиция ложна. Но при чем же тут требование капитуляции? Или "отказа от своих мнений"?

2) Из первых же моих писем т. Цилига должен был уяснить себе, что я ни в малейшей степени не разделял и не разделяю его иллюзий насчет способов и методов борьбы в интересах ссыльных и заключенных. Чтобы добиться результата, надо найти путь к массовым организациям. Но именно для этого не надо связывать себя с такими группами, которые всей своей прошлой и настоящей деятельностью отрезали себя навсегда от масс и могут своим участием только скомпрометировать кампанию. Сумма будет меньше, если в число слагаемых включить отрицательные величины. Между тем, внимание Цилиги направляется преимущественно на отрицательные величины.

3) По мнению Цилиги, для Сталина было бы "страшным ударом" мое совместное выступление с меньшевиками "перед европейским пролетариатом

против сталинских преследований за свободу слова, печати, организаций для русского пролетариата". На самом деле нельзя было бы сделать Сталину и, что не менее важно, мировой реакции лучшего подарка. Цилига великодушно готов оставить без рассмотрения вопрос о том, правильны ли были репрессии Ленина и Троцкого против меньшевиков. При этом он столь же великодушно забывает о репрессиях эсеров-меньшевицкого правительства против Ленина и Троцкого (обвинение в службе Гогенцоллернам). Мыслящие рабочие не разделят ни великодушия Цилиги, ни его забывчивости. Репрессии меньшевиков против нас не были случайностью, как и наши репрессии против меньшевиков. Завтра Блюм будет сажать в тюрьму наших единомышленников во Франции. Выступать совместно с меньшевиками значит путать все карты, оплевывать и прошлое, и будущее и вносить деморализацию в авангард авангарда. Разоблачения самого Цилиги, которые, кстати сказать, только благодаря б[ольшевикам]-л[енинцам] получили известную огласку, в том числе и в буржуазной печати, на три четверти лишатся своего морального веса после появления статьи Цилиги в "Соц[иалистическом] в[естнике]". Сталинцы на любом рабочем собрании скажут: вот вам ваш ультра-левый Цилига - как только оказался за границей, немедленно побратался с меньшевиками.

4) Нужно ли защищать меньшевиков, анархистов и проч., которых преследует Сталин? Нужно. Вести политику народного фронта во Франции, готовить объединение двух Интернационалов на платформе социал-патриотизма и в то же время держать в СССР меньшевиков в тюрьме значит вести подлую, бесчестную игру, которая служит для прикрытия бонапартистов перед рабочими. Но защищать меньшевиков и анархистов нужно собственными методами, не якаясь со скомпрометированными и безнадежно изолированными группами. В тысячу раз лучше напечатать статью в буржуазной газете, которую читают рабочие, чем в "Соц[иалистическом] в[естнике]".

5) Тот факт, что Сталин держит в тюрьме безобидных меньшевиков для собственной маскировки, т. е. для прикрытия своих репрессий налево, показывает, насколько скомпрометированы меньшевики в сознании русских рабочих. Мало того. К ним немногим лучше относятся партии Второго Интернационала. Ни Блюм, ни Вандервельде не вступаются теперь за арестованных меньшевиков. Это показывает, в какой мере меньшевики скомпрометированы перед мировым пролетариатом. Какой же смысл имеет блок с этой отрицательной величиной? Цилига видит в этом недопустимый "национальный подход": с другими партиями Второго Интернационала соглашения возможны, дескать, а с меньшевиками - нет. Этот аргумент, как, впрочем, и все другие, показывает, насколько формалистически подходит Цилига ко всем вопросам. Принципиальной разницы между меньшевиками и другими социал-демократами нет, но русские меньшевики политически ликвидированы Октябрьской революцией, а французских еще только надо ликвидировать. Пока меньшевики были силой, т. е. имели опору в рабочих, мы вступали с ними в соглашение против Корнилова, несмотря на то, что сами еще сидели в меньшевицкой тюрьме. Соглашение с меньшевиками имело чисто практический характер, и если бы во время борьбы с Корниловым любой большевик напечатал в меньшевицком органе статью, он был бы немедленно исключен из партии. Но после того, как русские меньшевики, благодаря такому "национальному" эпизоду, как Октябрьская революция, оказались политически ликвидированы в международном масштабе, поддерживать их прямо или косвенно своим политическим авторитетом значит совершать реакционный акт, т. е. преступление по отношению к международному и русскому пролетариату. Сказанное вовсе не исключает совместной борьбы с французскими меньшевиками против французского Корнилова - до тех пор, пока французские меньшевики представляют собою организацию.

6) Тов. Цилига рассуждает так, как если бы политическая жизнь нашей международной организации началась только со дня его приезда за границу. Нет, это не так. У нас есть свои взгляды, методы и традиции. И раз т. Цилига обратился со своими статьями в наш орган, то он должен был считаться с нашими взглядами, нашими методами и нашими традициями. Тов. Цилига предлагает "дискуссию". О чем? Для дискуссии нужен и серьезный политический повод. Нужен, по крайней мере, документ, излагающий в систематической форме новую точку зрения. Цилига ссылается на Сапронова, Смирнова¹⁸⁹ и др. Этих старых и серьезных революционеров мы знаем давно. Мы работали с ними вместе. Мы порвали с ними на известных вопросах. Все это сопровождалось дискуссией. Аналогичные взгляды в новых условиях формулировались за границей бельгийцем

Енно, немцем Урбансом и целым рядом других лиц. У нас с ними была в свое время очень серьезная и обширная дискуссия. Во Франции есть группы, которые откололись от нас, в значительной мере по тем же самым вопросам, которые теперь выдвигает т. Цилига. Знаком ли он со всей этой литературой? Боюсь, что нет. Иначе он не требовал бы дискуссии по вопросам, с которыми мы покончили давно.

Разумеется, старые вопросы могут в новой обстановке встать по-новому. Но тогда нужно показать, в чем это новое состоит. Между тем т. Цилига лишь повторяет старое, повторяет гораздо менее систематически и убедительно, чем делали его предшественники и, не ознакомившись даже с нашей идейной историей, требует, чтобы мы начали сначала.

Резюмирую: наши разногласия с т. Цилигой гораздо глубже и непримиримее, чем ему кажется. У нас сами методы мышления различны. Откровенно говоря, я думаю, что по методу мышления Цилига гораздо ближе к меньшевикам, чем к нам, и что его тяга к ним не случайна. Разумеется, если, проделав известный опыт в новых условиях, т. Цилига убедится в ошибочности своей коалиции с Даном и заявит об этом открыто, я буду рад убедиться в ошибочности своей собственной оценки политической физиономии Цилиги, и нашему сотрудничеству на страницах "Бюллетеня" не будет препятствий, несмотря на разногласия по важным вопросам и несмотря на то, что "Бюллетень" - не дискуссионный орган. Но это вопрос будущего. Что касается настоящего, то я считаю совершенно исключенным одновременное сотрудничество в "Соц[иалистическом] вестнике" и в "Бюллетене оппозиции". Я уверен, что по этому вопросу в рядах б[ольшевиков]-л[енинцев] не может быть и нет никаких разногласий.

Л.Троцкий

3 июня 1936 г.

Дополнение к замечаниям по поводу письма т. Цилиги

Письмо настолько противоречит марксистскому методу политики, что нелегко даже найти наиболее важные опровержения. Цилига говорит: если с Блюмом против фашистов, то почему не с Даном против сталинской "реакции"? Одну сторону этого "довода" я уже кратко рассмотрел, а вот другая сторона. Блюм по сравнению с фашистами представляет меньшее зло. Но можно ли сказать, что меньшевики представляют меньшее зло по сравнению со сталинцами? Ни в коем случае. Если бы мы имели в СССР выбор только между сталинцами и меньшевиками, мы должны были бы, конечно, выбрать сталинцев, ибо меньшевики способны лишь послужить ступенькой для буржуазии, которая разрушила бы плановое хозяйство и установила бы в стране режим, представляющий сочетание истинно русского фашизма с китайским экономическим хаосом. Страна оказалась бы экономически отброшена на полстолетия назад. Плановое начало есть единственное спасение независимости СССР и ее будущего. Сталинцы тоже готовят взрыв планового хозяйства, но у них другие сроки: мы можем надеяться, что пролетариату удастся справиться с бюрократией, прежде чем она сама взорвет и обобщественные формы собственности. Кому угодно, пусть называет советский режим "государственным капитализмом", но как показывают все пять частей света, только этот режим способен еще развивать производительные силы. Не видеть этого факта из-за подлостей бюрократии, значит быть либеральчиком, а не марксистским революционером.

Новый революционный подъем и задачи IV Интернационала

1. Июньская стачка открывает новый период во внутреннем развитии Франции и Бельгии¹⁹⁰. Она вызовет, несомненно, не только дальнейшее обострение классово-борьбы в этих странах, но также, с тем или другим запозданием, массовые движения на протяжении значительной части Европы, в том числе и в Великобритании, возможно - и за океаном. Испанская революция выходит таким образом из изолированности.

2. Июньская стачка показала, сколько возмущения и готовности к борьбе скопилось под обманчивой корою пассивности в пролетарских массах города и

деревни за годы кризиса и реакции. Она раскрыла сочувствие к борьбе рабочих со стороны широких масс городской мелкой буржуазии и крестьянства. Она обнаружила, наконец, крайнюю неустойчивость всего режима, неуверенность в себе господствующих классов, их метания между Леоном Блюмом и де ла Рокком. Эти три условия: готовность к борьбе всего пролетариата; острое недовольство низов мелкой буржуазии; разброд в лагере финансового капитала, - представляют основные предпосылки пролетарской революции.

3. Боевое выступление масс приняло и на этот раз характер всеобщей стачки. Частные, корпоративные требования, важные сами по себе, явились для передовых рабочих необходимым средством, чтобы после долгого периода неподвижности поднять и сплотить против буржуазии и ее государства как можно более широкие массы. Всеобщая стачка, открывающая период революционных боев, не может не сочетать в себе корпоративные и частные требования с общими, хотя бы еще не ясно выраженными задачами всего класса. В этом сочетании - ее сила, залог спайки между авангардом и глубокими резервами класса.

4. Наша французская секция за последние годы поставила всеобщую стачку в центре своей пропаганды. В отличие от всех остальных партий и группировок, говорящих от имени рабочего класса, французские большевики-ленинцы своевременно оцекли положение как предреволюционное, правильно поняли симптоматическое значение стачечных взрывов в Бресте и Тулоне и под непрерывными ударами оппортунистов и социал-патриотов (Соцпартии, Компартии, С.Ж.Т.) при противодействии центристов Марсо Пивера и пр.) готовили своей агитацией всеобщую стачку. На плодородной почве горсть семян дает большие всходы. Так в условиях социального кризиса и возмущения масс небольшая организация, бедная материальными средствами, но вооруженная правильными лозунгами, оказала неоспоримое влияние на ход революционных событий. Бешеная травля большевиков-ленинцев со стороны всей капиталистической, социал-демократической, сталинской и синдикальной печати, как и репрессии полиции и судей Леона Блюма, служат внешним полдтверждением этой истины.

5. Ни одна из официальных рабочих организаций во Франции, как и в Бельгии, не хотела борьбы. Стачки возникали против воли синдикатов и обеих партий. Только поставленные перед свершившимся фактом, официальные вожди "признавали" стачку, чтобы тем скорее задушить ее. Между тем, дело шло пока о сравнительно "мирном" движении под частичными лозунгами. Можно лишь на минуту сомневаться в том, что во время открытой борьбы за власть аппараты Второго и Третьего Интернационалов, подобно партиям русских эсеров и меньшевиков в 1917 г., окажутся целиком в распоряжении буржуазии против пролетариата? Необходимость нового Интернационала как мировой партии пролетарской революции снова и неоспоримо доказана событиями во Франции и Бельгии.

6. Тем не менее прямым и непосредственным последствием великой июньской волны является исключительно быстрый рост старых организаций. Факт этот исторически вполне закономерен. Так, меньшевики и эсеры лихорадочно росли после февральской революции 1917 г., которой они, как социал-патриоты, не хотели во время войны; германская демократия быстро разбухала после революции 1918 г., которая пришла против ее воли. Прежде чем обнаружить свою несостоятельность перед всем классом, оппортунистические партии становятся на короткое время прибежищем самых широких масс. Быстрый рост социалистической и особенно "коммунистической" партий во Франции является верным симптомом революционного кризиса в стране и готовит в то же время смертельный кризис партий Второго и Третьего Интернационалов.

Не меньшее значение имеет неслыханно быстрый рост профессиональных союзов во Франции. Увеличивая по видимости вес и значение объединенного реформистско-сталинского синдикального штаба (Жуо, Ракамон191 и пр.), прилив новых миллионов рабочих и служащих подкапывает на самом деле сам фундамент консервативного синдикального аппарата.

7. Большие массовые движения - лучшая проверка для теорий и программ. Июньская стачка показывает, насколько ложны ультра-левые, сектантские теории насчет того, будто профсоюзы вообще "отжили" свое время и должны быть заменены другими организациями или же будто наряду со старыми, консервативными профсоюзами нужно строить новые, "настоящие". На самом деле в революционную эпоху борьба за экономические требования и социальное законодательство не прекращается, наоборот, получает небывалый размах. Свежие сотни тысяч и миллионы рабочих, вливающиеся в профсоюзы, разрушают

рутину, расшатывают консервативный аппарат, позволяют революционным партиям строить в союзах свои фракции, завоевывать влияние и успешно бороться за руководящую роль в профессиональном движении. Революционная партия, которая неспособна вести в массовых организациях систематическую и успешную работу, окажется еще менее способна создавать свои собственные профсоюзы. Все попытки такого рода обречены на крушение.

8. Вопреки заверениям вождей Второго и Третьего Интернационалов, нынешний капитализм уже неспособен ни дать работу всем рабочим, ни повысить жизненный уровень работающих. Издержки социальных реформ финансовый капитал перелажает на самих же рабочих и на мелкую буржуазию путем повышения цен, открытой или замаскированной инфляции, налогов и пр. Сущность нынешнего "этатизма", государственного вмешательства - в "демократических", как и в фашистских странах - состоит в том, чтобы спасти загнивающий капитализм ценою снижения жизненного и культурного уровня народа. Другого пути на основе частной собственности нет. Программы народных фронтов Франции, Испании, как и программа бельгийской коалиции¹⁹², представляют заведомый мираж и обман, подготовку нового разочарования рабочих масс.

9. Полная безнадежность положения мелкой буржуазии в условиях загнивающего капитализма приводит к тому, что - вопреки постыдным теориям "социальной гармонии" Леона Блума, Вандервельде, Димитрова, Кашена и К^о - социальные реформы в пользу пролетариата, неустойчивые и обманчивые сами по себе, ускоряют разорение мелких собственников города и деревни, толкая их в объятия фашизма. Серьезный, глубокий и длительный союз пролетариата с мелкобуржуазными массами в противовес парламентским комбинациям с радикальными эксплуататорами мелкой буржуазии возможен только на основах революционной программы, т. е. захвата власти пролетариатом и переворота в отношении собственности в интересах всех трудящихся. "Народный фронт", как коалиция с буржуазией, есть тормоз революции и предохранительный клапан империализма.

10. Первый шаг к союзу с мелкой буржуазией есть разрыв блока с буржуазными радикалами во Франции и Испании, с католиками и либералами - в Бельгии и пр. Эту истину необходимо на основании опыта разъяснить каждому социалистическому и коммунистическому рабочему. Такова центральная задача момента. Борьба против реформизма и сталинизма есть на данный момент борьба прежде всего против блока с буржуазией. За честное единство трудящихся, против бесчестного единства с эксплуататорами! Долой буржуа из народного фронта! "Долой министров-капиталистов!"

11. О дальнейших сроках революционного развития сейчас возможны только предположения. Благодаря исключительным условиям (поражения в войне, крестьянская проблема, большевистская партия), русская революция совершила свое восхождение - от низвержения абсолютизма до завоевания власти пролетариатом - в течение 8 месяцев. Но и за этот короткий срок она знала апрельскую вооруженную манифестацию, июльское поражение в Петрограде и попытку Корнилова произвести контрреволюционный переворот в августе. Испанская революция длится с приливами и отливами уже пять лет. За этот период рабочие и бедные крестьяне Испании обнаружили такой великолепный политический инстинкт, развернули столько энергии, самоотверженности, героизма, что государственная власть давно уже была бы в их руках, если бы руководство хоть сколько-нибудь соответствовало политической обстановке и боевым качествам пролетариата. Истинными спасителями испанского капитализма явились и остаются не Замора, не Асанья¹⁹³, не Хиль Роблес¹⁹⁴, а вожди социалистических, коммунистических и анархо-синдикалистских организаций.

12. То же самое относится ныне к Франции и Бельгии. Если бы партия Леона Блума была действительно социалистической, она могла бы, опираясь на массовую стачку, низвергнуть в июне буржуазию почти без гражданской войны, с минимальными потрясениями и жертвами. Но партия Блума есть буржуазная партия, младшая сестра гнилого радикализма. Если бы в свою очередь "коммунистическая" партия имела что-либо общее с коммунизмом, она с первого дня стачки исправила бы свою преступную ошибку, разорвала бы своей гнилой блок с радикалами, призвала бы рабочих к созданию заводских комитетов и советов и установила бы тем самым в стране режим двоевластия, как кратчайший и наиболее надежный мост к диктатуре пролетариата. Но аппарат коммунистической партии есть на самом деле лишь одно из орудий французского империализма. Ключом к дальнейшей судьбе Испании, Франции, Бельгии является

проблема революционного руководства.

13. Тот же вывод вытекает полностью из уроков международной политики, в частности, из так называемой "борьбы против войны". Социал-патриоты и центристы, особенно французские, в оправдание своего прислужничества Лиге Наций ссылались на пассивность масс, в частности на их неготовность применять бойкот к Италии во время ее разбойничьего нападения на Абиссинию¹⁹⁵. Тем же доводом пользуются для прикрытия своей протрации пацифисты типа Макстона. В свете июньских событий становится особенно ясно, что массы не реагировали на международные провокации империализма только потому, что их обманывали, усыпляли, тормозили, парализовали, деморализовали их собственные руководящие организации. Если бы советские профессиональные союзы подали в свое время пример бойкота Италии, движение, как степной пожар, неминуемо охватило бы всю Европу, весь мир и сразу стало бы грозным для империалистов всех стран. Но советская бюрократия запретила и подавила какую бы то ни было революционную инициативу, заменив ее пресмыкательством Коминтерна перед Эррио, Леоном Блюмом и Лигой Наций. Проблема международной политики пролетариата, как и внутренней, есть проблема революционного руководства.

14. Всякое подлинно массовое движение освежает атмосферу, как гроза, и попутно разрушает всякого рода политические фикции и двусмысленности. Жалким и ничтожным оказывается в свете июньских событий лозунг "объединения" двух Интернационалов, которые и так уже достаточно объединены в предательстве интересов пролетариата, или домашние рецепты Лондонского бюро (2), которое колеблется между всеми возможными направлениями и всегда выбирает худшее.

Июньские события обнаружили заодно полную несостоятельность анархизма и так называемого "революционного синдикализма". Ни тот, ни другой, поскольку они вообще существуют на земле, не предвидели событий и ничего не сделали для их подготовки. Пропаганда всеобщей стачки, заводских комитетов, рабочего контроля велась политической организацией, т. е. партией. Иначе и не может быть. Массовые организации рабочего класса остаются бессильны, нерешительны, растеряны, если их не вдохновляет и не ведет вперед тесно сплоченный сознательный авангард. Необходимость революционной партии доказана с новой силой.

15. Так все задачи революционной борьбы неуклонно ведут к одной: созданию нового, подлинно революционного руководства, стоящего на уровне задач и возможностей нашей эпохи. Прямое участие в движении масс, смелые, до конца доведенные классовые лозунги, ясная перспектива, самостоятельное знамя, непримиримость к соглашателям, беспощадность к предателям - это и есть путь IV Интернационала. Смешно и нелепо рассуждать о том, своевременно ли его "основывать". Интернационал не "основывают", как кооператив, а создают в борьбе. На вопрос педантов о "своевременности" ответили июньские дни. Дальнейшим спорам места нет.

16. Буржуазия ищет реванша. Новый социальный конфликт, сознательно готовящийся в штаб-квартирах крупного капитала, примет несомненно на первых шагах своих характер крупной провокации или серии провокаций по адресу рабочих. Одновременно идет усиленная подготовка "распущенных" фашистских организаций. Столкновение двух лагерей во Франции, в Бельгии, в Испании безусловно неизбежно. Чем больше вожди народногго фронта "примиряют" классовые противоречия и тушат революционную борьбу, тем более взрывчатый и конвульсивный характер она получит в ближайший период, чем больше жертв она причинит, тем менее защищенным окажется пролетариат перед лицом фашизма.

17. Секции Четвертого Интернационала ясно и отчетливо видят эту опасность. Они открыто предупреждают о ней пролетариат. Они учат авангард организовываться и готовиться. Вместе с тем они с презрением отбрасывают политику умывания собственных рук; они отождествляют свою судьбу с судьбой борющейся массы, какие бы тяжкие удары ни пали на нее в ближайшие месяцы и годы. Они участвуют в каждом акте борьбы, чтобы внести в него как можно больше ясности и организованности. Они неутомимо призывают к созданию заводских комитетов и советов. Они связываются с лучшими рабочими, выдвинутыми движением наверх, и рука об руку с ними строят новое революционное руководство. Своим примером и своей критикой они ускоряют формирование революционного крыла в старых партиях, сближаются с ним в процессе совместной борьбы и увлекают его на путь Четвертого Интернационала.

Участие в живой борьбе всегда на передовой линии огня, работа в

профессиональных союзах и строительство партии идут одновременно, взаимно оплодотворяя друг друга. Все боевые лозунги: рабочий контроль, рабочая милиция, вооружение рабочих, правительство рабочих и крестьян, социализация средств производства, - неразрывно связываются с созданием рабочих, крестьянских и солдатских советов.

18. Тот факт, что в момент массовой борьбы французские большевики-ленинцы сразу оказались в центре политического внимания и ненависти классовых врагов, отнюдь не является случайным, наоборот, безошибочно предсказывает будущее. Большевизм, который кажется сектантством филистерам всех мастей, сочетает на самом деле идейную непримиримость с величайшей чуткостью в отношении движения масс. Сама идейная непримиримость есть не что иное, как очищение сознания передовых рабочих от рутины, косности, нерешительности, т. е. воспитание авангарда в духе самых смелых решений, подготовка его к участию в массовой борьбе не на жизнь, а на смерть.

19. Ни одна революционная группировка в мировой истории не стояла еще перед таким страшным давлением, как группировка IV Интернационала. "Коммунистический манифест" Маркса-Энгельса говорил об объединившихся против коммунизма силах "папы и царя... французских радикалов и немецких полицейских". Из этого списка выпал только царь. Но сталинская бюрократия представляет ныне неизмеримо более грозное и вероломное препятствие на пути мировой революции, чем некогда самодержавный царь. Авторитетом Октябрьской революции и знаменем Ленина Коминтерн прикрывает политику социал-патриотизма и меньшевизма. Мировая агентура ГПУ уже сейчас, рука об руку с полицией "дружественных" империалистических стран, ведет систематическую работу против Четвертого Интернационала. В случае наступления войны объединенные силы империализма и сталинизма обрушат на революционных интернационалистов неизмеримо более свирепые преследования, чем те, какие генералы Гогенцоллерна совместно с социал-демократическими палачами обрушили в свою время на Люксембург, Либкнехта и их сторонников.

20. Секции Четвертого Интернационала не пугаются ни грандиозности задач, ни ожесточенной ненависти врагов, ни даже своей собственной сегодняшней малочисленности. Уже сейчас борющиеся массы, еще не сознавая того, стоят гораздо ближе к нам, чем к своим официальным вождям. Под ударами надвигающихся событий в рабочем движении будет идти все более быстрая и глубокая перегруппировка. Во Франции социалистическая партия окажется скоро вытеснена из рядов пролетариата. В коммунистической партии надо с уверенностью ждать расколов. В профсоюзах создастся могущественное левое течение, восприимчивое к лозунгам большевизма. В иной форме, но одинаковые же по существу процессы произойдут и в других странах, вовлеченных в революционный кризис. Организации революционного авангарда выйдут из изолированности. Лозунги большевизма станут лозунгами масс. Ближайшая эпоха будет эпохой Четвертого Интернационала.

[Л.Д.Троцкий]

[Не ранее июня 1936 г.]

Испанский урок

Европа превратилась в огромную и очень суровую школу для пролетариата. В одной стране за другой разыгрываются события, которые требуют от рабочих великих жертв кровью, но которые до сих пор приводили к победе врагов пролетариата (Италия, Германия, Австрия...). Политика старых рабочих партий показывает, как нельзя руководить пролетариатом, как нельзя подготовить победу.

Гражданская война в Испании сейчас, когда пишутся эти строки, еще не закончилась. Рабочие всего мира страстно ждут вести о победе испанского пролетариата. Если эта победа, как мы твердо надеемся, будет одержана, придется сказать: рабочие победили на этот раз, несмотря на то, что их руководство сделало все для того, чтоб подготовить поражение. Тем больше чести и славы испанским рабочим!

Социалисты и коммунисты принадлежат в Испании к Народному фронту, который однажды уже предал революцию, но благодаря рабочим и крестьянам

одержал снова победу и создал в феврале "республиканское" правительство¹⁹⁶. Через шесть месяцев после этого "республиканская" армия выступает в поход против народа¹⁹⁷. Выходит так, что правительство Народного фронта содержало на народные деньги офицерскую касту, снабжало ее авторитетом, властью, оружием, отдавало ей под команду молодых рабочих и крестьян, – и все это для того, чтобы облегчить ей подготовку разгрома рабочих и крестьян.

Мало того: и сейчас, во время гражданской войны, правительство Народного фронта делает все, что может, чтобы затруднить победу. Гражданская война ведется, как известно, не только военными, но и политическими мерами. В чисто военном смысле испанская революция пока еще слабее врага. Ее сила в том, что она может поднять на ноги большие массы. Она может даже отнять у реакционного офицерства его армию: для этого надо только серьезно и смело выдвинуть программу социальной революции. Нужно провозгласить, что земля, заводы, фабрики переходят отныне от капиталистов к народу. Нужно на деле приступить к осуществлению этой программы в тех районах, где власть в руках рабочих. Фашистская армия не выдержала бы действия такой программы в течение 24 часов: солдаты связали бы своих офицеров по рукам и ногам и доставили бы их в ближайшие штабы рабочей милиции. Но буржуазные министры не могут допустить такой программы. Тормозя социальную революцию, они заставляют рабочих и крестьян проливать в десять раз больше крови в гражданской войне. В довершение всего эти господа надеются после победы снова разоружить рабочих и потребовать от них уважения к священным законам частной собственности. Такова подлинная суть политики Народного фронта. Все остальное – фразы и ложь!

Сейчас многие сторонники Народного фронта укоризненно покачивают головами по адресу мадридских правителей: "Как же это они не досмотрели? Почему они не произвели вовремя чистку армии? Почему не приняли необходимых мер?" Особенно много таких критиков во Франции, где, однако, политика вождей Народного фронта ничем решительно не отличается от политики их испанских коллег. Несмотря на суровый испанский урок, можно сказать заранее, что правительство Леона Блюма никакой серьезной чистки армии не произведет. Почему? Потому что рабочие организации находятся в коалиции с радикалами, следовательно, в плену у буржуазии.

Наивно плакаться по поводу того, что испанские республиканцы, или социалисты, или коммунисты чего-то недоглядели, что-то прозевали. Дело совсем не в дальнорзости того или другого министра или вождя, а в общем направлении политики. Рабочая партия, которая вступает в политический союз с радикальной буржуазией, тем самым отказывается от борьбы с капиталистическим милитаризмом. Буржуазное господство, т. е. сохранение частной собственности на средства производства, немыслимо без поддержки эксплуататоров военной силой. Офицерский корпус представляет собой гвардию капитала. Без этой гвардии буржуазия не продержалась бы и одного дня. Подбор людей, их обучение и воспитание делают офицерство в целом непримиримым врагом социализма. Отдельные исключения не в счет. Так обстоит дело во всех буржуазных странах. Опасность не в военных крикунах и демагогах, которые выступают открыто, как фашисты; неизмеримо грознее тот факт, что весь офицерский корпус при приближении пролетарской революции окажется палачом пролетариата. Выбросить 100 или 500 реакционных агитаторов из армии значит оставить, по существу дела, все по-старому. Офицерский корпус, в котором сосредоточены вековые традиции порабощения народа, надо распустить, раскассировать, разгромить целиком и без остатка. Казарменную армию, которой командует офицерская каста, надо заменить народной милицией, т. е. демократической организацией рабочих и крестьян. Другого решения нет. Но такая армия несовместима с господством эксплуататоров, больших и малых. Могут ли буржуазные республиканцы согласиться на подобную меру? Ни в каком случае. Правительство Народного фронта, т. е. правительство коалиции рабочих с буржуазией, есть по самой своей сути правительство капитуляции перед бюрократией и офицерством. Таков величайший урок испанских событий, оплачиваемый ныне тысячами человеческих жизней.

Политический союз рабочих вождей с буржуазией прикрывается защитой "республики". Испанский опыт показывает, как выглядит эта защита на деле. Слово "республиканец", как и слово "демократ", есть сознательное шарлатанство, служащее для прикрытия классовых противоречий. Буржуа бывает республиканцем до тех пор, пока республика охраняет частную собственность.

Рабочие же пользуются республикой для того, чтобы низвергнуть частную собственность. Другими словами: республика теряет всякую цену для буржуа в тот момент, когда она начинает приобретать цену в глазах рабочего. Радикалы не могут вступать в блок с рабочими партиями, не обеспечив себе опору в лице офицерского корпуса. Недаром во главе военного министерства во Франции встал Даладье. Французская буржуазия уже не раз доверяла ему этот пост, и он никогда не обманывал ее. Поверить, что Даладье способен очистить армию от фашистов и реакционеров, другими словами, разогнать офицерский корпус, могут только люди типа Мориса Паза или Марсо Пивера. Но их никто не берет всерьез.

Но тут нас перебивает возглас: "Как можно распустить офицерский корпус? Ведь это значит разрушить армию и оставить страну безоружной перед лицом фашизма. Гитлер или Муссолини только этого и ждут!" Все эти доводы хорошо известны. Так рассуждали русские кадеты, эсеры и меньшевики в 1917 году. Так рассуждали вожди испанского Народного фронта. Испанские рабочие наполовину верили этим рассуждениям, пока не убедились на опыте, что ближайший фашистский враг сидит в испанской армии. Недаром наш старый друг Карл Либкнехт учил: "Главный враг - в собственной стране!"

"Юманите" слезно молит очистить армию от фашистов. Но какая цена этим мольбам? Вотировать деньги на содержание офицерского корпуса, состоять в союзе с Даладье и через него с финансовым капиталом, поручать Даладье армию и в то же время требовать, чтоб эта насквозь капиталистическая армия служила "народу", а не капиталу, - значит либо впасть в полный идиотизм, либо сознательно обманывать трудящиеся массы.

"Но не можем же мы остаться без армии, - повторяют социалистические и коммунистические вожди, - ведь мы же должны защищать нашу демократию и вместе с нею Советский Союз от Гитлера!" После испанского урока нетрудно предвидеть последствия этой политики как для демократии, так и для Советского Союза. Выбрав благоприятный момент, офицерский корпус рука об руку с распущенными фашистскими лигами перейдет в наступление против трудящихся масс и, если одержит над ними победу, разгромит жалкие остатки буржуазной демократии и протянет руку Гитлеру для совместной борьбы против СССР.

Нельзя без возмущения и прямого отвращения читать статьи "Попюлера" и "Юманите" по поводу испанских событий. Эти люди ничему не учатся. Они не хотят учиться. Они сознательно закрывают глаза на факты. Для них главный урок состоит в том, что нужно во что бы то ни стало сохранить "единство" народного фронта, т. е. единство с буржуазией, дружбу с Даладье.

Конечно, Даладье - великий "демократ". Но можно ли сомневаться хотя на минуту, что, помимо официальной работы в министерстве Блюма, он ведет большую неофициальную работу - в генеральном штабе, в офицерском корпусе? Там сидят люди серьезные, которые умеют глядеть в глаза фактам, а не упиваться пустой риторикой в духе Блюма. Там готовятся ко всяким неожиданностям. Даладье, несомненно, стоваривается с военными вождями о необходимых мерах на тот случай, если рабочие проявят революционную активность. Генералы, конечно, охотно идут навстречу Даладье. А между собою генералы говорят: "Потерпим Даладье, пока не справимся с рабочими, а там поставим более крепкого хозяина". Тем временем социалистические и коммунистические вожди повторяют изо дня в день: "Наш друг Даладье." Рабочий должен ответить им: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты!" Люди, которые доверяют армию старому агенту капитала Даладье, недостойны доверия рабочих.

Конечно, пролетариат Испании, как и Франции, не хочет оставаться безоружным перед лицом Муссолини или Гитлера. Но чтобы отстоять себя от них, нужно разгромить врага в собственной стране. Нельзя опрокинуть буржуазию, не сломив офицерский корпус. Нельзя сломить офицерский корпус, не опрокинув буржуазию. В каждой победоносной контрреволюции офицерство играло решающую роль. Каждая победоносная революция, если она имела глубокий социальный характер, разрушала старое офицерство. Так поступила Великая французская революция в конце 18 века. Так поступила Октябрьская революция 1917 года. Чтобы решиться на такую меру, нужно перестать ползать на коленях перед радикальной буржуазией. Нужно создать подлинный союз рабочих и крестьян - против буржуазии, в том числе и радикальной. Нужно довериться силе, инициативе, мужеству пролетариата. Он сумеет завоевать на свою сторону солдат. Это будет настоящий, а не поддельный союз рабочих, крестьян и

солдат. Такой союз создается и закаляется сейчас в огне гражданской войны в Испании. Победа народа будет означать конец Народному фронту и начало Советской Испании. Победоносная социальная революция в Испании неизбежно перебросится на остальную Европу. Для фашистских палачей в Италии и Германии она неизмеримо страшнее, чем все дипломатические и все военные союзы.

Л.Троцкий

30 июля 1936 г.

[Письмо Л.Л.Седова А.Цилиге]198

19 октября [193]6 [г.]

Уважаемый товарищ,

Как мы вам уже сообщили при устной беседе, мы лишены возможности напечатать ваше письмо в "Бюллетене", ибо оно затрагивает вопрос, который непосредственно и близко интересовал Редактора¹⁹⁹, лишенного, как вы знаете, возможности, высказаться по затрагиваемому вами вопросу.

Чтобы попытаться по крайней мере довести до его сведения ваше письмо, вы должны были бы дать нам перевод его на немецкий или франц[узский] язык, ибо письма и документы к нему на русском языке не допускаются²⁰⁰.

Что касается подтверждения в "Бюллетене" получения вашего письма, как мы о том вам обещали, - это не удалось в нынешнем номере по техническим причинам. Мы это следаем в след[ующем] номере, если вы будете настаивать²⁰¹. С ком[мунистическим] приветом. Редакция.

[Отрывок из незаконченной статьи]

Вооружение Германии²⁰² и итальянское нападение на Абиссинию положили конец послевоенной эпохе и официально открыли новую предвоенную эпоху. Июньское стачечное движение во Франции и Бельгии открывает новую эпоху революционного прибое. Все оппортунистические, социал-патриотические и центристско-пацифистские партии рабочего класса попадают в тиски между надвигающейся войной и надвигающейся революцией. Первыми будут раздавлены в этих тисках промежуточно-центристские организации, объединяющиеся вокруг так называемого Лондонского бюро.

События последних двух лет полностью и исчерпывающе подтвердили марксистскую оценку партий, объединенных вокруг Лондонского бюро, как консервативных центристских организаций, неспособных противостоять напору реакции и шовинизма и обреченных в нашу эпоху сдвигаться вправо. Простой перечень фактов не оставляет на этот счет места никаким сомнениям.

1. SAP, вдохновительница лондонского объединения, вызвала раскол в голландской Революционной социалистической партии с единственной целью повернуть ее на путь центризма, вступила в "народный фронт" немецкой эмиграции, самый бесчестный и обманчивый из всех народных фронтов, взяла на себя вероломную защиту сталинской бюрократии против большевиков-ленинцев и фактически ведет борьбу только и исключительно против Четвертого Интернационала.

2. ILP сделала попытку занять в итало-абиссинском конфликте принципиально правильную позицию. Однако пацифистско-парламентская клика Макстона, видящая в партии лишь свой технический аппарат, путем грубого ультиматума повернула партию на путь пацифистской прострации и приняла одновременно исключительный закон против фракций, т. е. фактически против революционного марксистского крыла. В вопросе об СССР ILP ведет отождествление Октябрьской революции и бонапартистской бюрократии, рекламирует, в частности, сикофантскую компиляцию²⁰³ Веббов, которая способна только обмануть рабочих относительно действительных путей и методов пролетарской революции.

3. Испанская партия марксистского единства выдвинула платформу "демократической социалистической революции" и тем начисто отреклась от теории Маркса, Ленина и от опыта Октябрьской революции, одинаково показавших, что пролетарская революция не может развиваться в рамках

буржуазной демократии, что "синтез" буржуазной демократии и социализма есть не что иное как социал-демократия, т. е. организованное предательство исторических интересов пролетариата. В полном соответствии со своей платформой испанская партия оказалась во время последних выборов в антимарксистском единстве с партией Асаньи: в составе народного фронта, т. е. в хвосте партий левой буржуазии. Последняя критика народного фронта со стороны вождей партии не ослабляет их преступлений ни на волос, ибо революционные партии познаются по тому, как они действуют в критические моменты, а не по тому, что они сами про себя говорят на другой день после событий. За все годы испанской революции позиция Маурина-Нина обнаружила полную неспособность перейти от мелкобуржуазной фразы к пролетарскому действию.

Во Франции блок с Дорио и Марсо Пивером против Четвертого Интернационала очень скоро раскрыл свой реакционный характер: Дорио, под покровительством которого собиралась последняя конференция Лондонского бюро, перешел вскоре со своей организацией в лагерь реакции. Марсо Пивер состоит теперь агентом для левых поручений при Леоне Блуме, который через буржуазную полицию конфискует революционную рабочую газету и через буржуазный суд преследует сторонников Четвертого Интернационала.

На последнем конгрессе NAR (май 1936 г.), единственной массовой организации, примыкавшей к Лондонскому бюро, не разделось ни одного голоса против разрыва этой партии с Лондонским бюро. Этот красноречивый факт является неопровержимым свидетельством того, что принадлежность к Лондонскому бюро имеет чисто внешнее, показное значение, никого ни к чему не обязывает, никак не отражается на внутренней жизни отдельных организаций и потому не способна даже формировать в нем подобие левого крыла.

Партии Лондонского бюро не имеют ни самостоятельной доктрины, ни самостоятельной политики. Они размещаются и колеблются между левым крылом Второго Интернационала и Третьим Интернационалом в его последнем новейшем фазисе (народный фронт, блок буржуазии для защиты СССР, защита демократического отечества и пр.). В этом смысле он представляет новое издание Интернационала 2 в уменьшенном формате.

За последние два года лондонское бюро не заняло ясной революционной позиции ни по одному вопросу, ничем не оплодотворило рабочее движение и не только не вызвало враждебного внимания Второго и Третьего Интернационалов, - наоборот, сблизилось с ними в травле Четвертого Интернационала.

Сейчас, когда два старых Интернационала так близко сходятся друг с другом, существование промежуточного Интернационала становится совершенно бессмысленным.

Когда призрак новой войны стал наполняться плотью и кровью, Лондонское бюро, руководимое SAP, вместо вопроса о программе, большевистской политике, об отборе революционных кадров, выбросило ничего не говорящий лозунг "Новый Циммервальд!" Все те, которые пугаются революционных трудностей, связанных с опасностями войны, поспешили ухватиться за исторический призрак. Прошло несколько месяцев, и сами инициаторы забыли о своем изобретении. Между тем опасность войны и задача строительства нового Интернационала на гранитном фундаменте принципов остается во всей своей силе.

Можно спокойно оставить без особого рассмотрения шведскую партию, которая не выходит за пределы провинциального пацифизма, и тем более группы в Польше, Румынии, Болгарии, лишенные какого бы то ни было качественного или количественного значения. Примыкающее к Лондонскому бюро Стокгольмское бюро молодежи ведет политику SAP, то есть двойственности и фальши, особенно деморализующую и губительную в отношении нового революционного поколения. Физиономия Стокгольмского бюро лучше всего характеризуется тем, что для беспрепятственного продолжения своей дружественной политики по отношению к худшим оппортунистическим, патриотическим группировкам, оно сочло необходимым исключить из своих рядов представителя большевиков-ленинцев, который был в меньшинстве и не требовал для себя ничего, кроме права свободной критики. Этим актом вожди Лондонского и Стокгольмского бюро доказали наглядно даже для слепых, что революционерам нет и не может быть места в рядах этих организаций.

Интересы Четвертого Интернационала, т. е. пролетарской революции, исключают какое бы то ни было сближение, какую бы то ни было снисходительность и терпимость по отношению к партиям, группам и лицам,

которые на каждом шагу злоупотребляют именами Маркса, Энгельса, Ленина, Люксембург, Либкнехта для целей, прямо противоположных идеям и примеру этих учителей и борцов.

Вожди важнейших организаций Лондонского бюро не юноши и не новички. У всех у них долгое прошлое оппортунизма, пацифизма и центристских шатаний. Ни война, ни Октябрьская революция, ни разгром германского и австрийского пролетариата или предательский поворот Коминтерна, ни приближение новой войны ничему не научили их, наоборот, деморализовали. Возлагать надежды на их революционное перевоспитание нет ни малейшего основания.

Прямой обязанностью пролетарских революционеров является систематическое и непримиримое разоблачение половинчатости и двойственности Лондонского бюро, как ближайшей и непосредственной помехи на пути дальнейшего строительства Четвертого Интернационала.

[Л.Д.Троцкий]

[Июль 1936 г.]

1937

Ответы на поставленные мне вопросы о Литвинове²⁰⁴

1) С Литвиновым я встретился впервые осенью 1902 года в Цюрихе, где он временно заведовал экспедицией "Искры". Он показался мне тогда больше дельцом, т. к. вел конторские книги (не бог весть какие), надписывал адреса и пр. Но и помимо этого в нем было нечто деляческое. Мне показалось также, что он был недоволен своей работой, как слишком технической и маленькой. Может быть, это было ошибочное впечатление. Помню, встретил он нас, молодых посетителей экспедиции, не очень дружелюбно. Надо прибавить, что киевские беглецы составляли тогда среди эмиграции своего рода аристократию.

О тогдашних отношениях Литвинова с Лениным ничего сказать вам не могу.

Вы, конечно, знаете, что в "Пролетарской революции" напечатана обширная переписка Ленина и Крупской с Литвиновым, относящаяся, правда, к несколько более позднему времени.

2) Блюменфельд²⁰⁵ я знал довольно хорошо. Это был живой, горячий и упрямый человек, весьма преданный делу. С Засулич он был очень дружен, а у Веры Ивановны [Засулич] было хорошее чутье на людей. Рассказывал ли мне Блюменфельд о поведении Литвинова в киевской тюрьме? Не помню. Что случилось с Блюменфельдом - не знаю.

3) О поведении Литвинова на съезде заграничной лиги²⁰⁶ вскоре после 2 съезда партии - совершенно не помню. Литвинов был в то время малозаметной фигурой и вряд ли мог особенно выделиться на съезде лиги. Во всяком случае, протоколы лиги были в свое время напечатаны, а в последние годы перепечатаны, кажется, в той же "Пролетарской революции". К сожалению, у меня этих изданий нет.

4) Что импонировало Литвинову в Ленине? Думаю, что характер, решимость, твердость. Сам Литвинов, несомненно, отличается крепким характером. Помню, Ленин как-то шутя сказал о нем: "Самый крокодилий из наших дипломатов". Правда, Ленин сказал это с укором по поводу какой-то излишней уступки Литвинова: смотрите, мол, самый крокодилий, а все-таки сдал...

5) Крохмаль²⁰⁷ был типичнейшим представителем той мелкобуржуазной интеллигенции, которая органически тяготела к меньшевикам. Если вас интересуют внешние черты, то могу сообщить следующее: Крохмаль был высокого роста, сильно заикался, и это мешало ему как оратору. По профессии он был адвокатом. В обывательском смысле неглупый человек, более образованный, чем Литвинов, но несомненно уступающий ему в характере. Что с ним стало? В 1917 году он был, кажется, правым меньшевиком. Оставался ли в России при советской власти, жив ли сейчас или нет, - не знаю.

Марьяна Гурского²⁰⁸ я знал сравнительно мало. Он производил впечатление хорошего и честного, но малосамостоятельного человека.

6) Землячку²⁰⁹ я знал очень хорошо, даже прозвище ее "Землячка" дано ей было мною. Я жил в Верховенске²¹⁰ во время приезда туда Землячки и ее мужа Александра Берлина²¹¹. О том, что он собирается покончить самоубийством, мы

знали и по очереди дежурили в его комнате, когда он переселился отдельно от Землячки. Помню, на столе у него я увидел настроенные пластинки свинца: это он сам изготовил пулю для своего охотничьего ружья, из которого и убил себя. Под видом двоюродного брата я отвозил после этого Землячку в Иркутск. О том, что самоубийство Берлина имело какое-либо отношение к его тюремным переживаниям, - я не знал. Наша верхоленская колония ссыльных объясняла самоубийство чисто личными причинами.

7) Брошюру Соломона²¹² я прочитал по обязанности, когда собирал материал для биографии Ленина. В этой брошюре нет ни одного верного факта, ни одного честного сообщения: грубая и глупая ложь, которая иногда кажется исторической. Соломон приписывает Ленину свои собственные филистерские пошлые, в частности, антисемитские взгляды и настроения. В суждениях о людях Ленин был очень осторожен, хорошо зная, как оценки переходят из уст в уста. Не может быть и речи о том, чтобы Ленин сообщал Соломону свой взгляд на Литвинова: этого последнего Ленин, во всяком случае, ценил гораздо выше, чем болтливую, лживую и хвастливую дурачку Соломона.

8) Участвовал ли Литвинов на лондонском съезде? Не помню. Это, во всяком случае, очень легко установить по протоколам съезда, которые в советский период перепечатаны с расшифровкой всех псевдонимов. Насколько помню, никакой открытой роли Литвинов на съезде не играл. Не знаю также, имел ли он отношение к переговорам с Фелсом²¹³. Сомневаюсь. Переговоры велись Плехановым, Лениным, вообще именитыми людьми. Вообще, насчет отношения Литвинова к лондонскому съезду решительно ничего вспомнить не могу: если он и был там, то сколько-нибудь заметной роли не играл.

9) В той идейной борьбе, которая развернулась во время мировой войны среди русской эмиграции, Литвинов никакой роли не играл. Живя в Париже, я совершенно не знал, что Литвинов работал в царском военно-промышленном комитете²¹⁴. О Литвинове вспомнили (в частности, и я), когда он на конференции в Лондоне выступил с заявлением от большевистской партии: очевидно, к этому времени Ленин снова завоевал его. Чичерин в начале войны был социал-патриотом и писал во все концы, в том числе и мне, множество писем. В отличие от Литвинова, он принимал активнейшее участие в идейной борьбе среди русской эмиграции. В 1915 году Чичерин перешел на интернационалистическую позицию и активно сотрудничал в "Нашем слове". Литвинов, насколько помню, никогда никаких статей не писал и в публичных прениях не участвовал. Свообразным и в своем роде недурным оратором (хотя с ужасной дикцией) он стал уже в процессе своей дипломатической карьеры. Пишет ли он свои речи сам? У меня нет оснований сомневаться в этом.

10) Какое влияние имел Радек в Наркоминделе? Влияния в собственном смысле он не имел никогда. По самому складу своему Радек не может иметь влияния. Он только журналист, очень умелый, очень начитанный, очень хлесткий, но не более того. Он может быть очень полезен партии, фракции или отдельному лицу. Но всерьез его никогда не брали. В Наркоминделе он мог быть полезен, с одной стороны, как информатор, с другой стороны, как рупор.

11) Мог ли Чичерин совместно с ГПУ вести интригу против Литвинова? К сожалению, я не могу отрицать такой возможности. Чичерин сильно деморализовался в последние годы. Его отношения с Литвиновым были остро враждебны. Письма, которые они писали друг о друге в Политбюро, имели исключительно резкий и оскорбительный характер. В то же время Чичерин, уже в силу своих дипломатических обязанностей, был тесно связан с ГПУ. Категорически, однако, ответить на ваш вопрос я не могу.

12) Литвинов не принимал участия во внутрипартийной борьбе, как по отсутствию идейных интересов, так и по осторожности. В воздвигнутой против меня травле он активной роли не играл, но неизменно шел с большинством, стараясь при этом компрометировать себя как можно меньше. К Сталину он относился с острой враждебностью, как к выскочке и пр. Сталин больше опирался на Чичерина и Карахана - противников Литвинова. Как произошло окончательное примирение - не знаю. Оно, несомненно, совпало с моментом замены Чичерина Литвиновым на посту Наркоминдела.

13) Мне не ясно, о какой книге Александрова Вы говорите. Кто этот Александров? Ольминский²¹⁵? Если так, то могу лишь сказать, что всеми его работами надо пользоваться с осторожностью: марксизмом он не овладел и был всегда склонен к парадоксам.

Л. Троцкий

Мексика,
16 января 1937 г.

Ответы на вопросы редакции "El Tiempo"²¹⁶

Вы ставите ряд вопросов, касающихся Советского Союза. Ответ на них потребовал бы целой книги. Такую книгу я написал во время моего пребывания в Норвегии. Она называется "Преданная революция" и вышла два месяца тому назад во Франции. Сегодня я получил телеграмму из Нью-Йорка о том, что корректура закончена и что книга выйдет в ближайшие дни на английском языке. Тех, кто интересуется моим мнением о нынешнем экономическом, социальном, политическом и культурном положении Советского Союза, я могу только отослать к этой книге. Одна из ее глав посвящена интересующему вас вопросу о новой советской конституции. Вывод мой таков: все, что есть в этой конституции исторически прогрессивного, заключалось полностью и целиком в старой конституции, выработанной под руководством Ленина. То, что отличает новую конституцию от старой, - это стремление закрепить и увековечить огромные экономические привилегии и неограниченную диктатуру советской бюрократии.

Вы спрашиваете меня о суде над 16-ю²¹⁷. Об этом вопросе я заканчиваю сейчас небольшую книгу²¹⁸, в которой надеюсь доказать всякому критическому и честному человеку, что московский суд представляет собой величайшую фальсификацию в политической истории всего мира. Такие исторически известные процессы, как знаменитое дело Бейлиса в царской России, дело Дрейфуса²¹⁹ во Франции, дело о поджоге рейхстага в Германии представляют собой детскую забаву по сравнению с процессом 16-ти. А впереди еще новые процессы... Чем больше растут привилегии правящей советской касты, тем более свирепо она вынуждена подавлять каждый голос критики и оппозиции. Она не может, однако, открыто карать перед лицом народа своих противников за то, что они требуют большего равенства и большей свободы. Она вынуждена выдвигать против оппозиционеров фальшивые обвинения. Для меня было ясно уже с 1927 года, что бюрократия будет в дальнейшем подбрасывать оппозиции всякого рода чудовищные преступления, а для того, чтобы правда не прорвалась наружу, будет все больше и больше душить самостоятельность народных масс. Развивая эти мысли, я писал 4 марта 1929 г.: "Сталину остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до зарезу связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восстания и пр."²²⁰ Эти строчки были напечатаны ("Бюллетень оппозиции", номер 1-2) почти за шесть лет до убийства Кирова²²¹. За эти годы я в десятках статей и в сотнях писем призывал своих друзей и единомышленников к величайшей осторожности в отношении провокаторов ГПУ. В этом смысле московский процесс не явился для меня неожиданностью. О том, как он готовился и как были исторгнуты так называемые "признания" у несчастных подсудимых, рассказано в ряде брошюр, вышедших за последние месяцы. Назову следующие: Леон Седов (мой сын): "Le Livre Rouge sur le proces de Moscou"²²² ("Красная книга о московском процессе"). Виктор Серж "16 Fusilles"²²³. (Виктор Серж - выдающийся революционер и замечательный французский писатель). На английском языке вышла в Нью-Йорке книжка М.Шахтмана "The Moscow Trial - the Greatest Frame-up in History", Pioneer Publishers, N[ew] Y[ork]²²⁴. Эта книжка пользуется большим успехом, и я могу ее рекомендовать всякому, кто хочет серьезно и честно ознакомиться с московским процессом. Фридрих Адлер, секретарь Второго Интернационала и, следовательно, мой политический противник, сравнил московский процесс со средневековыми процессами ведьм. Адлер очень метко напоминает о том, что святейшей инквизиции всегда удавалось вызывать "чистосердечные покаяния" у всех, заподозренных в колдовстве. Побывав в руках инквизиторов, каждая "ведьма" рассказывала подробно, как она провела последнюю ночь с дьяволом на ближайшей горе. ГПУ применяет более утонченные методы, отвечающие эпохе воздухоплавания и радиовещания, но по существу покаяния исторгнуты методами нравственных пыток, длившихся в течение нескольких лет. Подробнее об этом я говорю в своей новой книжке.

Вы спрашиваете, не связан ли московский процесс с антисемитизмом. Несомненно, связан! На это очень пронципательно указал в печати Франц

Пфемферт, немецкий писатель и издатель, ныне эмигрант. Кто близко следит за внутренней жизнью Советского Союза, кто читает советские газеты от строки до строки и между строк, для того давно уже ясно, что советская бюрократия в еврейском вопросе, как и во всех других вопросах, ведет двойную игру. На словах она, разумеется, выступает против антисемитизма. Темных погромщиков она не только предаёт суду, но иногда и расстреливает. В то же время она систематически эксплуатирует антисемитские предрассудки для того, чтоб компрометировать каждую оппозиционную группу. В искусственном подборе подсудимых, в характеристике их социального положения, в комментариях к политическим судебным процессам всегда и неизменно сквозит та мысль, что оппозиция есть измышление еврейской интеллигенции. Надо прямо сказать: в этой области сталинская бюрократия в более тонкой форме возродила традицию царской бюрократии. Экономическое и культурное развитие всех других национальностей Советского Союза столь же тяжело страдает от диктатуры бонапартистской бюрократии.

Попытки представить меня и моих друзей врагами СССР вздорны и бесчестны. Я не отождествляю Советский Союз с выродившейся бюрократической кастой. Я верю в будущее Советского Союза, который справится с бюрократией и довершит дело, начатое Октябрьской революцией.

[Л.Д.Троцкий]

19 января 1937 [г.]

Семнадцать новых жертв ГПУ225

1. Извещение о том, что 23 января откроется судебная расправа над новыми 17 жертвами ГПУ, было сделано только 19 января, за четыре дня до суда. Обвинительный акт неизвестен до сих пор. Цель этого образа действий состоит в том, чтобы снова застигнуть общественное мнение врасплох, не дать возможности прибыть нежелательным иностранцам и особенно помешать мне, главному обвиняемому, своевременно опровергнуть новую фальсификацию.

2. Четыре названных по имени обвиняемых – старые революционеры, члены центрального комитета эпохи Ленина. Пятаков в течение не менее 12 лет являлся фактическим руководителем промышленности. Он объявлен организатором промышленного саботажа. Радек был наиболее аутентичным глашатаем внешней политики СССР. Он объявлен организатором военной интервенции. Сокольников²²⁶ командовал армией в эпоху гражданской войны, восстанавливал советские финансы в период НЭПа и был послом в Лондоне. Он объявлен агентом Гитлера. Серебряков²²⁷ был одним из строителей партии и секретарем ЦК, руководителем южного фронта гражданской войны вместе со Сталиным. Он объявлен изменником. Все Политбюро и почти весь Центральный Комитет героической эпохи революции (за вычетом Сталина) объявлены сторонниками восстановления капитализма. Кто этому поверит?

3. Пятаков и Серебряков в 1923–[19]27 гг. действительно были моими ближайшими единомышленниками. Радек – в течение 1926–[19]27 гг. Сокольников был короткое время связан с оппозиционной группой Зиновьева, Каменева и вдовы Ленина Крупской. Все четверо отреклись от оппозиции в течение 1927–[19]28 гг. Их разрыв со мной был полным и окончательным. Я клеймил их открыто как политических перебежчиков. Они повторяли все официальные клеветы против меня. В 1932 году мой сын, тогда берлинский студент, встретил на Унтер-ден-Линден Пятакова, который немедленно отвернул голову. Сын бросил ему вдогонку: предатель. Этот мелкий эпизод характеризует действительные отношения между капитулянтами и троцкистами. Даже в тюрьмах ГПУ они остаются двумя непримиримыми лагерями. ГПУ оперировало до сих пор только с капитулянтами, которых оно с 1928 года месит, как тесто, вырывая у них какие угодно признания.

15 ноября я писал норвежскому правительству: "Советское правительство не считает возможным требовать моей выдачи. Заговор с моим участием ведь 'доказан'... Почему же не предъявить эти доказательства норвежской юстиции?... Недоверие всего цивилизованного человечества к московскому процессу было бы устранено одним ударом. Этого, однако, они не сделали. Почему? Потому что все это дело есть хладнокровно подстроенный подлог, неспособный выдержать и легкого прикосновения свободной критики".

В том же письме, конфискованном норвежским правительством, говорилось далее: "Московский процесс в зеркале мирового общественного мнения есть страшное фиаско... Правящая клика не может перенести этого. Как после крушения первого кировского процесса (январь 1935), она вынуждена была подготовить второй, так теперь, для поддержания своих обвинений против меня, она не может не открывать новые покушения, заговоры и пр." 228 Предстоящий процесс необходим прежде всего для того, чтобы попытаться исправить скандальные противоречия, анахронизмы и прямые бессмыслицы процесса 16-ти.

Чтобы лучше вооружиться для подготовки нового процесса, ГПУ организовало ночной набег на мой архив в Париже 229. Факт этот, отраженный своевременно всей французской печатью, заслуживает серьезнейшего внимания. 10 октября я письмом через норвежскую полицию рекомендовал сыну, проживающему в Париже, сдать мои бумаги в научный институт на сохранение, т. к. мои архивы представляют мою главную защиту против фальсификаций и клевет. Едва сын успел сдать первую часть архива в парижское отделение голландского исторического института, как агенты ГПУ произвели 7 ноября ночью набег на институт, выжгли дверь и похитили 85 килограммов моих бумаг, не тронув ни денег, ни каких-либо других вещей и бумаг. Можно ждать, что похищенные документы послужат опорой для подлогов и фальсификаций в новом процессе. Считаю необходимым предупредить, что у меня имеются копии всех похищенных писем и документов.

В том же письме норвежскому правительству я заранее указывал еще одну цель будущего процесса. В тюрьмах и ссылке находятся с 1928 года сотни действительных троцкистов, оставшихся открытыми противниками бюрократии. Их нельзя привлечь по делу Кирова, убитого в 1934 году. Их нельзя привлечь за саботаж промышленности, ибо они живут вне хозяйства, без работы и без куска хлеба. Процесс 16-ти устанавливает эпоху террора лишь с 1932 года. Остается предполагать, что ГПУ исторгнет у обвиняемых признания в каких-либо преступных замыслах, относящихся к периоду 1923-[19]27 гг.: тогда можно будет истребить действительные кадры оппозиции.

"Человека с улицы" больше всего поражают признания подсудимых, которые выступают ревностными помощниками ГПУ. Немногие представляют себе те ужасающие формы нравственной и полуфизической пытки 230, которым подвергаются обвиняемые в течение многих месяцев, а иногда и лет.

Фридрих Адлер, секретарь Второго Интернационала, мой политический противник, метко сравнивает московские процессы со средневековыми процессами ведьм. В руках инквизиции каждая заподозренная в колдовстве женщина кончала чистосердечным покаянием в своих греховных сношениях с дьяволом. Методы ГПУ - пытка неизвестностью и страхом. Разрушив нервную систему, сломив волю, растоптав достоинство, ГПУ исторгает в конце концов у обвиняемых любые признания, продиктованные заранее самими организаторами подлога. В заканчиваемой мною книжке 231 я надеюсь до конца раскрыть технику "добровольных признаний", которая составляет ныне самую основу сталинской юстиции. Я покажу вместе с тем, что каждое из этих признаний рассыпается в прах при малейшем соприкосновении с фактами, документами, свидетельскими показаниями и логикой.

Часть этой критической работы уже проделана. Кто хочет понять предстоящий новый процесс, тот должен ознакомиться, по крайней мере, с одной из следующих двух работ: Леон Седов (мой сын) - Ле ливр руж сюр ле просе де Моску, Пари (на французском языке), или Макс Шахтман - Ды Москоу Траел - ды грейтест фрейм оп ин истори (на английском языке).

Обвинения против меня лично, сохраняя неизменно характер подлогов, варьируются в зависимости от дипломатических комбинаций советского правительства. В моих руках номер московской "Правды" от 8 марта 1929 года, где я изображаюсь как агент британского империализма. Та же "Правда" от 2 июля 1931 года на основании грубо подделанных "факсимиле" объявляла меня союзником Пилсудского. Когда я 24 июля 1933 года переселился во Францию, московская печать и вся пресса Коминтерна утверждали, что целью моего приезда является помочь Даладье, тогдашнему министру-президенту, организовать военную интервенцию против Советского Союза. Наконец, в течение последнего периода я оказываюсь союзником Гитлера и сотрудником Гестапо. ГПУ рассчитывает на легкоеверие, на невежество, на короткую память. Ложный расчет! Я вышел, наконец, из норвежского заточения. Я принимаю вызов фальсификаторов. Не сомневаюсь, что мексиканское правительство, столь

великодушно оказавшее мне гостеприимство, не мешает мне прояснить перед мировым общественным мнением всю правду о величайших подлогах ГПУ и его вдохновителей.

В течение всего предстоящего процесса я остаюсь в распоряжении честной и беспристрастной печати.

Л.Троцкий.

Койоакан,

Д.Ф.232

20 января 1937 г. 18 час.

Новый процесс

Еще только несколько дней тому назад я говорил представителям мексиканской прессы, что моим горячим желанием является жить как можно более уединенно, как можно меньше занимать собою общественное внимание и посвятить все свое время книге о Ленине. Но новый московский процесс вынудил меня снова обратиться к печати, прежде всего к мексиканской. Я глубоко и непосредственно заинтересован в том, чтобы общественное мнение страны, оказавшей мне гостеприимство, не было восстановлено против меня систематической кампанией лжи и клеветы. Между тем, для меня нет ни малейшего сомнения в том, что новый процесс, который начинается завтра в Москве, главной своей целью имеет опорочить меня в глазах мирового общественного мнения. Я вынужден прибегнуть к содействию "Эль Насиональ"²³³, чтобы прояснить действительное положение вещей. Я революционер. Я марксист. В марте этого года исполняется 40 лет, как я непрерывно участвую в революционном рабочем движении. Правящая советская верхушка, видящая во мне своего "врага номер первый", хочет убедить весь мир, что я по неведомым причинам изменил идеалам всей своей жизни, стал врагом социализма, сторонником капиталистической реставрации, вступил в союз с германскими фашистами и применяю методы террора. Согласно последним телеграммам, обвинительный акт обвиняет моих сторонников в СССР в саботаже промышленности, в военном шпионаже в пользу Германии и даже в попытках массового истребления рабочих, работающих на оборону. Когда читаешь эти строки, кажется, что попал в дом буйно помешанных.

На самом деле я остаюсь по-прежнему горячим сторонником всех социальных завоеваний Октябрьской Революции. Но я являюсь в то же время непримиримым противником стремления новой правящей касты монополизировать завоевания революции в своих собственных эгоистических целях. Правящая ныне группа говорит: "Государство - это я!"²³⁴ Но оппозиция не отождествляет советского государства со Сталиным. Если бы я считал, что при помощи индивидуального террора или саботажа промышленности можно ускорить социальный прогресс и улучшить положение народных масс, я бы не побоялся открыто выступить с пропагандой этих идей. В течение всей своей жизни я привык говорить то, что думаю, и делать то, что говорю. Но я всегда считал и считаю теперь, что индивидуальный террор содействует скорее реакции, чем революции, и что саботаж хозяйства подрывает основы всякого прогресса. ГПУ и его вдохновитель Сталин побрасывает мне бессмысленные идеи и чудовищные методы борьбы с единственной целью: скомпрометировать меня в глазах рабочих масс СССР и всего мира.

В начале 1921 года, когда Зиновьев выдвинул кандидатуру Сталина в генеральные секретари партии²³⁵, Ленин говорил: "Не советую: этот повар будет готовить только острые блюда". Ленин, конечно, тогда не предвидел, что блюда сталинской кухни достигнут такой неслыханной остроты. Почему и зачем Сталин ставит эти отвратительные процессы, которые только компрометируют Советский Союз в глазах всего мира? С одной стороны, правящая советская верхушка говорит, что социализм в СССР уже построен и что началась эра счастливой жизни; а с другой стороны, те же люди утверждают, что все сотрудники Ленина, старые большевики, вынесшие на своих плечах революцию, все члены старого большевистского Центрального Комитета, все, за исключением одного Сталина, стали врагами социализма и сторонниками Гитлера. Разве это не вопиющая бессмыслица? Разве можно выдумать более злостную клевету не только на несчастных обвиняемых, но и на большевистскую партию в целом и на

Октябрьскую революцию? Такими методами правящая клика хочет заставить каждого рабочего и крестьянина думать, что критиковать деспотизм бюрократии, ее произвол, ее привилегии, ее злоупотребления значит быть агентом фашизма. Сталин вынужден готовить все более острые и отравленные блюда по мере того, как в народных массах нарастает недовольство новым абсолютизмом и новой аристократией. Новый московский процесс есть безошибочный симптом острого политического кризиса, который нарастает в СССР.

Из числа подсудимых, имена которых названы в сегодняшних телеграммах, я хорошо и близко знаю семь человек: Радека, Пятакова, Сокольникова, Серебрякова, Муралова, Богуславского²³⁶ и Дробниса²³⁷. Все они играли крупнейшую роль в большевистской партии и в революции, все они принадлежали в течение известного периода к оппозиции, все они, может быть, кроме Муралова, который просто отошел от политики, капитулировали в 1928-[19]29 гг. перед бюрократией. Между оппозиционерами и капитулянтами в СССР царит самая непримиримая вражда. Ни с одним из обвиняемых я после 1928 года не имел ни прямых, ни косвенных сношений. Я рассматривал и рассматриваю капитулянтов как непримиримых политических противников. Я не сомневаюсь, однако, ни на минуту, что ни одно из названных мною лиц не могло заниматься ни терроризмом, ни саботажем, ни шпионажем. Если сами подсудимые признают свои мнимые преступления, то только потому, что следственные методы ГПУ имеют инквизиторский характер: всякий обвиняемый, который отказывается дать те показания, которых от него требуют, расстреливается ГПУ без суда. На скамью подсудимых попадают только те обвиняемые, воля которых окончательно сломлена и которые согласились заранее дать показания, продиктованные суду.

Можно ли спасти 17 новых жертв ГПУ? Я не знаю этого. Это в огромной степени зависит от мирового общественного мнения. Если трудящиеся массы, демократическая печать, все вообще прогрессивные партии и группировки поднимут своевременно голос протеста, то им удастся, может быть, спасти на этот раз 17 новых подсудимых.

Что касается меня лично, то я готов перед любым свободным и беспристрастным судом, перед любой независимой следственной комиссией доказать при помощи неоспоримых фактов, писем, документов, свидетельских показаний, что московские процессы против "троцкистов" представляют собой самую ужасающую фальсификацию и что подлинными преступниками являются не обвиняемые, а обвинители.

Л.Троцкий

Койоакан,

Д.Ф. 22 января 1937 года

Три поправки

Сообщение, будто обвиняемый Муралов - муж Коллонтай, неправильно. Муралов - ветеран революции 1905 года, участник гражданской войны, бывший командующий войсками Московского Военного Округа. Уже много лет, как он совершенно отошел от политики.

*

Разоблачающий характер имеет одна деталь обвинения. Согласно процессу 16-и, покушение готовилось на всех "вождей", кроме Молотова. Почему? Потому что у Молотова, как можно было видеть сквозь строки печати, были трения со Сталиным. Недавно, как видно из речей и статей, произошло примирение. Сталин согласился поэтому предоставить ореол мученика также и Молотову²³⁸. Список будущих "жертв" террора составлялся не в вымышленном террористическом центре, а в тайниках ГПУ.

*

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на участие в заговоре многих десятков старых опытных революционеров и несмотря на их союз с Германией и Японией, все террористические покушения организовывались в стиле водевиля и заканчивались неизбежной неудачей. Один Киров был действительно

убит в декабре 1934 года. Но я тогда же, основываясь на официальных данных, доказал в печати, что убийство Кирова было организовано при содействии агентов-провокаторов с ведома начальника ленинградского ГПУ Медведя²³⁹.

Л.Троцкий.

23 января 1937 г.

Правда о "добровольных признаниях"

Новый процесс, как гласит первая телеграмма, основывается снова на "добровольных" признаниях подсудимых. Где во всей мировой истории можно найти пример, чтобы террористы, изменники, шпионы в течение многих лет вели свою преступную работу, а затем все, как по команде, каялись бы в своих преступлениях? Только инквизиционный суд способен достигать таких результатов. Все подсудимые, которые отказываются каяться под диктовку, расстреливаются еще во время следствия. На скамью подсудимых попадают лишь те деморализованные жертвы, которые пытаются спасти жизнь ценой моральной смерти. Главным свидетелем против меня выступает на этот раз, видимо, Радек. В декабре 1935 года я написал ему, будто бы, письмо о необходимости союза с японцами и немцами. Заявляю: 1. Всякие сношения с Радеком я прервал в 1928 г. Переписка, приведшая к окончательному разрыву, у меня на руках. За последние 8 лет я писал о Радеке не иначе, как в тоне презрения.

2. Радек – талантливый журналист, не политик. Никто из руководителей партии не брал никогда Радека всерьез. На съезде партии 1918 г. Ленин дважды повторил: "Сегодня Радек нечаянно сказал серьезную мысль". Таково было наше общее отношение к Радеку даже в годы хороших личных отношений. Почему я выбрал Радека в качестве доверенного лица? Почему Зиновьев, Каменев и Смирнов, люди несравненно более ответственные и серьезные, ни словом не упоминали об этом письме и моих планах расчленения СССР?

3. Радек сносился со мной будто бы через корреспондента "Известий" Владимира Ромма²⁴⁰. Я первый раз слышу это имя. С этим лицом я не имел никаких связей: ни прямых, ни косвенных. Телеграмма гласит, что Ромм арестован. Пусть Ромм немедленно покажет на суде, когда и где он встречался со мной или с моими уполномоченными. Пусть опишет квартиру, обстановку и внешность, мою или моих уполномоченных. Пусть при этом не повторит ошибки подсудимого Гольцмана²⁴¹, который встретился будто бы с моим сыном в Копенгагене, где сын никогда не был, в отеле Бристоль, разрушенном в 1917 году.

Все эти "детали" отступают, однако, на второй план перед основной бессмыслицей обвинения. Никто не посмеет отрицать, что в моих практических действиях, в литературных работах и обширной переписке наблюдается на протяжении сорока лет единство революционной мысли на основе марксизма. Может ли взрослый и не слабоумный человек допустить хоть на минуту, что я способен вступить в союз с Гитлером против СССР и придунайских стран или в союз с японским милитаризмом против Китая и СССР? Бессмыслица обвинения превышает даже его подлость! Но именно поэтому оно потерпит крушение. Пресса Коминтерна, т. е. пресса ГПУ, будет извергать клевету. Независимая и честная пресса поможет мне прояснить правду. Доводами, свидетельскими показаниями, документами, наконец, делом всей своей жизни я вооружен неизмеримо лучше, чем все прокуроры ГПУ. Правительство Мексики, оказавшее мне великодушное гостеприимство, не помешает мне, я твердо надеюсь, довести разоблачение грандиозных московских преступлений до конца.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.

23 января 1937 года

Почему этот процесс оказался необходим

Новый московский процесс вызывает в широких общественных кругах изумление. Между тем уже первый процесс готовил второй. Главные обвиняемые по нынешнему процессу были названы обвиняемыми по процессу 16-ти. Это

значит: ГПУ готовило себе резерв. Если бы первый процесс убедил весь мир, не понадобилось бы второго. Но в политическом смысле первый процесс, несмотря на 16 трупов, потерпел жестокое фиаско. Тем самым сделался необходимым второй процесс. Необходимо понять, что недоверие, вызванное первым процессом, распространяется все шире и шире и проникает неизбежно в СССР. Политическая судьба правящей верхушки и, в частности, личная диктатура Сталина, находятся в прямой зависимости от того вывода, который делает мировое общественное мнение: верно ли, что Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие являются союзниками Гестапо, агентами иностранного империализма и прочее? Или же Сталин, в борьбе за личное господство, прибег к методам, которые набросили бы тень даже на Цезаря Борджиа²⁴²? Так, и только так стоит сейчас вопрос. Сталин ведет большую и крайне рискованную игру. Но он уже не свободен в своих действиях. Борьба против оппозиции (всякой оппозиции) основывалась в течение 14 лет на лжи, клевете, травле, подлогах. Этот процесс представлял геометрическую прогрессию. Предпоследним ее членом был процесс Зиновьева. Он скомпрометировал Сталина. Тем самым понадобился новый процесс, чтоб перекрыть фиаско.

Процесс 16-ти был сосредоточен на терроризме. Новый процесс, насколько видно по первым телеграммам, отводит первое место уже не терроризму, а соглашению троцкистов с Германией и Японией о дележе СССР, саботаже промышленности и даже попыткам истребления рабочих (!). Нам говорили, что показания Зиновьева, Каменева и др. были добровольны, искренни и отвечали фактам. Зиновьев и Каменев требовали для себя смерти. Зиновьев и Каменев взваливали на меня главное руководство террором. Почему же они ничего не сказали о планах расчленения СССР или разрушения военных заводов? Могли ли они, вожди так называемого троцкистско-зиновьевского центра, не зная того, что знают будто бы нынешние подсудимые, люди второй категории? Здесь перед нами уже из первых телеграмм обнажается ахиллесова пята нового процесса. Для мыслящего человека ясно, что новая амальгама²⁴³ построена в промежутке между первыми откликами мировой печати на расстрел 16-и и 23 января.

По существу, в новом обвинении, как и в старом, нет ни единого слова правды. Гигантский подлог построен по тому же типу, как строятся шахматные задачи. Считаю необходимым еще раз напомнить, что, начиная с 1927 года, я не переставал предупреждать оппозицию о том, что в борьбе деспотической касты над народом неизбежно приведет Сталина к кровавым амальгамам²⁴⁴. 4 марта 1929 года я писал в органе русской оппозиции: "Сталину остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до зарезу связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восстания и пр."²⁴⁵ В этом смысле московские процессы не застigli меня врасплох.

Я сохраняю за собой право ответить на все "разоблачения" нового процесса детальными опровержениями. В настоящий момент я еще раз требую - не во имя собственных интересов, а во имя элементарной политической гигиены - создания международной следственной комиссии из безупречных и незаинтересованных общественных деятелей разных стран. Такой комиссии я предоставляю всю свою переписку с 1928 года. В ней нет пробелов. В связи с моими книгами и статьями моя переписка дает полную картину моей политической мысли и деятельности. 7 ноября прошлого года ГПУ попыталось, правда, огрaбить мои архивы. Но ему удалось захватить лишь незначительную часть. У меня имеются копии. Я снова повторяю свой вызов организаторам фальсификации: если у них есть доказательства, пусть они не боятся света, пусть примут бой перед лицом международной следственной комиссии и свободной печати. Я со своей стороны берусь доказать перед этой комиссией, что Сталин является организатором величайших политических преступлений в мировой истории.

Л.Троцкий.

Койоакан, Д.Ф.

23 января 1937 г.

Три дополнения

Пятаков ложно утверждает, что посетил меня в Осло. Список пассажиров, прилетевших в Осло на аэроплане из Берлина в декабре 1935 года, установить

не трудно. Если Пятаков приезжал под собственной фамилией, то об этом оповестила бы вся норвежская пресса. Следовательно, он приехал под чужим именем? Под каким? Все советские сановники за границей находятся в постоянной телеграфной и телефонной связи со своими посольствами, полпредствами и ни на час не выходят из-под наблюдения ГПУ. Каким образом Пятаков мог совершить свою поездку неведомо для советских представительств в Германии в Норвегию? Пусть опишет внутреннюю обстановку моей квартиры. Видел ли он мою жену? Носил ли я бороду или нет? Как я был одет? Вход в мою рабочую комнату шел через квартиру Кнутсена²⁴⁶, и все наши посетители без исключения знакомились с семьей наших хозяев. Видел ли их Пятаков? Видели ли они Пятакова? Вот часть тех точных вопросов, при помощи которых на сколько-нибудь честном суде было бы легко доказать, что Пятаков повторяет вымысел ГПУ.

*

Тот же Пятаков показывает, что в 1932 году встречался с моим сыном в Берлине. Доказать, что встречи не было, вообще гораздо труднее, чем доказать, что она была (если она действительно была). Однако счастливое обстоятельство позволило мне еще раз в Норвегии во время новосибирского процесса²⁴⁷ доказать, что и это показание Пятакова ложно. Сын действительно встретил Пятакова на Унтер-ден-Линден и бросил на него такой взгляд молодого негодования, что Пятаков отвел взгляд; сын вдогонку крикнул ему: "Предатель!" Условия интернирования позволили жене и мне письменно сообщить этот факт нашему норвежскому адвокату через полицейскую цензуру. Сын сообщил тот же факт адвокату независимо от нас. Ясно, что при такой "встрече" не могло быть и речи о каких-либо политических сношениях.

*

Пятаков и Радек показывают, что они образовали параллельный или резервный, "чисто троцкистский" центр ввиду недоверия Троцкого к Зиновьеву и Каменеву. Трудно выдумать худшее объяснение. Я действительно не доверял Зиновьеву и Каменеву после их капитуляции. Но я еще меньше доверял Радеку и Пятакову. Радека никто не брал всерьез как политическую фигуру. О Пятакове я еще задолго до его покаяния (конец 1927 г.) не раз говорил: "Если придет Бонапарт, Пятаков возьмет портфель и спокойно отправится в канцелярию". "Параллельный центр" выдуман потому, что понадобился новый процесс с новыми обвиняемыми и новыми преступлениями.

*

Пятаков и другие обвиняемые берут на себя обвинение в саботаже: расстройстве заводов, взрыве мин²⁴⁸, разрушении поездов, отравлении рабочих и пр. и пр. Бесконтрольное бюрократическое хозяйство в сочетании со стахановской системой²⁴⁹ приводит к многочисленным авариям, взрывам и другим катастрофам в промышленности. Сталин хочет использовать процесс для того, чтобы ответственность за преступления бюрократии возложить на троцкистов, которые играют ныне в СССР ту же роль, что марксисты и евреи в фашистской Германии.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
24 января 1937 г.

Заявление по поводу обвинительного акта и первых показаний подсудимых

Я заявляю:

1. Я никогда никому не давал и по своим взглядам не мог давать террористических поручений и вообще рекомендовать этот метод борьбы.
2. Я оставался и остаюсь непримиримым противником фашизма, как и японского милитаризма.
3. С германскими или японскими официальными лицами мне приходилось

встречаться, лишь когда я был членом советского правительства. С 1928 года я не встречался ни с одним представителем Германии или Японии и не имел с ними ни прямых, ни косвенных связей или сношений.

4. Я никому не рекомендовал и не мог рекомендовать союз с фашизмом или с японским милитаризмом против СССР, против Соединенных Штатов, против придунайских или балканских стран.

5. Я никому не рекомендовал и не мог рекомендовать таких чудовищных и бессмысленных преступлений, как саботаж промышленности, разрушение железных дорог или истребление рабочих. Сама необходимость опровергать такие обвинения после 40 лет работы в рядах рабочего класса вызывает во мне только физическое отвращение.

6. С 1928 года я не имел никаких сношений с Радеком, не писал ему никаких писем и не давал никаких инструкций.

7. Я не имел никогда никаких связей с Владимиром Роммом, который служил будто бы посредником между мной и Радеком. Только из последних телеграмм я узнал, что Ромм был корреспондентом "Известий" в Вашингтоне.

8. Я не пересылал никаких писем через Шестова²⁵⁰ Пятакову, никогда не видел Шестова и ничего о нем не знаю.

9. Пятаков никогда не приезжал ко мне в Норвегию и потому не мог иметь со мной никаких разговоров.

10. Пятаков не имел и не мог иметь никаких политических или личных сношений со мной или с моим сыном после 1928 г.

11. Из 17 обвиняемых я знал в прошлом и помню теперь только 7: Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова, Муралова, Дробниса, Богуславского. Ни с одним из них я не имел за годы последней эмиграции (1929-1937) никаких сношений: ни политических, ни личных; ни прямых, ни косвенных.

12. Имена остальных десяти обвиняемых не говорят мне решительно ничего. Ни с одним из них я не имел никаких сношений.

*

Благодаря особым условиям своего существования за границей и характеру своей работы я имею полную возможность при помощи многочисленных свидетелей, документов, писем и пр. неопровержимо доказать перед беспристрастной международной комиссией полную ложность и абсурдность всех выдвинутых против меня обвинений и всех относящихся ко мне показаний московских обвиняемых, несчастных жертв инквизиционного суда. Я имею право требовать, и я требую, чтобы рабочие и демократические организации всех стран создали следственную комиссию, авторитет которой стоял бы выше всяких подозрений. Дело идет не только обо мне и моем сыне, не только о сотнях других жертв, но и о достоинстве мирового рабочего движения и о судьбе Советского Союза.

*

Я прошу все независимые и честные органы печати перепечатать настоящее заявление.

Л.Троцкий
24 января 1937 г.

Мдивани

Московские процессы имеют характер адского конвейера. На процессе 16-ти были мимоходом названы Пятаков, Радек и др. Этого было достаточно для постройки новой амальгамы. На процессе Пятакова и Радека в таком же порядке названы Мдивани и Раковский. Впереди предстоят, следовательно, новые процессы и новые "параллельные" центры. Неужели грубость этой механики не открывает глаза всему миру?

Начиная с 1922 года Мдивани, старый большевик, руководил влиятельной фракцией грузинских большевиков, которая вела борьбу против бюрократизма Орджоникидзе, агента Сталина, и требовала большей свободы для культурной самостоятельности грузинского народа. Больной Ленин стоял полностью и целиком

на стороне Мдивани и его группы. У меня есть по этому поводу ряд писем Ленина. Так, 6 марта 1923 г., т. е. накануне последнего удара, Ленин писал Мдивани и его друзьям: "Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дезержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением. Ленин"²⁵¹. После смерти Ленина началась кампания против меня и вместе с тем против грузинских большевиков. Место старых революционеров заняли выскочки и ничтожные сателлиты. Сталин пользуется московскими процессами для истребления своих противников и даже своих бывших противников в Грузии и на Кавказе вообще. Заявление, будто Мдивани и его друзья хотели отделения Грузии от СССР, так же ложно, как и обвинение "троцкистов" в союзе с Германией и Японией. Знамя патриотизма эксплуатируется и в данном случае для истребления врагов личной диктатуры.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
25 января 1937 г.

В дни московского процесса

1. Какова цель "заговора"?

Преступление может быть ужасным, чудовищным, грандиозным. Таковы преступления Макбета²⁵². Таковы преступления Цезаря Борджиа. Таковы преступления Сталина в московских процессах. Но если преступник - не сумасшедший, то преступления должны иметь личную или политическую цель. Радек и Пятаков каются в ужасающих преступлениях. Но беда в том, что их преступления не имеют никакого смысла. При помощи террора, саботажа и союза с империалистами, они хотели будто бы восстановить в СССР капитализм. Зачем? В течение всей своей жизни они боролись с капитализмом. В бесчисленных речах и статьях они доказывали до последнего дня неизмеримые преимущества советского режима над капитализмом. Наконец, их мнимая заговорщическая деятельность (1932-1936) совпала с годами страшного мирового кризиса, безработицы, роста фашизма и пр. Убедились ли Радек и Пятаков именно в этот период в преимуществах капитализма? Об этом телеграммы не сообщают ничего. Подсудимые, видимо, ни слова не говорят о том грандиозном внутреннем перевороте, который в них будто бы произошел. Немудрено: им нечего сказать. Такого переворота не было и по всем условиям быть не могло.

Может быть, ими руководили личные причины: жажда власти, жажда наживы? Но оба они занимали до последнего дня крайне высокие советские посты и вели соответственный образ жизни: прекрасные квартиры, дачи, автомобили и пр. Ни при каком другом режиме Пятаков и Радек не могли надеяться занять более высокое положение.

Но, может быть, они жертвовали собою из дружбы ко мне, иначе сказать, хотели отомстить Сталину за мое изгнание? Нелепая гипотеза! Своими действиями, речами, статьями за последние 9 лет Радек и Пятаков показали, что из бывших друзей они стали моими отъявленными врагами. Все те иностранные журналисты в Москве, которые прославляли Сталина и чернили меня, имели своими вдохновителями Дюранти²⁵³ и Радека. Можно ли в таком случае поверить, чтобы эти люди отказались от социализма, т. е. от всего дела своей жизни, и поставили впридачу на карту свои головы только для того, чтобы отомстить за меня?

Наконец, в качестве акта мести можно было бы еще понять террористические акты против правящей верхушки (хотя для всякого разумного политика было ясно, что террористические акты будут означать прежде всего истребление оппозиции). Но нет, обвиняемые не удовлетворялись личным террором, они хотели... восстановления капитализма, причем так страстно к этому стремились, что вступили в связь с германским фашизмом и японским милитаризмом! Думали ли они, что я могу вместе с ними занять руководящее положение при капиталистическом режиме? Подобный вопрос даже трудно сформулировать в членораздельном виде, до такой степени бессмысленна политическая основа процесса.

"Покаяния" Радека, Пятакова и других сразу получают, однако, смысл, если забыть о личности подсудимых, об их психологии, об их целях и задачах, а помнить только об интересах бюрократической верхушки, о личных целях

Сталина, который пользуется подсудимыми, как механическими орудиями. Нынешняя советская система построена на принципе: "Государство – это я!"; "Социализм – это я!" Кто борется против Сталина, тот тем самым борется против социализма. Эта мысль внушается непрерывно народным массам СССР. Критика деспотизма и привилегий бюрократии равносильна союзу с врагами социализма. Сталин стоит над критикой, над партией, над государством: значит, сменить его можно только убийством. Всякий оппозиционер приравнивается тем самым к террористу. Такова внутренняя логика бонапартизма. Показания подсудимых, несостоятельные фактически и бессмысленные с точки зрения психологии самих обвиняемых, становятся, однако, вполне разумными с точки зрения интересов и психологии правящей клики. Свои интересы и свою психологию Сталин навязывает подсудимым при помощи террора. Такова простая разгадка механики московских процессов.

2. Показания Радека

Показания подсудимых рассыпаются в прах при сопоставлении с фактами, документами, хронологией, логикой. По словам Радека, я писал ему о необходимости убийства Сталина, Кирова, Ворошилова и расчленении СССР. Такие письма предполагают, во всяком случае, полную солидарность и доверие друг к другу. Но ни того, ни другого не было. Радек импонировал только иностранным журналистам. Никто из вождей большевистской партии никогда не брал Радека всерьез как революционера. Ленин относился к нему с нескрываемой иронией. В ссылке в 1928 году все мои друзья писали о Радеке в тоне полного недоверия²⁵⁴. Все эти письма имеются у меня. После его капитуляции недоверие превратилось в презрение. Я могу документально доказать, что относился к Радеку не только как к капитулянту, но и как к предателю. Летом 1929 года меня посетил в Константинополе бывший член моего военного секретариата Блюмкин, находившийся в то время в Турции. По приезде в Москву Блюмкин рассказал о свидании Радеку. Радек немедленно выдал его. В то время ГПУ еще не дошло до обвинений в терроризме. Тем не менее Блюмкин был расстрелян без суда и без огласки. Вот что я опубликовал тогда же в издающемся за границей "Бюллетене" русской оппозиции на основании писем из Москвы от 25 декабря 1929 г.: "Нервная болтливость Радека хорошо известна. Сейчас он совершенно деморализован, как и большинство капитулянтов... Потеряв последние остатки нравственного равновесия, Радек не останавливается ни перед какой гнусностью." Дальше Радек называется "опустошенным истериком". Корреспонденция подробно рассказывает, как "после беседы с Радеком Блюмкин увидел себя преданным"²⁵⁵. Разве так пишут о союзнике, о доверенном лице?

Борясь за свою жизнь, Радек заявляет ныне на суде, что сам он не разделял моих преступных предложений. Мог ли я писать о терроре и пр[очем] человеку, в солидарности которого я не был заранее глубоко убежден; хуже того, лицу, которое запятнало себя в моих глазах не только капитуляцией, но и выдачей Блюмкина²⁵⁶, не говоря о сотнях отравленных статей против меня, моих взглядов и моих единомышленников?

Радек заявил на суде, что "покаялся" лишь после того, как "покаялись" все остальные. Здесь ключ к инквизиционной механике покаяний: кто не каялся, того расстреливали в процессе следствия. Куда девались обвиняемые: Аркус²⁵⁷, Гавен²⁵⁸, Карев²⁵⁹, Куклин²⁶⁰, Медведев²⁶¹, Путна²⁶², Федотов²⁶³, Шаров²⁶⁴, Гаевский²⁶⁵, Рютин, Шацкин²⁶⁶ и десятки других? Большинство их расстреляны в порядке следствия за отказ выполнять на суде роль по тексту Сталина. Другие подвергаются лабораторной обработке. Таковы причины, почему Радек после попыток моральной самообороны счел себя в декабре вынужденным взять на себя недостойную роль лжесвидетеля против себя самого и особенно против меня. Его поведение на суде свидетельствует, что он вовсе не ищет смерти; нет, он не утратил надежды спастись. Невероятно после процесса Зиновьева? Невероятно лишь для тех, кто в столовой спокойно ест бифштекс.

Радек пересылал мне будто бы письма, заделанные в переплет книг. Радек, насколько знаю, сам не переплетчик. Значит, в Москве должен быть искусный переплетчик, который выполнял столь секретные поручения Радека. Почему же этот переплетчик не фигурирует на суде? Почему Радек не назвал его по имени? Почему ни прокурор, ни председатель не спросили Радека об этом обстоятельстве, которое в глазах всякого юриста получает крупнейшее значение? Очень просто: потому что председатель суда и прокурор помогают Радеку прикрывать фактическую несостоятельность его "покаяний". Без такого

содействия весь процесс был бы невозможен!

3. Владимир Ромм

Я совершенно не знаю Владимира Ромма и не имел с ним никаких сношений. Не знаю, каким именем он подписывает свои корреспонденции. За годы моего последнего изгнания (1929–1937) я, кстати сказать, никогда не выписывал "Известий" и видел отдельные номера лишь случайно. За жизнью СССР я слежу по "Правде". Этот факт легко доказать по почтовым регистрам. Между тем, если бы Владимир Ромм был моим доверенным лицом, я должен был бы интересоваться его корреспонденциями из Вашингтона.

В качестве свидетеля меж двух штыков, Ромм показал о своей роли как посредника между Радеком и мной; так, он передавал мне будто бы от Радека пять писем в переплете книг. Неясно, о чем была в этих письмах речь? Столь же неясно, как Ромм, проживая в Соединенных Штатах, выполнял функцию посредника. Может быть, мистические книги шли по маршруту Москва-Вашингтон-Осло? В таком случае заговор должен был отличаться очень спокойным темпом. Возможно, впрочем, что неясность в этой части создается сжатостью телеграмм.

Тот же Ромм, фигурирующий почему-то в качестве свидетеля, а не обвиняемого, показал, что имел со мной свидание в "темной аллее парка возле Парижа". Что за неопределенный адрес! Путем нескольких вопросов на суде было бы нетрудно доказать, что Ромм лжет под осторожную и неуверенную диктовку ГПУ. Я не жил в Париже. В течение немногих месяцев я жил в 55 километрах от Парижа²⁶⁷; мое действительное имя было известно только 2–3 высшим чиновникам полиции, которые хотели посредством строгого инкогнито предотвратить фашистские или сталинистские манифестации и покушения. Адрес мой был известен только ближайшим друзьям, которые составляли в то же время мою охрану. Спрашивается: каким образом, т. е. через кого именно, Ромм вошел со мной в связь? Пусть назовет посредника. Мало того, как он нашел путь к этому посреднику? Через кого он условился о свидании в парке? В каком именно парке? Имел ли он план, на котором была нанесена "темная аллея"? Прибыл ли я пешком или в автомобиле? Один или в сопровождении охраны? Какого числа произошло свидание? Ромм не может забыть такой важной даты. Какова была моя внешность? Со своей стороны, на основании своих писем, дневников и свидетельств участников моей охраны я могу с достаточной точностью установить, где именно я находился в день вымышленного свидания: в 55 километрах от Парижа или в 700 километрах, в департаменте Изер, где я провел большую часть своего пребывания во Франции. Внимание, которое мне уделяет печать, обилие врагов, вообще условия моего существования в эмиграции делают для меня совершенно невозможным отрываться от моего окружения и совершать таинственные путешествия в безымянную "темную аллею". Кто хочет в этом убедиться, пусть познакомится хотя бы с нынешними условиями моего существования в Мексике!

Нетрудно, однако, догадаться, почему Ромм не называет ни числа, ни адреса, ни посредника. ГПУ слишком обожгло себе пальцы на процессе 16-и, где подсудимый Гольцман точно указал дату и место свидания с мнимым "посредником", именно, с моим сыном: 23–25 ноября 1932 г., в отеле Бристоль. Между тем, точными официальными данными (телеграфное предписание французского премьера Эррио, виза на паспорте, свидетельские показания и пр.) мой сын доказал, что вовсе не был в Копенгагене. Что касается отеля "Бристоль", то ГПУ открыло его по старому изданию Бедекера²⁶⁸: на самом деле "Бристоль" был разрушен еще в 1917 году. Немудрено, если на этот раз ГПУ предпочитает "темные аллеи". При помощи таких плутней эти люди хотят доказать... мою связь с Гестапо.

Л.Троцкий
Мексика,
25 января 1937 г.

ГПУ за работой на интернациональном фронте

Телеграммы сообщают об убийстве в Париже русского журналиста Дмитрия Навашина²⁶⁹, который слишком много знал о московском процессе. Это не первый

акт энергичного содействия Сталину-Вышинскому со стороны ГПУ, - и не последний. 7 ноября агенты ГПУ похитили в Париже 85 килограммов моих архивов. 24 января они убили в Париже Навашина. Я опасаюсь, что в качестве следующей жертвы намечен мой сын Лев Седов, написавший "Красную книгу" о московском процессе и фигурирующий теперь в качестве "врага номер два" правящей советской клики. Я считаю нужным открыто предупредить об этом мировое общественное мнение.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.
25 января 1937 г.

Раковский

Обвиняемый Дробнис играет на нынешнем процессе роль главного агента ГПУ по подготовке новых обвиняемых. В числе прочих Дробнис назвал Раковского, как соучастника в террористическом заговоре. Судьба Раковского глубоко трагична. Мы связаны были с ним дружбой более 30 лет. Из всех обвиняемых обоих процессов он стоял ко мне ближе всех. Сосланный в 1928 г. в Сибирь, Раковский держался, несмотря на болезнь и возраст (ему сейчас 60 лет) крепче и дольше всех других. Он сделал даже попытку бежать, был схвачен и ранен и в конце концов капитулировал в 1934 году, на 6 лет позже других.

На процессе 16-и было "установлено", будто первые инструкции о терроре я дал в 1932 г. Но никак нельзя было понять, почему эти инструкции я дал "капитулянтам", ведшим против меня войну, а не Раковскому, который оставался тогда верен знамени оппозиции. Уже один тот факт, что Раковский не был назван как член ни основного центра, ни "параллельного", ни "резервного", являлся в глазах мыслящих людей лучшим доказательством того, что ни одного из этих центров никогда не существовало. ГПУ решило теперь исправить первоначальную ошибку. Дробнис назвал Раковского. Старый, сломленный жизнью боец не уйдет от своей участи.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
25 января 1937 г.

Денежные источники заговора

Пятаков показал, будто мой сын Седов подстрекал его взять взятку от двух промышленных предприятий, чтобы финансировать троцкистское движение. Пятаков упустил, однако, сообщить, когда именно, от каких заводов и какую сумму он получил и кому именно передал: все признания подсудимых отличаются преднамеренной неопределенностью, ибо каждое конкретное указание, особенно относящееся к заграничной территории, рискует немедленно встретить сокрушительные опровержения.

Еще важнее другая сторона дела: Пятаков, как и другие обвиняемые, говорит о союзе троцкистов с Германией и Японией. Казалось бы, при подобном союзе Германия и Япония должны были бы прежде всего снабдить троцкистов деньгами. Принимая во внимание личность "союзников" и широту замысла, троцкисты должны были бы получить миллионы. Но вдруг оказывается, что заговор финансировался при помощи взяток, которые Пятаков брал будто бы у каких-то заводов по рекомендации моего сына, который в 1932 г. был молодым берлинским студентом. Отмечу вскользь, что так называемое троцкистское движение жило и живет исключительно на средства своих участников и не выходит из постоянного финансового кризиса. Издание русского "Бюллетеня" и пр. оплачивалось из моих литературных гонораров. Денежные отчеты всех "троцкистских" организаций могут быть без труда предъявлены международной следственной комиссии. Может быть, секции Коминтерна сделают заодно то же самое?

Ни председатель суда, ни прокурор, видимо, ни разу не задали Пятакову и другим обвиняемым вопроса: в чем конкретно выражался союз с Гестапо? Кто и через кого вел сношения? Какие денежные или технические средства выдало

Гестапо и кому именно? Какое применение нашли эти средства? Достаточно было бы поставить и несколько углубить эти вопросы, чтоб легенда о Гестапо рассыпалась прахом. Но именно поэтому ни прокурор, ни председатель суда не задавали неудобных вопросов. Московский суд есть общество взаимного покровительства во лжи.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
26 января 1937 г.

"Добровольные" признания подсудимых

Поток покаяний продолжается. Обгоняя друг друга и помогая прокурору, обвиняемые берут на себя наихудшие преступления. Дешевые психологи пытаются объяснить это свойствами "славянской души". Как будто русские революционеры, в том числе террористы, не умели мужественно защищать свои убеждения перед судом! Но в том-то и дело, что на скамье подсудимых сидят не террористы по убеждению, а "террористы" по назначению. ГПУ сказало им: "Гитлер хочет мобилизовать против нас буржуазию всего мира под лозунгом защиты порядка от анархии. Мы должны показать французской, британской и американской буржуазии, что сам Гитлер не останавливается перед союзом даже и с Троцким! Кроме того, литературная деятельность Троцкого за границей ослабляет СССР (сталинская клика отождествляет себя с СССР). Только вы, бывшие троцкисты, можете помочь нам скомпрометировать Троцкого". Те из обвиняемых, которые упорствуют, систематически расстреливаются в процессе следствия. Не удивительно, если на скамье подсудимых оказываются только усердные помощники прокурора. Подсудимый Богуславский заверял суд, что делает свои признания совершенно добровольно: и это заявление входит, разумеется, в первоначальный договор между обвинителями и обвиняемыми. Только полной покорностью и славословием по адресу палачей несчастные жертвы надеются спасти свою жизнь. Многие заставляют думать, что они ошибутся в своих расчетах.

Саботаж промышленности

Наиболее невероятными и чудовищными кажутся признания Пятакова, Серебрякова, Богуславского и других обвиняемых в преднамеренном разрушении заводов, взрыве мин, убийстве рабочих. Кто внимательно следит за экономической жизнью СССР, без труда угадает действительный источник этих обвинений и "признаний". За период стахановского движения эксплуатация рабочих чрезвычайно возросла. Всякое сопротивление потогонной системе бюрократия объявила "саботажем". При недостаточной квалификации инженеров и рабочих чрезмерная погоня за высокой выработкой [ведет] к порче машин, взрывам шахт, многочисленным железнодорожным крушениям и всяким другим авариям и катастрофам. Ясно, в какой мере эти явления должны были обострить недовольство рабочих масс. Бюрократии необходим поэтому козел отпущения за каждое из содеянных ею преступлений. ГПУ распределило промышленные катастрофы последнего периода между отдельными обвиняемыми. Так за преступления бюрократии в течение стахановского периода ответственность перекладывается - на троцкизм.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
26 января 1937 г.

Муралов

Обвиняемый Муралов показал, что он был дружен со мной и оставался мне верен даже в тот период, "когда Каменев и Зиновьев бежали, как крысы". В этой части Муралов, мой старый товарищ по гражданской войне, говорит правду. Но его мимолетное замечание, помимо его воли, бросает убийственный свет на процесс 16-и. В самом деле: согласно всему обвинению, капитуляция Зиновьева и Каменева имела чисто тактические цели, т. е. служила конспиративным целям, причем после капитуляции мое сотрудничество с Зиновьевым и Каменевым стало

будто бы еще более тесным на основе терроризма. Муралов же, которого заставляли в самый последний момент, накануне процесса, еще не успел войти в свою роль. Он говорит поэтому тем самым языком, каким говорили все "троцкисты", именно, что Зиновьев и Каменев "бежали, как крысы". Но какое же могло быть террористическое сотрудничество с людьми, которых троцкисты рассматривают как изменников и дезертиров?

Так при внимательном чтении телеграмм в каждом признании можно открыть не только яд, но и противоядие.

Л.Троцкий.

Койоакан, Д.Ф.,

26 января 1937 г.

Арест Сергея Седова²⁷⁰, моего младшего сына.

Вчера, 26 января, я ответил на вопросы одного из агентств:

Наш младший сын, Сергей Седов, бывший преподаватель Технологического Института, ученый, который никогда не был связан с политикой, был арестован ГПУ в 1934 г. только потому, что он мой сын, и мы находимся в полной неизвестности о его участии.

Сегодня, 27 января, мы узнаем из телеграмм, что мой сын снова арестован за покушение на отравление рабочих газом. Я не завидую человеку, который способен вообразить подобное преступление...

Ему теперь 28 лет. На столе матери лежит всегда его книга, посвященная двигателям. У нас произошло то, что часто бывает в политических семьях: старший сын шел с отцом, а младший, из оппозиции к старшему, отошел от политики. В отроческие годы он был выдающимся спортсменом, затем стал математиком и инженером, преподавателем Технологического института.

Арест Сергея есть ответ на мои политические разоблачения. Это личная месть вполне в духе Сталина.

Югославский революционер Цилига, которому после пяти лет заключения в тюрьмах Сталина удалось, как иностранцу, вырваться на волю, рассказывает, как еще в 1930 г. (за 4 года до убийства Кирова) ГПУ хотело заставить моряка взять на себя вину в подготовке покушения на Сталина. Каждый день его подвергали нравственным пыткам. Когда моряк стал сходить с ума, его оставили в покое.

Что они сделают с Сергеем? Его будут подвергать нравственной пытке с целью исторгнуть признание в чудовишном и немыслимом преступлении. Такое признание им нужно против меня. Они могут довести Сергея до безумия. Они могут расстрелять его. Сталин уже убил косвенно двух моих дочерей. Он подвергает страшной травле моего старшего сына и моих зятьев. Он может убить младшего сына, как он убьет еще десятки, сотни людей, только чтобы набросить тень на меня и помешать мне говорить правду о преступлениях, которые душат ныне СССР.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

27 января 1937 г.

Важное заявление Троцкого

Сегодня утром т. Троцкий заявил журналистам, что в 19 часов по мексиканскому времени он сделает исключительно важное и в то же время очень простое и конкретное предложение московскому суду, которое позволит и суду, и общественному мнению всего мира в течение 48 часов проверить надежность показаний обвиняемых и добросовестность обвинительного акта, как и процесса в целом²⁷¹. Троцкий заранее просит мировую печать уделить этому предложению необходимое внимание и место.

Для газет вечерних или дневных передавали это сообщение заранее, чтобы вызвать внимание²⁷².

27 января 1937 г.

Мое конкретное предложение московскому суду

Все обвинение построено исключительно на признаниях обвиняемых; ни одной улики в распоряжении суда нет. Вопрос заключается, следовательно, в том, правдивы ли признания обвиняемых или же они являются результатом вынужденного соглашения обвиняемых и обвинителей. От разрешения этой основной загадки зависит судьба всего процесса и мировая репутация московского правосудия, с одной стороны, того течения, к которому я принадлежу, с другой. Нет и не может быть слишком больших усилий, чтобы вскрыть правду. Достижимо ли это? Вполне достижимо и притом без больших затруднений. Вопрос стоит так: отвечают ли субъективные показания объективным фактам или являются продуктом злонамеренной конструкции вне времени и пространства? Я предлагаю немедленно, пока суд не закончился, выделить наиболее яркое и важное признание и подвергнуть его немедленно фактической проверке. На это понадобится вряд ли более 48 часов.

Дело идет о показаниях Пятакова. Он сообщил, будто посетил меня в Норвегии в декабре 1935 г. для конспиративных переговоров. Пятаков прилетел будто бы из Берлина в Осло на самолете. Огромное значение этого показания очевидно. Я не раз заявил и заявляю снова, что Пятаков, как и Радек, были за последние 9 лет не моими друзьями, а моими злейшими и вероломными врагами и что о переговорах и свиданиях между нами не могло быть и речи. Если будет доказано, что Пятаков действительно посетил меня, моя позиция окажется безнадежно скомпрометированной. Наоборот, если я докажу, что рассказ о посещении ложен с начала до конца, то скомпрометированною окажется система "добровольных признаний". Если даже допустить, что московский суд выше подозрений, то под подозрением остается подсудимый Пятаков. Его показания необходимо проверить. Это нетрудно. Немедленно, пока Пятаков не расстрелян, надо предъявить ему ряд следующих точных вопросов.

1. В какой именно день Пятаков приехал из Москвы в Берлин? (Декабрь 1935 г.) С какой официальной целью? Пятаков - слишком крупная фигура, чтобы совершать поездки незаметно для советских властей. День его отъезда известен в его комиссариате. Об его приезде не могла не писать германская печать.

2. Явился ли Пятаков в берлинское полпредство? С кем виделся?

3. Когда и как он вылетел из Берлина в Осло? Если в Берлин он мог приехать открыто, то из Берлина он должен был выехать тайно (нельзя же допустить, что само советское правительство посылало Пятакова для заговора с Троцким).

4. По какому паспорту вылетел Пятаков из Берлина? Как достал фальшивый паспорт? Получил ли он норвежскую визу?

5. Если допустить на минуту, что Пятаков совершил путь из Берлина в Осло легально, то о его прибытии писала бы, несомненно, вся норвежская печать. Каким норвежским властям он нанес в этом случае официальные визиты?

6. Если Пятаков прибыл в Осло нелегально, то как удалось ему скрыться от советских учреждений в Берлине и Осло? (Всякий советский сановник за границей остается в постоянной телеграфной и телефонной связи с представительствами СССР). Как он объяснил свое исчезновение после возвращения?

7. В каком часу прибыл Пятаков в Осло? Ночевал ли в городе? В каком отеле? (Надеюсь, что не в отеле "Бристоль"). Известная норвежская газета "Афтенпостен" 273 утверждает, что в период, указанный Пятаковым, ни один иностранный самолет не прибыл в Осло. Это, должно быть, правда!

8. Предупредил ли он меня о прибытии телеграммой? (Легко проверить на телеграфе в Осло и Хенефоссе).

9. Как Пятаков разыскал меня в деревне Вексал? Какими средствами передвижения пользовался?

10. Путь из Осло ко мне - минимум два часа; разговор длился, по словам Пятакова, 3 часа, обратный путь 2 часа. Декабрьские дни коротки. Пятаков неминуемо должен был переночевать в Норвегии, снова: где? В каком отеле? Как уехал из Осло: на поезде, пароходе, аэроплане? Куда?

11. Все мои посетители подтвердят, что пройти ко мне можно было только через посредство членов семьи наших хозяев Кнутсенов или моих секретарей, дежуривших перед моей комнатой. С кем именно встретился Пятаков?

12. Как уехал Пятаков вечером из Вексала на станцию Хенефосс: в автомобиле нашего хозяина Кнутсена или в такси, вызванном по телефону из Хенефосса? В обоих случаях отъезд, как и приезд, не мог обойтись без свидетелей.

13 Виделся ли Пятаков с моей женой? Была ли она в тот день дома? (Поездки жены в Осло к врачам легко проверить).

К этому надо прибавить, что внешность Пятакова легко запоминается: высокий блондин рыжего оттенка, в очках, правильные черты, высокий лоб, худой (в 1927 г., когда я видел его в последний раз, он был очень худ).

Не только крист, но всякий мыслящий человек поймет решающую важность этих вопросов для проверки показаний Пятакова. Советское правительство имеет полную возможность воспользоваться услугами норвежской юстиции (оно обязано было сделать это до суда). Авторитетные норвежские политические деятели могут сейчас, не ожидая инициативы московского суда, создать специальную комиссию для расследования обстоятельств "приезда" Пятакова в Норвегию. Попутно эта комиссия может расследовать вопрос о незнакомом мне Шестове, который показал, будто получил для передачи от меня Пятакову письменные инструкции и провез их заделанными в подошву своего ботинка. Когда, как и при каких обстоятельствах посетил меня Шестов? Какой норвежский сапожник заделывал мои инструкции в подметку Шестова? Как Шестов разыскал сапожника-конспиратора? И пр. и пр.

Согласятся ли председатель суда и прокурор задать Пятакову перечисленные выше вопросы? Их поведение в этом случае должно решить судьбу процесса в глазах мирового общественного мнения.

Л.Троцкий

Койоакан,

27 января 1937 г., 11 час.

Мифическая поездка Пятакова

Объяснения Москвы по поводу мифической поездки Пятакова в Осло представляют собой ряд жалких уверток. Организаторы процесса не подготовились к моим вопросам: они надеялись, что я буду в дни суда сидеть под замком. Рассмотрим вкратце данные Москвой наспех ответы:

1. Пятаков выехал в Берлин "около десятого декабря и во всяком случае в первой половине месяца". Уже эта поразительная неточность выдает нечистую совесть. Покидая Москву, Пятаков должен был особым приказом по Комиссариату сдать свои обязанности своему заместителю. На приказе должны быть отмечены не только число, но и час. Почему же Москва скрывает точную дату?

2. Пятаков прибыл в Берлин с "официальным поручением". Но тогда германские власти, как и советские представители в Берлине, должны знать точно день и час его прибытия. Этот факт не могла ни в каком случае замолчать немецкая пресса. Почему же Москва так застенчиво говорит о "первой половине декабря"? Почему? Потому что господа фальсификаторы боятся, что их календарь разойдется с моим календарем (мои поездки на отдых, дни болезни, мои посещения врачей в Осло и пр.) Мы требуем точных дат!

3. В Берлине Пятаков встретился с моим представителем в "Тиргартене". (Заметим в скобках: Владимир Ромм встретился с моим представителем в темной аллее под Парижем; Пятаков встретился с моим представителем в берлинском парке: после того, как ГПУ обожгло себе пальцы на копенгагенском отеле, оно отдает предпочтение уединенным аллеям). Чтобы подготовить такую встречу, я должен был заранее знать день прибытия Пятакова в Берлин, а мой уполномоченный должен был знать час появления Пятакова в темной аллее. Как предупредил меня Пятаков: телеграммой? Каков адрес и текст телеграммы?

4. Мой представитель вручил Пятакову немецкий паспорт. Прекрасно! Но на какое имя? Об этом решающем обстоятельстве Москва молчит. Многозначительное молчание! Нетрудно, однако, проверить список всех немцев, прибывших в Осло "в первой половине декабря".

5. С аэродрома Пятаков в автомобиле отправился на свидание со мной. Езда длилась только тридцать минут. Значит, свидание состоялось не у меня на квартире, в Вексале, куда надо было ехать около двух часов. Где же состоялось свидание? Мне адрес неизвестен. Но он должен быть известен

шоферу, а, следовательно, и Пятакову. Об этом ни слова. Пусть ГПУ назовет адрес.

6. В Осло Пятаков приехал будто бы в 3 часа пополудни. Поездка в автомобиле длилась 30 минут. Разговор со мной, по одной версии, три часа, по другой - два часа. На аэроплане он ночью улететь не мог. Провести декабрьскую ночь в Норвегии на открытом воздухе вряд ли возможно. Где же Пятаков ночевал? Пусть назовет отель!

7. Московское сообщение ничего не говорит о том, как Пятакову удалось скрыться на значительный срок от заграничных советских учреждений. Такое исчезновение не удавалось еще ни одному советскому сановнику. (на этот счет существуют строжайшие правила!)

Первые шаги расследования в Норвегии позволили депутату К.Кнутсену установить, что "в первой половине декабря" в Осло вообще не прилетал ни один иностранный самолет. Как быть с этим неприятным обстоятельством? Чрезвычайно опасаясь, что ГПУ поторопится расстрелять Пятакова, чтобы предупредить дальнейшие неудобные вопросы и лишить возможности будущую международную следственную комиссию потребовать от Пятакова точных объяснений.

Я выбрал показания Пятакова лишь как наиболее яркий и простой пример. Нетрудно будет показать, что остальные показания, особенно поскольку они касаются меня, построены на таких же жалких подлогах и увертках.

Л.Троцкий

Койоакан,

29 января 1937 г., 11 час.

Как и почему советские граждане обвиняют себя в преступлениях,

которые они не совершили?

Самый простой и, на первый взгляд, наиболее убедительный для меня способ защиты против московских обвинений был бы такой: "Обвиняемые не троцкисты, а с 1928 г. заклятые враги троцкизма. Как известно всякому политически грамотному человеку, вот уже почти десять лет, как я не только не несу за Радека и Пятакова никакой ответственности, но, наоборот, множество раз бичевал их как изменников марксизма. Действительно ли эти беспринципные люди, разочаровавшись в надеждах и запутавшись в интригах, дошли до последней степени падения, - я знать не могу. Во всяком случае, мне совершенно ясно, что они хотят вымолить у Сталина помилование, скомпрометировав меня". В таком объяснении нет ни одного слова неправды. Называть подсудимых, моих заклятых врагов, "троцкистами" могут только невежды или адвокаты Сталина. Я давно уже не имею никаких сведений о личной жизни, деятельности и интригах этих людей. Они действительно хотели на процессе спасти себя посредством моей политической ликвидации. Все это верно. Но это только половина правды, а, следовательно, неправда. Несмотря на все сказанное, я знаю, я убежден, я не сомневаюсь, что главная часть обвиняемых, т. е. те старые большевики, которых я в течение многих лет знал в прошлом (Зиновьев, Каменев, Мрачковский, Пятаков, Радек, Муралов и т. д.), не совершили и не могли совершить ни одного из тех преступлений, в которых они каялись. Людям наивным или неосведомленным такое утверждение кажется непонятным, парадоксальным и, во всяком случае, лишним. "Зачем, - говорят они, - Троцкий осложняет свою собственную защиту защитой своих злейших врагов от них же самих? Разве это не донкихотство?" Нет, это не донкихотство. Чтоб положить конец московскому конвейеру подлога, нужно вскрыть политическую и психологическую механику "добровольных признаний". Некоторые юристы, как англичанин Притт²⁷⁴, как француз Розенмарк²⁷⁵, строят свою защиту Сталина и ГПУ именно на согласованности (на самом деле иллюзорной) признаний подсудимых. К чему, в самом деле, следствие, вещественные доказательства, свидетельские показания, если подсудимые сами, в одиночку или хором, требуют, чтобы им за их преступления прострелили шейные позвонки?

Такого рода рассуждение в лучшем случае поверхностно. Вряд ли можно во

всей истории найти такие политические процессы, где бы вся процедура опиралась на повальные признания всех подсудимых, которые действуют, как ревностные помощники прокурора. Если даже допустить на минуту, что эти старые опытные политики совершили ряд чудовищных и бессмысленных преступлений, их поведение все равно остается непонятным, чудовищным, фантастическим. Преступник может сознаться под давлением улик или свидетельских показаний. Но ни того, ни другого нет. Отсутствие улик есть такая же загадка, как и повальный характер признаний. Нам говорят о чудовищной комбинации преступлений, с разветвленной сетью преступных организаций, с целым рядом "центров", основным, параллельным и резервным. Эта грандиозная машина, в союзе с Гестапо и японским штабом, действует в течение ряда лет, располагая многими сотнями исполнителей в разных частях страны. За этот период произведены многие десятки тысяч обысков и арестов в среде оппозиции. Казалось бы, ГПУ, перлюстрирующее письма, подслушивающее телефонные разговоры, не связанное никакими правовыми ограничениями, должно было бы располагать до настоящего времени грандиозным музеем вещественных доказательств. Ничего подобного нет и в помине: ни одного письма, ни одного документа, не говоря уже о пулеметах, бомбах и адских машинах. Гг. Притты и Розенмарки даже не ставят перед собой вопроса о том, как объяснить эту тайну. На самом деле, у ГПУ есть, конечно, десятки тысяч оппозиционных документов и писем. Но они не подходят к замыслу. Они не отвечают теме. Они могут только разрушить впечатление от покаяний. Объективные факты не отвечают субъективным конструкциям²⁷⁶. Московские процессы порочны в самой своей основе, ибо под монотонными покаяниями невозможно обнаружить какую бы то ни было материальную основу. Но откуда все же берутся покаяния? Каким образом они вымогаются? История не начинается с процесса 16-и. Для того, кто внимательно следил за эволюцией сталинского режима, ложные самообвинения жертв ГПУ не являются загадкой. До августа 1936 г. Зиновьев и Каменев калялись публично не менее десяти раз, причем их покаяния располагаются в виде своего рода геометрической прогрессии. Все обвиняемые, имена которых мне известны, принадлежали ранее к оппозиции, затем испугались раскола или преследований и решили во что бы то ни стало вернуться в ряды партии. За бывшими вождями оппозиции шли по тому же пути тысячи и тысячи рядовых членов. Правящая клика требовала от них признать, что их программа ложна и, в частности, что политика Троцкого противна интересам пролетариата. Ни один из серьезных оппозиционеров не думал этого. Наоборот, все они были уверены в том, что развитие доказало правоту оппозиции. Тем не менее они подписали в конце 1927 года заявление, в котором ложно возводили на себя обвинение в "уклонах", "ошибках", несовершенных преступлениях против партии и возвеличивали новых вождей, к которым не питали уважения. В эмбриональной форме перед нами здесь уже заложены целиком будущие московские процессы.

Первой капитуляцией дело, однако, не ограничилось. Наоборот, она, как уже сказано, открывала геометрическую прогрессию покаяний. Режим становился все более тоталитарным, борьба с оппозицией все более бешеной, обвинения против оппозиции - все более чудовищными. Политических дискуссий бюрократия допустить не могла, ибо дело шло о защите ее произвола и привилегий. Чтобы сажать оппозиционеров в тюрьмы, ссылая их и расстреливать, недостаточно было провозгласить, что у оппозиции ложная программа. Нужно было обвинить оппозицию в стремлении расколоть партию, разложить армию, низвергнуть советскую власть. Чтобы подкрепить эти обвинения перед народом, бюрократия вытягивала на свет божий вчерашних капитулянтов, одновременно в качестве свидетелей и обвиняемых. Кто из них отказывался подписать новые самообвинения, новые самоклеветания, тому отвечали: "Значит, ваше покаяние было неискренне!", после чего следовали снова тюрьма и ссылка. Так капитулянты превращались постепенно в профессиональных лжесвидетелей против оппозиции и против себя самих задолго до того, как дело дошло до судебных процессов. Во всех покаянных заявлениях неизменно фигурировало мое имя как "врага номер первый" советской бюрократии: без этого документ не имел силы. Сперва дело шло лишь о моих "социал-демократических" тенденциях; на следующем этапе требовалось заявление о том, что моя политика объективно ведет к контрреволюционным последствиям. Еще через несколько месяцев следовало утверждение, что я являюсь "объективно" агентом буржуазии, еще дальше, - что я состою де факто, если не де юре в союзе с буржуазией против СССР. Всякий из капитулянтов, который на новом этапе пытался сопротивляться,

ссылаясь на свою работу и свое послушание, встречал один и тот же ответ: "Все ваши предшествующие заявления были неискренни, раз вы не хотите помочь партии (т. е. бюрократии) против Троцкого. Вы тайный враг партии". Так последовательные покаяния становились ядром на ногах у каждого капитулянта и тянули его на дно²⁷⁷.

Время от времени злосчастных капитулянтов снова арестовывали или ссылали, по совершенно ничтожным или фиктивным поводам: задача состояла в том, чтобы разрушить нервную систему, убить личное достоинство, сломить волю. После каждой новой репрессии новую амнистию можно было получить только ценою нового, вдвойне унижительного самообвинения. Требовалось заявлять в печати: "Я признаю, что обманывал в прошлом партию, что держал себя в отношении советской власти нечестно, что был фактическим агентом буржуазии, но отныне я окончательно разрываю с троцкистскими ренегатами..." и т. д. Так совершался шаг за шагом "воспитание" (точнее сказать: деморализация) десятков тысяч членов партии, а косвенно и всей партии обвиняемых, как и обвинителей, в течение 11 лет (1923-1934). За эти годы успел выработаться ритуал, согласно которому люди публично оплевывали себя якобы в интересах партии, а в сущности для того, чтобы отстоять свое местечко в рядах бюрократии. Правящей клике этот постыдный ритуал нужен был для того, чтобы в зародыше заглушить всякое движение критической мысли.

Убийство Кирова (декабрь 1934 г.) придало процессу растления партийной совести новую, небывалую ранее остроту. В свое время я доказал в печати и берусь доказать перед любой беспристрастной комиссией, что покушение на Кирова готовилось с ведома Сталина агентами ГПУ для того, чтобы вовлечь в это дело оппозицию (метод полицейской "амальгамы") и затем раскрыть покушение накануне его осуществления. Выстрел Николаева²⁷⁸, у которого были, очевидно, свои мотивы, раздался, однако, раньше, чем амальгама была закончена. После ряда колебаний, противоречивых и лживых заявлений, бюрократии пришлось ограничиться полумерой, именно, "признанием" Зиновьева, Каменева и других в том, что на них лежит "моральная ответственность" за убийство Кирова. Это "добровольное" заявление было исторгнуто простым аргументом: "Если вы не поможете нам задушить оппозицию, возложив на нее хотя бы моральную ответственность за террористические акты, вы обнаружите тем свое фактическое сочувствие оппозиции и террору, и мы с вами поступим как с худшими врагами". Перед бывшими оппозиционерами на каждом новом этапе вставала одна и та же альтернатива: либо отказаться от всех прежних капитуляций и вступить в безнадежный конфликт с бюрократией, не имея ни программы, ни организации, ни личного авторитета; либо сделать еще шаг вниз, взвалить на себя и на других еще большие гнусности и возложить за все это ответственность на меня. Такова эта отвратительная прогрессия падений. Если установить ее приблизительный "коэффициент", то можно заранее предвидеть характер капитуляции на следующем этапе. Я не раз проводил эту операцию в печати.

"Маленькая" оплошность ГПУ, за которую Киров поплатился головой, не остановила, разумеется, Сталина. Вокруг трупа Кирова он решил построить новый процесс, чтобы от моральной ответственности оппозиции перейти к фактической и юридической. Терроризированный Зиновьев шел на все, Каменев сопротивлялся. Тогда для Каменева устроили новый, специальный суд при закрытых дверях (июль 1935 г.), где его поставили лицом к лицу с призраком смерти. Каменев сдался. Отныне подготовка нового процесса велась в широком масштабе. Кандидатов в подсудимые было достаточно в тюрьмах Сталина. Тем, кто соглашался взять на себя вину в терроре и скомпрометировать себя, обещано было сохранение жизни, а через некоторое время и полное помилование. За пять дней до суда Сталин провел особый закон, дающий приговоренным к смерти за террор право апелляции: надо было поддержать надежду и у подсудимых до конца²⁷⁹. Зиновьев, Каменев и другие выпили чашу унижений до дна. После этого их обманули, поставив к стенке.

Сталин предусмотрителен. Уже во время процесса 16-и ГПУ заставило Радека и Пятакова напечатать в "Правде" статьи, в которых признавалась правильность обвинения и требовалась казнь подсудимых²⁸⁰. Радек и Пятаков отлично знали, что поддерживают ("в интересах партии") ужасающий судебный подлог, но они не догадывались, что своими статьями затягивают петлю на собственной шее. После того, как они признали, что вожди и бывшие вожди оппозиции (Троцкий, Зиновьев и пр.) способны не только на скрытый, трусливый

террор из-за угла, но и на союз с Гестапо, Радек и Пятаков преградили себе все пути отступления: чем они, в самом деле, лучше Зиновьева, Каменева или Смирнова?

Если бы процесс Зиновьева убедил мировое общественное мнение в том, что я тайный террорист и союзник Гитлера, не потребовалось бы, вероятно, второго процесса. Но, несмотря на все усилия заграничных адвокатов ГПУ, дело Зиновьева-Каменева вызвало возмущение, недоверие или, по крайней мере, недоумение. Именно поэтому и понадобился новый, более "убедительный" процесс. Радек и Пятаков явились естественными корифеями новой инсценировки. Конечно, после процесса 16-и у них было меньше иллюзий относительно собственной судьбы, чем у Зиновьева и Каменева. Но что этим морально раздавленным людям оставалось делать? Им приходилось выбирать между верной и немедленной смертью во дворе тюрьмы и между бледным проблеском надежды. Сталин передавал им, несомненно, через следователей ГПУ: "Зиновьева, Каменева и других мы не могли не расстрелять, ибо это были затаенные враги; вашему раскаянию мы больше доверяем и сделаем все, чтобы спасти вас и вернуть позже к работе". В подкрепление к этим доводам ГПУ расстреливало тех обвиняемых, которые проявляли упорство.

Механика, как видим, сама по себе несложна. Она требует лишь для своего осуществления тоталитарного режима, т. е. отсутствия малейшей свободы критики, военного подчинения подсудимых, следователей, прокуроров, судей одному и тому же лицу и полной монолитности прессы, которая своим монотонным волчьим воем устрашает и деморализует обвиняемых и все общественное мнение. К этому надо прибавить постоянную возможность расстрелять без суда всякого подсудимого, который пытается внести диссонанс.

Московские процессы состоялись не потому, что ГПУ раскрыло следы какого-либо заговора и накрыло преступников; также и не потому, что внезапно охваченные угрызениями совести преступники - все до одного - добровольно повинились в совершенных преступлениях. Нет, московские процессы состоялись потому, что в распоряжении ГПУ есть неограниченное количество людей, которых оно в зависимости от политических потребностей может по своему усмотрению месить как тесто; людей, которые воспитаны в системе ложных покаяний и вынуждены принять на себя любое преступление, чтобы доказать свою "искренность" и попытаться спасти себя. Московские процессы не имеют ничего общего с судом; это чисто театральные инсценировки с заранее расписанными ролями и с абсолютным "фюрером" в качестве режиссера. Политическая цель: убить оппозицию, раздавить того, кто говорит от ее имени и отравить раз навсегда самые источники критической мысли. Достигла ли бюрократия своей цели? Нет. Сталин грубо просчитался. Последствия этого просчета будут фатальны для его диктатуры. Мы это увидим в недалеком будущем.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
29 января 1937 г.

Конвейер подлога за работой

Телеграммы об арестах следуют непрерывно. Арестованы Бухарин и Рыков, бывшие вожди бывшей правой оппозиции. Томский, самый замечательный рабочий, которого выдвинула большевистская партия, не арестован только потому, что покончил с собой, чтобы избежать последнего унижения. Бухарин и Рыков давно подчинились; но они слишком много знают; они слишком хорошо понимают механику подлога; они могут многое рассказать. Крупская, вдова Ленина, несмотря на все предшествующие унижения, окружена, несомненно, непроницаемым кордоном ГПУ. Арестован Белобородов, вождь уральских рабочих, бывший член ЦК и министр внутренних дел. Причина: Белобородов слишком много знает. Арестованы Раковский, Мдивани и много других. Выслана в Сибирь бывшая жена Каменева, моя сестра²⁸¹, пожилая и большая женщина: она, конечно, не ведет борьбы, но она знает и может рассказать. Арестован Сергей Седов: только потому, что он мой сын. Арестовываются вообще сыновья и дочери казенных и арестованных. Младшее поколение опасно тем, что может попытаться отомстить за физическую или моральную смерть отцов. У арестованных сыновей есть невесты или жены, у тех есть братья... Так работает этот страшный конвейер.

Сталин уже не может остановиться. Он похож на человека, который пьет соляной раствор, чтобы утолить жажду.

Потрясает чудовищный характер обвинений, источником которых может явиться лишь фантазия садиста: удушение рабочих газами, намеренные крушения поездов, отравление населения бактериями и прочее в том же роде. Чтобы найти хоть отдаленную аналогию, нужно вернуться к средним векам, когда ведьм обвиняли в распространении эпидемий, а евреев – в употреблении христианской крови. Известно, что ведьмы, еретики и евреи чистосердечно калялись в руках святейшей инквизиции во всех своих преступлениях. Той же цели достигает и Сталин. Каким путем? При помощи тоталитарного режима, монолитной прессы, монолитной партии, герметически замкнутых ящиков для подсудимых, монолитности следователей, судей и адвокатов и постоянной возможности расстрелять без огласки любого, кто пытается отстоять правду и свою честь.

Непосвященному кажется непонятным, как можно заставить взрослого человека обвинить самого себя в том, что он совершал крушения поездов по предписанию Троцкого. На самом деле механика таких признаний дьявольски проста. Наркому путей сообщения Кагановичу нужны высокие достижения, слишком высокие для техники транспорта: отсюда ряд грандиозных крушений. Нет ничего легче, как расстрелять стрелочника, начальника поезда или начальника железной дороги. Такие расстрелы совершаются регулярно после каждого крушения. Сейчас ГПУ применяет в отношении наиболее видных железнодорожных и промышленных деятелей другой метод. "Мы тебя расстреляем за крушение поезда, за взрыв мины и пр[очее] в 24 часа; но если ты согласен заявить, что ты совершил крушение по наущению Троцкого в интересах Японии, ты спасешь свою жизнь". Это все. Это страшно просто. Но это действует. Упорствующих выводят несколько раз в день из камеры в тот двор, который служит для расстрела, и затем возвращают в камеру. Это очень просто. Но это действует. Каленого железа не применяют. Вероятно, не применяют и специальных медикаментов. Достаточно "морального" воздействия. К тому же все предшествующие покаяния пролагают путь последующим. Так действует этот дьявольский конвейер.

Л.Троцкий

29 января 1937 г.,

Койоакан, Д.Ф.

Требование моей выдачи

В московских официальных кругах начинают намекать, правда, в очень неопределенной форме, на возможность требования моей выдачи. Я горячо приветствую эту идею. Более того, я требую, со своей стороны, от московского правительства, чтобы оно предъявило такое требование. Уже во время процесса 16-ти я требовал от Москвы предъявления доказательств норвежской юстиции, в целях моей выдачи. Выступая в качестве свидетеля перед норвежским судом 11 декабря 1936 г. по делу о нападении фашистов на мою квартиру 282 я под судебной присягой разоблачил перступный московский судебный подлог. К несчастью, двери суда были закрыты. Я готов повторить эту работу гораздо более обстоятельно при открытых дверях – перед мексиканским судом. Лучшего исхода я не могу себе представить.

Обращение к Лиге Наций

Особая комиссия юристов при Лиге Наций вырабатывает статуты будущего интернационального суда против террористов (начало восходит к убийству югославского короля Александра и французского министра Барту). 22 октября 1936 года я послал этой комиссии заявление 283, в котором писал, что будущий трибунал, помимо защиты правительственных интересов от террористических покушений, "должен обладать возможностью вступаться также за интересы частных лиц, против которых по чисто политическим соображениям выдвинуто ложное обвинение в терроризме..."

Таково сейчас мое положение. Я убежден, что советское правительство, требовавшее моей высылки из Норвегии и тем причинившее мне и моей семье великий ущерб, ни в коем случае не обратится к международному трибуналу, когда последний будет создан. Потому что открытое судебное рассмотрение могло бы лишь разоблачить преступные махинации ГПУ. В этих условиях я в

качестве потерпевшего должен иметь возможность обратиться к интернациональному трибуналу. Если заинтересованное правительство откажется принимать участие в судебном расследовании, то выдвинутое им обвинение со всеми его международными последствиями должно быть аннулировано". Ввиду условий интернирования мое письмо комиссии Лиги Наций было подписано не мною лично, а моим адвокатом. За No 3A/15105/15085 секретариат Лиги Наций известил моего адвоката о получении моего заявления. Оно и сегодня остается в силе. Как только международный трибунал против терроризма будет создан, я предприму все необходимые легальные шаги к тому, чтобы выдвинутые против меня обвинения были рассмотрены в полном объеме.

Л.Троцкий
Койоакан, Л.Ф.,
29 января 1937 г.

Прокурор Вышинский²⁸⁴

Прокурор Вышинский – не только прокурор, но и символ. Самой судьбою он призван защищать Октябрьскую революцию от старых большевиков. В 1905 году Вышинский был короткое время меньшевиком, затем бросил политику и помирился с режимом царизма. В 1917 году, после низвержения царя, он снова перекрашивается в меньшевика, ведет бешеную борьбу против Октябрьской революции, а после ее победы исчезает на три года с политического горизонта: Вышинский выжидает. Только в 1920 году этот господин вступает в партию большевиков. Ныне он спасает Октябрьскую революцию от всех тех, которые ее совершили. Отмечу мимоходом, что большинство советских послов и других высоких администраторов имеют биографию, вполне аналогичную биографии Вышинского. Ныне все они служат большевизму за хорошее жалованье.

Будут ли подсудимые расстреляны?

Вышинский требует головы всех обвиняемых. Он играет наверняка: приговор был составлен уже до начала процесса. Возможно, что два-три подсудимых будут пощажены, чтобы избежать чрезмерной "монолитности". Главные обвиняемые будут, во всяком случае, приговорены к смертной казни. Будут ли они действительно расстреляны? Расстрел произведет ужасающее впечатление на общественное мнение и окончательно запятнает Сталина, как Каина, в глазах мирового рабочего класса. С другой стороны, помиловать подсудимых, обвиненных в преступлениях, неизмеримо более тяжких, чем преступления Зиновьева-Каменева, значило бы показать всему миру, что весь суд есть презренная комедия. Такова альтернатива, перед которой стоит Сталин. Помилование представляет еще одну громадную опасность. До тех пор, пока обвиняемые живы, рабочее движение будет добиваться пересмотра дела, свидания с осужденными, их допроса международной следственной комиссией и прочее. Эта опасность для Сталина слишком велика! Вот почему я склоняюсь к мысли, что Сталин скорее всего прикажет расстрелять подсудимых, которым он во время следствия обещал сохранить жизнь²⁸⁵. Недаром Ленин говорил о Сталине: "Он заключит гнилой компромисс, а потом обманет".

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
29 января 1937 г.

Сталин отступает?

Сегодня утром я писал по поводу предстоящего вердикта: "Возможно, что два-три подсудимых будут пощажены, чтоб избежать чрезмерной "монолитности". Главные обвиняемые будут, во всяком случае, приговорены к смертной казни". Последняя телеграмма гласит, что пощажены 4 подсудимых, на 25 % больше, чем я предполагал²⁸⁶. Но, признаться, я не ждал, что в число привилегированных попадут Радек и Сокольников. Насколько можно было понять из телеграмм, оба они взяли на себя, подобно Зиновьеву и Каменеву, террор, но сверх того еще и государственную измену. Сокольников каялся в том, т. е. клеветал на себя,

будто он передавал японскому дипломату военные секреты. Почему же Радек и Сокольников отделались тюрьмой? Объяснение одно: они слишком известны на Западе и Востоке. Здесь нельзя не видеть частичного отступления Сталина (нельзя ни минуты сомневаться в том, что приговоры решались в Политбюро и сообщались Ульриху²⁸⁷ по секретному телефону) перед мировым общественным мнением. Сталин не только не расстрелял Радека и Сокольникова, но даже не приговорил их к расстрелу. Это - отступление, выражающее чувство неуверенности. 13 приговорены к смерти, на первом месте Пятаков. Возможно, что среди неизвестных нам подсудимых имеются действительные шпионы, притянутые к делу для амальгамы. Но Пятаков, Серебряков, Муралов, Богуславский, Дробнис виноваты в терроре и шпионаже не больше, чем Радек и Сокольников. Почему же этим расстрел? Напомним, что они обвинялись сверх того в организации промышленного саботажа. Очевидно, в рабочих массах накопилось негодование по поводу многочисленных катастроф, стоивших многих сотен жизней. Здесь нужны искупительные жертвы. Отсюда приговор к смерти.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

29 января 1937 г.

20 час.

Речь для киножурнала²⁸⁸

Уважаемые слушатели!

Вы легко поймете, если свое краткое обращение к вам я начну с выражения горячей признательности мексиканскому народу и тому, кто с таким достоинством и мужеством его возглавляет, президенту Карденасу²⁸⁹. В условиях, когда против меня и членов моей семьи выдвинуты были чудовищные, непостижимые, немислимые обвинения; когда моя жена и я сидели под замком норвежского правительства без возможности защищаться, мексиканское правительство открыло нам дверь в эту прекрасную страну и сказало: "На этой почве вы можете свободно защищать ваши права и вашу честь". Не симпатия моим взглядам руководила при этом президентом Карденасом, а верность своим собственным взглядам: тем большей признательности заслуживает его акт демократического гостеприимства, столь редкого в наши дни!

Московская судебная инсценировка еще не успела закончиться, когда из Осло раздались первые оглушительные опровержения. Главное признание главного обвиняемого Пятакова состояло в том, будто он прилетел ко мне на аэроплане в декабре 1935 г., чтобы получить от меня преступные инструкции. Но вот компетентные норвежские власти установили, что в период, указанный Пятаковым, ни один иностранный аэроплан не опускался на аэродром Осло! Не было моего свидания с Пятаковым, не было инструкций, - был и есть подлог. Все судопроизводство Сталина построено на фальшивых признаниях, исторгнутых инквизиционными методами новейшего типа в интересах правящей клики. В истории не было преступлений, более страшных по замыслу и исполнению, чем московские процессы Зиновьева-Каменева и Пятакова-Радека. За этими процессами стоит не коммунизм, не социализм, а сталинизм, т. е. деспотия безответственной бюрократии над народом! Какова сейчас моя главная задача? Обнаружить правду. Раскрыть всему миру глаза на московские процессы. Показать и доказать, что подлинные преступники рядятся в тогу обвинителей. Каков ближайший этап на этом пути? Создание американской, европейской, а затем и международной следственной комиссии из лиц, пользующихся неоспоримым авторитетом и общим доверием. Я обязуюсь представить такой следственной комиссии все свои архивы, многие тысячи личных и циркулярных писем, в которых ход моей мысли и деятельности отражается изо дня в день без всяких пробелов. Мне нечего скрывать! Сотни свидетелей, находящихся за границей, обладают неопределимыми фактами для освещения московских подлогов. Работа следственной комиссии должна, на мой взгляд, закончиться большим контрпроцессом. Где именно? Пусть этот вопрос решит общественное мнение. Контрпроцесс необходим, чтобы очистить атмосферу от бацилл лжи, клеветы, фальсификации, подлога, источником которых является ГПУ, упавшее до методов Гестапо. От независимой печати, от всех честных граждан я жду помощи в раскрытии правды. Уважаемые слушатели! Можно по-разному относиться к моим

взглядам и моей сорокалетней политической деятельности. Но беспристрастное расследование подтвердит, что на моей чести – человека и политика – нет ни одного пятна. В глубоком сознании своей правоты я горячо приветствую граждан Нового Света!

Л.Троцкий.

30 января 1937 г.

Приемы антисемитизма

По поводу ареста моего младшего сына Сергея проскользнуло сообщение о том, что советская пресса разоблачает, что действительная фамилия арестованного не Седов, а Бронштейн. Сам по себе вопрос не имеет, казалось бы, никакого значения, но тенденция разоблачений совершенно ясна. Дело обстоит на самом деле следующим образом: с 1902 года я нес неизменно фамилию Троцкого. Ввиду моей нелегальности дети были при царизме записаны по фамилии матери – Седовы. Чтобы не заставляли их менять фамилию, к которой они привыкли, я при советской власти принял для гражданских целей фамилию Седова (по советским законам муж может, как известно, принимать фамилию жены). Советский паспорт, по которому я, моя жена и наш старший сын были высланы за границу, выписан на фамилию Седовых. Сыновья мои, таким образом, никогда не назывались Бронштейнами. Зачем же понадобилось сейчас извлечь эту фамилию? Совершенно ясно: ввиду ее еврейского звучания. К этому надо прибавить, что сын обвиняется ни более ни менее как в покушении на истребление рабочих. Так ли уже это далеко от обвинения евреев в употреблении христианской крови?

Л.Троцкий

30 января 1937 г.

Конструкция процесса

Сквозь умолчания и искажения официозных телеграмм ТАССа уже можно раскрыть действительную конструкцию процесса, по крайней мере в общих чертах. Кроме своей основной задачи: раздавить оппозицию, процесс должен был попутно расправиться с рядом руководителей советской промышленности, особенно военной. Все обстоятельства заставляют думать, что в военной промышленности обнаружены чудовищные злоупотребления, беспорядки, обман государства. Весьма вероятно, что в этой атмосфере процветал иностранный шпионаж. Сам Пятаков, я не сомневаюсь в этом, не имел к хищениям и другим преступлениям того же рода никакого отношения. Но он – глава ведомства. У Сталина была, следовательно, полная возможность привлечь Пятакова к ответственности и расстрелять его.

Хаос и злоупотребления в промышленности не новы для меня. Еще до обоих московских процессов я доказывал в своей книге "Преданная Революция", что режим бюрократического деспотизма не может не иметь губительного влияния на плановое хозяйство, которое нуждается в свежем воздухе советской демократии, т. е. в критике и контроле. Военная промышленность – наиболее замкнутая и бесконтрольная область. Там все пороки произвола, фаворитизма и хищничества развернулись, несомненно, в наиболее отвратительных формах.

Из 17 подсудимых 13 мне даже по имени не известны. Есть ли среди них прямые агенты Германии и Японии? Вполне возможно. Было бы невероятно, если бы Гестапо и токийский генеральный штаб не подкупили советских бюрократов. Во всяком случае, в числе подсудимых есть несколько человек, которые лично и персонально повинны в разрушении промышленности. Они руководствовались, главным образом, карьерными соображениями: дать как можно больше продукции, не заботясь ни об ее качестве, ни о судьбе машин, ни о жизни рабочих. Им грозили расстрелы.

Задача ГПУ состояла в том, чтобы дело о злоупотреблениях в военной промышленности, на железных дорогах и пр. соединить с делом против троцкистов: классический метод судебной амальгамы. От преступных или небрежных руководителей промышленности, над головой которых уже висел дамоклов меч, ГПУ потребовало, чтобы они признали себя троцкистами, обещая

им, разумеется, смягчение участи. С другой стороны, от бывших троцкистов (Пятаков, Радек и пр.), давно ставших моими заклятыми врагами, ГПУ потребовало, чтобы они, вопреки очевидности, объявили себя моими друзьями. Затем оставалось только установить связь этих мнимых "друзей", с одной стороны, с преступными руководителями военной промышленности, с другой стороны – со мной лично.

Первая задача была легка, ибо соглашение и стовор между подсудимыми происходили в стенах ГПУ: показания дополнялись, согласовывались, исправлялись и переписывались, пока не была достигнута необходимая "гармония". Вторая часть задачи оказалась неизмеримо более трудной.

Авиационная связь

Как установить связь подсудимых с человеком, который живет за границей, на виду у общественного мнения, под контролем иностранной прессы и полиции и который к тому же постоянно излагает свои взгляды в книгах, статьях и письмах? Здесь оказалось наиболее деликатное звено всей цепи. Признаться в личной связи со мной поручено было двум невольным корифеям процесса: Пятакову, представителю индустриальной группы обвиняемых, и Радеку, на которого возложена была миссия дать политическое обоснование заговору.

Великие замыслы часто разбиваются о маленькие препятствия. Радек показал, будто сносился со мной через некоего Владимира Ромма. Незачем сейчас возвращаться к смехотворному рассказу Ромма о свидании со мной ночью в неизвестном парке под Парижем, куда я, не боясь ни западни, ни провокации, явился будто бы на свидание с совершенно не знакомым мне человеком без охраны. Возьмем другое, гораздо более внушительное, на первый взгляд, свидетельство: именно, рассказ главного обвиняемого Пятакова о его специальной поездке ко мне в Норвегию для получения от меня инструкций в духе террора, саботажа и государственной измены. Средний человек, привыкший к мирным и спокойным отношениям, должен неминуемо сказать себе: не мог же Пятаков выдумывать на самого себя обвинения, которые грозят ему смертью! На этом простом соображении здравом смысле построен весь расчет организаторов процесса. Между тем тот же Пятаков нечаянно доказал, что дело идет о явном и неоспоримом подлоге. Пятаков прилетел ко мне будто бы в середине декабря 1935 г. на аэроплане из Берлина в Осло. Но власти аэродрома Осло после расследования официальных протоколов, заявляют на весь мир: ни один иностранный самолет не спускался на аэродроме Осло в течение всего декабря 1935 г.! ГПУ выбрало, как видим, плохой месяц. Я не знал еще этого факта, когда поставил свои 13 вопросов Пятакову и московскому суду²⁹⁰. Но я не сомневался тогда ни на минуту, что, если расчленишь огульные лжесвидетельства на конкретные обстоятельства времени и места, то фальсификация должна неизбежно обнаружиться. Разумеется, не в СССР, где ГПУ немедленно расстреляет всякого, кто попытается представить какое-либо опровержение! Но я живу уже 8 лет за границей. Все обстоятельства, относящиеся ко мне, могут быть открыто и свободно проверены. В этом сила моей позиции, и в этом безнадежная слабость сталинской махинации, несмотря на ее грандиозный размах.

Крушение подлога

Раз не прилетал аэроплан из Берлина, значит Пятаков не имел со мной свидания и не получал инструкций; значит несчастный Пятаков солгал, т. е. повторил ложь, продиктованную ему ГПУ. Я не знаю, что теперь скажет Москва. Прокурор Вышинский со свойственной ему находчивостью может, конечно, сказать, что преступные инструкции Троцкого "известны" и из других источников, независимо от декабрьского полета Пятакова. Но если инструкции "известны", зачем Пятакову было ехать за ними? Зачем ему было лететь на воображаемом аэроплане? Кто поверит всей вообще исповеди Пятакова, если в простом и элементарном факте, который составляет основной узел его свидетельства, Пятаков солгал? Мало того: если ГПУ может принуждать Пятакова, старого большевика, члена ЦК, высокого администратора, к грубым лжесвидетельствам, то что же сказать о менее выдающихся обвиняемых?

Беда Сталина в том, что ГПУ не может распоряжаться климатом Норвегии, международным движением аэропланов, а также движением моей мысли, характером моих связей и ходом моих действий. Вот почему грандиозный подлог, неосторожно поднятый под небеса, упал с несуществующего аэроплана на землю и

разбился вдребезги. Но если обвинение в отношении меня, главного обвиняемого, вдохновителя, организатора, руководителя заговора, построено на грубом лжесвидетельстве, то чего стоит вся остальная стряпня? Ведь Пятаков сделал ложный донос не только на меня, но и на себя. То же самое относится и к Радеку. Все эти "лжетроцкисты" - в процессе 16-и, как и в процессе 17-и - служат только ступеньками, чтобы добраться до меня. ГПУ свалилось ныне со всех своих ступенек. Что же остается в конце концов от процесса? Остаются злоупотребления в военной промышленности, анархия на железных дорогах, фашистский или японский шпионаж и т. д. Но политическую ответственность за эти преступления несет, конечно, не троцкизм, а правящая бюрократия.

Прибавим еще, что если я обвиняюсь в передаче преступных инструкций Пятакову, то арестованный ныне в Красноярске сын мой Сергей Седов, далекий от политики, безупречный инженер, обвиняется в том, что, выполняя инструкции Пятакова, он готовил массовое отравление рабочих... Что сказать по этому поводу?

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
30 января 1937 г.

13 расстрелянных

Сталин уступил мировому общественному мнению Радека, Сокольников и еще двух обвиняемых, чтобы тем увереннее расстрелять остальных. После тех обвинений, которые он заставил обвиняемых возвести на себя, он не мог не расстрелять их. Он должен был расстрелять Пятакова уже для того, чтобы приостановить расследование о его поездке в Осло на воображаемом аэроплане. Он должен был расстрелять остальных, чтобы подкрепить свое право на расстрел Пятакова. Он должен был убить их, чтобы дать удовлетворение тому "общественному мнению" в СССР, которое он обманул и деморализовал. Обвиняемые, которых я знаю, - Радек, Сокольников, Пятаков, Богуславский, Дробнис, Муралов, Серебряков, - давно стали моими непримиримыми противниками и выступали на процессе, как мои заклятые враги. Но перед лицом всего человечества я восклицаю из глубины своей души: эти люди неповинны ни в одном из тех преступлений, которые ГПУ заставило их взять на себя. Эти люди - жертвы ужасающей политической системы, в которой не осталось больше ни совести, ни чести. Вдохновитель и организатор этой системы - Сталин. Имя Каина навсегда останется за ним.

Л.Троцкий.
Койоакан,
31 января 1937 г.

Помилованные

Радек и Сокольников пощажены. К тому времени, когда эти строки появятся в печати, известна будет окончательная судьба остальных. Трудно решить, однако, чья судьба лучше: расстрелянных или помилованных. В каждом из помилованных правящая верхушка видит опасность, своего рода разрывную бомбу: в тюрьме они могут раскрыть правду обо всей закулисной стороне процесса. Эта опасность будет становиться тем острее, чем больше развернется международная борьба за пересмотр московских амальгам.

В 1931 году в Москве был разыгран процесс меньшевиков²⁹¹, также полностью основанный на "добровольных" признаниях. Двое подсудимых, Суханов и Громан²⁹², известные писатели, пользовавшиеся доверием и уважением, "признались" на суде в своей принадлежности к международному заговору вместе с Леоном Блюмом и другими вождями Второго Интернационала в целях организации военного вторжения в СССР. Суханов и Громан были "помилованы" и заключены в тюрьму. Однако обещанное вскоре освобождение не наступало. Обманутые жертвы ГПУ рассказывали в тюрьме всем, кому можно, о том, как у них исторгли ложные самообвинения и как им обещали полное освобождение. Суханов объявил голодовку, которая длилась несколько недель, после чего Суханов, как и

Громан, исчезли из тюрьмы. Где они сейчас? Никто не знает. По всей видимости, во время подготовки процесса Зиновьева ГПУ попросту прикончило Суханова и Громана, дабы они не разоблачали механику "добровольных признаний". Не могли ли бы общества "Друзей СССР", "Лиги прав человека"²⁹³ и другие организации попытаться узнать, куда девались Суханов и Громан?

Ждет ли Радека и Сокольникова лучшая судьба? Мы в этом не уверены. Радек не умеет держать секретов: это всем известно, а между тем каждое неосторожное слово Радека представляет собой огромную опасность для Сталина. Вот почему мы затрудняемся ответить на вопрос, чья судьба трагичнее: расстрелянных или помилованных.

Л.Троцкий
Койоакан,
31 января 1937 г.

"Народ" требует казней

Московская бюрократия мобилизовала сотни тысяч людей на Красной площади, чтобы торжествовать свою победу. В первые годы революции грандиозные манифестации действительно выражали настроение самих масс: лозунги, символы, восторг, как и гнев, - все было импровизировано, все шло снизу. Сейчас манифестации на Красной площади выражают лишь могущество бюрократии. Рабочий идет на демонстрацию так же, как и на работу, чаще всего под наблюдением тех же лиц и озираясь на тех же доносчиков.

Еще в большей степени это относится к "единодушным" резолюциям, требующим головы всех обвиняемых и моей впридачу. Участие в официальных митингах уже давно имеет принудительный характер. В 1925-1928 гг. большинство рабочих, согласно популярному тогда выражению, "голосовало ногами", т. е. убегало с собрания до голосования. Но в следующие годы установлено было у дверей дежурство секретных агентов ГПУ: всякий, пытавшийся ускользнуть, лишался работы и нередко арестовывался. Немудрено, если все предлагаемые сверху резолюции принимаются "единогласно". Этим я вовсе не хочу отрицать того, что наиболее отсталые массы населения действительно обмануты московскими процессами при помощи монолитной прессы и монолитного радио и что Сталин, подражая методам Гитлера, не без успеха эксплуатирует "предвоенные" настроения в интересах личной диктатуры.

Л.Троцкий
Койоакан,
31 января 1937 г.

Каганович предрекает мою гибель

Каганович, шурин Сталина²⁹⁴, является несомненно одним из главных организаторов московских амальгам. (Сталин, естественно, предпочитает в таких острых случаях действовать через доверенное лицо). Каганович заинтересован к тому же в последнем процессе непосредственно, так как возглавляемое им ведомство, благодаря показным успехам и авантюристическим "темпам", стало ареной крушений и катастроф. Напомним еще раз, что побочной, но крайне важной задачей процесса было взвалить ответственность за все ошибки, неудачи и преступления бюрократии в области хозяйства на оппозиционеров, которые давно уже вытеснены из хозяйства и лишены даже куска хлеба. Каганович, лучше чем кто бы то ни было, знает, что обвинения против меня сфабрикованы в кабинете Сталина и что в этих обвинениях нет ни единого слова правды. Но именно поэтому Каганович кричал 29 января на московских собраниях: "Смерть Троцкому!" Если московская клика думает запугать меня такими угрозами и заставить меня замолчать, то она ошибается. Не потому, чтобы я недооценивал силы и средства ГПУ: нет, я очень хорошо понимаю, что убить меня из-за угла гораздо легче, чем доказать мою "связь" с Гитлером. Но есть обязанности, которые неизмеримо выше соображений о личной безопасности. Это знает каждый хороший солдат. А я - старый солдат революции. К тому же и успешное убийство не опровергнет моих разоблачений. У меня есть друзья. На

свете немало мужественных и честных людей. Истина восторжествует!

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
31 января 1937 г.

Я обвиняю Д.Притта и Р.Розенмарка

Нсмотря на свои пышные титулы ("К.С., М.Р.")²⁹⁵, британский адвокат Д.Н.Притт есть "юридический" агент ГПУ. От всего мира Москва скрывала до последних дней предстоящий процесс Зиновьева-Каменева. Притта, наоборот, заблаговременно пригласили на этот процесс: уже до открытия бесчестной судебной комедии ГПУ не сомневалось, следовательно, в будущей благополучной "экспертизе" беспристрастного королевского советника. ГПУ не ошиблось. Еще не отзвучали выстрелы в затылок ложно осужденных 16 жертв ГПУ, как Притт опубликовал брошюру "The Zinoviev Trial"²⁹⁶, в которой самодовольство не способно прикрыть нечистой совести. Брошюра служит за границей главным средством защиты ГПУ и продается в разных странах по очень дешевой цене. Насколько дешево она обошлась Москве, вопрос особый.

Еще хуже, если возможно, роль французского адвоката Розенмарка, который, неизвестно по какой причине выступил в качестве высшего авторитета по вопросам "революционного" судопроизводства и политической морали. Притт действует, по крайней мере, от собственного имени и берет на себя лично риск своей неблагоприятной миссии. Розенмарк не имеет и этого "мужества": он действует под прикрытием французской Лиги прав человека (!). На страницах ее органа напечатан был 15 ноября 1936 г., во время моего заключения в Норвегии, беспримерно циничный "доклад" Розенмарка, оправдывающий жалкими софизмами московскую амальгаму в целом и заявляющий, что во всякой другой стране Троцкий был бы приговорен к расстрелу. Я заявляю: общественное мнение должно приговорить и приговорит г. Розенмарка к вечному позору!

За свои тяжкие обвинения против Притта и Розенмарка я готов нести ответственность перед любым независимым судом, как и перед авторитетной международной следственной комиссией. Пусть международные агенты и "друзья" ГПУ всех родов оружия будут осторожнее: процесс против них открыт и будет доведен до конца!

Л.Троцкий
1 февраля 1937 г. 11 час.

Письмо Анжелике Балабановой

Мексика, 3 февраля 1937 г.
Милая Анжелика!

Вчера получил Ваше письмо, прочитал его и, представьте себе, не понял, кто пишет; подписи не разобрал, показалось: "Ох! Ответьте!" Еще раз прочитал: почерк знакомый, слова знакомые, а догадаться не могу. Наконец, спохватился: да ведь это же Анжелика! И чистосердечно обрадовался, если вообще в это подлое время можно еще радоваться. Разумеется, я ни на минуту не сомневался, что в вопросе о борьбе со сталинскими гнусностями вы будете полностью и целиком с нами. Как раз после Вашего письма вскрыл другое письмо из Нью-Йорка, где говорится о Вас и немножко о Вашем... пессимизме. Этому письму я не поверил. Возмущение, негодование, отвращение - да. Пожалуй, временная усталость, - все это человеческое, слишком человеческое, - но я не верю, что Вы могли впасть в пессимизм. Это не в Вашей натуре. Что значит пессимизм? Пассивная и плаксивая обида на историю. Разве можно на историю обижаться? Надо ее брать, как она есть, и когда она разрешается необыкновенными свинствами, надо месить ее кулаками. Только так и можно прожить на свете. Да зачем Вам об этом говорить, милая Анжелика? Вы и сами об этом знаете. Главный вывод, по-моему, из всего происшедшего таков: надо строить на новом месте из свежих элементов, из молодежи.

Вы упоминаете о Будине²⁹⁷, как о моем "личном друге". Тут недоразумение. Я видел Будина 30 лет тому назад на международном конгрессе,

затем встречался с ним во время короткого пребывания в Соединенных Штатах. Только и всего. Он всегда стоял очень вправо от меня. Каково было его отношение к Октябрьской революции в первые годы? Не имею понятия. Предполагаю, что он должен был сильно приблизиться к Советскому Союзу в период его бюрократического перерождения. Никаких связей у меня с ним в эти годы не было (т. е. за эти 19 лет). Если московские процессы образумят его, я буду, конечно, рад. О Курте Розенфельде говорить не стоит: тут слишком пахнет бутербродом.

Вы пишете, что Вам впервые в жизни "стыдно" за происходящее у нас. Чувство стыда испытываешь, когда считаешь данный круг, данную группу хоть немножко "своими". С этим чувством надо покончить. Бюрократия - чуждый и враждебный нам мир. "Стыдиться" за их сверхчеловеческие подлости мы можем так же мало, как за пьяные дебоши в непотребном заведении. Надо твердо прийти к выводу о необходимости строить новый чистый дом на новом месте, из новых кирпичей: тогда пройдет чувство "стыда" за обитателей старого дома, ставшего непотребным.

У Натальи Ивановны грипп. Она Вам сердечно кланяется и обнимает Вас. Я также.

[Л.Д.Троцкий]

Непонятный полемический выпад г.Трояновского298

С величайшим изумлением я читаю в сегодняшних мексиканских газетах телеграмму из Вашингтона о направленной против меня полемической статье советского посла Трояновского, который утверждает, будто в своих сообщениях я сам "признал" существование заговора с целью убийства Сталина (!); будто я даже мотивировал необходимость этого заговора словами: "Единственное средство избавиться от Сталина есть убийство". Нужно было совершенно потерять равновесие - я говорю не о дипломате, а о журналисте Трояновском, - чтобы прибегнуть к такому неслыханному доводу. Нужно, далее, полное неуважение к американской печати, чтобы предположить, что она стала бы печатать сообщения, заключающие в себе прямой призыв к убийствам. На самом деле, в соответственном сообщении, как очевидно для всякого беспристрастного читателя, я разъяснял политическую психологию правящей группы. Сталин, писал я, считает себя несменяемым, бесконтрольным "вождем" совершенно так же, как Гитлер; Сталин полагает, что нет и не может быть никаких легальных средств для его смещения, что никакими конституционными или партийными средствами нельзя изменить ни политику, ни состав руководства. Поэтому, заключает он, оппозиция, если она хочет добиться своей цели, должна прибегнуть к террору. Всякая оппозиция состоит поэтому - для господ из ГПУ - из потенциальных террористов. Всякая политическая критика есть первый шаг к убийству Сталина и его сотрудников. После этого вступает в свои права Вышинский и отождествляет первый шаг с последним. Оппозиционеры автоматически приравниваются к террористам. Я говорил, следовательно, не о программе оппозиции, не о ее планах и тем менее о планах несчастных капитулянтов (Зиновьев, Пятаков и др.). Нет, я говорил только и исключительно о внутренней логике деспотизма, бонапартизма или сталинизма.

Троцкисты (действительные троцкисты, а не подставные куклы ГПУ) вовсе не считают Сталина священным, незаменимым и пожизненным вождем. Рост благосостояния и культурности советских масс приводит их в непримиримое противоречие с бонапартизмом. В этом суть нынешнего кризиса в СССР. Перед лицом этого гигантского политического процесса, т. е. возрастающего антагонизма между народом и бюрократией, террористические акты представляют собой жалкие и бессильные авантюры отчаявшихся одиночек. Сталина может с успехом заменить Ворошилов, Ворошилова Каганович и т. д. Только движение самого народа может ликвидировать нынешний пагубный политический режим СССР.

Русский царь был несменяемым и наследственным. Его министры были бесконтрольны. Часть русской интеллигенции считала, что избавиться от царизма можно только путем террористических актов (партия "социал-революционеров"). В свою очередь, царская бюрократия склонна была в каждом революционере видеть террориста. Только постепенно нам, русским марксистам, представителям рабочего класса, удалось в постоянной борьбе с

террористическим авантюризмом, показать, что наш метод борьбы не имеет ничего общего с убийствами министров и вождей.

Признаться, мне неясен сам источник ошибки журналиста Трояновского. Сам он, как и большинство нынешних советских послов и советских сановников в течение 1914-1920 гг., был непримиримым противником Ленина и Октябрьской революции. В годы гражданской войны г. Трояновский был одним из вождей меньшевистской партии. Но в отличие от партии эсеров, которая убила Володарского²⁹⁹, Урицкого³⁰⁰, ранила двумя пулями Ленина³⁰¹, покушалась взорвать мой военный поезд и пр., меньшевики, и вместе с ними г. Трояновский, никогда не прибегали к мерам террора, несмотря на свою непримиримую вражду с советской властью. Значит, возможна оппозиция и без терроризма? Такова наша оппозиция - не против власти советов, а против бюрократического деспотизма, который задушил советы.

Я не смею сомневаться в безукоризненном джентльменстве г. Трояновского как дипломата; но в области марксизма и журналистики он проявляет удручающее смешение понятий. И я позволю себе поставить вопрос: если г. Трояновский перед лицом мирового общественного мнения и демократической прессы позволяет себе столь неслыханное искажение моих ясных и простых слов, то что же делается в тайниках ГПУ, где работают Ежовы³⁰², Ягоды и Вышинские?

Трояновский ссылается далее на то, что, находясь на расстоянии 5 тысяч миль от Москвы, я не могу судить, были ли признания подсудимых исторгнуты при помощи моральных пыток или нет. Я не думаю, со своей стороны, что политическая пронизательность и правдивость зависят от географических расстояний: в противном случае положение самого г. Трояновского тоже оказалось бы крайне неблагоприятным. Система моральных пыток началась не в 1936 г., а с конца 1923 года и в особо грубой форме с 1926 г. Я ее наблюдал очень близко. Я сам переживал ее изо дня в день. Я ее характеризовал в сотнях документов и статей. Многие из них напечатаны в "Бюллетене русской оппозиции", который издается за границей в течение 8 лет. Я могу прислать комплект г. Трояновскому, и он легко убедится, что в "Бюллетене" напечатаны многочисленные корреспонденции из СССР, особенно за период 1929-1932 [гг.], в которых подробно и точно рассказывается о тех моральных пытках, которым подвергались оппозиционеры, в частности Зиновьев, Каменев, И.Н.Смирнов и др. Кстати сказать, этот "Бюллетень" даст неоценимые материалы международной следственной комиссии.

4 марта 1929 года, когда еще и речи не было о будущих московских процессах, я, анализируя политику Сталина, писал: "Сталину остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до зарезу связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восстания и пр." Эти строки опубликованы 8 лет тому назад! С тех пор я не раз повторял свое предупреждение в печати. Московская фальсификация не застигла меня врасплох.

Г[осподин] Трояновский в качестве журналиста лучше всего опроверг бы меня, если бы затребовал из Москвы ответы на 13 вопросов, предъявленных мною Пятакову, в частности и в особенности на следующий вопрос: на каком аэроплане Пятаков прилетел ко мне из Берлина в Осло в середине 1935 г., раз в этом месяце в Осло не прилетало вообще ни одного иностранного аэроплана? Каким образом, далее, подсудимый Гольцман видел в Копенгагене моего сына в ноябре 1932 года, тогда как французские дипломатические телеграммы и визы (у меня есть копии) неоспоримо доказывают, что мой сын находился в это время в Берлине? Г[осподин] Трояновский знает, что на показаниях Гольцмана и Пятакова держится вся моя связь с мнимыми заговорщиками. Ясный, точный ответ хотя бы на эти два вопроса произвел бы поэтому гораздо большее впечатление на общественное мнение, чем злоупотребление цитатами из моих сообщений.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.

4 февраля 1937 г.

Ответы на вопросы м[адам] Титайна³⁰³

1. Я считаю французскую публику достаточно интеллигентной, чтобы схватить на лету основную бессмыслицу московских обвинений. Политическая

цель процессов – представить троцкистов тайными союзниками фашизма против демократий. Вместо доказательств применяется психотехника фашизма: непрерывность, монолитность и массивность лжи. Для французской публики, думаю мне, небезынтересны были бы следующие факты. 13 декабря 1931 года Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом сделал следующее заявление: "Если уж говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам". Далее: "В политике СССР нет ничего такого, о чем можно бы сказать, что это является признанием версальской системы". "Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем". "Наши дружественные отношения с Германией остаются такими же, какими были до сих пор". Чтобы придать особый вес своим словам, Сталин прибавил: "Имеются политики, которые сегодня обещают или заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чем они заявляли и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать"³⁰⁴.

Оба собеседника успели, как известно, изменить свои взгляды: Эмиль Людвиг из немца стал швейцарцем, а Сталин забыл о своих "симпатиях" к немцам, о своей вражде к версальской системе и вполне готов стать "гарантом Польши". Вопрос о том, какие политики краснеют и какие не краснеют, меня при этом не занимает. Я должен, однако, обратить ваше внимание на то, что до конца 1933 года московская пресса, а, следовательно, и ее тень, пресса Коминтерна, называла меня не иначе как "мистер" Троцкий и изображала меня британским и американским агентом. Я мог бы представить целый том собственных цитат. Вы можете поглядеть хотя бы на номер "Правды" от 8 марта 1929 года (он у меня в руках), где целая страница посвящена доказательству того, что я являюсь защитником британского империализма (тогда он еще в Москве не назывался "британской демократией"), в частности, устанавливалась моя полная солидарность с Уинстоном Черчиллем и даже его секретарем Бутби... в деле охраны версальского мира. Статья заканчивалась словами: "Ясно, за что платит ему буржуазия десятки тысяч долларов!"

Та же "Правда" от 2 июля 1931 года при помощи грубо подделанных факсимиле – вот эти факсимиле! – объявляла меня союзником Пилсудского и, так сказать, неофициальным... "гарантом Польши". Но есть факт еще более яркий: 24 июля 1933 года я въехал во Францию благодаря разрешению, которое дал мне тогдашний министр-президент Даладье. Дайте себе, пожалуйста, труд просмотреть тогдашнюю "Юманите", печать Коминтерна и советскую печать. Право, такая затрата времени вознаградится полностью! "Юманите" называла меня не иначе, как агентом французского империализма, в частности агентом радикал-фашиста Даладье и социал-фашиста Леона Блюма по подготовке военной интервенции в СССР. Сейчас это кажется невероятным! Но мы уже слышали от Сталина, что на свете имеются политики, которые сегодня забывают то, что говорили вчера и при этом... "даже не краснеют".

Таким образом, обвинения против меня и моих сторонников были и остаются лишь отрицательным дополнением политических и дипломатических зигзагов Москвы. Сейчас, когда Сталин заботится о союзе с Францией, я неминуемо должен быть превращен в агента Германии и Японии. Все эти перемены моей политической ориентации происходят без малейшего участия с моей стороны. Но зато я всегда заранее предвижу и предсказываю их в печати.

Московские процессы являются лишь драматической инсценировкой статей "Правды" и Коминтерна. Чтобы заставить людей поверить заведомой бессмыслице, Сталин расстреливает десятки ни в чем не повинных людей, доводя их предварительно инквизиционными методами до последней степени унижения.

К сказанному добавлю: мой сын Сергей, молодой советский инженер, арестован по обвинению в подготовке... массового отравления рабочих. Одно это обвинение бросает трагический и в то же время разоблачающий свет на московские процессы и юстицию Сталина.

2. На ваш второй вопрос я дал подробный ответ в своей недавно вышедшей книге "Преданная революция", издание Грассе. Насколько я могу судить, книга вызвала к себе благожелательное внимание со стороны французского общественного мнения.

3. Является ли франко-советский пакт "счастливым" или "злополучным" для французского народа? Я не назову его ни счастливым, ни злополучным, но неизбежным. К стати сказать, во время моего пребывания во Франции я в ряде статей, напечатанных в "Ентрансижан"³⁰⁵, "Оевр"³⁰⁶ и "Анналь", развивал мысль о возрастающей опасности миру со стороны Германии и Японии и о

необходимости франко-советского сближения: как видите, я очень хорошо маскировал свой союз с Гитлером и Микадо.

4. Война порождается не конфликтом "фашизма" и "демократии", а более глубокими социальными причинами. Фашистская Италия может во время войны оказаться на стороне Франции. Точно так же и Польша. Нынешний Советский Союз не имеет ничего общего с демократией, ни буржуазной, ни пролетарской. Международные комбинации определяются экономическими интересами, а не политическими формами. Думаю ли я, что Европа идет к войне? Да, я так думаю. Только сами народы могут спасти себя и цивилизацию.

5. С Францией я был тесно связан в разные периоды своей жизни и вне Франции я продолжаю по возможности следить за французской литературой: в этой области гегемония Франции остается неоспоримой. Во время нашего интернирования в Норвегии мы прилежно читали с женой Жюль Ромена³⁰⁷, несравненного художника, и других французских авторов. Замечательная книжка А.Жида "Retour de l URSS"³⁰⁸ принесла мне большое нравственное удовлетворение.

6. Эволюция французской политики? На эту тему в Париже вышло собрание моих статей "Куда идет Франция?"³⁰⁹ Я остаюсь целиком на почве высказанных там воззрений. Я не был сторонником политики Леона Блюма в то время, когда сталинцы называли его "социал-фашистом". Я не являюсь сторонником Блюма и теперь, когда сталинцы стали его карикатурными последователями.

7. Сколько у меня сторонников во всем мире? Я затрудняюсь дать точные цифры, тем более, что в рабочем классе происходят ныне непрерывные сдвиги и, наряду с единомышленниками, имеются полуетодомышленники, четверть-единомышленники и пр. Думаю, что сейчас дело идет о немногих десятках тысяч. Последние московские процессы нанесут, несомненно, смертельный удар Коминтерну и возродят марксистскую тенденцию, под знаменем которой я стою.

8. Мои проекты? Основной мой проект при приезде в Мексику состоял в том, чтобы клеветники и фальсификаторы оставили меня в покое. Но этот проект оказался неосуществимым. Вместо того, чтобы заниматься научной и литературной работой, т. е. прежде всего закончить свою книгу о Ленине, я оказался вынужден заниматься разбором московских подлогов. В ближайшее время выйдет моя книга о двух последних процессах и о моем интернировании с женой в Норвегии³¹⁰. Я надеюсь вскоре вернуться к книге о Ленине. Одновременно с этим я хочу изучать испанский язык, историю и экономику Мексики. В этой прекрасной стране мы собираемся оставаться до тех пор, пока мексиканский народ готов будет оказывать нам гостеприимство.

Л.Троцкий

11 февраля 1937 г.

[Речь, адресованная митингу в Чикаго]³¹¹

Уважаемые слушатели, товарищи и друзья!

Среди ваших ораторов имеются представители разных течений социалистической, коммунистической и демократической мысли Чикаго и Соединенных Штатов вообще. Я не сомневаюсь, однако, что подавляющее большинство среди вас, если не все, являются искренними сторонниками Октябрьской революции и непоколебимыми защитниками Советского Союза. Позвольте вам прежде всего сказать, что так называемые троцкисты в СССР, т. е. мои действительные единомышленники, а не мнимые "троцкисты" по назначению ГПУ окажутся в час опасности самыми надежными, самыми мужественными защитниками Октябрьской революции от покушений фашизма. На этих людей можно твердо положиться, это не чиновники, а революционеры, которые долгими годами тюрьмы и ссылки доказали свою преданность знамени и свою самоотверженность.

Враги рабочего класса во всем мире пытаются использовать московские процессы для того, чтоб скомпрометировать не только Советский Союз, но и саму идею социализма в глазах народных масс. Такова, прежде всего, политика желтой печати Херста. Некоторые радикальные ханжи делают отсюда тот вывод, что надо отказаться от разоблачений и замолчать. Как будто дело в разоблачениях, а не в самих процессах. Как будто опасность состоит в диагнозе врача, а не в той болезни, которая втайне разъедает организм. Долой

ханжество! Лечение социальных бедствий начинается с открытого высказывания того, что есть. Московских процессов нельзя вычеркнуть из истории. Они не упали с неба. Они не выдуманы Сталиным. Они порождены интересами и духом новой паразитической касты, которая угрожает всем завоеваниям величайшей из Революций и которая в то же время под фирмой Коминтерна разлагает мировое рабочее движение.

Именно для того, чтобы оградить трудящиеся массы от разочарования, чтобы спасти честь социализма и его будущее, надо научить рабочих ясно различать глубокие внутренние противоречия в Советском Союзе: его великие завоевания и его варварское наследие; его социалистические возможности и его социальные язвы. Советская бюрократия говорит: "Государство - это я! Социализм - это я!" Мировая реакция пытается, со своей стороны, преступления бюрократии изобразить как преступления социализма. Мы, революционные марксисты, говорим: "Бюрократия - не революция, а болезненный нарост на революции". Причина нароста - в изолированности Советского Союза, в его отсталости, в бедности народа, в тяжких поражениях мирового пролетариата. Если дать этому наросту беспрепятственно развиваться, он высосет все живые соки организма и превратится в новый господствующий класс, который окончательно растопчет социальные завоевания Революции.

Иные люди хотели бы вечно колебаться, чтобы не брать на себя ответственности. "Почему, - говорят они, - мы должны верить Троцкому больше, чем Сталину?" Такая постановка вопроса ложна в корне. Слепого доверия требуют тоталитарные режимы с непогрешимым "вождем" во главе: все равно, идет ли дело о фашисте Гитлере или о бывшем большевике Сталине. Я не требую доверия! Я предлагаю проверку. Путь проверки очень прост. Надо создать следственную комиссию из авторитетных представителей рабочего движения, научной мысли, юриспруденции, литературы и искусства. Я пользуюсь вашим митингом, чтобы повторить снова: если эта комиссия признает, что я прямо или косвенно виновен хотя бы в небольшой части тех чудовищных преступлений, которые Сталин пытается возложить на меня, - я добровольно отдамся в руки палачей ГПУ.

Я вынужден, однако, предупредить вас заранее: Сталин этого вызова не примет. Он не может его принять. Он предпочитает нанимать бюрократов из Коминтерна и других субъектов с гибкой совестью для внесения заразы в умы. Но если Сталин отступит перед следственной комиссией, вы не отступите. Если Сталин неспособен доказать, что его обвинения правдивы, то мы можем доказать, что они ложны. Пусть слабонервные или слишком осторожные "друзья" СССР отходят к сторонке! Они нам не нужны. Среди них много карьеристов и болтунов. Кто в критические моменты отходит в сторону, тот предаст рабочее движение в трудные часы. Слава и честь тем искренним защитникам Советского Союза, которые смело и открыто выступают против преступлений советской бюрократии. Они завоевывают доверие и уважение подавляющего большинства рабочих и честных граждан вообще. Они спасут для будущего знамя социализма, поруганное советской бюрократией. Они помогут советскому народу разбить новый деспотизм и восстановить рабочую демократию. Помочь народу можно только правдой. Граждане и друзья! Потребуйте властно создания международной следственной комиссии. Поддержите ее всем вашим авторитетом. Долой отраву лжи! Долой подлоги! Да здравствует правда! Да здравствует социализм!

Л.Троцкий.

11 февраля 1937 г.,

Койоакан, Д.Ф.

Крушение показаний Владимира Ромма

Владимир Ромм, бывший корреспондент "Известий" в Вашингтоне, показал на последнем процессе, будто встретился со мной в аллее парка под Парижем. Американские агентства не дали в свое время деталей встречи. Московские газеты с отчетом о процессе еще не дошли. Только сегодня из письма сына я узнал, что моя мнимая встреча с Роммом произошла, по отчету "Правды", в июле 1933 г. Эта дата сразу обнаружила всю фальсификацию! 24 июля 1933 года мы прибыли с женой и секретарями из Турции в Марсель, где были встречены друзьями и представителями французской полиции, которые немедленно отправили

нас - не в Париж, а на берег Атлантического океана, в курорт Руайан, у устья Жиронды. О нашем прибытии префект департамента Жиронды был немедленно извещен из Парижа секретной телеграммой. Мы жили в Руайане, как и вообще во Франции, инкогнито. Наши бумаги свидетельствовались только старшими чиновниками Сюрете националь в Париже. Заболев еще на пароходе, я провел в Руайане около двух месяцев на положении больного, под наблюдением врача. В Руайане меня посетили свыше 30 друзей из разных стран: около двадцати парижан, семь голландцев, два бельгийца, два итальянца, один англичанин, один швейцарец и т. д. Все они приезжали в Руайан именно потому, что я, как по состоянию здоровья, так и по полицейским причинам не мог приехать в Париж. Хозяин дачи подтвердит, несомненно, что мы провели в его доме время с 25 июля до начала октября. Отмечу, что в первый же день нашего прибытия на даче вспыхнул небольшой пожар, который привлек к нам внимание соседей. К концу сентября мы с женой в сопровождении двух друзей и, опять-таки, с ведома полиции, отправились из Руайана в Пиренеи, где прожили три недели в Баньере, откуда затем, уже в конце октября, прибыли в городок Барбизон, в двух часах езды от Парижа. Таким образом, полицейские записи и показания многочисленных свидетелей, среди которых есть люди с известными именами, как французский писатель Мальро, как голландский депутат Снивлит, как бывший секретарь британской Независимой рабочей партии Паттон и другие, могут с безусловной точностью доказать, что время с конца июля до конца сентября я на положении больного провел на юге Франции, в сотнях километров от Парижа.

Между тем Владимир Ромм показал, что видел меня... в июле под Парижем, в Булонском лесу. Как объяснить эту новую фатальную ошибку ГПУ? Очень просто: ГПУ не знало, где я нахожусь, а "заговорщик" Ромм не знал больше того, что знало ГПУ. Не надо забывать, что в тот период отношения между советским правительством и французским были крайне натянуты. В Москве называли меня не иначе, как агентом Великобритании и Франции. Советская печать утверждала даже, будто я прибыл во Францию с тем, чтобы помогать тогдашнему премьеру Даладьё (нынешнему военному министру) в деле организации... военного вторжения в СССР. Между ГПУ и французской полицией не могло быть, следовательно, близких отношений. ГПУ знало обо мне только то, что печаталось в газетах. Между тем из Марселя мы отправились в Руайан под строгим секретом, так что французская печать немедленно утратила наш след. ГПУ исходило, очевидно, из предположения, что непосредственно из Марселя я направился в Париж и уже оттуда, может быть, в провинцию. Чтобы не промахнуться, ГПУ выбрало первые дни нашего приезда во Францию, т. е. конец июля, для моего мнимого свидания с Роммом в Булонском лесу. Но тут-то ГПУ как раз и ошиблось: как уже сказано, я сразу отправился в Руайан и в течение двух месяцев не покидал его. Похоже на то, что злой рок преследует ГПУ каждый раз, когда оно пытается устроить своим жертвам свидания со мной или вообще внести крупицу точности в бесформенный поток признаний. Гольцман выбрал в Копенгагене отель "Бристоль", разрушенный за 15 лет перед тем, как место встречи с моим сыном, который как раз находился в это время (ноябрь 1932 г.) в Берлине³⁰⁵. Пятаков прилетел в Осло на аэроплане в такое время (декабрь 1935 г.), когда в Осло не прилетал ни один иностранный аэроплан. Наконец, Владимир Ромм встретился со мной в аллее Булонского леса в то время, когда я лежал больной на расстоянии 600 километров от Парижа.

Все эти обстоятельства могут быть с абсолютной точностью доказаны перед любой следственной комиссией. Это убедительнее, чем размышления г.Джуранти о "русской душе".

Л.Троцкий

15 февраля 1937 г.,

Койоакан, Д,Ф.

Об Испании³¹³

Шведская партия Кильбума никогда не принадлежала к "троцкистам". Какова ее политика в испанском вопросе, мне неизвестно. "Юманите" по примеру Сталина причисляет к троцкистам всех тех, которые могут помочь так или иначе скомпрометировать троцкизм: на этом принципе построены московские процессы. Партия Кильбума могла возбудить неудовольствие Коминтерна тем, что выразила

свое недоверие к сталинскому правосудию. Но по этому методу пришлось бы подавляющее большинство цивилизованного человечества причислить к "троцкистам".

Давал или не давал я "инструкции" поддерживать республиканский фронт волонтерами? Я вообще не даю "инструкций". Я высказываю свое мнение в статьях. Отказывать в поддержке испанским республиканским войскам могут только трусы, изменники или агенты фашизма. Элементарнейший долг каждого революционера – бороться против банд Франко, Муссолини и Гитлера.

На левом фланге правительственной коалиции и наполовину в оппозиции стоит партия ПОУМ. Эта партия не является "троцкистской". Я неоднократно критиковал ее политику, несмотря на мою горячую симпатию к героизму, с каким члены этой партии, особенно молодежь, борются на фронте. ПОУМ совершила ошибку, приняв участие в избирательной комбинации "народного" фронта: под прикрытием этой комбинации генерал Франко в течение ряда месяцев безнаказанно готовил восстание, которое опустошает ныне Испанию. Революционная партия не имела право ни прямо, ни косвенно брать на себя ответственность за политику слепоты и попустительства. Она обязана была призывать массы к бдительности. Руководство ПОУМ совершило вторую ошибку, вступив в коалиционное каталонское правительство: чтобы сражаться рука об руку с другими партиями на фронте, нет надобности брать на себя ответственность за ложную правительственную политику этих партий. Ни на минуту не ослабляя единого военного фронта, надо уметь политически собирать массы под революционным знаменем.

В гражданской войне еще неизмеримо более, чем в обычной войне, политика господствует над стратегией. Роберт Эдвард Ли³¹⁴ был как полководец талантливее Гранта³¹⁵, но программа ликвидации рабства обеспечила победу Гранта. В нашей трехлетней гражданской войне перевес военного искусства и военной техники был нередко на стороне противника, но победила в конце концов большевистская программа. Рабочий ясно знал, за что он сражается. Крестьянин долго колебался, но, сравнив на опыте два режима, поддержал в конце концов большевиков.

В Испании сталинцы, задавшие на верхах тон, выдвинули формулу, к которой примкнул и премьер Кабальеро³¹⁶: сперва военная победа, а затем социальная реформа. Я считаю эту формулу губительной для испанской революции. Не видя на деле коренной разницы двух социальных программ, трудящиеся массы, особенно крестьяне, впадают в индифферентизм. При этом условии фашизм неизбежно победит, ибо чисто военный перевес на его стороне. Смелые социальные реформы представляют собой главнейшее оружие гражданской войны и основное условие победы над фашизмом.

Политика Сталина, который в революционных ситуациях всегда обнаруживал себя оппортунистом, диктуется страхом напугать французскую буржуазию, особенно те "двести фамилий", которым французский народный фронт объявил некогда войну... на бумаге. Политика Сталина в Испании повторяет не столько даже политику Керенского в 1917 г., сколько политику Эберта-Шейдемана в германской революции 1918 г. Победа Гитлера явилась расплатой за политику Эберта-Шейдемана. В Германии расплаты пришлось ждать 15 лет. В Испании она может прийти раньше, чем через пятнадцать месяцев.

Не будет ли, однако, социальная и политическая победа испанских рабочих и крестьян означать европейскую войну? Такие пророчества, продиктованные реакционной трусостью, ложны в корне. Европейская война надвигается сейчас с неумолимой силой. Если фашизм победит в Испании, Франция окажется в таких тисках, из которых ей не вырваться. Диктатура Франко означала бы неминуемое ускорение европейской войны в наиболее тяжелых для Франции условиях. Незачем говорить, что новая европейская война грозила бы обескровлением и упадком французской расы и тем самым неизмеримым ущербом культуре всего человечества.

Победа испанских рабочих и крестьян, наоборот, потрясла бы режим Муссолини и Гитлера. Благодаря своему герметическому, тоталитарному характеру фашистские режимы производят впечатление несокрушимости. На самом деле они при первом серьезном испытании станут жертвой внутренних разрывов. Победоносная русская революция подточила режим Гогенцоллерна. Победоносная испанская революция подточит режим Муссолини и Гитлера. Уже по одному этому победа испанских рабочих и крестьян сразу обнаружила бы себя как могущественный фактор мира.

Задача подлинных испанских революционеров состоит в том, чтобы, укрепляя и усиливая военный фронт, сбросить политическую опеку советской бюрократии, дать массам смелую социальную программу, вызвать наружу неистощимые источники энтузиазма масс, обеспечить победу революции и тем самым поддержать дело мира. Только в этом спасение Европы!

Л.Троцкий

18 февраля 1937 г.

Редактору "Нью Йорк Таймс"

Сэр:

В редакционных комментариях по поводу моего заявления о показаниях Владимира Ромма (свидание в Булонском лесу в конце 1933 года) вы на основании номеров "Таймс" за соответственный период, даете в высшей степени ценную фактическую справку (N[ew] Y[ork] Times, 17 фев[раля]), которая, делая честь точности ваших корреспондентов, подтверждает в то же самое время полностью мое изложение условий моего приезда во Францию и пребывания в ней. Позвольте мне сделать лишь одно пояснительное замечание. Вы пишете в указанных комментариях, что я был позже выслан из Франции за "несоблюдение обязанностей нейтральности". И в этой части ваш корреспондент совершенно правильно передал сообщение, данное печати из министерства внутренних дел после горячей кампании реакционной и "коммунистической" печати, требовавшей моей высылки из Франции. Но это сообщение осталось без практических последствий: я прожил после того в департаменте Изер еще свыше года под строжайшим инкогнито, но без каких бы то ни было конфликтов с французскими властями. Я уехал в Норвегию по собственному выбору и желанию.

[Л.Д.Троцкий]

[Не ранее 18 февраля 1937 г.]

Господину председателю Совета министров Франции

Господин председатель!

Вам, несомненно, известно, что я и мой сын в числе прочих других лиц обвиняемся советскими властями в преступных действиях, направленных против жизни вождей СССР, против безопасности советского государства и против безопасности Франции. Ни одно из этих обвинений уже ввиду их грандиозности и большого числа жертв не может оставлять безразличным ни одного мыслящего человека на нашей планете. Но обвинение в союзе с Германией против СССР и Франции не может не привлечь Вашего непосредственного внимания, как главы французского правительства. К этому присоединяются специальные обстоятельства, которые делают, на мой взгляд, вмешательство компетентных французских властей совершенно необходимым и неизбежным. Мой сын Лев Седов, один из главных обвиняемых, проживает и ныне во Франции и состоит тем самым под покровительством французских законов. На последнем процессе (Радека, Пятакова и др.) некоторые обвиняемые и свидетели указали, что часть заговора разыгралась на французской территории. Так, свидетель Владимир Ромм показал, будто он встречался с моим сыном и со мной во Франции и получал от меня директивные письма, в которых я рекомендовал убийство советских вождей, содействие ускорению ближайшей войны и победе в ней фашизма. Та часть "заговора", которая развернулась будто бы на территории французской республики, легче всего может быть проверена французскими властями, а так как инкриминируемые мне и сыну действия направлены против безопасности Франции, то уклонение французских властей от расследования не могло бы быть понято иначе, как полное и категорическое доверие их к московским процессам.

Позволю себе выразить уверенность, что задача французских следственных властей не составила бы больших трудностей. Важнейшим элементом в показаниях Ромма является его рассказ о встрече со мной в Булонском лесу, происшедшей будто бы в конце июля 1933 года, т. е. сразу по моем приезде во Францию: 24 июля 1933 г. Я высадился в Марселе. [Я заявил] в ньюйоркской газете "Таймс" в феврале [1937 г.], что берусь неопровержимо доказать свое алиби и тем

самым ложность показаний Ромма. В конце июля [1933 г.], как и в следующие затем три месяца, я не был и не мог быть в Париже, т. к. в качестве больного находился в деревне Saint-Palais подле Руайана, куда направился непосредственно из марсельской пристани. В "Таймс" я заявил с известной осторожностью, что не менее тридцати человек посетили меня в Saint-Palais и могут выступить в качестве свидетелей. После того я произвел еще более тщательные розыски в своей памяти и в своих бумагах и могу выставить сейчас не менее 49 свидетелей, не считая французских полицейских властей в Париже, Марселе, Шарант-Инфериере, которые знали мой маршрут и место моего жительства.

Большинство свидетелей проживает во Франции, меньшинство в близлежащих странах: Бельгии, Голландии и Англии. Со своей стороны я готов дать все необходимые показания как здесь, в Мексике, через французскую миссию, так и во Франции, куда готов явиться по первому требованию, чтобы отвечать перед французским судом за действия, якобы совершенные на французской территории и направленные против жизненных интересов Франции.

В ожидании решения Вашего правительства приношу Вам выражение своих изысканных чувств.

Л.Троцкий

Мексика,

26 февраля 1937 г.

Предисловие к английскому изданию книги "Сталинская школа фальсификации"

Потрясшие весь мир московские процессы означают агонию сталинизма. Политический режим, который вынужден прибегать к таким методам, обречен. В зависимости от внешних и внутренних обстоятельств агония может длиться дольше или меньше. Но никакая сила в мире уже не спасет Сталина и его систему. Советский режим либо освободится от бюрократического спрута, либо будет увлечен им в бездну.

Эта книга ничего не говорит о московских процессах, которым целиком посвящена моя новая работа, "Преступления Сталина"³¹⁷. Однако московские судебные амальгамы не свалились с небес, а явились закономерным продуктом прошлого, т. е. прежде всего "Сталинской школы фальсификаций". Настоящая книга окажется, надеюсь, полезной для всякого, кто захочет понять идеологический и политический генезис московских процессов. Без знания генезиса ничего вообще на свете, в том числе и подлога, понять нельзя.

Вступать сейчас со сталинцами в теоретические споры было бы полным анахронизмом. Люди - я имею в виду, конечно, вождей, а не обманутых и растерянных последователей - полностью и окончательно порвали с марксизмом и бросаются конвульсивно от одной эмпирической формулы к другой, приспособляясь к потребностям правящей советской касты. Но остается несомненным историческим фактом, что подготовка кровавых судебных подлогов началась с "маленьких" исторических искажений и "невинной" фальсификации цитат. Бюрократии нужно было приспособить большевизм к своим собственным потребностям. Этого нельзя было сделать иначе, как вытравив из него душу. Революционную суть большевизма бюрократия назвала "троцкизмом". Так она создала ось, вокруг которой начала наматывать в дальнейшем свои фальсификации во всех сферах теории и практики.

В политической области инициатива такой работы - этого нельзя замолчать - принадлежала покойному Зиновьеву, герольду борьбы с троцкизмом в 1923-1925 гг. Но уже к концу 1925 г. Зиновьев испугался последствий собственной инициативы и перешел в ряды оппозиции. Дальнейшее слишком хорошо известно. В экономической области теоретическое оружие против троцкизма выковал Бухарин: "недооценка крестьянства", "сверхиндустриализация" и пр. Судьба Бухарина также известна: официальный защитник чистого ленинизма был вскоре объявлен "буржуазным либералом", затем помилован, сейчас он в тюрьме дожидается суда.

Крупнейшее место в борьбе против "троцкизма" занимали исторические вопросы. Дело шло при этом как об истории развития России в целом, так и особенно об истории большевистской партии и Октябрьской Революции. Самым авторитетным советским историком надлежит, безусловно, признать покойного М.Н.Покровского³¹⁸. В течение ряда лет он со свойственной ему порывистостью вел борьбу как против моих общих взглядов на историю России, так и, в

частности, против моей концепции Октябрьской Революции. Все, что писалось другими "коммунистическими" критиками на эту тему, являлось лишь перепевом мыслей Покровского. Отдавая должное эрудиции, добросовестности и таланту покойного ученого, нельзя не сказать, что Покровский не овладел методом марксизма и вместо анализа непрерывного взаимодействия всех элементов исторического процесса давал механические конструкции ad hoc, для каждого случая, мало заботясь об их диалектической связи между собой. Несколько лет тому назад такая оценка звучала как святотатство. Покровский был высшим авторитетом советской науки. Его школа господствовала неограниченно. Его учебники или учебники его учеников расходились в миллионах экземпляров. Незадолго до смерти его чествовали как законодателя в царстве научной мысли. Но уже в 1935 г. приступлено было к внезапному, но тем более радикальному пересмотру его наследства. В течение нескольких месяцев Покровский был полностью разжалован, уничтожен, дискредитирован. От скамьи подсудимых его спасла, пожалуй, лишь своевременная кончина. Было бы, разумеется, нелепо ждать, что школа Покровского ликвидирована в интересах марксизма. Нет, Покровский обвинен в недостатке патриотизма, в неуважении к прошлому России, в недостатке национальной гордости!

В чем же выразалась теоретическая работа самого Сталина? Ни в чем. Он только эксплуатировал своих теоретических попутчиков в интересах новой правящей касты. В историю "мысли" он войдет лишь как организатор величайшей школы фальсификаций. Но именно этим Сталин вернее и полнее всего выражает идеологическую физиономию нового правящего слоя. Каждая теоретическая формула антитроцкизма (шло ли дело о Зиновьеве, о Бухарине или о Покровском) становилась уже на ближайшем этапе невыносимой обузой для новых господ положения. Официальная "теория" превращена ныне в белый лист бумаги, на котором несчастные теоретики почтительно обводят контуры сталинского сапога. Удаляясь семимильными шагами от своего большевистского прошлого, бюрократия сперва пожирала на каждом этапе своих собственных теоретиков. Сейчас ей этого уже мало: она не может помириться на меньшем, как истребление всего старого поколения большевиков. Таково завершение советского Термидора!

*

В этом томе собрано немало материалов для политической характеристики четырех человек, возглавлявших два последних московских процесса: Зиновьева-Каменева, с одной стороны, Радека-Пятакова - с другой. Предшествующие политические и теоретические блуждания обеих пар чрезвычайно облегчают понимание их поведения на суде, - как, с другой стороны, судебные процессы бросают багровый свет на предшествующие зигзаги этих несчастных жертв ГПУ.

Зиновьев и Каменев были инициаторами борьбы против меня в 1923 году. Пятаков и Радек - первый на три четверти, второй наполовину - состояли в лагере оппозиции. В 1926 году Зиновьев и Каменев примкнули к оппозиции; одновременно Радек и Пятаков укрепились в своем оппозиционном кредо. В ноябре 1927 года Зиновьев и Каменев повернули на путь капитуляции. За ними последовали сперва Пятаков, затем Радек.

Призрак троцкизма был впервые выдвинут "тройкой" (Зиновьевым, Каменевым и Сталиным) в 1924 году. В 1926 году Зиновьев рассказал на собрании оппозиционного центра, как "тройка" решила искусственно оживить старые, дореволюционные, давно забытые разногласия между Лениным и мною, чтобы, прикрывшись призраком троцкизма, повести борьбу против Троцкого. Этот рассказ Зиновьева запечатлен в письмах Радека (25 декабря 1927 г.) и Пятакова (2 января 1928 г.), которые читатель найдет в этой книге. Оба письма написаны в те дни, когда Зиновьев и Каменев для оправдания своей капитуляции снова выдвинули уже разоблаченный ими призрак троцкизма, тогда как Радек и Пятаков пытались еще удержаться на старой позиции. Но уже в течение ближайшего года Пятаков, а за ним и Радек должны были прибегнуть к официальной легенде о троцкизме, чтобы подготовить и оправдать собственную капитуляцию. В этих фактах идеологической деморализации находило свое выражение растущее социальное давление бюрократии.

Старых обвинений ("перманентная революция", "недооценка крестьянства" и пр.) было слишком недостаточно для разгрома оппозиции, а затем и ее физического искоренения. Открылась эпоха уголовных амальгам, сперва мелких и

частичных, затем все более чудовищных. Серия покаяний Зиновьева-Каменева, возрастая в геометрической прогрессии, привела их в августе 1936 года на скамью подсудимых по обвинению в убийстве Кирова, т. е. в преступлении, к которому они имели во всяком случае меньше отношения, чем Сталин. В дни суда над Зиновьевым и Каменевым Радек и Пятаков разразились необыкновенно гнусными статьями, в которых, притворяясь, будто верят обвинению, требовали для подсудимых смерти. Но уж очень скоро и тот, и другой попали сами на скамью подсудимых и оказались вынуждены сделать признания, которые в чудовищности своей неизмеримо превосходят мнимые преступления Зиновьева-Каменева. Вывод? С историей хитрить нельзя, особенно в эпохи великих потрясений.

*

Как можно, однако, поверить, - говорят наивные люди, - что Сталин оказался способен на столь страшный подлог, что он нашел для этого подлога штат исполнителей, включая сюда и самих обвиняемых, и не встретил в то же время никакого сопротивления ни со стороны ближайших сотрудников, ни в судебном аппарате? Удивляться этому могут лишь те, которые проспали всю предшествующую эволюцию СССР. Процесс отбора и воспитания аппарата в духе сталинской школы фальсификаций длится уже четырнадцатый год. Хоть и в фрагментарной форме, в этой книге собраны многочисленные и аутентичные документы, характеризующие различные этапы закабаления партии, разращения аппарата и отравления совести правящего слоя во имя насквозь фальшивой "монолитности". Те бесчисленные теоретические подделки и исторические подлоги, о которых говорится на этих страницах, представляют собою в сущности не что иное, как серию эскизов и набросков к тем адским фрескам, которыми Сталин потряс совесть всего мира. Контрольные комиссии, уже начиная с 1924 г., привыкли требовать от бывших оппозиционеров ложных признаний. По примеру Зиновьева, Каменева, Радека и Пятакова многие тысячи капитулянтов привыкли делать ложные заявления. Печать публиковала об этих заявлениях статьи, которым ни их авторы, ни посвященные читатели не верили ни на минуту. В каждом новом издании сочинений Ленина примечания подвергались радикальной переработке: минусы заменялись плюсами, плюсы - минусами. В энциклопедических словарях и других справочниках каждые год-два заново переделывались биографии и перестраивались на новый лад недавние события - с целью возвеличения одних и уничтожения других. Тысячи писателей, историков, экономистов пишут в СССР по команде не то, что думают. Профессора университетов и школьные учителя вынуждены менять наспех написанные учебники, чтобы приспособиться к очередному этапу официальной лжи. Дух инквизиции, насквозь пронизывающий атмосферу страны, питается, как уже сказано, глубокими социальными источниками. Для обоснования своих привилегий правящая каста приспособливает теорию, которая имеет своей целью устранение всяких привилегий. Ложь является поэтому основным идеологическим цементом бюрократии. Чем непримиримее становится противоречие между ней и народом, тем грубее становится ложь, тем более нагло она превращается в уголовную фальсификацию и судебный подлог. Кто не понял этой внутренней диалектики сталинского режима, тот не поймет и московских процессов.

*

Агония сталинизма означает агонию Коминтерна. Эта международная организация является сейчас главным внутренним препятствием на пути освобождения рабочего класса. Отбор людей без чести и совести принял в Коминтерне столь же ужасающие размеры, как и в государственном аппарате СССР. "Вожди" по назначению сменяют "убеждения" по телеграфному приказу. Они организуют кампании клеветы против Зиновьева, который был их непререкаемым авторитетом, против Бухарина, которого они объявляли своим вождем, против Радека, которого они вчера еще почтительно цитировали в борьбе против троцкизма. Чиновники Коминтерна представляют во всех отношениях - теоретическом, политическом и моральном - тип, прямо противоположный типу революционера. Они держатся за Сталина, который в свою очередь нуждается в них для поддержания своей тирании в СССР. Московские процессы до конца раскрывают внутреннюю гниль Коминтерна. После периода смущения и колебаний

неизбежен его быстрый распад, который может наступить значительно скорее, чем крушение сталинской системы в Советском Союзе. Второй Интернационал успел в ряде стран тесно связаться с Коминтерном в период его полного загнивания. Крушение Коминтерна нанесет неизбежно жестокий удар социал-демократии. Но это не значит, что мировой пролетариат останется без руководства. Ценою страшных поражений и жертв, главная ответственность за которые ложится на советскую бюрократию, пролетарский авангард найдет свой исторический путь. Все более уверенно он будет смыкать свои ряды под знаменем Четвертого Интернационала, который уже сегодня поднимается на плечах своих предшественников.

Л.Троцкий.

3 марта 1937 г.

Ответы на вопросы O'Brian (Chicago Daily News) 319

Вопрос: Коротко, что по Вашему мнению нужно было бы знать американцам о нынешней ситуации в России и о Вашем к этому отношении?

Ответ: Прежде всего, было бы величайшей ошибкой с экономической, дипломатической и военной стороны отождествлять Советский Союз с ныне правящей группой. Клика Сталина, как показывают московские процессы, вступила в стадию агонии. Советский Союз будет жить и развиваться. На новых социальных основах, заложенных Октябрьской революцией, он создаст режим подлинной демократии и станет величайшим фактором мира в социальном освобождении человечества.

Вопрос: В какой степени заслуживает доверия Уолтер Дюранти?

Ответ: Корреспонденции г. Дюранти, как и его книга об СССР³²⁰, не заслуживают никакого доверия. Дюранти прибыл в Москву, когда началась ликвидация революции. В противовес таким американским журналистам, как Джон Рид³²¹ и другие, которые проявили великую преданность революции и народам Советского Союза, Дюранти и ему подобные связаны только с бюрократией, вернее с правящей кликой, рупором которой они являются. Защищая Сталина, эти господа защищают себя.

Вопрос: Поворачивает ли нынешний режим в России от марксового социализма к государственному капитализму?

Ответ: Ответ на третий вопрос дан в моей книге "Преданная революция". Проблема так сложна, что я затрудняюсь резюмировать ее в нескольких строках.

Вопрос: Каково отношение мексиканского правительства к Вашему пребыванию здесь?

Ответ: Со стороны мексиканского правительства я не встречал ничего, кроме благожелательности и гостеприимства. Я горжусь тем, что нахожусь под покровительством страны, которая с наибольшим мужеством и решительностью выступила на защиту испанской революции.

Вопрос: Считаете ли Вы, что Вы лично находитесь в опасности, и если да, то с чьей стороны исходит эта опасность?

Ответ: Что советская бюрократия сперва лишила меня гражданства, а затем объявила вне закона, известно всем. Какие дальнейшие практические меры она предпримет, покажет будущее.

Вопрос: Кому вы обязаны Вашим переездом и нахождением здесь?

Ответ: Инициатива моего переселения в Мексику принадлежит моему великому другу Диего Ривера³²². Его инициатива с первых слов встретила чрезвычайно благожелательное отношение со стороны господина президента Карденаса и членов его правительства. Заявления, которые пускались из Европы, будто я предпочитал оставаться интернированным в Норвегии, представляют собой грубый вымысел. Я с величайшей благодарностью принял предложенную мне визу в надежде целиком отдаться литературной работе под благословенным небом этой страны. Последний московский процесс нарушил мои намерения, вынудив меня выступить с разоблачениями перед лицом мирового общественного мнения. Но я надеюсь, что серия кровавых подлогов скоро кончится и что я смогу целиком обратиться к систематической научной литературной работе.

Вопрос: Считаете ли Вы, что Мексика коммунистическая в том же смысле, что и Советский Союз?

Ответ: Я считаю грубейшим извращением отождествлять режим Мексики с режимом СССР. Мексика имеет свою историю, свою особую национальную и социальную структуру и свою особую программу. Нет большего преступления, как шаблонизирование в области политики!

[Л.Д.Троцкий]
3 марта 1937 г.

Феннер Броквей как Притт No 2

Секретарь британской Независимой рабочей партии Феннер Броквей спешит на помощь Притту, королевскому советнику, со своим планом спасения московских фальсификаторов. Притт No 1 попытался разрешить задачу юридически. Притт No 2 ставит задачу политически. Международное расследование по поводу московских процессов, по мнению Феннера Броквея, недопустимо, ибо оно может причинить "ущерб России и коммунистическим кругам". Феннер Броквей признает, таким образом, заранее, что беспристрастная проверка не сможет подтвердить московские обвинения и оправдать расстрелы. Наоборот, Броквей уверен, что из честного и открытого расследования может вытечь только "ущерб" для клики Сталина и для "коммунистических кругов". Именно поэтому Притт No 2 предлагает организовать "расследование отношения (!!) Троцкого к рабочему движению". Другими словами: вместо установления объективной истины относительно чудовищных уголовных обвинений Броквей предлагает тенденциозный политический процесс против своего идейного противника. При этом Броквей считает себя - а кому же знать Броквея лучше, чем ему самому? - заранее отмеченным перстом судьбы, чтобы взять на себя подобного рода инициативу. Он великодушно намечает и будущее жюри из "четырех или пяти людей", которые обладают "объективными аналитическими умами". В качестве кандидатов Броквей называет: австрийского социал-демократа Отто Бауэра, датского (шведского?) адвоката Брантинга³²³, вождя социалистической партии Соединенных Штатов Нормана Томаса³²⁴ и... "хорошего француза". Эта выбранная Броквеем комиссия, которую он надеется, по собственным словам, обеспечить необходимыми финансами, должна вынести суждение о "роли троцкизма в рабочем движении". Трудно представить себе затею, более смехотворную и в то же время более... интриганскую!

Мое "отношение к рабочему движению", если оставить в стороне сорок лет моей революционной работы, выражается ныне в следующей формуле: Руководящие аппараты 2-го и 3-го Интернационалов стали прямым препятствием на пути эмансипации пролетариата. Если новая война надвигается на человечество с неутомимой силой, то ответственность за это ложится полностью на руководство 2-го и 3-го Интернационалов. Я считаю неизбежным и необходимым создание нового Интернационала на основах программы, которая изложена и обоснована в моих книгах и статьях, как и в работах моих единомышленников. В то же время так называемые троцкисты всегда и везде готовы поддержать любой практический шаг Второго или Третьего Интернационалов против фашизма и реакции вообще, поскольку дело идет о действительных актах борьбы, а не о дешевых парадах, мишурных спектаклях всеобщего единения и всяком вообще пускании пыли в глаза. С бюрократическим шарлатанством и с "демократическим" пустословием мы не имеем ничего общего!

За эти идеи я борюсь совершенно открыто. Мои противники имеют полное право и полную возможность подвергать меня самой суровой критике. Из этого права они делали до сих пор широкое употребление. Я никогда на это не жаловался. Борьба ведется из-за высших целей человечества. Разрешить непримиримые разногласия может только дальнейший ход исторического процесса. Я спокойно жду его вердикта. Если, однако, Броквей вместе с Отто Бауэром и с анонимным "хорошим французом" хотят предвосхитить приговор истории, я могу лишь пожелать им полного успеха. Такие попытки делаются не в первый раз.

Гг. Феннеры Броквей и Отто Бауэры не раз судили Ленина, особенно с 1914 по 1917 г., и позже, чтобы совместно с русскими меньшевиками признать его сектантом, раскольником, дезорганизатором рабочего класса и помощником контрреволюции. Подобные же господа в союзе с "хорошими французами" и столь же "хорошими" немцами середины 19-го столетия десятки раз осуждали и уничтожали Маркса и Энгельса. Я готов претерпеть ту же участь, которой

многократно подвергались мои великие учителя.

План Броквея принимает, однако, заведомо бесчестный характер с того момента, где он юридическое расследование об уголовных обвинениях и о судебных процессах, вернее, о величайших в мире подлогах, пытается подменить политической фракционной интригой, чтобы предотвратить таким образом "ущерб" для Сталина и его агентов. Здесь передовые рабочие скажут: стоп! Страхи Броквея, из какого бы источника они ни питались, не помешают правде восторжествовать над ложью!

Относительно кандидатов, намечаемых Броквеем для его политической интриги, я могу сказать следующее. За последние годы я написал с десятков статей, в которых в дружественной форме пытался разъяснить самому Феннеру Броквею и его друзьям, что их беспринципная политика, извивающаяся вправо и влево под кнутом Сталинтерна, неизбежно погубит Независимую рабочую партию. Сейчас этот прогноз, увы, получил полное подтверждение. Отто Бауэра я знаю в течение 30 лет как бесхребетного политика, который всегда приспосабливается к классовому врагу: к покойной Габсбургской монархии³²⁵, к австрийской буржуазии, к Вильсону, к Антанте и который именно поэтому стал главным виновником за разгром австрийского пролетариата. Еще в 1922 году Бауэр считал, что советская диктатура задерживает "прогресс", который, по его тогдашнему мнению, требовал возвращения России на путь капитализма. Сейчас Бауэр склонился перед советской бюрократией, которая задерживает прогресс на путях социализма. Анализ гнилой политики Отто Бауэра изложен в десятке моих работ. Бауэр даже не пытался никогда отвечать на них. Я ничего не могу сказать о Брантинге, который рекомендуется в качестве "адвоката", хотя дело идет не об юридических, а о теоретических и политических проблемах. Что касается Нормана Томаса, то он никогда не скрывал своих разногласий со мною, как и у меня нет основания преуменьшать их глубинную [...] ³²⁶. Однако Норман Томас считает, что, как бы глубоки ни были разногласия и какую бы политическую остроту ни принимала борьба тенденций и фракций, существуют недопустимые, преступные, отравленные методы, которые одинаково угрожают всем фракциям пролетариата. Без очищения рабочих рядов от террора, саботажа, шпионажа и пр., - если они есть! - или от подлогов, фальсификаций, подлых судебных убийств, - а они есть несомненно! - рабочее движение в целом обречено гангрене. Здесь у меня есть общая почва с Норманом Томасом и со всеми теми, которые серьезно относятся ко внутренней морали рабочего движения. С Броквеем такой общей почвы нет и быть не может. В качестве политика Феннер Броквей может как угодно судить о троцкизме: это его право. Но в качестве Притта No 2 он должен встретить беспощадный отпор!

Л.Троцкий.

Койоакан,

6 марта 1937 г.

[Заявление об интервью А.Мальро]

Интервью Андре Мальро в "Националь" по поводу Испании, Франции, московских процессов и Андре Жида имеют глубоко официальный характер, как, надо думать, и сама поездка Мальро в Соединенные Штаты.

Когда Мальро отдает дань признания мужественной и дальновзоркой политике президента Карденаса в отношении испанской революции, не я, конечно, буду против этого возражать. Я могу только выразить сожаление по поводу того, что инициатива Мексики не нашла поддержки. Гораздо более двусмысленный характер имеют резкие слова Мальро по адресу Леона Блюма. Не мне его защищать. Но во всех основных вопросах, касающихся Испании, Сталин вел и ведет ту же политику, что и Блюм. Похоже на то, что ответственность за последствия этой политики в Москве собираются взвалить на одного только Блюма. Однако не в освещении этих вопросов состоит миссия Мальро: подобно многим другим дипломатам, особенно неофициальным, Мальро меньше всего говорит о том, что его больше всего занимает. Нью-Йорк сейчас - центр движения за пересмотр московских процессов, что является, к слову сказать, единственным средством предупредить новые судебные убийства. Незачем пояснять, в какой мере это движение тревожит организаторов московских амальгам. Они готовы на все и всякие меры, чтобы приостановить движение. Поездка Мальро входит в число

этих мер.

В 1927 году Мальро состоял в Китае на службе Коминтерна, и является одним из тех, на кого ложится ответственность за удушение китайской революции. В своих двух романах Мальро, не желая того, дал убийственную картину политики Коминтерна в Китае. Но он не сумел из собственного опыта сделать необходимых выводов.

Мальро, как и Андре Жид, принадлежит к друзьям СССР. Но между ними огромная разница, притом не только в размерах таланта. Андре Жид – совершенно независимый характер, наделенный огромной пронизательностью и тем интеллектуальным героизмом, который позволяет каждую вещь называть по имени. Без этой способности можно болтать о революции, но служить ей нельзя. Мальро, в отличие от Жида, органически неспособен к нравственной независимости. Его романы сплошь посвящены героизму, но сам он не обладает этим качеством и в минимальной мере. Он рожден быть официозом. В Нью-Йорке он призывает забыть обо всем, кроме испанской революции. Забота об испанской революции не помешала, однако, Сталину истребить десятки старых революционеров. Сам Мальро покинул Испанию для того, чтобы в Соединенных Штатах вести кампанию в защиту судебной работы Сталина-Вышинского. К этому надо прибавить, что политика Коминтерна в Испании полностью повторяет его гибельную политику в Китае. Такова неприукрашенная правда!

Л.Троцкий

8 марта 1937 г.

Несколько конкретных вопросов к господину Мальро³²⁷

Грубость выражений – общая черта сталинского лагеря – не меняет существа дела. Я совсем не говорил, что Мексика была единственной страной, оказавшей помощь Испании. Я сказал, что Мексика сделала максимум того, что могла, и что это поняли все народы. Каковы бы ни были ближайшие судьбы испанской революции, в сердцах испанского народа навсегда останется благодарность народу Мексики. Великодушная и пронизательная политика всегда в конце концов приносит плоды.

В противовес Мексике советская бюрократия сделала минимум того, что могла сделать: именно, ровно столько, чтобы не скомпрометировать себя безнадежно в глазах пролетариата. К этому надо прибавить, что политика, которую сталинская бюрократия навязывает испанской революции, является в полном смысле слова гибельной. Она привела уже к страшным поражениям в ряде стран. Однако спорить по поводу проблем революции с г. Мальро нет основания: еще в 1931 г. я писал в "Nouvelle Revue Francaise"³²⁸, что Мальро ничего не вынес из опыта китайской революции и не усвоил азбуки марксизма. С тех пор он не сделал ни шагу вперед.

Гораздо актуальнее та специальная миссия, которую г. Мальро выполняет ныне в Соединенных Штатах. Он прибыл, чтобы заявить: московские процессы – это "личный" вопрос Троцкого; не стоит заниматься "личной" судьбой старой большевистской гвардии, когда в порядке дня стоят столь важные "политические" проблемы, как испанская революция. Здесь г. Мальро выдает себя целиком. Защитники московских судебных подлогов делятся на три группы. Первая повторяет, как попугай, формулы обвинительного акта, прибавляя к ним ругательства; таковы "журналисты" Коминтерна, выполняющие прямые поручения ГПУ. Этих людей никто не берет всерьез и никто не питает к ним уважения. Вторая группа, притворяясь беспристрастной, пытается оправдать московские процессы при помощи абстрактных доводов и софизмов. Другими словами: под видом "чисто юридического анализа" эти люди перекрашивают то, что происходило на судебной сцене, решительно отказываясь заглянуть за кулисы. Между тем, весь подлог подготовлен в течение ряда лет за кулисами, и на сцене разыграна лишь та часть трагического спектакля, которая специально предназначена для обмана общественного мнения. Эта "чисто юридическая" защита может быть с полным правом названа приттизмом по имени британского адвоката Притта. Однако и эта система успела себя скомпрометировать. Остается третий путь, именно: отвлечь общественное мнение от подлогов и массовых убийств при помощи патетических ссылок на другие задачи. Такова миссия г. Мальро и ему подобных.

Разве не чудовищно, в самом деле, его утверждение, будто московские процессы являются моим "личным" делом? Одно из двух: либо обвинения верны, и все старое поколение большевистской партии, кроме небольшой клики Сталина, действительно повернуло на путь фашизма, - тогда этот симптом свидетельствует о невероятно глубоком кризисе всей советской системы. Либо же обвинение ложно, и тогда факт небывалых в истории судебных подлогов говорит о том, что бюрократический аппарат прогнил насквозь. В обоих случаях советское государство представляется, таким образом, тяжело больным. Его надо лечить. Его надо спасать. Какими средствами? Прежде чем определить терапию, надо установить диагноз. Надо сказать то, что есть. Надо выяснить правду. Я могу лишь с соболезнованием относиться к тем людям, которые видят в этом "личный вопрос". Нельзя в связи с этим не отметить следующее маленькое противоречие: когда я высказываюсь по политическим вопросам, друзья Сталина во всех странах поднимают крик: "Его надо выслать за вмешательство в политику!" Когда же я защищаюсь против подлогов, те же друзья кричат: "Смотрите, его интересуют не политические, а личные вопросы!" На этих господ трудно угодить.

Чтобы еще ярче обнаружить действительную функцию г. Мальро, я задам ему перед лицом мирового общественного мнения несколько вполне конкретных вопросов. Куда девались старые большевики Куклин и Гертик³²⁹, обвинявшиеся вместе с Зиновьевым, но не появившиеся на скамье подсудимых? Верно ли, что они, вместе с десятками других, были расстреляны в процессе судебного следствия за нежелание петь по нотам прокурора? Куда девался Сосновский, старый большевик, друг Ленина и замечательный писатель? Верно ли, что он задушен за сопротивление подлогам? Список этот я продолжу, когда получу первый ответ.

Г[осподин] Мальро хвалится тем, что всегда "защищал" антифашистов. Нет, не всегда, а лишь в тех случаях, когда это совпадало с интересами советской бюрократии. Г[осподин] Мальро никогда не защищал тех антифашистов (итальянцев, болгар, югославов, немцев), которые доверились гостеприимству советской бюрократии, но за критику деспотизма и привилегий попали затем в руки ГПУ. Где находятся три югославских революционера (Дедич, Dragitsch, Haerberling)? Где находится Ценци Мюзам, подруга известного анархистского поэта и борца Эриха Мюзам³³⁰, замученного наци? Где находятся итальянские и испанские революционеры (Gezzi, Gaggi, Merino, Caligaris), освобождения которых не раз уже требовали те самые испанские милиционеры, о которых так печется г. Мальро? Может быть, заодно г. Мальро сообщит нам полный список всех тех антифашистов, в частности, болгар, которые были убиты без следствия и суда в числе первых 104 человек, расстрелянных "по поводу" убийства Кирова, но вне всякой связи с этим убийством?

Есть ли связь между этими преступлениями советской бюрократии и ее политикой на Пиренейском полуострове и во всем мире? Я утверждаю, что такой связи не может не быть. Одна и та же бонапартистская политика приводит в разных областях к одинаково губительным последствиям. Но если г. Мальро отказывается понимать эту связь, он все же не может не ответить на поставленные мною конкретные вопросы. Или, может быть, его друзья в Москве откажут ему в информации? Такой отказ будет подтверждением худших обвинений против советской бюрократии.

Л.Троцкий
Мексика, 1
3 марта 1937 г.

[Письмо американским издателм Ферреру и Райнгарту]

Ferrer & Rinehart
New York
Ферер и Райнгарт. Издатели.
Милостивые государи!

Я с большим удовольствием и пользой читаю сейчас изданную Вами книгу "Американский город" Чарльза Ромпеффа Уокера³³¹. Книга оригинальна по замыслу и прекрасна по исполнению. Трудно, мне кажется, с бльшим искусством и с большей простотой (искусство и простота здесь совпадают) ввести читателя

в круг самых глубоких и самых интимных социальных проблем Северной Америки. Книга незаменима, в частности, для иностранца, который хочет изучить и понять Соединенные Штаты. Горячо желаю книге Уокера широкого распространения и, в частности, перевода на иностранные языки.

Л.Троцкий
13 марта 1937 г.

[Письмо Ф.Айслеру]

Дорогой товарищ Френсис Айслер!

Я с благодарностью получил Вашу книгу "Два первых московских процесса". Не написал Вам сразу, так как раньше хотел прочитать Вашу книгу. Сердечно поздравляю Вас с этой работой. Тщательностью и добросовестностью анализа, в котором юриспруденция счастливо сочетается с политикой, книга должна произвести большое впечатление на каждого серьезного и мыслящего читателя, в частности и в особенности – на Христа. От всей души желаю Вашей книге самого широкого распространения. Я хотел бы еще пожелать Вам серьезного разбора со стороны противников. Но такое пожелание, к несчастью, утопично. На доводы мысли сталинцы способны отвечать только ругательствами. Это не мешает, однако, правде проложить себе дорогу.

С горячим товарищеским приветом
Л.Троцкий
13 марта 1937 г.

Ответы на вопросы м[истера] С.Волоса, корреспондента еврейской ежедневной газеты "Форвард" 332 в Нью-Йорке

1. Конституции вообще не могут изменить режим. Они лишь записывают на бумаге действительное соотношение сил. В СССР соотношение сил за последние десять лет окончательно изменилось в пользу привилегированной бюрократии и в ущерб трудящимся классам. Новая Конституция освящает это новое соотношение сил. Она официально закрепляет власть в руках бюрократии, которая выступает в тексте Конституции под псевдонимом "Коммунистической партии". При новой Конституции еще более, чем при старой, всякий, кто покушается на права и привилегии бюрократии, будет объявляться троцкистом и ставиться вне закона.

2. Сталин – только инструмент в руках новой правящей касты. Его личная мстительность, разумеется, играет известную роль. Но истребление старого поколения большевиков диктуется интересами привилегированных верхов бюрократии.

3. В своей книге "Преданная революция" я старался показать, что называть советский режим "государственным капитализмом" ненаучно и неправильно. Формы собственности, созданные Октябрьской революцией, еще сохранились. На этой основе – при благоприятных международных и внутренних условиях – возможно развитие социализма. Однако рост бюрократии расшатывает и ослабляет новые формы собственности, поскольку бюрократия все более самоуправно распоряжается производительными силами страны и поглощает все большую часть национального дохода. Экономический режим СССР имеет переходный характер, т. е. представляет собою известный этап между капитализмом и социализмом, ближе к капитализму, чем к социализму. Этот переходный режим, однако, все более извращается паразитизмом бюрократии. В политическом смысле режим представляет собою историческую разновидность бонапартизма. Дальнейшее развитие бюрократического самодержавия грозит подорвать формы собственности, созданные Октябрьской революцией, и отбросить страну далеко назад. Низвержение бонапартистской бюрократии является поэтому важнейшим условием дальнейшего движения СССР к социализму.

4. Страшные поражения мирового пролетариата, вызванные ложной политикой II и III Интернационалов, являются причиной силы советской бюрократии. Русские рабочие видят сейчас выбор только между Гитлером и Сталиным. Скрепя сердце, они мирятся со Сталиным. Бонапартизм Сталина питается ростом реакции в Европе.

5. Сдельная работа улучшила положение верхов рабочего класса, создав новую рабочую аристократию. Что касается положения основной массы рабочих,

то сделанная плата ухудшила его, по крайней мере относительно, а во многих случаях и абсолютно³³³.

6. Обе тенденции играли роль при создании Биробиджана. При режиме советской демократии Биробиджан мог бы, несомненно, сыграть серьезную национально-культурную роль в жизни советского еврейства. При бонапартистском режиме, питающем антисемитские традиции, Биробиджан грозит выродиться в своего рода советское гетто.

7. Революция против советской бюрократии станет мыслима лишь после того, как европейскому пролетариату удастся нанести первые серьезные удары фашизму и капиталистической реакции вообще. Возможно, что режим Сталина, несмотря на свое явное ослабление, будет держаться до тех пор, пока будут держаться режимы Муссолини и Гитлера. Я думаю, что все три недолговечны.

8. Какие бы то ни было планы на этот счет являются сейчас преждевременными.

9. Я во всех отношениях удовлетворен своим пребыванием в Мексике. Как со стороны народа, так и со стороны властей я не встречал ничего, кроме великодушного гостеприимства. К сожалению, последний московский процесс мешал мне до сих пор ближе познакомиться со страной и изучить испанский язык. Я надеюсь наверстать упущенное в ближайшем будущем.

10. Мои друзья в Нью-Йорке систематически извещали меня о позиции "Форварда" в отношении московских судебных подлогов. Я очень ценю ту объективную информацию, которую давал и дает "Форвард" в этом вопросе своим читателям. Мне незачем здесь напоминать о глубоком различии наших принципиальных позиций. Однако все части рабочего класса и трудящихся масс вообще заинтересованы в том, чтобы идейная борьба не отравлялась отвратительной клеветой, фальсификациями, подлогами и судебными убийствами. Именно поэтому я надеюсь, что "Форвард" и в дальнейшем уделит свои страницы работам следственной комиссии³³⁴, возглавляемой профессором Дьюи³³⁵.

11. Я в высшей степени удовлетворен первым этапом работ ньюйоркской комиссии. Отчет о проведенном ею расследовании появится в ближайшее время в печати. Всякий мыслящий человек сможет сравнить стенографический отчет московского суда со стенографическим отчетом следствия в Койоакане. Я ни на минуту не сомневаюсь, что истина проложит себе дорогу через все препятствия.

Л.Троцкий

27 апреля 1937 г.

[Письмо А. Голдману]³³⁶

Мексика, 28 апреля 1937 г.

Адвокату А.Голдману. Чикаго.

Копия: Г.Новаку³³⁷, секретарю Комитета.

Дорогой друг!

К вопросу о саботаже мы должны внести в Комиссию исключительно ценные материалы, полученные из Копенгагена. Главную часть этих материалов представляют показания и документы инженера Виндфельда Гансена³³⁸. Дело идет не о воспоминаниях и объяснениях задним числом, а об аутентичных документах, характеризующих различные этапы развития советской химической промышленности. Я лично г. В.Гансена никогда не встречал и не находился с ним ни в какой связи. Представленные им документы (его письма и меморандумы) рисуют его самого, как в высшей степени лояльного, вдумчивого и проницательного человека. Лучшего свидетеля-эксперта по вопросу о саботаже Комиссия не могла бы себе и пожелать.

В.Гансен неспровергает версию о саботаже просто тем, что излагает по документам ход развития одной из важнейших отраслей химической промышленности (удобрения). Изложение В.Гансена вполне совпадает с теми объяснениями, которые мы с вами представили субкомиссии в Койоакане. Но документы В.Гансена имеют то преимущество, что они на одном частном примере вскрывают ложную конструкцию обвинения с полной конкретностью и убедительностью.

Крайне желательно, чтобы Комиссия поручила обследование этого вопроса компетентным экспертам-химикам. Те же эксперты могли бы дать свое заключение также и по вопросу о взрыве в шахте "Центральная"³³⁹ (чрезвычайно важное

заявление, сделанное по этому поводу представителями французской федерации углекопов, мы уже предъявили Комиссии). Всестороннее освещение вопроса о саботаже имеет огромное значение, т. к. под прикрытием этого фальшивого обвинения бюрократия расстреливает тысячи неугодных ей лиц в разных частях страны. В Соединенных Штатах можно найти многих рабочих и инженеров, которые годами работали в Советском Союзе и могут дать чрезвычайно важные показания по пункту о саботаже.

Возвращаясь к В.Гансену, хочу еще отметить следующее: при изучении так называемого "стеннографического" отчета³⁴⁰ я несколько раз спрашивал себя: почему ГПУ заставило Граше³⁴¹ обвинить в саботаже и шпионаже В.Гансена и двух других датчан, не играющих в процессе никакой роли и упоминаемых мимоходом только в показаниях одного Граше? После ознакомления с документами В.Гансена загадка разъяснилась сама собою: ГПУ боялось возможных показаний и разоблачений этого компетентного свидетеля и потому попыталось скомпрометировать его заранее. Не сомневаюсь, однако, что и в этом пункте результаты получатся прямо противоположные тем, к которым стремилось ГПУ.

С искренним приветом
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Китаину]

Мексика, 28 апреля 1937 г.
Дорогой тов. Китаин!

Простите, что не ответил Вам сразу: в связи с Комиссией мы все это время были здесь очень заняты. Я вполне понимаю важность тех сообщений, которые Вы могли бы сделать как человек, проработавший шесть лет в СССР, притом как раз в те годы, к которым относятся обвинения в саботаже и пр. Вы жалуется на то, что Вам трудно излагать огромный запас Ваших наблюдений и впечатлений. В этом и состоит беда, что рабочие, имеющие неоценимый жизненный опыт, не владеют пером. Выход, думается мне, из этого затруднительного положения может быть такой: кто-либо из товарищей, владеющих пером, может и должен помочь Вам сформулировать наиболее важные из Ваших наблюдений и впечатлений. Прежде всего Вы могли бы написать Ваши показания для следственной комиссии - об условиях существования рабочих вообще, о режиме на заводах и в особенности о так называемом "саботаже". Я пишу по этому поводу тов. Ванслеру³⁴² который, я надеюсь, найдет способ помочь Вам выработать необходимый документ для Комиссии, а может быть, и для нашей печати.

С крепким товарищеским приветом
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо участникам III съезда Революционной социалистической молодежи Франции]³⁴³

Дорогие товарищи!

Ваш съезд, несмотря на скромные размеры вашей организации, имеет крупнейшее политическое значение, недоступное пониманию напыщенных парламентариев, бюрократических карьеристов, филистеров и евнухов, ибо вы и только вы олицетворяете революционное будущее французского рабочего движения.

Политическая организация, которая находится в постоянных неладах со своей молодежью, обречена на гибель. Такова судьба французской социалистической партии. Она вся насквозь проникнута фальшью. Марсо Пивер отличается от Жиромского и от Леона Блюма только рецептом фальши. В 1934 году эти господа вырабатывали программу, в которой провозглашали своей задачей "разбить аппарат буржуазного господства". На самом деле они стремятся разбить позвоночник пролетариату в целях упрочения буржуазного господства. Немудрено при этих условиях, если социалистическая партия, хвастающая внутренним режимом демократии, вынуждена на деле систематически отсекавать от себя революционные элементы молодежи, отражающей надежды, требования и нетерпение нового поколения рабочего класса.

Нисколько не лучше обстоит в этом отношении дело и у так называемой

"коммунистической" партии. Трудно в истории рабочего движения найти другой пример столь быстрого и столь ужасающего вырождения! "Наша партия достигла ныне зрелости", - заявил не так давно г. Торез, достойный представитель той политической зрелости, которая как две капли воды похожа на гниение. "Коммунистическая" партия представляет здание в несколько этажей. Сверху - "зрелая", т. е. насквозь прогнившая бюрократия без принципов, без чести и без совести. Под нею - слой интеллигенции, мелкой буржуазии, чиновников, полуйдеалистов, полукарьеристов, всех этих Ромэн Ролланов, Мальро344 и прочей братии. Эти господа хотят иметь звание революционеров, не порывая со своей буржуазией; числиться интернационалистами, сохраняя верность национальному империализму. Все это обеспечивает им Коминтерн, нередко - с приплатой. Дальше идут рабочие массы, которые продолжают группироваться вокруг коммунистической партии в силу исторической инерции. В их среде есть, конечно, много искренних и мужественных борцов, особенно среди молодежи. В эту сторону вам необходимо обратить главное внимание!

"Коммунистическая" партия располагает чрезвычайно могущественными ресурсами для убаюкивания, обмана и держания в узде своих членов. Однако этих ресурсов при нынешних условиях хватит ненадолго. Противоречие между программой и практической деятельностью, противоречие между командой советской бюрократии и интересами французского пролетариата имеют слишком глубокий и жгучий характер, чтобы господам Торезам, Вайанам-Кутюрье, Дюкло345 и пр[очим] фокусникам удалось долго удерживать в равновесии трехэтажное здание своей партии. Можно заранее предсказать, что ее распад начнется с молодежи. Здесь вас ожидает большая жатва!

Идея, если она отвечает потребностям исторического развития, сильнее самой могущественной организации. У этих господ, у лжекоммунистов, как и у лжекоммунистов, есть большие организации, унаследованные от прошлого, но у них нет идеи. Их программы - фикция. Они живут дипломатией и двусмысленностью, сеют ложь и фальшь.

Ваша организация слаба. Но у вас есть идея. Ваша программа отвечает характеру нынешней эпохи. Она правильно выражает основные исторические интересы пролетариата. Все великие события будут подтверждать вашу программу. При помощи беспощадной критики, настойчивой пропаганды, смелой агитации вы разрушите старые, внутренне прогнившие организации, которые стали главными препятствиями на пути революционного движения. Вот почему, дорогие товарищи, ваш маленький съезд имеет большое значение. Вы должны проникнуться насквозь сознанием той великой миссии, которую история возлагает на ваши молодые плечи.

Лжекоммунисты вас исключают, лжекоммунисты подвергают вас бесчестной травле, бонапартистская клика в Москве организует против ваших единомышленников небывалые в истории преследования, прикрывая их чудовищными судебными подлогами. На первый взгляд есть явная диспропорция между скромными размерами вашей организации, как и всех вообще секций IV Интернационала, и между гигантским размахом преследований, травли и клеветы. Однако это противоречие только кажущееся. Паразитическая бюрократия обладает изощренным инстинктом самосохранения, и она отдает себе безошибочный отчет в той опасности, которую представляет для нее маленький авангард, объединенный научной программой, спаянный внутренней солидарностью и способный на высшее самоотвержение. Вы бросаете от себя тень вперед, в будущее, и эта тень уже сегодня в десять, в сто раз больше размеров вашей организации. Преследования и клевета врагов придают вам необходимый закал и готовят вас для великих задач и испытаний, которые предстоят вам в будущем.

Пример Испании показывает, какой неисчерпаемый резервуар героизма и самоотвержения таится в недрах пролетариата. Испанские рабочие могли бы за шесть лет революции обеспечить не одну, а десять побед. Им нехватает партии, которая стояла бы на уровне их героизма и объективных требований истории. Отсюда поражение за поражением. На уроке этих поражений нужно учиться. Мы видим в Испании, как анархистские вожди, не понявшие идеи диктатуры пролетариата, оказываются в критический момент не чем иным, как экзальтированными либералами. Мы видим, с другой стороны, в лице ПОУМ левый центризм на практике, в действии. Центризм есть промежуточное течение между реформизмом и революцией. Однако революционная обстановка не допускает ничего промежуточного. Отсюда трагическая и печальная судьба ПОУМа. Своими словами, формулами, статьями он разогревал революционные страсти масс. Своей

нерешительностью, двойственностью, колебаниями, отсутствием ясной программы он лишал себя возможности дать массам твердое революционное руководство, без которого победа невозможна.

В ваших собственных рядах нашлось некоторое число колеблющихся или сентиментальных революционеров, которые из симпатии к испанской революции готовы были закрывать глаза на трагические и преступные ошибки руководства. Запомним твердо, товарищи: это не наша политика. Мы обязаны открыто говорить то, что есть, и называть каждую вещь своим именем. Рабочему классу нужна полная правда, как бы горька она ни была.

Я твердо надеюсь на то, что ваш съезд пройдет под знаком уверенности в своем будущем и в то же время – беспощадной критики всех недостатков и слабостей настоящего. Чего часто не хватало революционным организациям во Франции, – это внимания к деталям, системы, правильной организации, начиная с правильной финансовой отчетности и тщательной корректуры изданий. Великое качество французского рабочего класса – дух инициативы и импровизации, который не раз обнаруживался в истории с таким неподражаемым блеском. Надо дать этому пролетариату научную, до конца продуманную программу и точную, безошибочно работающую организацию.

"Это трудно!" – скажут, может быть, слабые духом. Конечно, трудно! Социалистическая эмансипация пролетариата – вообще трудное дело. Но среди вас, надеюсь, слабых духом нет. Я обращаюсь с этим письмом к мужественным, сильным, смелым и готовым идти до конца.

Вне IV Интернационала нет исторического пути. Идите по этому пути без колебаний. Победа вам обеспечена!

Л.Троцкий
Койоакан,
22 мая 1937 г.

Нужен боевой, революционный, критический марксистский журнал

Общее социальное развитие все более толкает рабочие массы Соединенных Штатов на путь борьбы. Традиционная идеология американизма во всех ее разновидностях рушится вместе с перспективой вечного капиталистического преуспевания. Все классы общества испытывают потребность в новой ориентировке. Лабораторией идеологии является интеллигенция. Однако она оказывается неспособной выполнить свою историческую функцию. Правда, значительные группы американской интеллигенции отошли за последние годы от традиционных предрассудков "американизма". Но они не нашли ни правильного пути, ни надежного метода. Политическая радикализация означала для них прежде всего огульное, некритическое признание "русского опыта". Между тем изолированное рабочее государство успело увенчаться чудовищным бюрократическим аппаратом, деспотическим, жадным и невежественным. Коммунистический Интернационал стал в свою очередь бездушным орудием в руках Кремля и главным тормозом революции в Испании, как и в других странах.

Рабочее движение Соединенных Штатов, несмотря на свой широкий размах, лишено программы и научной доктрины. Американская интеллигенция не имеет по-прежнему корней в массах, которым она неспособна ничего предложить и которые поэтому не предъявляют на нее спроса. Так в поисках новой ориентировки квазиреволюционная интеллигенция без доктрины и социальной опоры не находит ничего лучшего, как становиться на колени перед советской бюрократией. Освободившись наполовину от традиционной буржуазной идеологии, она попадает в плен мертвящей духовной инквизиции.

Не только политика, но и наука, литература, искусство – все обязано служить оправданию, упрочению, возвеличиванию бонапартистской диктатуры. Всякая самостоятельная мысль преследуется, как худшая опасность. Творить разрешается только по команде. Немудрено, если вскрытые революцией источники духовного творчества быстро иссякли. Экономика, политика, социология не произвели ни одной книги, которая могла бы занять место в библиотеке человечества. Философия выродилась в постыдную схоластику. Литература, живопись, архитектура, музыка, которые могли бы достигнуть новых высот на службе социализма, поражены клеймом бесплодия. Дело не ограничивается пределами СССР. Через посредство Коминтерна все средства приводятся в

движение, чтобы унижить, оскотить, закабалить освободительное движение в любой стране. Авторитет Октябрьской революции подменяется авторитетом непогрешимого "вождя" и дополняется небывалой в истории системой подкупа. Капральство, византийство, ханжество, иезуитство, ложь и фальшь отравляют атмосферу, которую дышат радикальные элементы интеллигенции вместе с передовыми рабочими. Деморализующая работа мирового масштаба прикрывается знаменем "защиты СССР".

Журнал "Нью Массес"³⁴⁶ представляет в своем ничтожестве выражение этой системы. Менее яркой, но не менее убедительной иллюстрацией нового сервилизма радикальной интеллигенции является судьба "Нэйшон" и "Нью Рипаблик"³⁴⁷. У нас нет основания идеализировать прошлое этих журналов. Но нельзя отрицать, что в своей демократической ограниченности они выполняли все же прогрессивную роль. За последние годы они формально перешли с демократической позиции на полумарксистскую, т. е. как бы совершили шаг вперед! На деле же экс-демократические органы попали в вассальные отношения к "Нью Массес", который является ни чем иным, как официозом ГПУ.

Решающим фактором исторического будущего в Соединенных Штатах, как и в других странах, явится революционная рабочая партия. Не станем предрешать, какими путями и в каких формах она сложится. Наш журнал не берет на себя ответственной задачи строить ее. Наши цели скромнее. Прежде чем строить, надо очистить площадь от хлама и мусора. Надо вывести радикальное крыло американского общественного мнения из тупика. Надо освободить его от жандармского режима. Надо вырвать марксизм из тисков инквизиции. Надо снова отвоевать свободу критики и творчества. Надо восстановить в правах честность, искренность, правду. Надо вернуть революционной мысли ее независимость, ее достоинство, ее веру в себя.

С чего начать? Прежде всего с подлинного марксистского журнала, не связанного никакими другими обязательствами, кроме обязательств теоретической честности. Марксизм по самому существу своему есть критика, которая не останавливается ни перед какими табу. Долой идолопоклонничество! Нужно остро отточить все режущие и колющие орудия мысли. Нужно не стесняться брать в руки бич, чтобы прогонять с трибуны пророков по найму, сикофантов, клянувшихся лакеев, заgrimированных революционерами, презренных карьеристов, заменяющих убеждения и знания безнаказанной клеветой.

Потрясенные царедворцы будут вопить, что мы потрясаем основы СССР, ослабляем демократию и служим фашизму. Мы заранее отвечаем на эти вопли презрением, которое без труда найдет для себя оружие иронии и сарказма в тех случаях, когда оно не ограничится пинком ноги. Все живое изнашивается и обновляется. Больше всего нуждается в обновлении окостеневшая революция. Мы не имеем ничего общего с привилегированным концентрационным лагерем "друзей СССР". Мы стоим полностью на почве советского режима. Мы ненавидим его эксплуататоров, его паразитов, его могильщиков. В интересах СССР и мирового пролетариата мы объявляем непримиримую войну сталинскому бонапартизму и его международным лакеям. Вавилонское пленение³⁴⁸ революционной мысли не может и не будет длиться вечно. Московские судебные подлоги знаменуют начало конца. Мы хотим ускорить крушение полицейского командования над авангардом Запада и Востока. В этом главная задача проектируемого нами издания. Мы не закрываем глаза на трудности. Наша эпоха ставит грандиозные проблемы во всех областях человеческого творчества. Готовых решений нет. Марксизм означает анализ живого исторического процесса. Свободный анализ предполагает неизбежность разногласий на основах самого марксизма. Нашему журналу будет чужд дух мертвого догматизма. На его страницах столкнутся разные оттенки революционной мысли. Свободная трибуна займет в нем видное место. Редакция приложит все свои силы, чтобы своевременно подвести итог каждой дискуссии.

Мы начинаем нашу работу со скромными силами и средствами, но с несокрушимой верой в будущее. Наши задачи имеют международное значение. Мы рассчитываем поэтому на международное содействие. Через все препятствия и наперекор всем трудностям мы намерены довести нашу работу до конца!

[Л. Д. Троцкий]

29 мая 1937 г.

Господин Ломбардо Толедано³⁴⁹ в ряде публичных выступлений приписывает мне акты вмешательства во внутреннюю жизнь Мексики (в частности например, призыв... ко всеобщей стачке). В такого рода утверждениях нет ни слова правды. Г[осподин] Толедано не может этого не знать. Не из внимания к автору инсинуаций, а из уважения к общественному мнению Мексики я считаю необходимым повторить снова: добровольно данное мною обязательство о невмешательстве во внутреннюю жизнь страны, оказавшей мне гостеприимство, я выполняю с абсолютной добросовестностью. Всякое утверждение, от кого бы оно ни исходило, о прямом или косвенном участии моем в мексиканской политике (хотя бы только в виде частных бесед, советов и пр.) представляет заведомую и сознательную ложь. Незачем пояснять, где находятся источники этой лжи и кому служат ее распространители. Если я не привлекал до сих пор лжецов и клеветников к суду, то только потому, что хотел и хочу избежать сенсационных процессов: перед мексиканским общественным мнением стоят другие, неизмеримо более важные задачи.

Тот же г. Толедано заявляет, что своей критикой советского правительства я служу фашизму. Здесь дело идет уже о внутренней политике СССР, а не Мексики. Вряд ли имеет смысл вдаваться в полемику с г. Толедано по поводу вопросов, в которых он ничем решительно не доказал своей компетентности. Скажу кратко: наилучшую помощь фашизму - в Германии, Италии, Испании, как и во всем мире - оказывает сейчас правящая советская клика, как общим направлением своей политики, так и своими бесчестными методами. Худшими врагами социализма, революции и советского народа являются так называемые "друзья" правящей советской клики. К их числу я отношу г. Толедано. Учиться у этих господ, как защищать социализм и революцию, я не собираюсь, как не думаю отвечать на их дальнейшие инсинуации.

Л.Троцкий

26 июня 1937 г.

Письмо Анжелике Балабановой

Мексика, 6 июля 1937 г.

Дорогая Анжелика!

Сердечное Вам спасибо за внимание к моему здоровью. Оно не так хорошо, как было бы желательно, но и не так плохо, как могло быть. Сейчас я уезжаю на некоторое время на отдых и надеюсь поправиться.

Ваше принципиальное письмо я в свое время получил. Не ответил я на него отнюдь, разумеется, не из-за недостатка внимания. Но я убедился из письма, что теоретические и политические разногласия наши настолько велики, что полемика в виде частных писем способна только вносить огорчение, отнюдь не содействовать сближению. А так как я сохранил к Вам старые личные симпатии, то я и решил не пускаться в полемику.

То, что Вы пишете сейчас по поводу американских "троцкистов", кажется мне в высшей степени неопределенным. В Комитете, как и вокруг Комиссии, идет неизбежная борьба разных политических группировок. В такой борьбе всегда есть излишества, ошибки и прямые глупости. Поскольку мог, я старался смягчать трения, чтоб обеспечить работу расследования в наиболее благоприятных условиях. Что касается вопроса о социалистической партии, положение оказывается иным. Там дело идет не об отдельном конкретном вопросе (расследование московских процессов), а о программе и обо всей политике. Борются разные тенденции. Борются не на жизнь, а на смерть. В Испании ПОУМисты исключают троцкистов, а сталинцы и социалисты арестуют ПОУМистов. Разумеется, эта борьба не может не найти острого отражения внутри всех рабочих организаций, в том числе и Социалистической партии Америки. Вы пишете, что политические разногласия Вас не интересуют, что Вы возмущены "интригами". Такой постановки вопроса я не могу ни признать, ни понять. Для меня вопрос решается именно политическими разногласиями. Что Вы называете "интригами" и кого вы называете "лучшими людьми", мне не ясно. В письме я не нахожу ни одного конкретного факта, ни одного имени, ни одного примера, не говоря уже о политических принципах, которые Вы сознательно устраняете. Вы пишете, что политическая борьба может повлиять на работу Комиссии. Может

быть. Но неужели же я могу требовать от своих единомышленников, чтобы они отказались от своих взглядов или от борьбы за них в рабочем движении для того, чтобы "не раздражать" того или другого члена Комиссии? Этого, надеюсь, Вы от меня требовать не станете.

Прибавлю еще одно соображение: сталинские подлоги разоблачают ныне сами себя. Всякий, кто прямо или косвенно связан с ними, будет посрамлен. Наоборот, кто хоть косвенно принимал участие в разоблачении подлогов, будет гордиться этим. Участие в работе Комитета или Комиссии я не могу поэтому рассматривать как "одолжение" Троцкому или троцкистам. Я не требую, чтобы Норман Томас менял свои идеи или методы. Но и со своей стороны не собираюсь жертвовать в пользу Нормана Томаса ни крупницей своих взглядов или методов.

Вот все, что я могу Вам по этому поводу сказать.

На всякий случай прилагаю копию своих ответов на вопросы Венделина Томаса³⁵⁰, т. к. они имеют некоторое отношение к затронутым Вами вопросам.

Крепко жму руку и желаю Вам бодрости и здоровья.

Наталья Ивановна сердечно обнимает Вас.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой] 351

[7 июля 1937 г.] 352

Милая Наталочка, только что закончил свое "вооружение". Никто ни о чем не был предупрежден. Заехали в одно имение - по ошибке. По ошибке там... пообедали. Потом переехали в другое имение, где будто нас ждали. Никто не ждал. Но все-таки приняли дружелюбно и сделали... что можно. Не уверен, выйдет ли что-нибудь. Разве что хозяин приедет и наладит. Пока что на бивуаке, но духа не теряю. Будь здорова и спокойна, как я спокоен. Обнимаю крепко.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

8/VII [1937 г.]

Милая моя, пишу на другой день утром по приезде. Спал с перерывами, но не плохо, без всяких снотворных. Сейчас большая слабость, но слабость отдыха, ничего тревожного. Надеюсь, что все будет хорошо. Поправляйся, успокойся, спи хорошо, лечи глаза, думай обо мне без тревоги. Крепко обнимаю. Твой. Крепко твой.

P.S. Фрида³⁵³ прислала через Сиксто³⁵⁴ целую аптечку. Поблагодари ее при случае.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[9 июля 1937 г.] 355

Милая Наталочка, еще одну ночь проспал здесь. Посылаю открытку с оказией. Телеграммы посылавать нелегко. Отдыхаю. Желудок сразу исправился. Одиночество полное. Сажу или лежу. Будь спокойна, лечись, не тревожься обо мне совершенно. Обнимаю крепко.

Твой Л. [Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

10 июля [1937 г.]

Наталочка, милая, где ты? Надеюсь, у тебя все хорошо. Пишу тебе пятое

или шестое письмо, - пишу без всякого напряжения: гуляю очень мало (слабость и дождь); поэтому тянет немножко к перу. Надеюсь сегодня иметь от тебя весть. Хотел бы знать хоть немножко, как ты живешь, хорошо ли спишь, много ли выходишь? Некоторое рассеяние для тебя, мне кажется, сейчас необходимая форма отдыха. Вчера утро было без дождя, сегодня дождь с утра. Кожаная pokrышка годится только на соломенную шляпу соответственного размера. Но это сейчас не важно: о рыбной ловле нет и речи, как и об охоте (да и не тянет). Нервы все же отдыхают, а это главное. Долго ли выдержи здесь, видно будет.

И Сиксто и Казас³⁵⁶ очень-очень стараются. Готовит (неплохо) та полная женщина, которую мы с тобой видели здесь. Обнимаю крепко.

Твой

Л. [Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[10 июля 1937 г.]³⁵⁷

Милая моя, пишу чаще, чем думал. Тихо, дождь. Слабость такая, что ходить не хочется: слабость отдыхающего организма. Много сплю. Мысли и чувства приглушены и смутны. Так лучше. Надеюсь окрепнуть на этом пути. Беспокоит меня, как у тебя... Сегодня гулял впервые около часу. Сикст старается изо всех сил.

Сейчас пятый час вечера, после дождя, пойду посижу во дворе в обществе старого индюка и старого петуха (они меня навещают). Будь здорова, моя милая, будь спокойна, поправляйся, остальное приложится.

Обнимаю.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

11/VII [1937 г.]

Наталочка, сегодня какой-то перелом произошел. Утром, вытираясь спиртом, я засмеялся - и удивился: чему? Предшествующие дни смеха не было совсем, только приглушенная грусть. На утренней прогулке ноги не подкашивались: значит, окреп. Погода с утра стояла прекрасная. На прогулке встретил меня Gomez, племянник Landero³⁵⁸, привез удочку. Я половил немножко (поймал 2 штуки). Вернулся домой около 12 (первый раз!) и сел писать тебе. Вдруг гости: Фрида в сопровождении Марина³⁵⁹ и того же Gomez [a]. Фрида сказала, что ты "не могла" приехать. В первую минуту мне очень жалко стало, а потом понял, что ты права. Восемь-девять часов езды (во время которой ты чувствовала бы, что стесняешь спутников), пять часов пребывания здесь, на людях, ничего не оставили бы, кроме чувства усталости и неудовлетворенности...

Нет, мы увидимся иначе...

Гости (все три) обедали со мной, причем много пили и оживленно разговаривали по-испански (я участвовал, когда мог). После обеда Гомес повел нас всех показывать бывшие мины и главную усадьбу (парадные покои, цветники - роскошь), по дороге смотрели базальтовое ущелье... Никаких достойных внимания разговоров не было, кроме сообщения о тебе. После наспех выпитого кофе Фрида с Мариным уехали, чтобы доехать засветло (дорога плоха). Сейчас, после их отъезда, я засел за это письмо, при стеариновых свечах (в комнате темно, небо снова обложено). Визит (обед, поездка, осмотры, разговоры) утомил меня немножко, но, надеюсь, не нарушит начавшегося перелома к лучшему. Фрида мне "хорошо" говорила о тебе - о концерте, о синема³⁶⁰ - может быть, слишком "оптимистически", чтобы успокоить меня, но все же мне показалось, что и у тебя маленький поворот к лучшему. Или это неверно? От тебя пока не было ни одной весточки, но это меня не пугает, мы так условились (береги глаза!). Как твое обоняние? Фрида сказала, что ты получила от меня 2 письма (из пяти) - хорошо и то. Надеюсь, и остальные

дойдут. Дождь снова льет, как из ведра. Завтра утром отмечу, как спал, не выбил ли меня сегодняшней "необычный" день из колеи (надеюсь, что нет!). Письмо имеет, как видишь, чисто описательный характер. Но мне кажется, оно исчерпывает все, что тебя может интересовать. В общем, от посещения осталось такое впечатление: напрасно меня потревожили.

12-го, 7 ч[асов] утра (утро прекрасное), спал неплохо, не хуже, чем в предшествующую ночь. Прежней слабости и тяжести в теле не ощущаю. Очевидно, поворот (я все время опасался, что слабость сменится повышенной температурой). Ближайшие дни определяют положение окончательно. Обнимаю тебя крепко, милая моя.

Твой

Л. [Д.Троцкий]

Жаль, что нет щеточки для ногтей (при рыбной ловле набивается грязь).

[Письмо Н.И.Седовой]

[12 июля 1937 г.]

Отправляю письмо во вторник утром (13-го?). Прекрасный день. Я спокоен. Приеду на день в четверг или пятницу. Читай письмо спокойно, жизнь моя, как я сейчас спокоен³⁶¹.

Понедельник.

Наталочка, Ната, боюсь, ты спрашиваешь себя с тревогой: почему я тебя не вызываю сюда. Три причины, малая, средняя и большая. Здесь грязновато, постельное белье плохое, кровати узенькие, одному трудно повернуться, в дождливые и пасмурные дни трудно без электричества. Но это "малая" причина. Мне кажется, что тебе надо отдохнуть от меня, пожить "самостоятельно", заняться собою, - глаза, обоняние, туалет, - посвятить временно себя себе самой. Это средняя причина. А главная - та, что я не уверен в себе, т[о] е[сть] не уверен в том, что не помешаю твоему отдыху. Первые дни были днями протрации, но я все жил нашим вчерашним днем, т[о] е[сть] нашими муками воспоминаний, и муками моего мучительства, только в очень ослабленном, заглушенном виде. И все же, милая моя, прости, что пишу тебе об этом, - у меня непрерывно вертелись в голове всякие "незаданные" или "неответченные" вопросы...

Только что получил твое первое письмо. Спасибо, родная моя, - но боюсь, что слишком много пишешь. Вижу, что "отчет" Фриды был тенденциозный (я так и подозревал это). Не вижу ясно из письма твоего, как сама ты смотришь на свою скорую поездку сюда. Умолчание твое объясняю тем, что ты предоставляешь инициативу мне, как и было говорено при прощании. Из слов Ф[риды] выходило, что ты не могла с нею поехать. Из твоего письма вытекает скорее, что ты собиралась приехать. Возможно, что был какой-нибудь "маневр"... Ну, да дело не в этом.

Вопрос об обонянии страшно беспокоит меня. Не созвать ли консилиум? Мне кажется это необходимым. Думаешь ли ты, что могла бы поправиться здесь со мною? Если думаешь, если надеешься, то приезжай. Приезжай, Наталочка... Читая твое письмо, я заплакал. Милая, милая... Все, что ты говорила мне о нашем прошлом, правильно, я и сам сотни и сотни раз говорил это себе. Не чудовищно ли теперь мучиться над тем, что и как было свыше 20 лет тому назад³⁶²? Над деталями? И тем не менее какой-нибудь ничтожный вопрос встает передо мною с такой силой, как если бы от ответа на него зависела вся наша жизнь... И я бегу к бумаге - написать вопрос. Наталочка, я со стыдом, с ненавистью к себе пишу тебе об этом. Я несомненно окреп, но вместе с тем стал несколько хуже спать. Письмо твое принесло мне радость, нежность (как я люблю тебя, Ната, - моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь и моя жертва!..) - но вместе с тем и слезы, - слезы жалости, раскаяния и... мучительства. Я сожгу, Наталочка, свои глупые, жалкие, ростовщические "вопросы". Приезжай!..

Нет, я не пошлю тебе сейчас этого письма, я подожду второй вести от тебя. Я еще проверю себя... Сегодня с 9-11 ловил рыбу (поймал... одну штуку себе на обед). С 11 - до 1 ч[аса] сидел в chaise-longue³⁶³ во дворе, читал, отдыхал, ждал писем. В 1 ч[ас] обедал. Потом немножко читал. Пробовал заснуть (в первые дни я спал после обеда 1-2 часа). При помощи брома удалось

задремать на несколько минут. Потом (около 3-х) сел писать это письмо... В 3 1/2 получилась почта: твое письмо и газета, сейчас около 4-х, скоро дадут чай. К вечеру как будто собирается дождь. Утро было прекрасное.

Я пользуюсь удочкой Ландеро (или его племянника Gomez[a] и очень боюсь ее сломать. Удочка на форель стоит недешево (кажется, около 5 долларов), но придется, пожалуй, купить, если решить мне оставаться здесь еще недели две. Что ты сейчас делаешь, Ната, - в понедельник, 4 часа пополудни? О, если бы я мог еще внести в твою жизнь хоть немного радости... Я встаю после каждого двух-трех строк, шагаю по своей комнате и плачу - слезами укора себе, благодарности тебе, а, главное, слезами застигнувшей нас врасплох старости.

Я спрашиваю себя: смею ли я посылать тебе это письмо и подвергать новым испытаниям твои глаза... о, твои глаза, Наташа, в которых отражалась вся моя молодость, вся моя жизнь!.. "Старость, - сказала ты раз в Домже364... - это когда нет перспектив". А в то же время мы так свежи душами, мы оба, Ната, и особенно ты, нетленная моя...

Может быть, лучше было бы выдержать программу: телеграммы или коротенькие открытки вместо писем, - ничего не воротишь, дать залечиться ранам.

Визит Золингера365 меня совсем не радует. Что я с ним буду делать? Лучше пусть уж приезжает целая компания (Бахи366, Рюле367), это легче, чем один человек.

Вот я представил себе, как ты приезжаешь ко мне и как молодо прижимаются друг к другу наши губы, наши души, наши тела. Буквы кривы от слез, Наталочка, но разве есть что-нибудь выше этих слез? И все же я возьму себя в руки. Перелом (к новому размягчению) принесло твое письмо. Завтра, кажется, поеду на прогулку верхом. Буду, во всяком случае, ловить рыбу. Ты приедешь ко мне. Мы еще поживем, Наталочка...

5 ч. 40 мин. Только что совершил неожиданную прогулку в автомобиле - 3-4 километра - до соседней деревни, где есть, как оказывается, почтовое отделение, действующее 3 раза в неделю: это все же лучше, чем через посредников. Сообщу тебе немедленно адрес. В деревне меня узнали, один парень приветствовал поднятым вверх сжатым кулаком, девицы улыбались, старухи смотрели с тревогой.

У Казаса с девицами знакомство, так что приветливые улыбки, надо думать, относились больше к нему, чем ко мне.

Мы еще поживем, Наташа!..

7 ч. 30 м. вечера.

Только что ушел наш "почтовый" камион368 в Пачуку. Я сильно колебался, отправлять или не отправлять это письмо. Камион тем временем ушел. Я поступлю так: завтра (вторник) отправлю это письмо, а сам приеду на сутки в Койоакан в четверг или пятницу, сейчас после получения тобою этого письма. Так письмо меньше расстроит тебя, и мы совместно решим, что нам дальше делать: ехать ли вдвоем и пр[очее]. Да и наиболее спешные бумаги я немножко посмотрю. Это хороший план. А главное, я тебя крепко-крепко обниму. Наталочка, родная, милая... Ах, твоя t° ужасно беспокоит меня. Хочу кончить на этом, чтоб завтра утром отправить письмо. Обнимаю тебя.

Твой

Л. [Д.Троцкий]

Это письмо получилось после приезда Л. [Д.Троцкого]. Вместо 24-х часов он остался здесь три дня и три ночи. Приехал в среду-четверг утром, уехал в воскресенье утром. "Нет, мы с тобой встретимся иначе"... Встреча оказалась не такой, какой мы ее ждали. Все было испорчено посторонним обстоятельством369.

[Письмо Н.И.Седовой]

Воскресенье, 2.30 ч. дня [18/VII 1937 г.]

Наталочка, только что приехали, еще не разложил вещей, но хочется немедленно написать тебе. Телефонировал тебе из дома Д[иего]370, боюсь, то, что сказал, не отвечало твоему настроению, но мне хотелось выразить тебе, до какой степени я с тобой. Вск дорогу настроение было тихое, грустное, усталое, окрашенное нежностью по отношению к тебе. Только в один момент меня

схватил за сердце вопрос... я решил все писать тебе... "а вдруг кто-нибудь постучится (постучался) в б-скую дверь, в сумерки? Ведь там всегда можно было ждать посетителя"³⁷¹. Меня охватил страх за ту, которая сидела там... В таком состоянии прошло минут 10, потом успокоился на том, что решил написать тебе об этой своей запоздалой тревоге...

Только что мне принесли твое письмо от 12 июля. Спасибо, Ната, но не пиши пока так много...

В Пачуке закупали провизию. Был праздник, процессии, музыка, жара, пыль. Я не выходил из авто. Чувствовал себя отдельно от всего окружающего - с тобой.

Теперь о визите. Встретила меня Ф[рида], - Д[иего] был в ателье, где фотограф производил снимки с его картин.

Я первым делом попросил позволения тебе протелефонировать. - Ф[рида] тем временем послала за Д[иего].

Только я сел, раздался телеф[онный] звонок: это жена Марина справлялась у Ф[риды], когда тебя можно застать (хочет отнести цветы). Меня поразило, как недоброжелательно Ф[рида] с ней разговаривала.

Пока пришел Д[иего], Ф[рида] сказала мне, что собирается уезжать.

- Не в Нью-Йорк ли?

- Нет, для этого у меня нет денег. Куда-нибудь около Веракрус.

Пришел Д[иего] с попугаем на голове. Разговаривали стоя, так как Д[иего] спешил к фотографу, да и я спешил. Ф[рида] что-то сказала Д[иего], который с улыбкой перевел мне: "Она говорит, что если бы не было так поздно, она проводила бы Вас до Пачука, а вернулась бы на автобусе". - Ни о чем подобном она не говорила, когда мы минуты 3 дожидались Д[иего].

Почему она сказала это ему?

Он перевел мне ее слова очень дружелюбно, вообще был очень мил.

Я сказал: Что вы, что вы, возвращаться в автобусе!..

Ф[рида]: Все равно уж поздно (?) ...

Проводили меня оба до авто и дружески простились.

Прости за подробности, но может быть, они тебя заинтересуют хоть немножко...

В комнате у себя нашел выбитые стекла (окно откидное упало, очевидно). Что-нибудь предпримем для починки. Ел в пути вареную кукурузу (Пачука) и банан.

Сейчас, видимо, готовят не то обед, не то ужин. - Только что пообедал. Перед обедом съел с благодарностью приготовленный тобой бутерброд (так я ел, бывало, в поезде, в пути на рефераты, приготовленные тобой для меня продукты). Сейчас хочу попробовать отдохнуть.

Все будет хорошо. Ната, Ната, все будет хорошо, только ты поправляйся, окрепни: ты еще понесешь меня на своих плечах дальше, как несла всю жизнь.

6 ч[асов] вечера. Спал после обеда 1 1/2 часа. Сейчас все тело налито сном. Хочу сдать это письмецо. Крепко и нежно обнимаю тебя.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Только что, когда я уже заделывал письмо, ко мне нагрянули визитеры: Ландеро и с ним еще человек 15, мужчины, дамы, одна девочка, все родственники, члены семьи Ландеро. Я их занимал в течение 10-15 минут и, ей-Богу, Наталочка, провалиться мне на этом месте - "очаровал" всех, особенно же дам. Надо прибавить, что, не зная о визите, я вышел в спущенных (не застегнутых на коленях) спортивных брюках, без галстука и в теплых туфлях (ни слова преувеличения!). И несмотря на это, столь ослепительный успех!

Обнимаю крепко

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

19/VII 1937 [г.,] (утро)

Наталочка, много раз звал тебя вслух вечером и ночью. Принял два раза ериван - для верности, так как лег около 10, а встать должен был в 6, из-за

рыбной ловли. Встал вовремя, ловля была очень удачная, поймал несколько средней величины и две огромных форели, причем одна великолепно защищалась, два раза прыгала чуть не на метр над водой. Во время ловли думал о тебе. Записал свои мысли в дневник³⁷² (писал уже два раза, вчера и сегодня).

Удочку исправили плохо, а для новой купили плохую нитку: пришлось из двух делать одну (попробуем поправить дело в Пачуке). Я вспомнил, что вчера даже не поблагодарил Ф[риду] за "намерение" проводить меня и вообще держал себя невнимательно. Написал сегодня ей и Д[иего] несколько приветливых слов. На окнах моих надувается твой бывший сарафан, как твое знамя на новой территории. Милая!..

Я с удовольствием думаю о том, как будем с тобой здесь гулять и ловить рыбу. Может быть, поедем верхом кататься. Но тебе нужно иметь для этого брюки? Или нет?

Хочу сегодня начать заниматься. Физически чувствую себя несравненно лучше, чем в первый приезд. Лампа хороша: вчера вечером я писал при ее свете дневник. Сейчас мне надо еще умыться и натереться. Наталочка, поправляйся и приезжай сюда. Но приезжай не раньше, как сделаешь все необходимое по линии медицины: зуб, очки, обоняние. Боксь, что здешние холодные ночи и утра опасны для тебя, пока не исчез окончательно грипп и не вернулось обоняние. Не делай ни одного опрометчивого шага! Лучше потерпеть, чем вызвать рецидив.

Носи очки непрерывно, думай, что это есть перстень, надетый мною на твой палец, не разлучайся с ними.

Надо умываться, но никак не могу оторваться от бумаги.

Будь здорова, моя милая, будь здорова.

Твой

Лев [Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

Это письмо отправляю другим путем³⁷³

19/VII 1937 [г.], 13 часов

Сейчас буду обедать. После того, как отправил тебе письмо, мылся. Около 10 1/2 приступил к чтению старых газет (для статьи), читал, сидя в chaise longue под деревьями, до настоящей минуты. Солнце я переносу хорошо, но для глаз утомительно. Нужны, очевидно, темные очки. Но как их купить без меня? Почти невыносимо. В воскресенье Ландеро хотели пригласить меня на завтрак, но я спасся, приехав сюда поздно. Возможно, что такое приглашение последует в следующее воскресенье. Имей это в виду, если приедешь сюда до воскресенья: платье и пр[очее]. Мне придется, видимо, ехать, как есть: к столь знаменитому бандиту они отнесутся снисходительно, но жена бандита - как-никак дама, одним словом, леди, в задрипанном виде ей не полагается ездить к лордам. Прошу сурьезно учесть! Сейчас буду есть собственноручно пойманную рыбу, потом залягу отдыхать часика на два, затем совершу прогулку.

Физическое самочувствие хорошее. Моральное - вполне удовлетворительное, как видите, из юнкерского (58-летний юнкер!) тона этого письма.

Обедать не зовут. В среду поеду, вероятно, в Пачука - отправить письма, поговорить по телефону или послать, в случае надобности, телеграмму. Опасаюсь, что не застаю тебя дома. Но я смогу провести в Пачука часа 2-3 и дождаться тебя. Могу приехать до 9 часов утра и, следовательно, застичнуть тебя наверняка, если ты не будешь уже в Корнавана. Кстати: ты говорила, что поедешь дня на два. Этого абсолютно недостаточно. Надо оставаться до восстановления обоняния. Здесь на этот счет условия неблагоприятные.

Обедал. Лежа, читал Temps. Заснул (недолго). Сейчас 3 1/2. Через 1/2 часа чай. Отложить прогулку? А вдруг дождь. Пожалуй, пойду сейчас. Наталочка, что вы делаете теперь? Отдыхаете (от меня)? Или у тебя операция? Опять флюс? Как бы хотелось, чтоб ты оправилась полностью. Как бы хотелось для тебя крепости, спокойствия, немножко радости.

С тех пор, как приехал сюда, ни разу не вставал мой бедный хуй. Как будто нет его. Он тоже отдыхает от напряжения тех дней. Но сам я, весь, - помимо него, - с нежностью думаю о старой, милой пизде. Хочется пососать ее, всунуть язык в нее, в самую глубину. Наталочка, милая, буду еще крепко-крепко ебать тебя и языком, и хуем. Простите, Наталочка, эти

строчки, - кажется, первый раз в жизни так пишу Вам.

Обнимаю крепко, прижимая все тело твое к себе.

Твой

Л. [Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

19 июля 1937 [г.]

19/VII, 8 ч. вечера. Ездил в Huesca (кажется, так), за три километра сдавать "юнкерское" письмо (получила ли?), вернулся, ходил по открытому коридору, думал о тебе, конечно, - легко поужинал и пишу при свете лампы. Тянет к письму и к дневнику, особенно вечером, а, с другой стороны, боюсь разогреть себя писанием: это не даст уснуть.

Я оборвал только что письмо, чтобы записать несколько строк в дневнике. Я пишу его только для тебя и для себя. Мы вместе сможем уничтожить его. Я вспомнил вот что. В Главконцеском³⁷⁴ работала Вишняк, беспартийная. Муж ее был официальный большевик. Вишняк к нему относилась, видимо, критически, к официальному курсу - с ненавистью, ко мне лично - с симпатией. Раза два-три она сообщала мне секреты из официальной кухни, которые узнавала через мужа (секреты второстепенные, ибо и муж ее был на второстепенных ролях). Под влиянием того, что ты говорила, мне вспоминается, что - после того, как я уже покинул [Глав]концеском - она меня письменно, на французском языке, без подписи предупредила о том, что ходят "слухи", будто меня собираются прикончить, или: "лучше всего было бы его нечаянно прикончить". Эти слухи связывались с выстрелом милиционера по моему автомобилю 7 ноября 1927 г. (помнишь?). Я слышал об этом из других источников. Мне приходит в голову: не это ли письмо мне передал Сермукс? Вишняк хорошо знала его по Главконцескому. Об условиях передачи письма и его уничтожении ничего не помню. Но весьма вероятно, что я немедленно уничтожил его, чтобы не подвести Вишняк и не испугать тебя... Весьма возможно, что письмо кончалось словами: "прошу немедленно уничтожить", или что-нибудь в этом роде. История эта, как видишь, не дает мне покоя...

Боюсь, слишком много пишу тебе - работа для твоих глаз. На этом остановлюсь, почитаю "Temps", хотя писать при этом свете легче, чем читать.

20 июля. Встал в 7 часов. Писал дневник (свыше 7 стр[аниц]) - только для тебя. После завтрака поеду верхом. Сейчас буду читать "Temps".

12, 30 минут. Испытание я выдержал выше всяких ожиданий: проехал десять километров верхом - рысью, галопом, карьером - наравне с тремя заправскими кавалеристами (Казас и Сиксто служили в кавалерии). Чувствовал себя очень уверенно. Какая прекрасная панорама! Пишу после отдыха в 10 минут. Встряска для организма первоклассная. Софья Андреевна [Толстая]³⁷⁵ пишет о своем Льве³⁷⁶: ему 70 лет, проехал 40 верст верхом, а после того "отнесся ко мне страстно". Молодчина этот "старый хрен в толстовке"! Но надо сказать, что, если вообще он способен был в 70 лет ездить верхом и любить, то именно прогулка должна была настроить его "страстно": помимо общей встряски организма - специфическое трение... Женщина, которая сидит на лошади по-мужски, должна, по-моему, испытывать полное удовлетворение.

Однако, после сегодняшнего опыта я совершенно отказываюсь от мысли увидеть тебя верхом: лошади горячие, слишком опасно...

Только что получил письмо и посылку. Очки для чтения у меня есть, это запасные. Письмо твое, вернее, два письма, от 13-го и 18-го и 19-го, только что прочитал с волнением и нежностью, с любовью, с тревогой, но и с надеждой. Наталочка. Сомнение с меня перешло на тебя. Нельзя сомневаться! Мы не смеем сомневаться. Ты поправишься. Ты окрепнешь. Ты помолодеешь. "Все люди ужасно одиноки по существу", - пишешь ты. Эта фраза резанула меня по сердцу. Она и есть источник мучительства. Хочется вырваться из одиночества, слиться с тобой до конца, растворить всю тебя в себе, вместе с самыми затаенными твоими мыслями и чувствами. Это невозможно... я знаю, знаю, Наталочка, - но мы все же приближаемся к этому моментами через большие страдания.

Поблагодари за меня Рут³⁷⁷ и передай всем привет. Завтра (среда) утром еду в Пачука говорить с тобой по телефону. Там отправлю это письмо. Напишу,

вероятно, еще в течение дня.

Самочувствие днем хорошее. Ночью менее удовлетворительное. Но все же я окреп. Сегодняшняя верховая езда показала это. Много читаю (газеты), готовлюсь к статье.

Пусть Берни³⁷⁸ напишет Уокеру³⁷⁹, что я смогу ответить ему лишь 26 или 27-го.

Ты пишешь: в старости внешний вид зависит от настроения. У тебя это было и в молодости. На другой день после первой нашей ночи ты была очень печальна и выглядела старше себя на 10 лет. В счастливые часы ты походила на мальчика-фавна³⁸⁰. Эту способность изменяться ты сохранила на всю жизнь. Ты поправишься, Наталочка, не теряй бодрости.

Сейчас около 4.

Я пообедал и отдохнул. Собирается дождь, и я пишу в крытой галерее. Верховая езда отразилась только в седалищных мышцах: чуть-чуть ноют. Но какой это здоровый спорт! Я опасался влияния на кишечник, - ни малейшего!

Перечитал вторично твое письмо. "Все люди ужасно одиноки по существу", - пишешь ты, Наталочка. Бедная, моя старая подруга. Милая моя, возлюбленная. Но ведь не только же одиночество у тебя было и есть, не только одиночество, ведь мы живем еще друг для друга. Поправляйся! Наталочка!

Не знаю, как быть при отъезде. Хозяйке надо бы какой-нибудь подарочек. Пожалуй, и управляющему другого имения (он лошадей посылает). Может быть, что придумаешь, а также привезешь или пришлешь 2-3 фотографии? Надо работать. Крепко обнимаю, целую глаза, целую руки, целую ноги.

Твой старый

[Л.Д.Троцкий]

Все тревожные мысли и чувства записываю в дневник - для тебя. Так лучше, чем тревожить тебя в письмах. В дневнике я излагаю спокойнее, и ты можешь спокойнее прочесть. То, что записываю в дневнике, нимало не омрачает напряжения моей нежности к тебе. Еще хотел сказать (это не упрек, ничуть, ни капли), что мой "рецидив" (как ты пишешь) вызван до известной степени твоим рецидивом. Ты как бы продолжаешь (даже написать трудно!) соперничать, соревновать... С кем? Она для меня - никто³⁸¹. Ты для меня - все. Не надо, Ната, не надо, не надо, умоляю тебя. Если у тебя что-либо неблагополучно, я из Пачуки выеду прямо в Койоакан. Но надеюсь, у тебя все благополучно (относительно, конечно). Я сидел вчера на солнце, сегодня ехал верхом под солнцем, - температура у меня вполне нормальная, скорее пониженная. Нет, физически я окреп, и морально крепну. Скажу, что в дневнике я отошел от того эпизода, который занимал нас все последнее время. Я и в этом уже вижу большой прогресс.

НА-ТА! НА-ТА! Поправляйся, НА-ТА-ЛОЧ-КА!

Твой старый пес

21, среда, утро, 9 1/2, на почте в Пачука. По дороге говорил с тобой по телефону. Прости и спасибо. Мне кажется, что я успокоился. Могу, во всяком случае, ждать свидания. Оставайся в Пачука не менее недели. Если я приеду 27 к вечеру, будет достаточно. Ты можешь приехать 28, 29 или 30.

Я могу навестить тебя в Куернавана. Не спеши. Поправляйся. Это самое главное. Я несомненно окреп. Нужно, чтобы и ты поправилась. Тогда все изживем, переживем - Ната, Ната, поправляйся.

Привет и горячую благодарность Рите³⁸². Она милая. Хорошо, что она с тобой.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Предисловие к испанскому изданию³⁸³

Эта книга писалась в тот период, когда могущество советской бюрократии казалось незыблемым, а ее авторитет - неоспоримым. Опасность со стороны германского фашизма естественно повернула симпатии демократических кругов Европы и Америки в сторону Советов. Английские, французские и чехословацкие генералы присутствовали на маневрах Красной Армии и воздавали хвалы ее офицерам, ее солдатам, ее технике. Хвалы эти были вполне заслужены. Имена генералов Якира³⁸⁴ и Уборевича³⁸⁵, командовавших Украинским и Белорусским

военными округами, с уважением назывались в те дни на страницах мировой печати. В маршале Тухачевском³⁸⁶ вполне основательно видели будущего генералиссимуса. В то же время многочисленные "левые" иностранные журналисты, притом не только господа типа Дюранти, но и вполне добросовестные люди, с восторгом писали о новой советской конституции, как о "самой демократической в мире".

Если бы эта книга появилась сразу после ее написания, многие выводы ее казались бы парадоксальными, или, еще хуже, продиктованными личным пристрастием. Но некоторые "случайности" судьбы автора привели к тому, что книга вышла в разных странах со значительным запозданием. За это время успела разыгаться серия московских процессов, потрясших весь мир. Вся старая большевистская гвардия подвергнута физическому истреблению. Расстреляны организаторы партии, участники Октябрьской революции, строители советского государства, руководители промышленности, герои гражданской войны, лучшие генералы Красной Армии, в том числе названные выше Тухачевский, Якир и Уборевич³⁸⁷. В каждой из отдельных республик Советского Союза, в каждой из областей, в каждом районе происходит кровавая чистка, не менее свирепая, чем в Москве, но более анонимная. Под аккомпанемент массовых расстрелов, сметающих с земли поколение революции, идет подготовка "самых демократических в мире" выборов³⁸⁸. В действительности, предстоит один из тех плебисцитов, секрет которых так хорошо известен Гитлеру и Геббельсу. Будет ли иметь Сталин за себя 100%, или "только" 98,5%, зависит не от населения, а от предписания, данного сверху местным носителям бонапартистской диктатуры. Будущий московский "рейхстаг" имеет своим назначением - это можно предсказать заранее - короновать личную власть Сталина, под именем ли полномочного президента, пожизненного вождя, несменяемого консула, или - кто знает? - императора. Во всяком случае, слишком усердные иностранные "друзья", певшие гимны сталинской "конституции", рискуют попасть в затруднительное положение. Мы заранее выражаем им наше соболезнование.

Истребление революционного поколения и беспощадная чистка среди молодежи свидетельствуют о страшном напряжении противоречия между бюрократией и народом. Мы пытались в настоящей книге дать социальный и политический анализ этого противоречия, прежде чем оно так бурно прорвалось наружу. Те выводы, которые могли казаться всего год тому назад парадоксальными, сегодня стоят перед глазами человечества во всей своей трагической реальности.

Некоторые из официальных "друзей", усердие которых оплачивается полновесными червонцами, как, впрочем, и валютой других стран, имели бесстыдство упрекать автора в том, что его книга помогает фашизму. Как будто кровавые расправы и судебные подлоги не были известны мировой реакции без этой книги! На деле советская бюрократия является сейчас одним из самых злокачественных отрядов мировой реакции. Отождествлять Октябрьскую революцию и народы СССР с правящей кастой значит предавать интересы трудящихся и помогать реакции. Кто действительно хочет служить делу освобождения человечества, тот должен иметь мужество глядеть в глаза правде, как бы горька она ни была. Эта книга говорит о Советском Союзе правду. Она проникнута духом непримиримой вражды к новой касте насильников и эксплуататоров. Тем самым она служит действительным интересам трудящихся и делу социализма.

Автор твердо рассчитывает на сочувствие мыслящих и искренних читателей в странах Латинской Америки!

Л.Троцкий

5 августа 1937 г.

[Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому]

Приложение.

Без номера (у меня нет архива под руками) 389.

Париж, 6 августа [19]37 г.

Дорогой папа, получил твое письмо от 15 ибля, которое очень долго было

в пути.

Сегодня я, наконец, выезжаю из Парижа. Чтобы не откладывать поездки, я напишу показание о Копенгагене³⁹⁰ на новом "месте". Это задержит его на несколько дней – не больше. Архивы мои запакованы, увезены и пр. – поэтому я ограничусь точным перечислением доказательств и свидетелей, без цитат.

Письма из России. Поскольку речь идет о письмах наших товарищей (в подавляющем большинстве ссыльных) – их у меня вообще нет. Все эти письма находятся у вас. Они получались в 1929–[19]30 гг., в начале 1931 г. я был уже в Берлине. К этому времени переписка сошла почти на нет. (Мы даже подозревали Ландау, что он их перехватывает, ибо адреса были Саши Мюллера, Швальбаха и др[угих] его людей; об этом даже имеется переписка между тобой, мною и Миллем. Подозрения как будто не подтвердились). Дальнейшие письма, если и получались, то лишь эпизодически и изредка; они должны быть, повторяю, у вас. Начиная с 1931 г. прекратившаяся переписка заменялась рядом моих встреч, о которых я вам, вероятно, всегда писал. Были также отчеты иностранцев. Были письма отдельных приезжих. Например, Тензова, ряд писем которого у меня сохранилось. В них идет речь: о делах торговых (плохо торгуем), о том, что товарищи требуют более решительных действий: призывов к стачкам, о слухах, что хотят захватить архив, о настроениях и пр. Наибольшее число таких писем, отчетов, встреч и пр. падает на 1932 год, на вторую половину года. Но я не вижу никакой возможности составить диаграмму этих часто случайных писем, встреч и отчетов – в большинстве без дат и от которых лишь частично остались следы в архивах. К тому же тебя, по-видимому, интересует переписка с нашими людьми, активно ведшаяся в 1929–[19]31 гг. и только. Начиная с 1933 г. (Париж) и эти случайные письма и встречи фактически сошли на нет. Я переписывался с Платоном [Волковым]³⁹¹, с А.Л.Соколовской³⁹². Получил – через парижский муниципалитет – письмо от ссыльного Трегубова – с просьбой о помощи (копию недавно послал вам) и с указанием нескольких особенно нуждающихся товарищей. Им были посланы деньги (или посылки). Трегубов подтвердил, остальные нет. Летом 1933 г. в Париже и у тебя был американец, приехавший из СССР. В остальные годы у меня было несколько редких встреч с приезжими из России, в большинстве с иностранцами. Они либо составляли корреспонденции, либо я их составлял с их слов. Все эти встречи были очень редкое явление, всегда случайного характера. Не знаю, хватит ли тебе этих сведений.

Посылаю тебе: циркуляр администрации "Бюллетеня" от 1933 [г.] – может быть пригодится.

Показание помощника Оскара Кона (в двух экземплярах, второй эвентуально для американской комиссии). Оно настолько бессодержательно, что я его не заверил (он почти ничего не помнит).

Посылаю также два твоих письма от 1935 г. с предвидением будущих амальгам. Этим письма, кажется, вам уже были посланы.

Важно: Пришли, пожалуйста, несколько твоих последних, удачных снимков. Они нужны для издателей. Это срочно.

Посылаю также увеличенный снимок, сделанный в Берлине Пфем[фертом], открытки, посланной мною в СССР.

Это пока все

Во время моего отсутствия меня будет заменять Тьен³⁹³, находящийся со мной в самой тесной связи, так что адрес действителен и поручения могут быть выполнены, как если бы я был в Париже. Тьен заслуживает абсолютного доверия во всех отношениях, вместе с Паульсеном³⁹⁴ они с исключительной преданностью все свои силы и время дают работе. Если бы не двое этих товарищей (Паульсен наш главный администратор по всей работе и по "Бюллетеню", в частности), с работой было бы очень плохо.

Впрочем, сообщение это имеет достаточно платонический характер: ко времени получения от тебя ответа, я, вероятно, уже буду обратно в Париже.

[Л.Л.Седов]

Роман Вольфа Вайса "Я признаюсь"³⁹⁵

Автор романа – молодой немецкий коммунист, работавший несколько лет в России и остававшийся полностью на официальной "линии". В 1935 году, когда

ГПУ готовило "троцкистские" процессы, Вайс был неожиданно арестован наряду с целым рядом других немцев. Задача ГПУ состояла в том, чтобы найти среди арестованных немцев (эмигрантов-коммунистов, инженеров и пр.) подходящих подсудимых или свидетелей для будущих процессов. Для этого нужно было заставить арестованных признать себя агентами Гестапо и союзниками троцкистов.

Роман Вайса посвящен главным образом его пребыванию в тюрьме ГПУ и методам допроса. Было бы величайшей ошибкой делать из сказанного тот вывод, будто мы имеем перед собою публицистическое, агитационное произведение, имеющее целью опорочить инквизиционные методы ГПУ. Нет, роман Вайса есть художественное произведение высокой ценности. Автор не занимается агитацией. Он не делает никаких политических выводов или обобщений. Он рассказывает, что он видел и что переживал. Произведение написано в третьем, а не в первом лице: как роман, а не как мемуары. Художественная и психологическая ценность произведения очень высоки. Именно поэтому, замечу мимоходом, роман наносит страшный удар инквизиционным методам ГПУ.

Стиль автора отвечает характеру его переживаний: это нервный, прерывистый, местами конвульсивный стиль. Переводчик должен очень хорошо знать немецкий и английский языки и быть искусным стилистом.

Диего Ривера, которому я изложил содержание романа, чрезвычайно заинтересовался им и выразил желание дать около 25 иллюстраций к этой книге. Незачем пояснять, какую ценность иллюстрации великого мастера способны придать изданию.

Если бы, далее, издатель нашел нужным, я готов был бы дать к книге предисловие. Сам по себе роман не нуждается в пояснениях. Но так как имя автора неизвестно, то предисловие, может быть, могло бы оказаться нелишним. Лично я склонен, впрочем, думать, что иллюстрации Диего Ривера совершенно достаточны для успеха книги.

Л.Троцкий

13 августа 1937 г.

Интервью, данное "Mexico al Dia"396

1. Моя борьба со Сталиным имеет глубокие социальные корни. Октябрьская революция произведена была в интересах трудящихся масс - против всех привилегированных. Однако по историческим причинам, в обсуждение которых мы здесь не можем входить, над массами рабочих и крестьян поднялся новый привилегированный слой: всемогущая советская бюрократия. Сталин является ее вождем. Так называемые "троцкисты" борются за интересы трудящихся против новых угнетателей. Если бы господство бюрократии утвердилось окончательно, тогда все завоевания Октябрьской революции были бы уничтожены. Наоборот, если трудящимся удастся свергнуть правящую касту, тогда страна сможет развиваться в сторону социализма. Борьба имеет, следовательно, непримиримый характер. Окончательный исход ее зависит как от внутренних, так и от международных причин.

2. Новая конституция СССР представляет попытку юридически закрепить бесконтрольное господство правящей клики и ее вождя. Конституция имеет бонапартистский характер, т. к. пытается неограниченную власть прикрыть фальшивым плебисцитом.

3. О внутренних опасностях отвечено уже выше. Внешние опасности связаны с надвигающейся войной. Ведя непрерывную борьбу против народа, советская бюрократия ослабляет оборону страны. Об этом свидетельствует, в частности, недавняя позорная капитуляция Москвы перед Японией в вопросе об Амурских островах397. Ликвидация сталинской диктатуры властно диктуется также и интересами обороны страны.

4. Я закончил книгу о московских процессах под заглавием "Преступления Сталина". Сейчас я возвращаюсь к работе над биографией Ленина.

5. Единственное полное удовлетворение дает человеку мысль. Умственная работа сравнительно мало зависит от внешних обстоятельств. Если под руками есть книги, бумага и перо, этого достаточно для того, чтоб формулировать выводы собственного жизненного опыта или опыта других и тем участвовать в подготовке будущего. Неправильно поэтому было бы сказать, что я отказался от

политики. Я не участвую в текущей политике, в частности я не вмешиваюсь во внутреннюю жизнь той страны, которая оказала мне великодушное гостеприимство. Но моя литературная деятельность, посвящена ли она теории или истории, всегда имеет в виду дальнейшие судьбы человечества и стремится оказать освободительному движению трудящихся посильное содействие. В этом широком смысле слова вся моя деятельность имеет политический характер.

В течение сорока лет моей революционной борьбы я стоял у власти около восьми лет. В течение этого периода я нисколько не чувствовал себя счастливее. Равным образом я не вижу основания относиться к своему изгнанию, как к личному несчастью. Изгнание вытекло из условий революционной борьбы и в этом смысле является естественным логическим звеном моей жизни.

б. Моя нынешняя жизнь мало отличается от той, которую я вел в Кремле: она посвящена работе. О характере этой работы наиболее существенное сказано выше. Я полностью удовлетворен условиями своего пребывания в Мексике. Правда, агенты Сталина (мне незачем называть их по имени) делают, что могут, чтобы отравить мое существование и здесь. Но долгий опыт научил меня относиться к ним с равнодушием, к которому примешивается крупица презрения.

Прибавлю в заключение, что значительная часть моего времени посвящена содействию работе Международной Следственной Комиссии по поводу московских процессов. Я предоставил в распоряжение Комиссии несколько сот оригинальных документов, главным образом писем, и свыше ста свидетельских показаний. Заседания пленарной комиссии откроются 17 сентября. Работы подкомиссий - в Нью-Йорке и Париже - идут непрерывно: проверка документов, допросы свидетелей и пр. Комиссии состоят не из "троцкистов", а из моих политических противников. Но, разумеется, это не агенты ГПУ, а честные и безупречные люди. Прибавлю, что Комиссия неоднократно приглашала в свой состав представителей московского правительства, Коминтерна и "друзей СССР". Все они трусливо отказывались от участия, чтобы иметь затем возможность кричать о "пристрастности" Комиссии. Я надеюсь, что в работах пленарной Комиссии примут участие также и авторитетные представители мексиканского общественного мнения.

В начале сентября выходит в Нью-Йорке стенографический отчет заседаний следственной подкомиссии в Койоакане (600 печатных страниц) 398. За ним последует второй том, заключающий в себе все представленные Комиссии документы 399. Международная Следственная Комиссия будет иметь таким образом возможность построить свои заключения на гранитном фундаменте строго проверенных фактов. Я не сомневаюсь ни на минуту, что приговор Комиссии и мирового общественного мнения будет убийственен для сталинской бюрократии и ее "друзей".

Уверенность в собственной правоте и борьба за торжество истины над ложью и фальсификацией приносят самое высокое удовлетворение, какое доступно человеку. Я исполнен живейшей благодарности мексиканскому народу и его правительству, которые дали мне возможность в критический период моей жизни беспрепятственно вести борьбу против самого чудовищного из политических подлогов.

Л.Троцкий

16 августа 1937 г.

Интервью, данное "Sunday Sun of Sydney" 400

1. Япония хочет превратить Китай в свою "Индию". Чтоб обеспечить господство над этой гигантской страной, нужно западную часть Тихого океана превратить в Японское море. Австралия замыкает это будущее "Японское море" с юга. Японии необходимо найти опорную базу в Австралии.

Стратегическое положение вашего континента не может не разжигать аппетиты японских милитаристов. Вы живете слишком далеко и от Великобритании, и от Соединенных Штатов. Ближайшая британская морская база Сингапур может иметь только вспомогательное и временное значение.

Помимо этих чисто военных соображений, притягательная сила Австралии сама по себе очень велика. На Японских островах приходится более 175 человек населения на квадратный километр. В Австралии около одного человека. Австралия богата разными видами сырья, которого не хватает Японии. Каждый

австралиец, включая и грудных младенцев, потребляет в среднем около ста килограммов мяса в год, тогда как на итальянца приходится всего 15 килограммов (пышный национализм Муссолини имеет, как видим, очень постный характер), а на японца приходится совсем микроскопическая величина.

Не будет преувеличением сказать, что судьба Австралии, по крайней мере на 50%, решается ныне в Шанхае и вообще в Китае. Поддержка освободительной борьбы китайского народа против японских хищников представляет одно из важнейших условий защиты независимости Австралии и Новой Зеландии.

2 и 3. Я не могу, к сожалению, похвалиться близким знакомством с социальной и политической жизнью Австралии. Мне никогда не приходилось бывать в Австралии, и я не имел возможности следить за ее прессой. Однако русская и мировая литература, посвященная экономическим условиям Австралии, ее социальному законодательству, достаточно обильна. Наши народники, в частности, часто цитировали Австралию и Новую Зеландию как образец нового социального режима. Незачем говорить, что я с интересом следил за вашим социальным законодательством, возможность которого обусловлена естественными богатствами страны, с одной стороны, системой протекционизма, с другой.

Я не думаю, однако, что ваше законодательство создает особый тип социального развития, принципиально отличный от других капиталистических стран. Решающее значение имеет вопрос о формах собственности. Капиталистическая конкуренция ведет также и в Австралии, как свидетельствует статистика, к концентрации собственности в форме финансового капитала и к возрастающему углублению социальных противоречий. Отсюда раньше или позже должны вытечь соответственные политические последствия.

Несомненно, социальные отношения Австралии более устойчивы, чем в большинстве других стран, особенно европейских. Но это устойчивость не абсолютная и не вечная. Ближайший мировой кризис, которого следует ждать через два-три года, когда военные программы великих держав приблизятся к завершению, потрясет и Австралию. Ближайшая война, которой, - увы! - видимо, остается недолго ждать, неизбежно вовлечет и Австралию в свой водоворот. Эти перспективы не очень отрадны, но они отвечают действительности, и было бы преступным легкомыслием закрывать на них глаза.

4. Политика Гитлера есть политика агрессивного империализма. Политика Сталина есть политика самосохранения новой привилегированной касты. Гитлер ищет "дружбы" Великобритании. Сталин ищет военного союза с Францией и через Францию сближения с Великобританией. Если эти планы не удадутся, союз Гитлера со Сталиным станет не только возможностью, но и неизбежностью... если только Гитлер и Сталин удержат до того времени власть. Я за это не ручаюсь.

5. Большевицкая партия в годы гражданской войны рассматривала террор как неизбежное временное орудие, сопутствующее, как свидетельствует история, каждой революции. Задачей этого террора было освободить народ от старых насильственных оков и расчистить пути для развития социалистического общества.

Нынешний террор советской бюрократии имеет не революционный, а реакционный характер. Его задача - помочь формированию нового правящего класса и прежде всего оградить всемогущую советскую бюрократию от всякой оппозиции, от всякой критики.

6. Вопрос о моем возвращении в СССР не есть личный вопрос. Я не могу заменить Сталина во главе нынешнего государственного аппарата, который имеет насквозь реакционный и антинародный характер. Но я твердо надеюсь на то, что народы СССР, проделавшие в нынешнем столетии три революции, найдут способы покончить с деспотизмом сталинской бюрократии и расчистить пути для свободного социалистического развития. Вся моя деятельность преследует эту цель.

Л.Троцкий

17 августа 1937 г.

Ответы на вопросы Алвина М. Джозефи⁴⁰¹, "Нью-Йорк Гералд Трибюн"⁴⁰², Нью-Йорк

1. В настоящее время много людей в Америке очень заинтересовано окончательным исходом испанской гражданской войны. Изучающими этот вопрос делается много попыток предвидеть ее финал. Каков, по вашему мнению, будет

окончательный исход этой борьбы, и чем мотивируется ваше мнение? Как скоро, думаете вы, наступит конец?

1. Лучшими помощниками генерала Франко⁴⁰³ являются Негрин⁴⁰⁴ и его союзник Сталин. При помощи реакционной социальной политики и не менее реакционных репрессий они убивают освободительные надежды испанских крестьян и революционный энтузиазм рабочих. Только этим объясняются военные неудачи республиканцев и затяжной характер войны. Народ видит все меньше и меньше разницы между программами и режимами обоих воюющих лагерей. Голое противопоставление "демократии" фашизму очень мало говорит уму и сердцу масс, особенно во время войны, когда в обоих лагерях царит фактически военная диктатура. Рабочие и крестьяне способны на величайшие жертвы, если ясно знают, за что борются. Гражданская война побеждает прежде всего смелой социальной программой. Если бы "республиканцы" могли иметь такую программу и немедленно приступили к ее осуществлению на занимаемой ими территории, девять десятых всего населения Испании были бы охвачены могучим революционным порывом, и генерал Франко со своими бандами безжизненно повис бы в воздухе. Правительство Негрина-Сталина, которое в тылу ведет войну с рабочими и крестьянами, неспособно обеспечить военную победу. Но даже если допустить, что Негрин одержит победу над Франко, из такой чисто военной победы выросла бы новая военная диктатура, мало чем отличающаяся от диктатуры Франко. Без социальной революции победа фашизма или полуфашистского милитаризма в Испании совершенно неизбежна, независимо от хода военных операций.

Если гражданская война в нынешнем ее виде затянется на длительный период при возрастающем безразличии народных масс, она может закончиться деморализацией обоих воюющих лагерей и компромиссом генеральских верхушек с целью установления совместной военной диктатуры.

2. Считаете ли вы, что существует какой-либо легальный или моральный базис для итальянского и германского вмешательства в союзе с восставшими?

2. Не понимаю, о каком "легальном" или "моральном" базисе для итальянской или германской интервенции⁴⁰⁵ в Испании может вообще идти речь! Реальным "базисом" фашистской интервенции являлись: вероломно-выжидательная политика Великобритании, трусливо-бессильная политика Леона Блюма во Франции и рабская зависимость политики Сталина от Лондона и Парижа. Правительства Берлина и Рима имели достаточно случаев убедиться, что речи о международной борьбе демократии против фашизма представляют собой чистейшее шарлатанство. На самом деле борьба ведется за стратегические позиции в Средиземном море и за испанское сырье. Рим и Берлин ничуть не испугались поэтому мнимого "единого демократического фронта" и решились на чисто разбойничье вторжение во внутреннюю жизнь Испании. Мы имеем здесь репетицию будущей мировой войны, в которой принципы "демократии" будут играть еще меньшую роль, чем в нынешней борьбе держав вокруг Испании.

3. Считали ли бы вы, что существует какой-либо легальный или моральный базис для английского, французского или русского вмешательства в союзе с лоялистами?

3. Разумеется, для оказания помощи законному испанскому правительству у Англии, Франции или СССР было неизмеримо больше "легальных" оснований, чем у Муссолини или Гитлера - для помощи мятежному генералу. Но, как сказано выше, роли великих держав ни в малейшей степени не определяются моральными или юридическими принципами. Советская бюрократия хочет на спине испанского народа завоевать доверие французской и английской буржуазии. Военная помощь со стороны СССР была поэтому заранее обусловлена обязательством испанского правительства вступить в открытую борьбу против революционных рабочих и крестьян. ГПУ перенесло свой аппарат на почву Испании для истребления всех сторонников пролетарской революции. Убийство анархиста Дуррути⁴⁰⁶, Андрея Нина и других вождей ПОУМа (которые, к слову сказать, не имели ничего общего с троцкизмом) было организовано советскими агентами ГПУ под руководством консула Антонова-Овсеенко, по непосредственным инструкциям из Москвы. Сталин говорит Лондону и Парижу: "Вы можете положиться на меня!"

4. По поводу Германии и Италии: считаете ли вы вероятной продолжительность фашистского режима в этих двух странах? Как долго, сказали бы вы, эти режимы могут существовать? Каков, по вашему мнению, будет финал этих режимов? Какая социальная система наследует фашизму?

4. Фашистские режимы возникли прежде всего в тех странах, где

социальные противоречия достигли особенной остроты. Фашизм подавил эти противоречия, но не устранил их. Раньше или позже они должны прорваться наружу. Лучшим помощником фашизма является, повторяю, нынешний Коминтерн, который парализует рабочие массы чудовищными тактическими зигзагами по команде из Москвы и систематически деморализует международный революционный авангард, отучая рабочих "вождей" мыслить или просто подкупая их. Возрождение действительного революционного Интернационала, независимого как от буржуазных правительств, так и от реакционной московской дипломатии, быстро вернет рабочим массам доверие к себе самим и пробудит революционное движение в Германии и Италии. В случае мировой войны фашистские правительства в первый период могут обнаружить перевес над своими противниками, но внутренние социальные противоречия быстро примут в Германии и Италии, лишенных к тому же сырья и продовольствия, неслыханную остроту. Война опрокинет много режимов. Но первыми ее жертвами - это можно сказать с уверенностью - явятся режимы Муссолини и Гитлера. На смену им может прийти только политическое господство рабочего класса и социалистическое переустройство общества.

5. Считаете ли вы, что внутренние дела Германии и Италии могут принудить их углубляться все больше и больше в испанскую борьбу?

5. Я не думаю, что Германия и Италия слишком углубятся в испанскую борьбу: это грозило бы конфликтом между ними самими; между тем, на данной стадии они заинтересованы в демонстрации своей солидарности. Поскольку дело идет о борьбе против социалистической революции в Испании, Гитлер и Муссолини не могут желать лучшего жандарма, чем Сталин. Наконец, степень вмешательства определяется закулисными международными группировками, в частности стремлением Гитлера не слишком отталкивать Великобританию. Однако точные предсказания на этот счет вряд ли возможны.

6. Перед лицом фашизма во всем свете не верите ли вы в единый фронт всех либеральных групп? Готовы ли вы принять участие в таком едином фронте, помогаая тем самым разрушению мирового фашизма?

6. Из всего сказанного выше вытекает с достаточной ясностью, что я ни на минуту не верю в возможность и эффективность международного союза "либеральных групп" для борьбы с фашизмом. Опыт Италии, Германии, Австрии и других стран свидетельствует, что "либеральные группы" совершенно бессильны в борьбе с фашизмом, который выдвигает против них демагогическую социальную программу и обрекает их на полное ничтожество. Борьбаться с фашизмом можно только на почве действительной, серьезной, революционной социальной программы, способной сплотить не только пролетариат, но и угнетенные массы мелкой буржуазии. Поскольку "либеральные группы" являются противниками революционной программы, постольку они способны лишь парализовать инициативу масс и толкать их в лагерь фашизма. Формула "антифашизма" очень удобна для жонглирования господ депутатов, профессоров, журналистов и просто салонных болтунов. Рабочему, безработному, бедняку-крестьянину, разоренному фермеру или обанкротившемуся мелкому торговцу, вообще подавляющему большинству населения голая формула "антифашизма" не говорит решительно ничего. Шумиха всякого рода "антифашистских" парадов, банкетов, коалиций и пр. и пр. способна только сеять иллюзии и облегчать работу реакции. Стереть с лица земли египетскую язву фашизма могут только миллионы и десятки миллионов трудящихся, угнетенных, эксплуатируемых. Но им нужна для этого революционная программа и революционная организация.

7. Почему существуют разногласия между лидерами испанского республиканского правительства?

7. Политические разногласия в так называемом "республиканском" лагере Испании прямо или косвенно определяются антагонизмом классовых интересов. Правительство Негрина хочет во что бы то ни стало спасти режим частной собственности. Как показывают разгромы рабочих организаций, аресты, подложные обвинения, расстрелы из-за угла или в спину, охрана интересов капитала неизмеримо важнее для Негрина, чем соблюдение принципов демократии. Испанские крестьяне, наоборот, хотят получить землю. Рабочие хотят избавиться от эксплуатации путем экспроприации средств производства. Во время революции социальные антагонизмы достигают крайнего напряжения. Каждому политику приходится выбирать: с буржуазией и с правительством Негрина против рабочих и крестьян или с рабочими и крестьянами - против Негрина. Ларго Кабальеро не хочет рвать с рабочими, но боится рвать с

буржуазией. Отсюда его колеблющаяся ("центристская") политика. Анархистские рабочие массы Каталонии хотят социальной революции, хотя идеи их на этот счет смутны. Но анархистские вожди при первом столкновении с суровой действительностью выбросили вон свой анархизм и стали вульгарными буржуазными министрами. Вожди ПОУМа стояли "в принципе" за социалистическую революцию, но на деле боялись оторваться от анархистских вождей. Вместо того, чтобы смело стать во главе революционных масс, вожди ПОУМа колебались, выжидали, заключали верхушечные блоки, вступали в реакционные министерства и тем дезориентировали массы. Ложной политикой рабочих организаций объясняется тот факт, что испанский пролетариат, несмотря на свои исключительные боевые качества, которые могли ему дважды и трижды обеспечить полную победу, видел до сих пор одни только поражения. Без подлинно революционной партии пролетариат не может прийти к победе.

8. Могу ли я спросить, что по вашему мнению важнее: выиграть сначала войну или же провести социальные реформы еще до ее окончания?

8. Вопрос, на мой взгляд, неправильно поставлен. Опыт испанской войны, как и всех великих гражданских войн, в том числе и в Соединенных Штатах, в 60-х годах прошлого века, показывает, что нельзя выиграть гражданскую войну без открытого провозглашения и фактического осуществления программы великих социальных реформ. Кто обещает массам реформы после окончания войны, тот обманывает массы, и тому массы законно не верят. Именно поэтому правительство Негрина-Сталина и терпит постыдные поражения.

9. Почему разногласия между лоялистскими лидерами не могут быть отложены до победного окончания войны?

9. Разногласия касаются вопроса о том, как вести войну: при помощи полицейского террора над массами или при помощи мер социальной революции. "Отложить" эти разногласия до конца войны значит предоставить правительству Негрина полную свободу для подготовки катастрофы, т. е. военного поражения и торжества фашизма.

10. Если бы России пришлось руководить объединенным фронтом против мирового фашизма и вступить в войну с Германией и Италией, согласны ли вы были бы принять участие в такой борьбе и предложить Сталину ваше содействие?

10. Если бы СССР оказался в войне с фашистским государством, то все мои сторонники, все вообще действительные революционеры из всех сил поддерживали бы в этой войне СССР и Красную Армию, несмотря на сталинскую диктатуру. Так, в августе 1917 года большевики боролись в первых рядах против восстания реакционного генерала Корнилова, несмотря на существование правительства Керенского.

11. Надеетесь ли вы когда-либо примириться со Сталиным или же это вне всякой возможности?

11. Сталин является вождем привилегированной бюрократии и новой аристократии выскочек и потому на международной арене выступает как чисто реакционный фактор. О примирении моем с такой политикой и с теми, кто ее проводит, не может быть и речи.

12. Хотели бы вы вернуться в Россию? Надеетесь ли вы когда-либо вернуться?

12. Я не могу ставить этот вопрос в чисто сентиментальной плоскости: все зависит от политических условий. Я не сомневаюсь, что трудящиеся массы СССР низвергнут тираническую диктатуру деморализованной бюрократии. Разумеется, я готов принять участие в такого рода освободительной борьбе.

13. Могу ли я спросить, какие реформы или изменения произвели бы вы в случае вашего возвращения в Россию и получения необходимых полномочий?

13. Дело идет не обо мне лично, а о той программе, которую трудящиеся массы СССР должны осуществить и несомненно осуществят после низвержения нынешней бонапартистской диктатуры. Важнейшие реформы, на мой взгляд, таковы: восстановление самой широкой советской демократии и легализация борьбы партий; ликвидация несменяемой бюрократической касты путем выборности всех чиновников; выработка хозяйственных планов при прямом участии самого населения и в его интересах; устранение вопиющих и оскорбительных форм неравенства; ликвидация чинов, орденов и всех других отличий нового советского дворянства; радикальное изменение внешней политики в духе принципов интернационализма. Одной из частных, но важных мер я считаю гласный и открытый пересмотр всех последних судебных процессов, реабилитацию невиновных, суровую кару для организаторов подлога.

14. Имеете ли вы какое-либо заявление, которое я мог бы взять с собой, касающееся политического, экономического или социального положения в Соединенных Штатах?

14. Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, т. к. я строго придерживаюсь принципа невмешательства во внутреннюю жизнь не только Мексики, но и ее могущественного соседа - Соединенных Штатов.

Л.Троцкий

23 августа 1937 г.

P.S. Настоящие ответы должны быть напечатаны полностью и дословно. В противном случае они должны быть мне возвращены.

Л.Т[роцкий]

Не для печати, только для членов организаций

Всем организациям, примыкающим к Четвертому Интернационалу. Проверка идей и людей на опыте Испанской революции

Испанская революция имеет в глазах передовых рабочих громадное значение не только как историческое событие первостепенной важности, но и как высшая школа революционной стратегии. Идеи и люди подвергаются исключительно важной, можно сказать, безошибочной проверке. Обязанностью каждого серьезного марксиста является изучение не только событий революции, но и тех политических позиций, какие различные группировки и отдельные работники в нашей собственной среде занимают по отношению к испанским событиям.

Т[оварищ] Вэр407 и т[оварищ] Снивлит.

В этом письме я хотел бы остановиться на одном частном, но в высшей степени поучительном примере, именно, на позиции т. Вэра, одного из руководящих работников нашей бельгийской секции. Вэр выступал докладчиком по испанскому вопросу на заседании Центрального Комитета Революционной Социалистической Партии в конце июня этого года. Отчет о его докладе, напечатанный во Внутреннем Бюллетене бельгийской секции за июнь-июль, очень краток, всего около 25 строк, но он дает тем не менее достаточно ясную картину ошибок тов. Вэра, очень опасных как для нашей бельгийской секции, так и для всего Интернационала.

Тов. Снивлит, вождь голландской P.C.A.P.408, полностью солидаризировался, как известно, с политикой ПОУМа и тем ясно обнаружил, как далеко он отошел от революционного марксизма. Что касается тов. Вэра, то дело обстоит несколько иначе. Вэр осторожнее. Его рассуждения и раньше и теперь пересыпаны оговорками: "с одной стороны", "с другой стороны". Он занимает по отношению к ПОУМу "критическую" позицию, заимствуя многие аргументы из нашего общего арсенала. По существу же его центристская позиция гораздо более способна внести смуту в наши ряды, чем позиция тов. Снивлита. Необходимо поэтому подвергнуть взгляды Вэра внимательной критике.

Оптимистический фатализм как черта центризма

Вэр делал свой доклад до разгрома ПОУМа и до бандитского убийства его вождей агентами Сталина в Испании (Антонов-Овсеенко и др.) Память Нина и его соратников мы будем непримиримо защищать против клеветы московских и иных негодяев. Но трагическая гибель Нина не может изменить наших политических оценок, которые диктуются историческими интересами пролетариата, а не сентиментальными соображениями.

Тов. Вэр уже в течение длительного времени совершенно ошибочно оценивал ПОУМ, считая, что под давлением событий эта партия должна, так сказать, "автоматически" эволюционировать влево и что наша политика в Испании должна ограничиваться "критической" поддержкой ПОУМа. События совершенно не подтвердили этого фаталистического и оптимистического прогноза, который крайне характерен для центристского, а не марксистского мышления. Достаточно здесь напомнить, что тем же фаталистическим оптимизмом проникнута была вся официальная политика ПОУМа, руководство которого так же приспособилось к анархистским вождям в надежде, что они автоматически встанут на путь пролетарской революции, как Вэр приспособивался к вождям ПОУМа. Все эти ожидания потерпели полное крушение: события отбросили анархистских вождей, как и лидеров ПОУМа, не влево, а вправо. Вместо того, чтобы открыто признать ошибочность своей политики, Вэр хочет отступить незаметно на новую позицию, которая отличается от вчерашней еще большей путаностью.

Характеристика ПОУМа

В противоположность С.Н.Т.409 и Ф.А.И.410, существующих десятки лет, -так начинает Вэр свой доклад, - "ПОУМ - недавнего происхождения, разнороден, левая в нем слаба". Эта характеристика представляет радикальное осуждение не только позиции Снивлита, но и всей предшествующей политики самого Вэра. Ибо где обещанная нам эволюция влево? В то же время эта характеристика ПОУМа отличается преднамеренной неопределенностью. "Левая слаба". Слово "левая" здесь ничего не означает. Идет ли речь о марксистской фракции ПОУМа или о левоцентристской? Вэр сознательно не хочет отвечать на этот вопрос. Мы ответим за него: последовательной марксистской фракции после исключения "троцкистов" в ПОУМе нет вообще. Но даже и левоцентристская фракция слаба. В этом Вэр прав. Но это значит лишь, что после шести лет опыта революции политика ПОУМа определяется правыми центристами. Такова неприкрашенная правда.

Тов. Вэр "критикует" ПОУМ

Послушаем теперь, как Вэр критикует ПОУМ.

"Ошибки ПОУМа: присоединение к народному фронту во время выборов. Он исправил эту ошибку 19 июля 1936 г. путем вооруженной борьбы. Вторая ошибка: участие в правительстве и роспуск комитетов. Но после выхода из правительства в ПОУМе совершилось идейное очищение".

Все это напоминает, на первый взгляд, марксистскую критику. На самом деле Вэр пользуется стерилизованными обрывками марксистской критики не для того, чтоб разоблачить, а, наоборот, чтобы прикрыть оппортунистическую политику ПОУМа - и свою собственную. Прежде всего бросается в глаза, что речь идет у нашего критика об отдельных "ошибках" ПОУМа, а не о марксистской характеристике всей его политики. "Ошибки" могут быть у всякой организации. Ошибки были у Маркса, ошибки были у Ленина, у большевистской партии в целом. Но эти ошибки своевременно исправлялись благодаря правильности основной линии. У ПОУМа дело идет не об отдельных "ошибках", а о неревOLUTIONной, центристской, т. е. по существу дела оппортунистической основной линии. Иначе сказать: у революционной партии "ошибки" являются исключением; у ПОУМа исключением являлись отдельные правильные шаги.

19 июля 1936 г.

Вэр напоминает нам, что ПОУМ участвовал 19 июля 1936 г. в вооруженной борьбе. Еще бы! Не участвовать в этой борьбе, захватившей весь пролетариат, могла бы только контрреволюционная организация: никто из нас, конечно, не квалифицировал так ПОУМ. Но каким образом участие в борьбе масс, которые навязали в те дни свою политику и анархистам, и социалистам, и поумистам, могло "исправить ошибку" участия в народном фронте? Нисколько! Борьба 19 июля, несмотря на фактическую победу рабочих, закончилась экивоком двоевластия только потому, что ни одна организация не имела необходимой ясности в голове и необходимого мужества, чтобы довести борьбу до конца. Участие ПОУМа в Народном фронте было не случайной "ошибкой", а безошибочным признаком его оппортунистического характера. В июльские дни изменилась лишь внешняя обстановка, но не характер центристской партии. ПОУМ приспособлялся к рабочему восстанию, как за несколько месяцев перед тем он приспособлялся к избирательной механике Народного фронта. Левый зигзаг центризма дополняет правый зигзаг, но вовсе не "исправляет" его. И во время левого зигзага ПОУМ полностью сохранял свою половинчатую позицию и тем самым готовил будущую катастрофу.

Участие в правительстве

"Вторая ошибка, - говорит Вэр, - участие в правительстве и роспуск комитетов." Откуда же появилась эта "вторая ошибка", если участие в июльском восстании "исправило" предшествующую ложную политику? На самом деле участие в правительстве было очередным зигзагом, вытекавшим из центристской природы партии. Тов. Снивлит писал, что он "понимает" это участие. Увы, эта двусмысленная формула показывает лишь, что Снивлит не понимает законов классовой борьбы в эпоху революции. Июльские дни 1936 г., когда каталонский пролетариат при правильном руководстве мог бы без дополнительных усилий и жертв захватить всю власть и открыть эпоху диктатуры пролетариата во всей

Испании, закончились, в значительной мере по вине ПОУМа, режимом двоевластия, т. е. временным расчленением власти между пролетариатом (комитеты) и буржуазией в лице ее лакеев (лидеры сталинцев, анархистов и социалистов). Интерес рабочих состоял в том, чтобы уничтожить как можно скорее опасный экивок путем передачи всей власти комитетам, т. е. испанским советам. Наоборот, задача буржуазии состояла в том, чтобы во имя "единой власти" уничтожить комитеты. Участие Нина в официальном правительстве явилось составной частью плана буржуазии, направленного против пролетариата. Если Снивлит "понимает" это, тем хуже для него. Вэр осторожнее: он говорит об участии в правительстве, как о "второй ошибке". Недурная "ошибка", состоящая в прямой поддержке правительства буржуазии против рабочих комитетов!

"Но, - спешит прибавить Вэр, чтобы обломать лезвие своей критики, - после выхода из правительства в ПОУМе совершилось идейное очищение". Это прямая неправда, которую Вэр сам опроверг уже цитированной нами выше характеристикой ПОУМа как разнородной партии, в которой "левая слаба". Какое же это "идейное очищение", после которого даже левый центризм составляет в партии слабое меньшинство? Или, может быть, под "очищением" надо понимать... исключение большевиков-ленинцев?

Критика Интернационального Секретариата

Вэр заходит еще дальше по пути адвокатской защиты центризма. Перечислив "ошибки" ПОУМа, он для соблюдения симметрии немедленно перечисляет "ошибки" Интернационального Секретариата. Приведем снова дословную цитату:

"Ошибки И[нтернационального] С[екретариата]: десять дней после 19 июля в Париже не имели позиции. Не видели важности событий. Не принимали участия в брюссельской конференции⁴¹²: слишком дословно применяли парижскую резолюцию. Следовало воспользоваться этой okazji, чтобы толкнуть ПОУМ в сторону революционной политики. Отрезали себя от Нина, опубликовав письмо Троцкого".

Не веришь своим глазам, читая это нагромождение "обвинений"! У И[нтернационального] С[екретариата] могли, конечно, быть те или другие практические упущения и даже политические ошибки. Но ставить их на один уровень с оппортунистической политикой ПОУМа можно разве лишь для того, чтобы взять на себя неуместную роль третейского судьи между враждебной нам партией и нашей собственной международной организацией. Здесь тов. Вэр обнаруживает не в первый раз убийственное отсутствие чувства пропорции. Присмотримся, однако, ближе к его обвинениям.

"Десять дней" после 19 июля И[нтернациональный] С[екретариат] не имел позиции! Допустим, что это правильно. В чем была причина: в недостатке информации, в чрезмерной осторожности? Вэр не объясняет. Разумеется, лучше иметь "позицию" немедленно. Но при одном условии: если это правильная позиция. И[нтернациональный] С[екретариат] есть высшее административное учреждение. Он должен быть очень осторожен в занятии политической позиции, тем более, что он непосредственно не руководил и не мог руководить борьбой в Испании. Но если И[нтернациональный] С[екретариат] "через десять дней" не имел позиции, то т. Вэр через год после 19 июля занимает совершенно ложную позицию. Это неизмеримо хуже!

Конференция в Брюсселе

Нужно было, видите ли, снова участвовать в жалкой и ничтожной брюссельской конференции центристов, чтобы "толкать ПОУМ" в сторону революционной политики. Воздействовать на ПОУМ надо, оказывается, не в Барселоне, а в Брюсселе. Не перед лицом революционных масс, а в закрытом помещении конференции. Как будто мы первый раз встречаемся с вождями ПОУМа! Как будто мы в течение шести лет не пытались "толкать" их на путь революционной политики. Все методы и все пути были нами испробованы: обширная переписка, посылки делегатов, организационная связь, многочисленные статьи и целые брошюры, наконец, публичная критика. Однако вместо того, чтобы перейти на путь марксистской политики, вожди ПОУМа, испугавшиеся неумолимых требований революции, окончательно вступили на путь центризма. Все это для Вэра, очевидно, случайности, не имеющие значения. Зато огромное значение должна была иметь... центристская конференция в Брюсселе, где Вэр перед одним или двумя вождями ПОУМа произнес бы речь, которая в лучшем

случае повторяла бы то, что сотни раз говорилось и писалось до конференции. В тов. Вэре и на этот раз центрист дополняется сектантом. Для сектанта высшим моментом жизни является собственное самоопределение на 1001-й конференции!

Письмо Троцкого⁴¹³

Наконец, последнее обвинение: опубликование письма Троцкого. Письмо, насколько знаю, действительно не предназначалось для опубликования. Но нужно же поистине утратить последние остатки политического чутья, чтобы видеть в опубликовании этого письма важный фактор в определении наших отношений с ПОУМом. Письмо квалифицировало участие в блоке с буржуазией, как измену пролетариату. Верно это или неверно? Мы никогда не заподозривали чистоты намерений Нина. Но политическая оценка его участия в Народном фронте как акта измены была совершенно правильна. Каким образом, однако, опубликование этого письма могло "отрезать" нас от Нина? Ведь мы и до письма были достаточно отрезаны от него, и не случайно: вся его политика шла вразрез с нашей. Нин не по капризу порвал с нами за три года до опубликования письма Троцкого. Или, может быть, Вэр хочет сказать, что после выборов Нин эволюционировал в нашу сторону, но что опубликование письма помешало его эволюции? Иного смысла слова Вэра иметь не могут, если они вообще имеют хоть тень смысла. На самом деле, как мы знаем, Нин и его друзья продолжали считать свое участие в Народном фронте, а затем в правительстве правильным и даже требовали возобновления этого участия. Дело шло и тут не об "ошибке", а о политической линии. Наконец, если допустить даже, что ПОУМ понял "ошибку" участия в Народном фронте, то каким образом опубликование письма с резкой характеристикой этой ошибки могло помешать эволюции ПОУМа? Хочет ли Вэр сказать (что-нибудь он хочет же сказать!), что Нин так обиделся на письмо, что решил вернуться на прежнюю неправильную позицию? Но такое мнение слишком оскорбительно для Нина, который руководствовался политическими идеями, а не соображениями мелкого личного самолюбия.

Таковы те "ошибки" И[нтернационального] С[екретариата], которые Вэр ставит на одну доску с центристской политикой ПОУМа. Этим он показывает лишь, что он сам занимает позицию "третейского судьи" между марксизмом и центризмом.

Подготовка к майским дням (1937)⁴¹⁴

Дальше Вэр переходит к майским событиям этого года.

"Можно констатировать, - говорит он, - что ПОУМ ожидал их и вооружался. Размах событий застиг партию врасплох. Но какая угодно партия была бы застигнута врасплох".

Что ни фраза, то ошибка, притом не случайная ошибка, а продукт ложной политической линии. "Предвидеть" майские события и готовиться к ним можно было только одним-единственным путем: объявив непримиримую борьбу правительствам Каталонии и Испании; отказывая им в каком бы то ни было политическом сотрудничестве; противопоставляя свою партию всем остальным партиям, т. е. их руководящим центрам, в частности и в особенности, руководству С.Н.Т. (профессиональных союзов). Ни на минуту не позволять массам смешивать революционных вождей с лакеями буржуазии! Такого рода непримиримая политика, наряду, разумеется, с активным участием в военной борьбе и в революционных движениях масс, обеспечила бы ПОУМу непререкаемый авторитет в среде всех рабочих, прежде всего анархистских, составляющих большинство каталонского пролетариата. Вместо этого ПОУМ требовал возвращения своих вождей в состав контрреволюционного правительства и в то же время заверял в каждом номере "Батайа", будто рабочие могут без боя взять власть. ПОУМ выдвигал даже с этой целью игрушечный проект особого съезда, созванного буржуазным правительством для... передачи власти рабочим и крестьянам. Именно поэтому ПОУМ оказался застигнут врасплох, и майские события стали для него лишь новым этапом на пути к катастрофе. "Но, - восклицает Вэр, - любая партия была бы застигнута врасплох". Эта невероятная фраза снова показывает, что Вэр не знает разницы между центристской и марксистской партией. Можно, правда, признать, что действительно массовое восстание перерастает в той или другой степени каждую революционную партию. Но разница именно в степени: количество и здесь переходит в качество. Центристская партия захлебывается в событиях и тонет в них, а революционная

партия в конце концов овладевает ими и обеспечивает победу.

"Оборона, а не наступление"

"4 и 5 мая, - продолжает Вэр, - его (ПОУМа) политика была правильна. Оборона, а не наступление. Идти к захвату власти было бы авантюрой в условиях момента. Великой ошибкой ПОУМа было сеять иллюзии во время отступления и выдавать поражение за победу".

Вы видите, с какой аптекарской точностью Вэр взвешивает и уравнивает "правильные" действия и "ошибки" ПОУМа? Однако все рассуждение его представляет сплошную ошибку. Кто и где сказал, что идти в мае на захват власти было бы авантюрой? Не таково, прежде всего, было мнение самого ПОУМа. Ведь еще накануне он уверял рабочих, что, как только они захотят, они возьмут власть без боя. Рабочие "захотели". Где же тут авантюра? Элемент подлой провокации со стороны сталинцев имеет с интересующей нас точки зрения второстепенное значение. Все опубликованные после событий отчеты показывают, что при сколько-нибудь серьезном и уверенном в себе руководстве победа майского восстания была бы обеспечена. В этом смысле ПОУМ был прав, когда говорил, что рабочие могут захватить власть, если "захотят". Он забывал лишь прибавить: к несчастью, у вас нет революционного руководства. ПОУМ потому и только потому не мог повести каталонский пролетариат в революционное наступление, что вся его предшествующая политика сделала его неспособным на такую инициативу.

"Июльские дни" 1917 г. и "майские дни" 1937 г.

Здесь тов. Вэр может, однако, возразить нам: "Но ведь и большевики в июле 1917 года не решились на захват власти, а ограничились обороной, выведя массы из огня с возможно наименьшими жертвами. Почему же эта политика оказывается непригодной для ПОУМа?" Разберем этот довод. Товарищи Снивлит и Вэр очень любят напоминать нам, что Испания - "не Россия", что нельзя применять повсюду "русские" методы и пр. Такого рода абстрактные поучения производят совсем несерьезное впечатление. Худо ли, хорошо ли, но мы старались в течение истекших шести лет анализировать конкретные условия испанской революции. В самом начале ее мы предупреждали, что не следует ждать быстрого темпа развития событий по образцу русского 1917 года. Наоборот, мы пользовались аналогией с Великой французской революцией, которая, начиная с 1789 года, прошла через ряд этапов, прежде чем достигла в 1793 году своей кульминации. Но именно потому, что мы не привыкли шаблонизировать исторические события, мы не считаем возможным переносить тактику большевиков в июле 1917 года в Петербурге на майские события 1937 года в Каталонии. "Испания - не Россия". Черты различия слишком очевидны.

Вооруженная манифестация петербургского пролетариата вспыхнула уже через четыре месяца после начала революции, через три месяца после того, как большевистская партия развернула подлинно большевистскую программу (апрельские тезисы Ленина). Подавляющая масса населения гигантской страны едва начала выходить из февральских иллюзий. На фронте стояла 12-миллионная армия, до которой только начали докатываться слухи о большевиках. В этих условиях изолированное восстание петербургского пролетариата подвело бы его неминуемо под разгром. Надо было выиграть время. Этой обстановкой определялась тактика большевиков.

В Испании майским событиям предшествовали не четыре месяца, а шесть лет революции. Массы всей страны проделали гигантский опыт. Они давно утратили иллюзии 1931 года, как и подогретые иллюзии Народного фронта. Они успели много раз показать во всех частях страны, что готовы идти до конца. Если бы пролетариат Каталонии захватил власть в мае 1937 года, - как он ее фактически захватил в июле 1936 года, - он нашел бы поддержку во всей Испании. Буржуазно-сталинская реакция не нашла бы и двух полков для подавления каталонских рабочих. На территории, занятой Франко, не только рабочие, но и крестьяне повернулись бы в сторону пролетарской Каталонии, изолировали бы фашистскую армию и внесли бы в нее неудержимое разложение. Вряд ли какое-либо иностранное государство решилось бы при этих условиях бросить на раскаленную испанскую почву свои полки. Интервенция стала бы фактически невозможной, или, по крайней мере, менее опасной.

Разумеется, во всяком восстании есть элемент неизвестности и риска. Но весь дальнейший ход событий показал, что даже в случае поражения положение

испанского пролетариата было бы неизмеримо более благоприятно, чем сейчас, не говоря уж о том, что революционная партия навсегда обеспечила бы свое будущее.

На чем же основывает Вэр свое категорическое заявление, что захват власти в Каталонии был бы при данных условиях "авантюрой"? Решительно ни на чем, кроме... желания оправдать импотенцию центризма и заодно свою собственную политику, которая была и остается только левой тенью центризма.

Вэр защищает исключение большевиков-ленинцев

Заключительные строки отчета стоят на уровне всего доклада. "В ПОУМе нет демократии, говорят нам; но если бы бордигисты хотели прийти к нам, - возражает Вэр, - мы их приняли бы без сомнения, но без права фракции". Кто это говорит? Адвокат центризма или революционер, причисляющий себя к большевикам-ленинцам? Понять нелегко. Демократия ПОУМа вполне удовлетворяет Вэра. Оппортунисты исключают из своей партии революционеров. Вэр говорит: оппортунисты правы, т. к. зловерные революционеры устраивают фракции. Напомним еще раз то, что Вэр говорил о ПОУМе вначале: партия "недавнего происхождения, разнородная, левая в ней слаба". Из этой "разнородной" партии, которая вся, в сущности, состоит из фракций и подфракций, ПОУМ исключает не прямых реформистов, не мелкобуржуазных каталонских националистов и, конечно, не центристов, а только большевиков-ленинцев. Казалось бы, ясно? Между тем, "большевик-ленинец" Вэр одобряет реакционные репрессии центристов. Его занимает, видите ли, юридический вопрос о праве фракций, а не политический вопрос об их программе и тактике. В глазах марксиста революционная фракция внутри центристской партии есть положительный факт; сектантская или оппортунистическая фракция в революционной партии есть отрицательный факт. То обстоятельство, что Вэр сводит вопрос к голому праву фракций на существование, показывает лишь, что он совершенно утратил линию водораздела между центризмом и марксизмом. Действительный марксист сказал бы так: "Говорят, что в ПОУМе нет демократии. Это неправильно. Демократия там есть - для правых, для центристов, для путаников, но не для большевиков-ленинцев". Другими словами: объем демократии ПОУМа определяется реальным содержанием центристской политики, в корне враждебной революционному марксизму.

Непростительная выходка

Но Вэр не останавливается и на этом. В интересах защиты ПОУМа он прибегает к прямой клевете (иначе нельзя сказать!) на наших единомышленников в Каталонии. "Секция б[ольшевиков]-л[енинцев] в Барселоне, - говорит он, - была образована из карьеристов и авантюристов". Читая, не веришь глазам! Кто это говорит: социал-демократ? Сталинец? Буржуазный враг? Нет, это говорит ответственный деятель нашей бельгийской секции. Вот что значит упорствовать в ошибках, обнаруженных всем ходом событий! Завтра агенты ГПУ в Барселоне, если в их руки попадет бельгийский Бюллетень, скажут: "По признанию самого Вэра, б[ольшевики]-л[енинцы] - карьеристы и авантюристы. Надо с ними соответственным образом расправиться!" Я думаю, что долгом всех наших секций является заявить, что мы с негодованием отвергаем недопустимую выходку тов. Вэра, и что всем нашим международным авторитетом мы поддержим нашу молодую барселонскую организацию. Прибавлю тут же: как показывает ее программное воззвание от 19 июля этого года, наши барселонские товарищи неизмеримо глубже и серьезнее понимают задачи революции, чем Вэр. Действительная "ошибка" Интернационального Секретариата состоит, пожалуй, в том, что он не осудил до сих пор заявление Вэра и не потребовал такого осуждения от нашей бельгийской секции.

Надо еще раз помочь тов. Вэру вернуться на правильный путь

Мы меньше всего намерены обострять разногласия. Мы наблюдали тов. Вэра в разных условиях и на разных этапах развития бельгийской секции и международной организации. Мы все научились ценить преданность тов. Вэра делу рабочего класса, его энергию, его готовность бескорыстно отдавать этому делу все свои силы. Молодые рабочие должны этому учиться у тов. Вэра. Но что касается его политической позиции, то она, к сожалению, чаще всего отстоит на несколько метров вправо или влево от марксистской линии, причем тов. Вэр не привык щадить тех, которые остаются на этой линии. В прошлом нам

приходилось бороться преимущественно с сектантскими тенденциями тов. Вэра, которые причинили бельгийской секции немало вреда. Но и тогда для нас не было тайной, что сектантство есть только бутон, из которого всегда может развернуться цветок оппортунизма. Перед нами теперь исключительно яркое подтверждение этого закона политической ботаники. Тов. Вэр проявлял сектантство во второстепенных или формально-организационных вопросах, чтоб повернуть к оппортунизму в политическом вопросе гигантского исторического значения.

Внутренняя жизнь Четвертого Интернационала основана на принципах демократии. Тов. Вэр из этой демократии делает очень широкое, иногда даже анархическое применение. Однако преимущество режима демократии состоит в том, что подавляющее большинство, опираясь на опыт и на товарищескую дискуссию, может свободно формулировать свое авторитетное мнение и своевременно призвать к порядку меньшинство, вступившее на опасный путь. Такова лучшая услуга, которую можно сейчас оказать нашей бельгийской секции, а заодно и голландской.

Крукс415

24 августа 1937 г.

Послесловие416

Беседа по поводу китайских дел велась на английском языке, а так как я владею им очень плохо, стенограмма не могла точно выразить мои мысли. Исправить или дополнить английскую запись у меня, к сожалению, нет никакой возможности. К тому же положение со времени беседы значительно изменилось. 11-ого августа, когда происходила беседа, было еще неясно, как далеко зайдет конфликт между Японией и Китаем417. В настоящее время конфликт превратился в открытую войну, хотя, правда, и сейчас еще трудно сказать, по крайней мере отсюда, будут ли военные действия приостановлены каким-либо компромиссом или же, наоборот, развернутся в большую войну.

1) Во всяком случае, вопрос о самостоятельных, "антияпонских" организациях представляется сейчас более актуальным, чем несколько недель тому назад. И сейчас мне, однако, кажется, что наши единомышленники не могут брать на себя инициативу создания "антияпонских" организаций, без более точного определения их целей. Гораздо правильнее, кажется мне, пытаться создавать "военные" организации на классовой основе для выполнения той работы, которую в соответственном случае должны были бы выполнять профессиональные союзы. Например, если с данного завода несколько рабочих отправились на войну, нужно и должно создать группу для поддержания с ними связи и для оказания им и их семьям материальной и моральной поддержки. Такую же работу следует производить в деревнях, стараясь создать для этого особый рабочий центр в городе. Такие рабочие и крестьянские союзы помощи ушедшим на войну могут и должны настаивать перед буржуазными политическими организациями и перед революционными органами на оказании помощи семьям революционных солдат и так далее.

2) Было бы неправильно думать, что война сразу парализует экономическое оживление в стране. Наоборот, есть все основания полагать, что война вызовет в ряде отраслей промышленности лихорадочное оживление. К этому надо прибавить, что огромное пространство Китая, особенно юг и запад, останется не только вне поля военного действия, но и в значительной мере вне прямого влияния факторов войны. Можно, таким образом, ожидать, что промышленное оживление продолжится, особенно если войну будет финансировать Великобритания, Соединенные Штаты или Советский Союз. Зависимость армии и правительства от внутреннего производства должна чрезвычайно повысить роль и значение китайских промышленных рабочих. Все отрасли промышленности, особенно те, которые непосредственно работают на оборону, будут загребать большие барыши. Эта обстановка открывает широкие возможности для экономической борьбы рабочих. Правительству придется быть более осторожным в своих репрессиях, чтобы не нарушить хода военной промышленности. Разумеется, негодяи из Гоминьдана и не меньшие негодяи из сталинской партии будут кричать, что экономическая борьба во время войны антипатриотична. Однако рабочие массы вряд ли будут сочувствовать таким голосам, особенно если

действительные революционеры сумеют разоблачить огромные прибыли капиталистов и хищничество интендантов и всяких других чиновников. Разумеется, вся эта работа не только не будет наносить ущерба войне, но, наоборот, будет служить ей поддержкой. Война против Японии может лишь в том случае принять действительно национальный характер, если буржуазии не удастся взвалить всю тяжесть ее на трудящиеся массы. Вот почему огромное значение приобретают такие требования, как рабочий контроль над промышленностью, особенно над военной промышленностью, чтобы не только контролировать прибыли, но и препятствовать капиталистам поставлять в армии плохие и недоброкачественные продукты и изделия. Повседневная жизнь во время войны даст сотни и тысячи поводов для организации разного рода обществ и комитетов, в которых рабочие будут действовать рядом со студентами и мелкой буржуазией вообще. Нужно только, чтобы такие организации всегда имели перед собою хотя бы узкую, но вполне конкретную программу, связанную интересами армии и трудящихся. Незачем повторять, что рабочие-революционеры, активно участвующие в войне и в обслуживании войны, не могут и не должны брать на себя ни малейшей ответственности за буржуазное правительство. Авангард пролетариата остается и во время войны в непримиримой позиции к буржуазии. Его задача состоит в том, чтобы, опираясь на опыт войны, сплотить рабочих вокруг революционного авангарда, сплотить крестьян вокруг рабочих и тем подготовить подлинное рабоче-крестьянское правительство, т. е. диктатуру пролетариата, ведущего за собою миллионы крестьян.

С точки зрения указанной цели огромное значение имеет сохранение тесной связи с революционным рабочим внутри армии (обязательная переписка, посылки продуктов), всякого рода братания между рабочими, крестьянами и солдатами и прочее и прочее.

Таковы те короткие дополнительные замечания, которые я могу прибавить к нашей беседе от 11 августа.

[Л.Д.Троцкий]

3 сентября 1937 г.

Лицемерие под маской "беспристрастия".

Еще раз о Феннере Броквее

"Лондонское Бюро Революционных Социалистических Партий" было приглашено, наряду со 2-ым и 3-им Интернационалами, принять участие в Международной Комиссии Расследования по поводу московских процессов. 21 мая Феннер Броквей ответил от имени Бюро отказом. Мы приводим соответствующую часть его ответа дословно.

"Интернациональное Бюро не может оказать поддержки американской следственной комиссии или быть представлено в ней, ибо оно считает, что сделана была роковая ошибка, когда инициативу расследования взял на себя комитет, который сам определяет себя, как 'Комитет Защиты Троцкого'".

Выходит так, что Лондонское Бюро кровно заинтересовано в успехе расследования и, если отказывается помочь делу, то только потому, что оно начато Комитетом "защиты". Мистер Броквей указывает однако, кто собственно должен был взять на себя инициативу расследования: новый начальник ГПУ Ежов? Секретарь Коминтерна Димитров? Королевский советник Притт? Секретарь Лондонского бюро Феннер Броквей? Или, наконец, епископ кентерберийский? Наиболее "беспристрастным" из всех перечисленных кандидатов является, надо думать, сам Броквей. Однако именно он, как видно из его февральского письма к американскому социалисту Аллену⁴¹⁸, не только не собирался взять на себя инициативу расследования, но изо всех сил старался помешать инициативе других, причем ссылаясь не на интересы непристрастия, а на интересы московской бюрократии. Вот что писал Броквей Аллену: расследование может причинить "ущерб России и коммунистическим кругам". Не поразительно ли? В письме, не рассчитанном на опубликование, Броквей неосторожно выступал, как член "Комитета Защиты" Сталина, Димитрова, Вышинского и Ягоды. Я тогда же указал на это в печати. Броквей не ответил ни словом. Прошло несколько месяцев. В письме от 28 мая Броквей снова выступает против расследования, но

уже с совершенно другой аргументацией. По существу же он остается и теперь членом негласного "Комитета Защиты" фальсификаторов против их жертв.

Подозрение, которое Броквей от имени Лондонского Бюро пытается набросить на расследование, лишено какого бы то ни было юридического или морального основания. Нью-йоркский Комитет только инициатор дела, причем суть его инициативы состояла именно в том, чтобы при содействии других организаций обеспечить объективное и добросовестное расследование через особую Международную Комиссию, совершенно независимую от инициаторов.

Состав ньюйоркского Комитета неоднороден. В него входят лица, которые с самого начала понимали абсурдность и подлость московских обвинений. Другие члены не имели на этот счет готового мнения, но были встревожены или возмущены "тоталитарным" характером московского правосудия и тем фактом, что норвежские "социалистические" лакеи ГПУ заперли меня на замок как раз в тот момент, когда мне больше всего необходима была свобода для защиты не только себя, но и сотен других. Конечно, если бы ньюйоркский Комитет состоял из лицемеров, он мог бы назвать себя Комитетом для "защиты вечных основ морали". Но он предпочел действовать открыто. Под "защитой Троцкого" Комитет имел и имеет в виду не прикрытие союза Троцкого с Гитлером, а предоставление Троцкому возможности гласно опровергнуть возведенные на него обвинения. Только! И этого вполне достаточно.

Члены Комитета понимали с самого начала не хуже Феннера Броквея, что вердикт Международной Комиссии только в том случае будет иметь авторитет, если расследование будет обставлено всеми необходимыми гарантиями полноты и объективности, в частности участием в Комиссии представителей различных направлений политической мысли. Комитет начал с гласного приглашения представителей московского правительства, Коминтерна, "друзей СССР", Второго Интернационала, лондонского Бюро и прочих. Дело шло, разумеется, не о политической или моральной оценке сталинизма, троцкизма, большевизма или марксизма: ни одно политическое направление не согласится становиться объектом оценки межпартийной комиссии, и никакая разумная комиссия не возьмет на себя такой непосильной задачи. Оценка политических направлений дается массами в политической борьбе. Окончательный вердикт выносит история. Задача расследования Международной Комиссии состояла и состоит лишь в проверке определенных юридических обвинений против определенных лиц. Политические выводы из вердикта Комиссии каждое направление будет делать по-своему. Тем обязательнее было участие в расследовании для всякой организации, заинтересованной в выяснении правды. Однако прямые и косвенные агенты и "друзья" ГПУ и друзья этих друзей наотрез отказались: одни из них, в духе первого письма Феннера Броквея, ссылались на недопустимость причинять ущерб Сталину и его Коминтерну; другие же, в стиле второго письма Феннера Броквея, находили будущую комиссию недостаточно "беспристрастной". И те, и другие с полным основанием боялись расследования. А Лондонское Бюро прикрывало их тыл.

Чтобы ярче раскрыть недостойную роль этого Бюро, возьмем другой, более свежий пример. Гангстеры ГПУ убили в Испании Андрея Нина, вождя ПОУМ. Нин был моим противником. Наоборот, Феннер Броквей считал Нина своим единомышленником. Если бы Лондонское Бюро и другие "беспристрастные" Понтии Пилаты выступили с расследованием московских подлогов немедленно после процесса Зиновьева-Каменева, ГПУ, может быть, не решилось бы пустить в оборот заведомо ложное обвинение вождей ПОУМа в сотрудничестве с генералом Франко. Но этого сделано не было. "Беспристрастные" охраняли ГПУ. В результате Нин убит, убиты десятки и сотни других. ПОУМ разгромлен. Упущенного не воротишь. Но не думают ли все же господа Броквей, что наступил час для международного расследования преступлений ГПУ в Испании: подлогов, разгромов и убийств? Или, может быть, они жаждут инициативы расследования от стерилизованных жрецов беспристрастия? Пусть Броквей укажет мне их адрес и номер телефона: я немедленно обращусь к ним. Если же, как я подозреваю, их не существует в природе, пусть Лондонское Бюро возьмет на себя инициативу расследования. Пусть по примеру ньюйоркского Комитета обратится ко всем существующим рабочим Интернационалам и к отдельным выдающимся деятелям науки, литературы и искусства, известным своей честностью и неподкупностью. Если кто-нибудь скажет, что Феннер Броквей сделал "роковую ошибку", взяв на себя инициативу расследования вместо того, чтобы предоставить дело Сталину или Негрину, каждый разумный и честный человек назовет такого "обвинителя"

постыдным лицемером.

В заключение считаю нужным напомнить еще об одном немаловажном обстоятельстве. В том же февральском письме, в котором он выражал трогательную заботу об интересах Сталина, Ягоды и Димитрова, Ф.Броквей предлагал создать международную комиссию для расследования... моей политической деятельности, причем по странной "опробоченности" намеревался включить в эту комиссию Нормана Томаса, Отто Бауэра, Брантинга и других моих заклятых политических врагов. Сама мысль об "официальной" оценке политической деятельности лица или партии через посредство... следственной комиссии представляет собой такой абсурд, о котором можно говорить только на страницах провинциального журнала. Этого не мог, конечно, не понимать и Феннер Броквей. Но он пытался использовать кровавые московские амальгамы для того, чтобы нанести удар ненавистному ему большевизму ("троцкизму"), причем свою фракционную борьбу пытался прикрыть мантией беспристрастного "расследования": специалисты морали любят, как известно, ловить рыбу в мутной воде.

Мы, "аморальные" большевики, поступаем иначе. Политику Нина мы критиковали открыто при его жизни. Мы не изменили нашей оценки после его смерти. Но так как мы ни на минуту не сомневались в неподкупности этого пролетарского борца, то мы готовы сделать все для реабилитации его имени и для беспощадного клеймения его палачей. Мы заранее заявляем Феннеру Броквею и всем другим специалистам морали, что ни один из наших друзей и единомышленников не попытается использовать расследование по поводу убийства Нина для сведения счетов с политикой Нина. Для борьбы с оппортунизмом и центризмом нам нет надобности прикрываться "комиссией", созданной для совсем других целей. Такие приемы мы предоставляем Тартюфам⁴¹⁹ идеалистической морали. Мы же, грубые материалисты, предпочитаем "крапиву звать крапивой и глупостью глупцов дела". Удары противникам мы наносим открыто и за собственной ответственностью.

Л.Троцкий
Койоакан,
5 сентября, 1937.

Ответы на вопросы по поводу положения в Испании⁴²⁰

1. Разница между Негриным и Франко есть разница между загнивающей буржуазной демократией и фашизмом.

2. Везде и всегда, где революционные рабочие не в силах опрокинуть непосредственно буржуазный режим, они защищают от фашизма даже и загнивающую буржуазную демократию.

3. Рабочие защищают буржуазную демократию не методами буржуазной демократии (Народные фронты, коалиционные правительства и пр.), а своими методами, т. е. методами революционной классовой борьбы. Так, участвуя в военной борьбе против фашизма, они защищают в то же время от правительства буржуазной демократии свои собственные организации, права и интересы.

4. Буржуазная демократия загнивает вместе с капитализмом, который ее породил. Самый факт восстания фашизма против буржуазной демократии свидетельствует, что дни последней сочтены. Восстановление или возрождение буржуазной демократии не может быть поэтому программой пролетариата. Защита буржуазной демократии против фашизма есть только тактический эпизод, подчиненный стратегической задаче: опрокинуть буржуазную демократию и установить диктатуру пролетариата.

5. Коалиция с буржуазией под именем Народного фронта, участие в правительстве Народного фронта или политическая поддержка такого правительства, отход от самостоятельной агитации и организации во имя революционного низвержения революционного правительства⁴²¹, способны, в лучшем случае, продлить агонию буржуазной демократии и тем вернее подготовить торжество фашизма. Не только политика Сталина и социалистов, этих прямых лакеев контрреволюции, но и политика вождей CNT и ПОУМа являлась и остается гибельной с точки зрения интересов пролетариата.

6. Но если верно, что правительство Негрина-Сталина, как и правительство Франко, являются цепными собаками капитала; если верно, что

политика Негрина-Сталина ведет к торжеству фашизма, то совершенно неверно делать отсюда вывод, что в борьбе между армиями Негрина-Сталина и Франко пролетариат занимает нейтральную позицию. Испанский, как и международный пролетариат, заинтересован а) в военном разгроме Франко; б) в такой политике пролетариата во время гражданской войны, которая готовила бы скорейшее низвержение правительства Негрина-Сталина.

7. Можно привести такое возражение: во время войны между двумя буржуазными государствами революционный пролетариат, независимо от политического режима, стоит на позиции: "поражение собственного правительства есть меньшее зло". Не применима ли эта политика и к гражданской войне, в которой борются два буржуазных правительства друг против друга? Нет, неприменима. В войне между буржуазными государствами дело идет об империалистических завоеваниях, а не о борьбе демократии или фашизма. В испанской гражданской войне дело идет именно о борьбе демократии и фашизма. Для капитала между демократией и фашизмом нет серьезной разницы: он пользуется для своих целей демократией или фашизмом в зависимости от обстоятельств. Но для мелкобуржуазных агентов капитала: вождей социал-демократии, сталинцев, анархистов - демократия означает источник существования и влияния; фашизм - гибель. Революционный пролетариат не должен валить оба воюющих лагеря в одну кучу, наоборот, он должен использовать их борьбу в своих интересах. Сделать это он может не политикой "нейтралитета", а нанося главные удары врагу No 1, именно, фашизму.

8. Франко - открытый, явный, непосредственный и смертельный враг, ненавидимый подавляющим большинством рабочих и крестьян. Негрин, Сталин, Кабальеро и К° - менее открытые, более замаскированные враги, ведущие за собой миллионы рабочих и крестьян. С Франко возможна только физическая борьба. С Негриным физическая борьба пока еще невозможна: ее надо готовить политически. Главная форма подготовки: обвинение в плохом ведении войны. Причина: служение капиталу.

9. Можно сказать, что два империалистических лагеря (Италия-Германия, с одной стороны, Англия-Франция-СССР, с другой) ведут борьбу на почве Пиренейского полуострова и что гражданская война в Испании является только "эпизодом" этой борьбы. В смысле исторической тенденции это верно. Но нельзя отождествлять историческую тенденцию с конкретным ходом гражданской войны. Вмешательство империалистических государств имеет, бесспорно, огромное влияние на развитие событий в Испании, но до сих пор не изменило их основного смысла, как борьбы между лагерем демократии и лагерем фашизма.

10. Если гражданская война затянется, то разница между воюющими лагерями может свестись к нулю. Это верно. Но только может. Пока еще не свелась. Надо использовать ту обстановку, какая есть. Возможно и другое: под влиянием поражений Негрин-Сталин окажутся вынуждены идти на уступки, как Негрин в августе. Мы используем уступки для низвержения Негрина.

11. Если бы Л.Кабальеро открыл борьбу против Негрина, как многие ожидали, мы приняли бы в этой борьбе активное участие, не неся новой ответственности, обвиняя Л.Кабальеро в недостатке решительности и пр. Но Кабаллеро трусливо сбежал за границу от собственной армии и от анархистских рабочих (U.G.T.) 422, которые толкали его на путь борьбы. Побег этого водевильного героя разрушает много иллюзий и открывает больше простора для революционеров. Ведя войну против Франко, надо политически мобилизовать массы против Негрина.

Саботаж и бойкот. Пароход с оружием для Франко и для Негрина. Кто будет топить? Но ведь Негрин будет этим оружием истреблять и революционеров? 9 фашистов и 1 революционер. У Франко: 10 рабочих и крестьян.

12. Волонтеры для Негрина? Собирать деньги? Абсурд! Помочь нашим единомышленникам. Посылка людей для революционной работы.

13. Комитеты помощи, митинги, трэд-юнионы. Посылать профсоюзам, не правительству. Помощь стачечникам через стачечный комитет, хотя бы и реформистский. Лозунг: "Ни победы, ни поражений!"; им: "Мы не оборонцы и не пораженцы", - ложный принципиально, губительный политически. Он лишен какой бы то ни было агитационной силы. Это лозунги для клуба имени Понтия Пилата, а не для революционной партии. Мы за победу над Франко. Мы за защиту рабочих организаций и завоеваний революции (социализации, коллективизации) от Франко. Мы оборонцы. Пораженцами являются Негрин и К°. Мы участвуем в войне против Франко как лучшие солдаты. В то же время в интересах победы над

фашизмом, мы ведем пропаганду социалистической революции и готовим низвержение пораженческого правительства Негрина. Только такая постановка вопроса даст нам доступ к массам.

[Л.Д.Троцкий]

14 сентября 1937 г.

Койоакан

[Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому]

Париж, 17 сентября 1937 г.

Дорогой друг,

Вчера утром я вернулся на свое постоянное местожительство (с некоторым запозданием, ибо простудился). Вчера же послал вам телеграмму об убийстве Людвиг⁴²³ (заявление его было вам своевременно послано). Надеюсь, что вы его получили.

Речь идет об одном из резидентов Г[ПУ]⁴²⁴ за границей, кажется представлявшего учреждение в Англии, Бельгии и Голландии и связавшего[ся] со Снеив[литом] несколько месяцев тому назад.

В качестве первых инфораций прилагаю коммюнике для прессы по-французски, написанное [Виктором] Сержем и ни [к] черту не годное. Ни слова о значении акта, об ответственных и пр. (Серж безнадежный литератор). Заметки по-русски составлены Эт[ьеном]. Русский язык не его родной.

Я должен прежде всего сказать, что во всем этом деле Снив[лит] несет немалую долю ответственности. С самого начала и вплоть до последнего времени я делал безуспешные попытки вступить в непосредственную связь с Людвигом и наткнулся на сопротивление и саботаж Снив[лита]. Под самыми разнообразными предложениями он оттягивал установление связи, кормил меня обещаниями и обманывал. Я отложил свой отъезд в отпуск на неделю в ожидании свидания, но Снив[лит] почему-то отменил его и отложил на несколько недель. А когда свидание, наконец, было назначено, хотя и в невозможных для меня условиях и в городе, было уже слишком поздно. Если я пишу об этой отвратительной стороне дела, то потому, что под практическим углом зрения она сохраняет все свое значение. В живых осталась жена, тесно работавшая вместе с мужем, посвященная во все его дела, в распоряжении которой находятся не только самые интересные сведения, но и архивы и записки и пр[очее] погибшего⁴²⁵. Вместе со Сни[влитом] она была в Париже, но он заявил, что не даст мне возможности ее увидеть. Нагло стуча кулком по столу, он кричал Эт[ьену], что он является единственным посредником и никому не позволит и пр. Когда Эт[ьен], которому случайно удалось повидать жену (по оплошности Сержа, который имеет доступ к этому делу по милости Сни[влита] и пользуется оным не в интересах дела, а мелкого литературного тщеславия), пытался заговорить с ней на ее родном языке, он был грубо оборван Снив[литом]. После увещаний Снив[лит] согласился назначить мне свидание, но за несколько часов до того уехал вместе с женой Людвиг из Парижа. Как выяснилось, Снив[лит] заранее узнал, что он уедет и просто обманул нас. Все его стремления направлены к тому, чтобы нажить на этом деле политический капитал, напечатать все, что можно, в своем провинциальном "Факеле"⁴²⁶ и пользоваться женой Людвиг и ее сведениями как разменной монетой в интригах против нас и пр. Подлец!

При создавшихся условиях мне вряд ли удастся установить связь с женой и получить от нее интересующие нас сведения. Я еще не знаю - обдумываю, - как я буду реагировать на поведение Снив[лита]. Вероятно, напишу ему крайне резкое письмо и пригрожу ему тем, что осведомлю всех товарищей о его поведении, если он немедленно не изменит его. Но вряд ли это поможет, тем более, что он единственный человек, которого знает жена, и в ее нынешнем состоянии она неспособна оказать никакого сопротивления. Единственная возможность, по крайней мере надежда, - это ваше энергичное и немедленное вмешательство, написать ей непосредственно, может быть даже протелеграфировать, поставив ряд вопросов и высказав необходимость непосредственной личной связи со мной. Ей можно писать на всех языках, например, по-русски. В этом случае Снив[лит] не сможет прочесть письма, но передаст ли он его по назначению, - тоже неизвестно. Причем нет сомнений, что как перед Людвигом, так и перед его женой Сни[влит] выступает в качестве

представителя IV [Интернационала], вашего друга и пр.

Если бы оказалось возможным, я считал бы крайне желательным приезд жены в город, где работает международная комиссия. Она могла бы стать важнейшим свидетелем, ибо всего несколько месяцев тому назад покинула Москву, прекрасно знает работу Г[ПУ], в том числе и подготовку процессов и пр. и пр. Теперь, после гибели мужа, она по-видимому склонна пойти на все. (Ее "жить не хочу", насколько я понял, не есть страх за свою жизнь, а желание жить, чтобы отомстить, т. е. предать гласности все, что она знает, и показать образ своего мужа, который, по ее словам, был исключительным революционером). Ей несомненно грозит сейчас серьезная опасность и в какой мере Снив[лит] способен охранить ее, - весьма сомнительно. И с этой точки зрения связь ее с нами была бы ценна для нее, как и наличие связи с нами ее мужем могло бы, может быть, предотвратить его гибель.

Насколько можно пользоваться сведениями, сообщенными в прилагаемой записке - не знаю, надо, во всяком случае, соблюдать осторожность. Знаю, например, что о деле Грил[евича]427 (п. 1) она настоятельно просила ничего не сообщать, ибо это может скомпрометировать источник информации.

На этом я пока кончаю. Ты, вероятно, получишь одновременно или в ближайшие дни письмо от Снив[лита] по этому вопросу. Он, во всяком случае, обещался тебе подробно написать, но выполнит ли, в какой форме, с каким цензурными сокращениями и пр. - неизвестно.

На твои письма отвечаю со следующим пароходом, и вообще напишу о разных вопросах. Письма и статьи получены. "Бюллетень" выходит на днях.

У нас здесь довольно сложный переплет и очень трудные условия для работы. В связи со взрывами идет травля иностранцев, обыски и пр., пока мы не перестроились, негде приткнуться, ряд наших материалов конфискован и [...]428

[Л.Л.Седов]

[Письмо Д.Лондон]429

Джоан Лондон

Дорогой товарищ!

Не без чувства смущения я должен признаться, что только в последние дни, т. е. с запозданием в тридцать лет, я в первый раз прочитал "Железную пята" Джека Лондона430. Книга произвела на меня - говорю без преувеличения - большое впечатление. Не своими художественными качествами: форма романа есть здесь только оправа для социального анализа и прогноза. Автор преднамеренно экономит в применении художественных средств. Его самого интересует не индивидуальная судьба его героев, а судьба человеческого рода. Этим я совсем не хочу, однако, уменьшить художественную ценность произведения, особенно последних его глав, начиная с Чикагской коммуны. Картина гражданской войны разворачивается в мощные фрески. Но не это все же главное. Книга поразила меня смелостью и независимостью исторического предвидения.

Мировое рабочее движение стояло в конце прошлого и в начале нынешнего столетия под знаком реформизма. Раз навсегда казалась установленной перспектива мирного и непрерывного прогресса, расцвета демократии и социальных реформ. Правда, первая русская революция оживила радикальное крыло германской социал-демократии и придала на время динамическую силу анархо-синдикализму во Франции. "Железная пята" несет на себе несомненный отпечаток 1905 года. Но к тому времени, когда эта замечательная книга вышла в свет, в России утвердилось уже господство контрреволюции. На мировом фронте поражение русского пролетариата дало возможность реформизму не только вернуть временно утраченные позиции, но и полностью подчинить себе организованное рабочее движение. Достаточно напомнить, что именно за следующие семь лет (1907-1914) международная социал-демократия окончательно созрела для своей подлой и постыдной роли во время мировой войны.

Джек Лондон не только творчески воспринял толчок, данный первой русской революцией, но и сумел в ее свете заново продумать судьбу капиталистического общества в целом. Именно те проблемы, которые тогдашний официальный сталинизм считал окончательно похороненными: рост богатства и могущества на одном полюсе, нищеты и страданий - на другом; накопление социальной

ненависти и ожесточения; неотвратимая подготовка кровавых катаклизмов, - все эти вопросы Джек Лондон прочувствовал с такой неустрашимостью, которая снова и снова заставляет с изумлением спрашивать себя: когда это написано? Неужели до войны?

Надо особо выделить ту роль, которую Джек Лондон отводит в дальнейших судьбах человечества рабочей бюрократии и аристократии. Благодаря их поддержке американской плутократии удастся не только разгромить восстание трудящихся, но и удержать свою железную диктатуру в течение трех следующих столетий. Не будем с поэтом спорить насчет срока, который не может не казаться нам чрезмерно долгим. Дело здесь, однако, не в пессимизме Лондона, а в его страстном стремлении встряхнуть убаюканных рутиной, заставить их открыть глаза и увидеть то, что есть, и то, что надвигается. Художник смело пользуется приемами гиперболы. Он доводит заложенные в капитализме тенденции гнета, жестокости, зверства, предательства до их крайнего выражения. Он оперирует столетиями, чтобы измерить тираническую волю эксплуататоров и изменническую роль рабочей бюрократии. Но его наиболее "романтические" гиперболы в последнем счете гораздо реалистичнее, чем бухгалтерские расчеты так называемых "трезвых политиков".

Нетрудно представить себе, с каким снисходительным недоумением официальная социалистическая мысль того времени относилась к грозным пророчествам Джека Лондона. Если дать себе труд просмотреть тогдашние рецензии на "Железную пяту" в немецких "Нейе Цайт"⁴³¹ и "Форвертс"⁴³², австрийских "Кампф"⁴³³ и "Арbeiter Цейтунг"⁴³⁴ и других социалистических изданиях в Европе и Америке, то нетрудно было бы убедиться, что тридцатилетний "романтик" видел неизмеримо яснее и дальше, чем все тогдашние вожди социал-демократии, вместе взятые. Но Джек Лондон выдерживает в этой области сравнение не только с реформистами и центристами. Можно сказать с уверенностью, что в 1907-м году ни один из революционных марксистов, не исключая Ленина и Розы Люксембург, не воображал себе с такой полнотой зловещую перспективу союза между финансовым капиталом и рабочей аристократией. Этого одного достаточно, чтобы определить удельный вес романа.

Фокусом книги является, бесспорно, глава "Ревущий зверь из бездны". В то время, когда появился роман, эта апокалиптическая глава должна бы казаться пределом гиперболы. Между тем, последующая действительность едва ли не превзошла ее. А ведь последнее слово классовой борьбы еще далеко не сказано! "Зверь из бездны" - это доведенный до крайней степени угнетения, унижения и вырождения народ. Кто сейчас отважится говорить по этому поводу о пессимизме художника? Нет, Лондон - оптимист, только зрячий и зоркий. "Вот в какую бездну столкнет вас буржуазия, если вы не справитесь с ней!" - такова его мысль. Сегодня она звучит неизмеримо актуальнее и острее, чем тридцать лет тому назад. Еще более поражает, однако, поистине пророческое предвидение тех методов, при помощи которых Железная Пята будет поддерживать свое господство над раздавленным человечеством. Лондон проявляет великолепную свободу от реформистски-пацифистских иллюзий. От демократии и мирного прогресса в его картине будущего не остается и следа. Над массой обездоленных возвышаются касты рабочей аристократии, преторианской армии, всепроникающего полицейского аппарата с финансовой олигархией во главе. Читая, не веришь глазам: ведь это же картина фашизма, его экономики, его государственной техники, его политической психологии! (Особенно замечательны страницы 299, 300 и примечание на странице 301). Факт неоспоримый: уже в 1907 году Лондон предвидел и описал фашистский режим, как неизбежный результат поражения пролетарской революции. Каковы бы ни были отдельные "ошибки" романа, - а они есть, - мы не можем не преклоняться перед мощной интуицией революционного художника.

Я пишу эти строки наспех. Очень опасаясь, что обстоятельства не позволят мне дать сколько-нибудь законченную оценку Джека Лондона. Постараюсь со временем прочитать и другие его книги, посланные вами, и высказаться о них. Вы можете делать из моих писем то употребление, которое сами найдете нужным. Горячо желаю вам успеха в вашей работе над биографией вашего великого отца.

С товарищеским приветом

Л.Троцкий

16 октября, 1937

(Предисловие к первому изданию "Манифеста" на языке африкаанс435)

Трудно поверить, что остается всего 10 лет до столетнего юбилея "Манифеста Коммунистической Партии"! Этот гениальнейший из всех памфлетов мировой литературы поражает и ныне своей свежестью. Наиболее важные его части кажутся написанными вчера. Поистине, молодые авторы (Марксу было 29 лет, Энгельсу – 27) сумели заглянуть так далеко вперед, как не заглядывал никто до них и, пожалуй, никто после них.

Уже в предисловии к изданию 1872 г. Маркс и Энгельс заявили, что, несмотря на устарелость некоторых второстепенных частей "Манифеста", они не считают себя вправе изменять первоначальный текст, так как за истекшие 25 лет "Манифест" успел стать историческим документом. С того времени прошло еще 65 лет. Отдельные части "Манифеста" еще более отошли в прошлое. Мы постараемся в сжатой форме установить в этом "Предисловии", как те идеи "Манифеста", которые полностью сохранили свою силу до сегодняшнего дня, так и те, которые нуждаются ныне в серьезных изменениях или дополнениях.

1. Материалистическое понимание истории, только незадолго перед тем открытое Марксом и примененное в "Манифесте" с законченным мастерством, полностью выдержало испытание событий и удары вражеской критики и составляет ныне одно из наиболее драгоценных орудий человеческой мысли. Все другие истолкования исторического процесса утратили всякое научное значение. Можно сказать с уверенностью, что нельзя в наше время быть не только революционным борцом, но и просто политически грамотным человеком, не усвоив себе материалистическое понимание истории.

2. Первая глава "Манифеста" открывается словами: "История всех существовавших до сих пор обществ есть история классово́й борьбы". Это положение, как важнейший вывод из материалистического понимания истории само стало немедленно объектом классово́й борьбы. Против теории, которая на место "общего блага", "национального единства" и "вечных истин и морали" поставила в качестве движущей силы борьбу материальных интересов, велись особенно ожесточенные атаки со стороны реакционных лицемеров, либеральных доктринеров и идеалистических демократов. К ним присоединились позже, уже из среды самого рабочего движения, так называемые ревизионисты, т. е. проповедники пересмотра ("ревизии") марксизма в духе сотрудничества и примирения классов. Наконец, в наше время на тот же путь стали практически презренные эпигоны Коминтерна ("сталинцы"): политика так называемых "народных фронтов" целиком вытекает из отрицания законов классово́й борьбы. Между тем, именно эпоха капитализма, доведшая все социальные противоречия до крайнего выражения, является высшим теоретическим торжеством "Коммунистического Манифеста".

3. Анатомию капитализма как определенной стадии в экономическом развитии общества Маркс дал в законченном виде в своем "Капитале" (1867). Но уже в "Коммунистическом Манифесте" твердым резцом проведены основные линии будущего анализа: оплата рабочей силы в размерах, необходимых для ее воспроизводства; присвоение капиталистами прибавочной стоимости; конкуренция как основной закон общественных отношений; разорение промежуточных классов, т. е. городской мелкой буржуазии и крестьянства; концентрация богатств в руках все меньшего числа собственников на одном полюсе, численный рост пролетариата на другом; подготовка материальных и политических предпосылок социалистического режима.

4. Жестокому обстрелу подвергалось положение "Манифеста" о тенденции капитализма снижать жизненный уровень рабочих и даже превращать их в пауперов. Против так называемой "теории обнищания" выступали попы, профессора, министры, публицисты, социал-демократические теоретики и вожди трэд-юнионов. Они неизменно открывали растущее благосостояние трудящихся, выдавая рабочую аристократию за пролетариат или принимая временную тенденцию за всеобщую. Тем временем развитие даже наиболее могущественного, именно североамериканского, капитализма превратило миллионы рабочих в пауперов,

содержащихся за счет государственной, муниципальной или частной благотворительности.

5. В противовес "Манифесту", который изображал торгово-промышленные кризисы как ряд возрастающих катастроф, ревизионисты заверяли, что национальное и интернациональное развитие трестов обеспечит контроль над рынком и постепенно приведет к победе над кризисами. Конец прошлого и начало нынешнего столетия действительно отличались столь бурным развитием капитализма, что кризисы казались только "случайными" заминками. Но эта эпоха отошла в безвозвратное прошлое. В последнем счете правота и в этом вопросе оказалась на стороне "Манифеста".

6. "Современная государственная власть есть только Комитет, заведующий общими делами всей буржуазии". В этой сжатой формуле, которая вождям социал-демократии казалась публицистическим парадоксом, заключена на самом деле единственно научная теория государства. Созданная буржуазией демократия не есть пустая оболочка, в которую, как одинаково думали Бернштейн и Каутский, можно мирно вложить любое классовое содержание. Буржуазная демократия может служить только буржуазии. Правительство "народного фронта" во главе с Блком или Шотаном⁴³⁶, Кабальеро или Негриным есть только "комитет", заведующий общими делами всей буржуазии". Когда такой "комитет" плохо справляется с делами, буржуазия прогоняет его пинком ноги.

7. "Всякая классовая борьба есть политическая борьба". "Организация пролетариата, как класса, [есть]⁴³⁷ тем самым его организация в политическую партию". От понимания этих исторических законов долго уклонялись - пытаются уклоняться и сейчас, - с одной стороны, трэд-юнионисты, с другой, - анархо-синдикалисты. "Чистый" трэд-юнионизм попал ныне под сокрушительный удар в своем главном убежище: Соединенных Штатах. Анархо-синдикализм потерпел непоправимое поражение в своей последней цитадели: Испании. "Манифест" и здесь оказался прав.

8. Пролетариат не может завоевать власти в рамках законов, установленных буржуазией. "Коммунисты... объявляют открыто, что их цели могут быть достигнуты только посредством насильственного низвержения всего существовавшего до сих пор общественного порядка". Реформизм пытался объяснить это положение "Манифеста" незрелостью движения того времени и недостаточностью развития демократии. Судьба итальянской, германской и длинного ряда других "демократий" показывает, что "незрелостью" отличались идеи самих реформистов.

9. Для социалистического преобразования общества необходимо, чтобы рабочий класс сосредоточил в своих руках такую власть, которая способна сломить все политические препятствия на пути нового строя. "Пролетариат, организованный в качестве господствующего класса", - это и есть диктатура. В то же время это есть единственно реальная пролетарская демократия. Ее ширина и глубина зависят от конкретных исторических условий. Чем большее число государств вступит на путь социалистической революции, тем более свободные и гибкие формы будет иметь диктатура, тем шире и глубже будет рабочая демократия.

10. Международное развитие капитализма предопределило международный характер революции пролетариата. "Объединенные действия, по крайней мере, цивилизованных стран являются одним из первых условий его освобождения". Дальнейшее развитие капитализма так тесно связало все части нашей планеты, "цивилизованные" и "нецивилизованные", что проблема социалистической революции полностью и окончательно приняла мировой характер. Советская бюрократия попыталась в этом основном вопросе ликвидировать "Манифест". Бонапартистское перерождение советского государства явилось убийственной иллюстрацией ложности теории социализма в отдельной стране.

11. "При исчезновении в ходе развития классовых различий и при сосредоточении всего производства в руках ассоциированных индивидуумов, общественная власть теряет политический характер". Иначе сказать: государство отмирает. Остается общество, освободившееся от смиренной рубашки. Это и есть социализм. Обратная теорема: чудовищный рост государственного насилия в СССР свидетельствует, что общество отдаляется от социализма.

12. "У рабочих нет отечества". Эти слова "Манифеста" не раз расценивались филистерами как агитационная бутада⁴³⁸. На самом деле они дали пролетариату единственно мыслимую директиву в вопросе о капиталистическом

"отечестве". Нарушение этой директивы Вторым Интернационалом привело не только к четырехлетнему разрушению Европы, но и к нынешнему застою мировой культуры. Ввиду надвигающейся новой войны, которой измена Третьего Интернационала расчистила дорогу, "Манифест" и сейчас остается самым надежным советником в вопросе о капиталистическом "отечестве".

*

Мы видим, таким образом, что небольшое произведение двух молодых авторов продолжает давать неизменные указания в самых важных и острых вопросах освободительной борьбы. Какая другая книга способна хоть отдаленно померяться в этом отношении с "Коммунистическим Манифестом"? Однако это вовсе не значит, что после 90 лет беспримерного развития производительных сил и величайших социальных боев "Манифест" не нуждается ни в поправках, ни в дополнениях. Революционная мысль не имеет ничего общего с идолопоклонством. Программы и прогнозы проверяются и исправляются в свете опыта, который является высшей инстанцией для человеческой мысли. В поправках и дополнениях нуждается и "Манифест". Однако эти поправки и дополнения, как свидетельствует тот же исторический опыт, могут быть с успехом сделаны, только исходя из метода, положенного в основу "Манифеста". Мы попытаемся показать это на важнейших примерах.

1. Маркс учил, что никакой общественный строй не сходит со сцены, пока не исчерпает своих творческих возможностей. "Манифест" бичует капитализм за задержку развития производительных сил. Однако в тот период, как и в дальнейшие десятилетия, эта задержка имела лишь относительный характер: если бы во второй половине XIX века хозяйство могло быть организовано на началах социализма, темпы его роста были бы неизмеримо выше. Это теоретически бесспорное положение не отменяет, однако, того факта, что производительные силы продолжали расти в мировом масштабе вплоть до мировой войны. Только последние двадцать лет, несмотря на новейшие завоевания науки и техники, открыли эпоху прямого застоя и даже упадка мирового хозяйства. Человечество начинает проживать накопленный капитал, а ближайшая война грозит надолго разрушить самые основы цивилизации. Авторы "Манифеста" рассчитывали, что капитализм пойдет на слом задолго до того, как из относительно реакционного превратился в абсолютно реакционный режим. Такое превращение окончательно определилось лишь на глазах нынешнего поколения и превратило нашу эпоху в эпоху войн, революций и фашизма.

2. Ошибка Маркса-Энгельса в исторических сроках вытекала, с одной стороны, из недооценки заложенных в капитализме дальнейших возможностей, с другой стороны, из переоценки революционной зрелости пролетариата. Революция 1848 г. не превратилась в социалистическую, как рассчитывал "Манифест", но раскрыла перед Германией возможность грандиозного капиталистического расцвета в дальнейшем. Парижская Коммуна показала, что пролетариат не может вырвать у буржуазии власть, не имея во главе закаленной революционной партии. Между тем, дальнейший длительный период капиталистического подъема привел не к воспитанию революционного авангарда, а, наоборот, к буржуазному перерождению рабочей бюрократии, которая стала, в свою очередь, главным тормозом пролетарской революции. Этой "диалектики" авторы "Манифеста", само собою, еще совершенно не могли предвидеть.

3. Капитализм для "Манифеста" - царство свободной конкуренции. Говоря о возрастающей концентрации капитала, "Манифест" еще не делает необходимого вывода о монополии, которая стала господствующей формой капитала нашей эпохи и важнейшей предпосылкой социалистического хозяйства. Только позже, в "Капитале", Маркс установил тенденцию к превращению свободной конкуренции в монополию. Научную характеристику монополистического капитализма дал Ленин в своем "Империализме".

4. Опираясь преимущественно на образец "промышленной революции" в Англии, авторы "Манифеста" слишком прямолинейно представляли себе процесс ликвидации промежуточных классов как сплошную пролетаризацию ремесла, мелкой торговли и крестьянства. На самом деле стихийные силы конкуренции далеко не довели этой своей в одно и то же время прогрессивной и варварской работы. Капитал разорял мелкую буржуазию гораздо скорее, чем пролетаризировал ее. К тому же сознательная политика буржуазного государства давно уже направляется на искусственное поддержание мелкобуржуазных слоев. Рост техники и

рационализация крупного производства, порождая органическую безработицу, препятствуют пролетаризации мелкой буржуазии с противоположного конца. В то же время развитие капитализма чрезвычайно усилило рост армии техников, администраторов, торговых служащих, словом, так называемого "нового среднего сословия". В результате промежуточные классы, об исчезновении которых "Манифест" говорит в столь категорических словах, составляют даже в такой высокоиндустриальной стране, как Германия, около половины населения. Однако искусственное сохранение давно переживших себя мелкобуржуазных слоев несколько не смягчает социальных противоположностей, наоборот, придает им особую болезненность и является, наряду с перманентной армией безработных, наиболее злокачественным выражением загнивания капитализма.

5. Рассчитанный на революционную эпоху "Манифест" заключает в себе (конец II главы) 10 требований, отвечающих периоду непосредственного перехода от капитализма к социализму. В "Предисловии" 1872 г. Маркс и Энгельс объявили эти требования частично устаревшими и во всяком случае имеющими лишь второстепенное значение. Реформисты ухватились за эту оценку, истолковывая ее в том смысле, будто переходные революционные требования навсегда уступили свое место социал-демократической "программе-минимум", не выходящей, как известно, за пределы буржуазной демократии. На самом деле авторы "Манифеста" совершенно точно указали главную поправку к своей переходной программе, именно: "Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и привести ее в движение для собственных целей". Поправка направлялась, другими словами, против фетишизма буржуазной демократии. Капиталистическому государству Маркс противопоставил позже государство типа Коммуны. Этот "тип" принял в дальнейшем гораздо более отчетливую форму советов. Сейчас не может быть революционной программы без советов и без рабочего контроля. Во всем остальном 10 требований "Манифеста", казавшихся в эпоху мирной, парламентской деятельности "архаическими", возвратили себе ныне целиком свое актуальное значение. Наоборот, безнадежно устарела социал-демократическая "программа-минимум".

6. В обоснование надежды на то, что "немецкая буржуазная революция... может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции", "Манифест" ссылается на более продвинувшиеся вперед общие условия европейской цивилизации, по сравнению с Англией XVII и Францией XVIII века и на значительно более развитый пролетариат. Ошибка этого прогноза состояла не только в сроке. Революция 1848 г. уже через несколько месяцев обнаружила, что именно при более развитых условиях ни один из буржуазных классов не способен довести революцию до конца: крупная и средняя буржуазия слишком связана с землевладельцами и скована страхом перед массами; мелкая буржуазия слишком расслоена и в руководящих верхах своих слишком зависима от крупной буржуазии. Как показало все дальнейшее развитие в Европе и Азии, буржуазная революция, изолированно взятая, вообще не может быть более завершена. Полная чистка общества от феодального хлама мыслима только при том условии, если пролетариат, освободившись от влияния буржуазных партий, способен стать во главе крестьянства и установить свою революционную диктатуру. Тем самым буржуазная революция переплетается с первым этапом социалистической, чтобы в дальнейшем раствориться в ней. Национальная революция становится при этом звеном международной. Преобразование экономических основ и всех отношений общества принимает перманентный (непрерывный) характер.

Для революционных партий отсталых стран Азии, Латинской Америки и Африки ясное понимание органической связи демократической революции с диктатурой пролетариата и тем самым с международной социалистической революцией является вопросом жизни и смерти.

7. Показывая, как капитализм втягивает в свой водоворот отсталые и варварские страны, "Манифест" ничего не говорит еще о борьбе колониальных и полуколониальных народов за свою независимость. Поскольку Маркс и Энгельс считали, что социалистическая революция, "по крайней мере, в цивилизованных странах", есть дело ближайших лет, постольку вопрос о колониях решался для них сам собой, в результате самостоятельного движения угнетенных народов, а в результате победы пролетариата в метрополиях капитализма. Вопросы революционной стратегии в колониальных и полуколониальных странах совершенно не затронуты поэтому в "Манифесте". Между тем эти вопросы требуют настоятельных решений. Так, например, совершенно очевидно, что, если "национальное отечество" стало худшим историческим тормозом в развитых

капиталистических странах, то оно остается еще относительно прогрессивным фактором в отсталых странах, которым приходится бороться за независимое существование. "Коммунисты везде поддерживают, - гласит "Манифест", - всякое революционное движение против существующих общественных и политических условий". Движение цветных рас против империалистических угнетателей есть одно из самых важных и могущественных движений против существующего строя и потому требует полной, безоговорочной, беззаветной поддержки со стороны пролетариата белой расы. Заслуга развития революционной стратегии угнетенных народов принадлежит главным образом Ленину.

8. Наиболее устаревшей частью "Манифеста" - не по методу, а по материалу - является критика "социалистической" литературы первой половины девятнадцатого века (III глава) и определение позиции коммунистов по отношению к различным оппозиционным партиям (IV глава). Течения и партии, перечисленные в "Манифесте", были так радикально сметены революцией 1848 г. или последовавшей за ней контрреволюцией, что даже названия их теперь приходится искать в историческом словаре. Однако и в этой своей части "Манифест" нам сейчас ближе, пожалуй, чем предшествующему поколению. В эпоху расцвета Второго Интернационала, когда марксизм казался безраздельно господствующим, идеи домарксовского социализма могли считаться окончательно отошедшими в прошлое. Не то сейчас. Разложение социал-демократии и Коминтерна порождает на каждом шагу чудовищные идеологические рецидивы. Одряхлевшая мысль как бы впадает в детство. В поисках спасительных формул пророки упадочной эпохи открывают заново доктрины, давно уже похороненные научным социализмом.

Что касается вопроса об оппозиционных партиях, то здесь истекшие десятилетия внесли наиболее глубокие изменения не только в том смысле, что старые партии давно вытеснены новыми, но и в том, что сам характер партий и их взаимоотношения радикально изменились в условиях империалистической эпохи. Манифест должен быть дополнен поэтому важнейшими документами первых четырех конгрессов Коминтерна, основной литературой большевизма и решениями конференций Четвертого Интернационала.

*

Выше мы уже напомнили, что никакой общественный строй не сходит, по Марксу, со сцены, прежде чем не исчерпает заложенные в нем возможности. Однако и переживший себя общественный строй не уступает без сопротивления свое место новому. Смена общественных режимов предполагает самую суровую форму классово-борьбы, т. е. революцию. Если пролетариат оказывается по тем или другим причинам неспособен смелым ударом свергнуть переживший себя буржуазный строй, то финансовому капиталу в борьбе за свое неустойчивое господство не остается ничего другого, как превратить разоренную и деморализованную им мелкую буржуазию в погромную армию фашизма. Буржуазное перерождение социал-демократии и фашистское перерождение мелкой буржуазии связаны между собою, как причина и следствие.

Сейчас Третий Интернационал с гораздо большей разнузданностью, чем Второй, выполняет во всех странах работу обмана и деморализации трудящихся. Избивая авангард испанского пролетариата, разнузданные наемники Москвы не только расчищают дорогу фашизму, но и выполняют добрую долю его работы. Затяжной кризис международной революции, который все более превращается в кризис человеческой культуры, сводится в основе своей к кризису революционного руководства.

Как преемник великой традиции, в которую "Манифест Коммунистической Партии" входит самым драгоценным звеном, Четвертый Интернационал воспитывает новые кадры для разрешения старых задач. Теория есть обобщенная действительность. В честном отношении к революционной теории находит свое выражение страстное стремление перестроить социальную действительность. Тот факт, что на Юге черного материка наши единомышленники впервые перевели "Манифест" на язык африканеров, является одним из наглядных подтверждений того, что марксистская мысль живет ныне только под знаменем Четвертого Интернационала. Ему принадлежит будущее. К сотой годовщине "Коммунистического Манифеста" Четвертый Интернационал станет решающей революционной силой на нашей планете.

Л. Троцкий

30 октября, 1937 г.
Койоакан

Предстоящие сенсационные процессы

Во Франции и Швейцарии предстоят в ближайшие месяцы сенсационные процессы, связанные с преступной деятельностью ГПУ на мировой арене. Следствие ведется, по-видимому, с энергией. Ряд фактов установлен уже с полной неизбежностью. Один из новых фактов – длительная подготовка покушения против Льва Седова, моего сына, проживающего в Париже. Швейцарка Рената Штейнер⁴³⁹ участвовала в подготовке убийства Игнатия Райсса возле Лозанны. Теперь выясняется, что в течение более года до этого убийства Штейнер со связанным с нею русским белогвардейцем Смиренским⁴⁴⁰ занималась наблюдением над Л.Седовым, готовя похищение моих документов и похищение самого Льва Седова. Смиренский и Штейнер сняли квартиру рядом с Седовым (rue Lacretelle, 28)⁴⁴¹ так, что балконы отстояли всего на метр один от другого. В ноябре прошлого года Смиренский вместе с другими агентами, имена которых преждевременно оглашать, похитили 65 килограммов моих архивов, сданных Седовым на хранение Институту социальной истории. Преступление осталось нераскрытым, несмотря на то, что французская полиция не сомневалась, что нити похищения ведут в Москву. В январе этого года террористы ГПУ пытались устроить Льву Седову такую же западню в Мюльгаусене, какую они 8 месяцев спустя устроили Игнатию Райссу в Лозанне. От имени моего швейцарского адвоката Льва Седова несколько раз настойчиво вызывали телеграммой и по телефону приехать в Мюльгаусен для переговоров о процессе против клеветников в швейцарской печати. Только случайное обстоятельство помешало Седову выехать в Мюльгаусен, где его на вокзале ждали Штейнер и Смиренский. Нынешние показания Штейнер показали, от какой опасности Седов спасся в январе, т. е. как раз в те дни, когда в Москве готовился второй большой процесс (Пятакова-Радека). Слежка за Седовым не прекращалась затем до августа, когда Штейнер, Смиренский и другие получили свыше неожиданно приказ выследить и убить Игнатия Райсса. Кремль считал это убийство наиболее неотложным, опасаясь разоблачений со стороны своего бывшего ответственного агента. Новое предписание, как известно, удалось: Райсс был убит 4 сентября. Но арест Штейнер привел к разоблачению террористической организации ГПУ во Франции. Сейчас уже для судебных властей нет сомнения в том, что целый ряд нераскрытых ранее преступлений (убийство русского экономиста Навашина в Булонском лесу в Париже, похищение генерала Миллера⁴⁴² и прочее) совершены той же организацией, которая похитила мои архивы, убила Райсса и готовила убийство Льва Седова. Именно в связи со всеми этими преступлениями я рекомендовал французским властям по телеграфу допросить по крайней мере в качестве свидетеля Жака Дюкло, члена политбюро французской коммунистической партии, вице-президента палаты депутатов и долголетнего агента ГПУ. Позволяю себе прибавить, что те "друзья СССР", которые на самом деле являются друзьями ГПУ, должны ждать в ближайшие месяцы крайне неприятных для себя разоблачений.

[Л.Д.Троцкий]
16 ноября 1937 г.
Койоакан

Редакции "Challenge"⁴⁴³

Дорогие друзья!

Вы предлагаете мне принять участие в вашей кампании против войны. Позвольте мне ограничиться немногими словами.

Чтобы бороться против войны, надо ясно понять причины, которые вызывают войну. Надо знать законы развития современного, т. е. империалистического общества. Марксистская оценка войны и способов борьбы с ней нашли свое выражение в программной брошюре Интернационального Секретариата "Война и Четвертый Интернационал". Надо сделать эту брошюру предметом внимательного и

серьезного изучения в кружках молодежи.

Борьба против войны неотделима от классовой борьбы пролетариата. Непримиримость классового сознания есть первое условие успешной борьбы против войны. Худшими вредителями классового сознания и саботажниками революционной борьбы являются в настоящее время так называемые "коммунисты". Эти субъекты "борются" против войны только... в Германии, Италии и в Японии, т. е. в тех странах, где они не имеют никакого значения. Зато в так называемых демократических странах, т. е. там, где буржуазия позволяет им мирно существовать, так называемые "коммунисты" являются сейчас главными агитаторами в пользу империалистической войны.

Свою предательскую работу эти господа прикрывают пацифистскими съездами, банкетами и парадами. Совместно с парламентскими карьеристами, попами разных церквей и скучающими либеральными дамами они возносят время от времени мольбы к небесам о мире. Ничего, кроме отвращения, не может вызвать этот салонный базарный пацифизм у каждого мыслящего рабочего. Вот почему борьба против войны должна начинаться и кончаться разоблачением предательской роли Коминтерна, окончательно ставшего агентом империалистической буржуазии. Второй Интернационал, разумеется, не лучше. Но он более скомпрометирован и потому менее опасен. Наиболее циническую и постыдную работу он предоставляет ныне Коминтерну, который в Испании выступает уже как прямой и открытый палач революции.

Бороться против войны значит прежде всего строить новый Интернационал, упрочивать его ряды, закалять его кадры.

Горячо желаю вам успеха в этой работе.

[Л.Д.Троцкий]

17 ноября 1937 г.

Койоакан

На помощь А.П.П.444!

Нынешний кризис⁴⁴⁵ должен, по всей видимости, вызвать огромные перемены во всем мире и прежде всего, пожалуй, в Соединенных Штатах Северной Америки. Уже кризис 1929 г. нанес серьезный удар традиционным идеологиям американизма и породил потребность в новой ориентировке. Экономическое оживление последних лет несколько ослабило теоретические поиски и социальную критику. Возникли надежды на то, что прерванный кризисом процесс экономического роста опять восстановится. Но раньше, чем можно было ждать, пробил час нового кризиса. Он начался с более низкого уровня, чем кризис 1929 г., и развивается более быстрым темпом. Он показывает, что дело идет не о случайной заминке и даже не о конъюнктурном кризисе, а об органическом кризисе всей капиталистической системы. Вот почему можно с уверенностью предсказать, что во всех областях человеческой идеологии - в экономике, политике, философии, литературе, искусстве - откроется эпоха смелой критики, смелого творчества. Революционная мысль в Америке с неизмеримо большей настойчивостью и страстностью, чем ранее, начнет изучать различные социальные доктрины, чтобы разрешить вопрос о судьбе Соединенных Штатов и капиталистической системы в целом.

Можно ждать, с другой стороны, что буржуазные издательства, которые выпускали время от времени радикальные произведения в твердой уверенности, что Соединенные Штаты иммунизированы от действия "разрушительных" идей, станут в ближайшие годы гораздо более осторожными, т. е. реакционными, и подвергнут полному ostrакизму⁴⁴⁶ революционную теоретическую мысль.

Нельзя возлагать в этом отношении никаких надежд на издательство так называемой коммунистической партии. Чем дальше, тем враждебнее она становится в теории. Немудрено: каждая страница революционных классиков обличает нынешнюю политику Коминтерна. Подлог и фальсификация стали его основными методами во всех областях. Нельзя доверять ни одной книге, ни одной статье, ни одной цитате, выходящей из печати Коминтерна. Раньше или позже все эти издания будут занесены в индекс под общим названием: "Библиотека псевдо-марксизма и лжи".

Что касается социалистической партии, то о ней вообще не приходится говорить в связи с проблемами теоретической мысли. Эта партия живет

вульгарными общими местами. Ее лидеры питают органическое отвращение к научному анализу. Внимание к революционной теории является в их глазах безошибочным признаком сектантства, если не формой помешательства.

В этих условиях необходимость в революционном издательстве, независимом как от капитала, так и от советской бюрократии, совершенно очевидна. "Пайонир Публишерс" поставило себе с самого начала задачу: создать серьезную библиотеку революционной мысли для передовых рабочих и радикальной интеллигенции. На этом пути издательством сделаны были за последние годы первые шаги. Они встретили явное и обнадеживающее сочувствие. Но остается сделать неизмеримо больше, чем сделано. Многие говорят за то, что центр социально-революционной и революционно-философской мысли переместится в ближайший период в Америку. Под ударами кризисов и социальных потрясений здесь поднимается поколение революционных теоретиков, способных сказать самостоятельное новое слово. Тем более важно создать для этой пробуждающейся социальной критики прочную опору в виде издательства, не связанного никакими другими соображениями и обязательствами, кроме стремления открыть перед человечеством новые пути развития. Издательство "Пайонир Публишерс" может совершить большое историческое дело. Наша общая обязанность – помочь ему.

Л.Троцкий

27 ноября, 1937 г.

Койоакан

Письмо в редакцию газеты "The New York Times"

Редактору "Нью-Йорк Таймс":

Милостивый государь!

В номере вашей газеты от 28 ноября вы напечатали статью господина Натаниела Пфедфера "Разбит ли Китай, или война только началась?" Автор, хорошо знакомый с положением дел на Дальнем Востоке, дает прекрасный анализ общего положения. Его вывод: Япония может одержать длинную серию частных побед, но не может выиграть войны. На стороне Китая: пространство, время, человеческие массы, национально-освободительный характер войны. Автор совершенно прав, когда говорит, что против массовой партизанской войны со стороны Китая Япония окажется в конце концов бессильной и потерпит, прибавим мы, не только финансовое и экономическое, но и социальное крушение. К сожалению, в этой картине не хватает важного политического элемента, именно взаимоотношения между китайским правительством и народом. Для того, чтобы превратить войну в национальную, т. е. мобилизовать и направить инициативу и самоотвержение миллионов китайских рабочих и крестьян, нужно, чтобы правительство доверяло народу или чтобы оно, по крайней мере, меньше боялось собственных вооруженных рабочих и крестьян, чем японских насильников. Имеется ли это условие налицо? В этом, к несчастью, можно сомневаться.

Автор не упоминает еще об одном важном факторе, именно о политике советского правительства. Москва доставляла Испании оружие, требуя в обмен подавления инициативы и самостоятельности массовых организаций. Результаты налицо: Франко не одержал победы, но Сталин-Негрин потерпели поражение. Есть все основания опасаться, что Москва ту же политику применяет ныне в Китае. Вот почему к выводам вашего сотрудника приходится внести существенное ограничение: Микадо идет навстречу ужасающей катастрофе, если его не спасут Чан Кайши и Сталин.

Л.Троцкий

3 декабря 1937 г.

Телеграмма в комиссию Дьюи

Комиссия судила и осудила московский суд. Тем самым Комиссия осудила систему, которой этот суд служил. Комиссия никого не приговорила ни к смерти, ни к тюремному заключению. Однако нельзя представить себе более страшный приговор. Комиссия говорит вершителям судеб великой страны: вы совершили подлог, чтобы оправдать истребление ваших политических

противников. Вы попытались обмануть трудящихся всего мира. Вы недостойны представлять то дело, которому служите на словах!

Комиссия, включающая в свой состав людей различных политических взглядов, не могла преследовать политических целей. Она хотела лишь установить правду. Однако ее вердикт имеет неизмеримое политическое значение. Методы лжи, клеветы, подлога, которые отравляют внутреннюю жизнь СССР и мировое общественное движение, пулучили сегодня страшный удар. Пусть официальные "друзья" СССР и прочие лжерадикальные ханжи пугают нас тем, что приговором Комиссии воспользуется реакция. Неправда! Никогда и нигде правда не служила реакции. Никогда и нигде прогресс не питался ложью.

Комиссия наносит удар московской бюрократии. Но сама эта бюрократия стала главным тормозом прогресса в Советском Союзе. Стремясь служить правде и только правде, Комиссия послужила освободительной борьбе человечества. Работа Комиссии, как и имена ее участников, отныне принадлежат истории.

Я не позволю себе выразить Комиссии благодарность, ибо это значило бы придать личный оттенок работе, которая имеет историческое значение. Правда - творческая, движущая и революционная сила. Слава Комиссии, которая послужила торжеству правды.

[Л.Д.Троцкий]

В ночь с 7 на 8 декабря 1937 г.

В редакцию "Социалист Аппил"447.

Два слова о партийном режиме

За последние месяцы я получил от нескольких неизвестных мне, по-видимому, молодых товарищей письма по поводу внутреннего режима революционной партии. Некоторые из этих писем жалуются на "недостаток демократии" вашей организации, на засилие "вождей" и прочее. Отдельные товарищи предлагают мне дать "ясную и точную формулу демократического централизма", которая исключала бы ложные толкования.

Ответить на эти письма нелегко. Ни один из моих корреспондентов не пытается даже показать ясно и конкретно, на живых примерах, в чем именно состоят нарушения демократии. С другой стороны, насколько я, человек стоящий в стороне, могу судить на основании вашей газеты и ваших "Бюллетеней", дискуссия ведется в вашей организации с полной свободой. "Бюллетени" заполняются главным образом представителями меньшинства. Мне рассказывали, что то же самое происходит на дискуссионных собраниях. Решения еще не вынесены. Они будут, очевидно, вынесены на свободно избранной конференции. В чем же могли проявиться нарушения демократии? Это трудно понять. Иногда по тону писем, т. е. главным образом по бесформенности жалоб, мне кажется, что жалующиеся просто недовольны тем, что, несмотря на демократию, они оказываются в меньшинстве. По собственному опыту я знаю, что это бывает неприятно. Но при чем же тут нарушения демократии?

Не думаю также, чтобы я был способен дать такую формулировку демократического централизма, которая "раз навсегда" устраняла бы недоразумения и ложные толкования. Партия - живой организм. Она развивается в борьбе со внешними препятствиями и со внутренними противоречиями. Злокачественное разложение Второго и Третьего Интернационалов в суровых условиях империалистической эпохи создает для Четвертого Интернационала еще небывалые в истории трудности. Их нельзя преодолеть какой-либо магической формулой. Режим партии не падает с неба в готовом виде, а постепенно слагается в борьбе. Над режимом стоит политическая линия. Прежде всего надо правильно определить стратегические задачи и тактические методы для их разрешения. Организационные формы должны соответствовать стратегии и тактике. Только правильная политика может обеспечить здоровый партийный режим. Это не значит, разумеется, что партийное развитие не выдвигает самостоятельных организационных задач. Но это значит, что формула демократического централизма должна неизбежно находить разное выражение в партиях разных стран и на разных этапах развития одной и той же партии.

Демократия и централизм вовсе не находятся в отношении друг друга в

какой-либо постоянной пропорции. Все зависит от конкретных обстоятельств, от политического положения в стране, от силы партии и ее опыта, от общего уровня ее членов, от авторитета, который успело завоевать руководство. Перед конференцией, когда дело идет о выработке политической линии на ближайший период, демократия торжествует над централизмом. Когда дело идет о политическом действии, централизм подчиняет себе демократию. Эта последняя снова предъявляет права, когда партия испытывает потребность критически проверить свои собственные действия. Равновесие между демократией и централизмом устанавливается в живой борьбе, моментами нарушается и затем снова восстанавливается. Зрелость каждого члена партии выражается, в частности, в том, что он не требует от партийного режима больше, чем тот способен дать. Плох тот революционер, который определяет свое отношение к партии отдельными полученными им щелчками по носу. Разумеется, со всякой отдельной ошибкой руководства, несправедливостью и прочим, надо бороться. Но эти "несправедливости" и ошибки надо оценивать не сами по себе, а в связи с общим развитием партии, как в национальном, так и в международном масштабе. Правильный глазомер и чувство пропорции - в политике вещь чрезвычайно важная. Кто склонен муху или даже зайца превращать в слона, тот может причинить много вреда и себе и партии. Несчастье таких людей, как Олер448, Филд, Вейсборд и другие, состоит в отсутствии глазомера.

Сейчас немало полуреволюционеров, усталых от поражений, боящихся трудностей, молодых стариков, у которых больше сомнений и претензий, чем воли к борьбе. Вместо того, чтобы серьезно разобраться в существе политических вопросов, такие элементы ищут панацеи, жалуются по каждому поводу на режим, требуют от руководства чудес или пытаются заглушить внутренний скептицизм ультралевой трескотней. Боясь, что из таких элементов, если они не возьмут себя в руки, не выйдет хороших революционеров. Не сомневаюсь, с другой стороны, что молодое поколение рабочих сумеет оценить программное и стратегическое содержание Четвертого Интернационала по достоинству и будет становиться под его знамя во все большем и большем числе. Каждый действительный революционер, подмечающий прорехи партийного режима, должен прежде всего сказать себе: "Надо привлечь в партию десятков свежих рабочих!" Молодые рабочие призовут к порядку господ скептиков, резонеров, нытиков и пессимистов. Только на этом пути в секциях Четвертого Интернационала установится здоровый партийный режим.

Л.Троцкий
8 декабря 1937 г.
Койоакан

Невозвращенцы

Два выдающихся советских сановника в течение одной недели порвали с московским правительством, обвинили его гласно в организации фальшивых процессов и в убийстве сотен старых революционеров, в том числе выдающихся советских дипломатов. Первый из двух сановников, Александр Бармин449, доброволец во время гражданской войны, под конец бригадный генерал и воспитанник генерального штаба. После демобилизации переходит в ведомство внешней торговли, а затем иностранным дел. В последний период Бармин выполнял обязанности советского министра в Греции. Второй, Вальтер Кривицкий450, имеет за собой 19 лет партийной и советской работы. В последний период он был начальником научного института военной индустрии. Этот институт является мозгом военной техники. Все изобретения, улучшения, технические секреты проходят через научный институт. Бармин и Кривицкий, по собственным словам, уже давно начали сомневаться в правильности политики сталинского правительства. Оба они были тесно связаны с десятками тех сановников, которые вдруг были объявлены шпионами, арестованы и расстреляны. Этому обвинению Бармин и Кривицкий поверить не могли, так как они слишком хорошо знали доросовестность и преданность делу своих бывших начальников и сотрудников.

Многие удивляются, почему советские дипломаты, военные атташе, один за другим добровольно возвращаются по требованию Москвы в объятия ГПУ. Бармин и Кривицкий объясняют причины такого послушания. Отказаться вернуться - значит

быть убитыми из-за угла, как убит был Игнатий Райсс, ответственный заграничный представитель Коминтерна и ГПУ. После колебаний Бармин и Кривицкий решились, однако, на полный разрыв с Москвой. В отличие от Райсса они не пытались жить инкогнито. Наоборот, оба обратились к французскому правительству, к мировому общественному мнению с открытым заявлением о разрыве с Москвой и о своем превращении в политических эмигрантов. Этот смелый шаг дает им чрезвычайно важную защиту. Об Игнати Райссе мировое общественное мнение узнало лишь после того, как он был убит. Наоборот, Бармин и Кривицкий известны всему миру уже сейчас. ГПУ 10 раз задумается, прежде чем решится на новое преступление.

Незачем пояснять, что во всех советских представительных органах за границей, особенно в секретных организациях ГПУ, царит сейчас величайшая тревога. Пример Бармина и Кривицкого чрезвычайно заразителен. Можно с уверенностью предсказать, что ближайший период будет иметь целый ряд новых разрывов с Москвой. Так китайская стена, которую Сталин создал между СССР и всем миром при помощи привилегированной пограничной охраны и полицейских собак, дает трещины и открывает брешь. Бармин и Кривицкий глубоко преданы делу октябрьской революции и советскому народу. В отличие от наемных "друзей", они доказали это делом всей своей жизни. Поставленные перед необходимостью выбора, они, после колебаний, встали на защиту народа против сталинской клики. Симптоматическое значение этого факта огромно. Он подтверждает то, что мы сказали полтора года тому назад: с московских процессов началась агония сталинского режима.

Л.Троцкий
9 декабря 1937 г.
Койоакан

Ответы на вопросы представителя парижского еженедельника "Марын"451

Вы поставили мне ряд очень острых политических вопросов. Мои ответы на эти вопросы расходятся, пожалуй, на 180 градусов с направлением вашего журнала. Я могу поэтому ответить на ваши вопросы только при том условии, что мои ответы будут напечатаны полностью и без всяких изменений. Смее думать, что это отвечает также интересам ваших читателей: если они могут вообще интересоваться моими взглядами, то, разумеется, лишь в неурезанном и неискаженном виде.

Я стою на позиции Четвертого Интернационала, который является единственной революционной организацией нашей эпохи. Основные элементы нашего анализа мировой обстановки таковы:

Капитализм со времени последней войны окончательно вступил в стадию упадка и разложения. Человечество сейчас беднее, чем в 1913 г. Завоевание науки и техники в условиях упадочного капитализма означает только рост "технологической" безработицы, разорение средних классов и чудовищную концентрацию богатства. Нынешний кризис начался на более низком уровне, чем предшествующий, и развивается более быстрым темпом. В свое падение капитализм увлекает буржуазную демократию: эту роскошь капитализм мог позволять себе только в эпоху своего подъема. Смешно говорить о том, что особые "традиции" или "национальный характер" Франции или Англии способны оградить их от фашизма. Основным фактором человеческой истории являются не "традиции" и не "национальный характер", а развитие производительных сил. Там, где это развитие приостанавливается, самые почтенные учреждения и традиции рассыпаются прахом. Об этом свидетельствует вся история человеческой цивилизации.

Современная техника окончательно переросла частную собственность на средства производства и границы национального государства. Производительные силы человечества задыхаются в этих оковах. Именно этим определяется характер нашей эпохи как эпохи социальных потрясений, больших и малых войн, революций и контрреволюций. Наша планета не успокоится, пока производительные силы и средства не будут сделаны общественной собственностью и организованы по научному плану, сперва в национальном, затем в европейском, наконец, в мировом масштабе. Такая реорганизация немислима без экспроприации капиталистов, т. е. без социалистической

революции.

В Бельгии г. де Ман обещал осуществить плановое хозяйство без революции и потрясений. Мы с самого начала оценивали эти сообщения как политическое шарлатанство. Оценка была сурова, но события полностью подтвердили ее. Г[осподин] де Ман стал заурядным министром упадочного правительства.

Не лучше судьба г. Леона Блюма. Он предложил "отложить" мысли о социальной революции (политики этого типа всегда откладывают то, что не отложено), а "пока что" заняться программой великих социальных реформ. Я тогда же писал, что эта политика, идущая по линии наименьшего сопротивления, есть самая слепая и самая утопическая. Упадочный капитализм не вмещает больше социальных реформ и потому одной рукой отнимает то, что дает другой. Правительство Блюма явилось правительством реформистского банкротства и ничем более. В июле 1936 г. один, правда, не очень серьезный социалистический политик писал в "Популэр": "Ныне все осуществимо". Это было совершенно правильно! Правительство Блюма, благодаря могущественному натиску масс и полной растерянности капиталистов, могло бы осуществить национализацию хозяйства с наименьшими потрясениями и жертвами. Но это была, конечно, чисто теоретическая "возможность", так как она предполагала однородное и мужественное революционное правительство, а не коалицию парламентских резонеров. Немудрено, если грандиозная историческая возможность оказалась упущенной. Внешняя политика г. Блюма, особенно в отношении Испании, была проникнута тем же принципом: откладывать и тем накапливать трудности. Это называется "борьбой за мир". В результате правительство Блюма только сумело подготовить новый период внутренних и международных потрясений.

Ничего другого так называемый Народный фронт вообще дать не может. Радикалы представляют собою, несмотря на несколько старомодные наряды и жесты, левый фланг финансового капитала и ничего более. Они способны на всякие реформы, которые... не затрагивают господства капитала. Это значит, что они не способны более ни на какие реформы. Социалисты, если бы они и хотели, не могли бы дать больше того, что согласны дать радикалы. Что касается так называемых коммунистов, то я затрудняюсь найти достаточно парламентские выражения для характеристики этой партии: в истории невозможно найти другой пример такого сочетания демагогии и сервизма. В последнем счете Народный фронт есть блок буржуазии и пролетариата. Когда слагающие силы тянут в разные стороны, то диагональ параллелограмма приближается к нулю. Это есть графическая формула правительств Народного фронта.

В Испании правительства Кабальеро-Негрин-Сталина не без успеха задушили социалистическую революцию; но при этом не только растоптали демократию, заменив ее постыдной диктатурой ГПУ, но и обеспечили ряд крупных успехов Франко. Опять-таки позволяю себе сослаться на то, что еще в апреле 1931 г. я писал: "Испанская революция не может удержаться на демократическом этапе; она завершится либо диктатурой пролетариата, либо торжеством фашизма"⁴⁵². События, думается мне, не опровергли этого прогноза.

Политика Народного фронта во Франции, как и в Испании, ничем решительно не отличается от политики германской социал-демократии, которая тоже неутомимо строила свой "народный фронт" с демократами и с католическим центром. Именно эта политика внутреннего бессилия и топтания на месте (равнодействующая "0") и привела к торжеству Гитлера.

Правда, в тот период (он назывался почему-то "третьим") так называемые коммунисты и слушать не хотели о каких-либо совместных действиях даже с другими рабочими организациями. Доктрина Сталина гласила: "Социал-демократия и фашизм - близнецы, а не антиподы". К фашистам причислялись гг. Даладье, Леон Блюм и даже сам Жиромский. С того времени Коминтерн вывернулся наизнанку: "фашисты" переименованы в "антифашистов". Но от этого не стало лучше. Вчерашний Коминтерн саботировал борьбу пролетариата, препятствуя сплочению его сил. Нынешний Коминтерн саботирует борьбу, подчиняя пролетариат контролю буржуазии. Методы разные, результат тот же.

Могущественный рост профессиональных союзов Франции отразил непреодолимое стремление масс к изменению социальных условий. Бюрократия г. Жуо при поддержке сталинцев направила все усилия аппарата на то, чтобы застопорить естественное и неизбежное развитие борьбы и тем подготовить будущие конвульсии. Так называемая "независимость" оказалась пригодной только для того, чтобы подчинить синдикаты контролю радикалов и еще глубже

загнать общество в тупик.

Общий вывод: Европа более, чем какая-либо другая часть света, идет в ближайшие годы навстречу внутренним и международным взрывам. Все партии порядка, все партии реформы, все силы "демократии" и "пацифизма" как бы сговорились на том, чтобы разнуздать международную анархию и гражданскую войну. В этом и выражается исторический тупик капитализма. На постыдных московских процессах меня пытались представить как организатора "заговора" с целью спровоцировать мировую войну. Не знаю, право, что я мог бы, если бы даже задавался такой целью, прибавить к той работе, которую ведут силы империализма при прямом и косвенном содействии Второго, Третьего и Профессионального Интернационалов⁴⁵³?

Все три организации пережили себя, как пережила себя буржуазная демократия, как пережил себя капитализм. Они все обречены на слом. Четвертый Интернационал есть партия международной социалистической революции. Его сила в том, что он не делает себе сладеньких иллюзий насчет дальнейшего хода истории. Его основное правило: высказывать открыто то, что есть. Он пытается также предвидеть то, что будет и, как свидетельствуют факты, не без успеха. Четвертый Интернационал воспитывает новые революционные кадры и помогает им подняться на уровень задач нашей эпохи. Банкротство Второго и Третьего Интернационалов подготавливает условия быстрого подъема Четвертого. В течение ближайшего десятилетия он станет решающей исторической силой.

Вы спрашиваете, не достиг ли все же Сталин своими судебными подлогами своих внутренних целей? Я этого не думаю. Сами процессы явились выражением невыносимых внутренних противоречий. Я об этом говорю со всей необходимой подробностью в своих двух последних книгах: "Преданная революция" и "Преступления Сталина". Сталин, несомненно, не предвидел, что судебные подлоги вызовут такое страшное потрясение всей правительственной системы. Но у него не было другого выбора. Растущий размах "чистки" показывает, что даже в рядах бюрократии недовольство распространяется по спирали. Когда число жертв (расстрелы, тюрьма, ссылка) исчисляются десятками тысяч, то сотни тысяч и миллионы не могут не знать правды. Постановление Международной Комиссии в Нью-Йорке, объявляющее московские процессы судебным подлогом, не может не проникнуть в СССР: через радио, через иностранные газеты, получаемые в советских редакциях, через советских граждан за границей, через иностранных гостей в СССР. Новые и новые разоблачения будут подкреплять вердикт Комиссии. Правда проложит себе дорогу через все препятствия.

После ответа на Ваши вопросы позвольте мне поставить Вам вопрос: не знаете ли Вы, как чувствуют себя после постановления Комиссии председатель Лиги прав человека г. Баш⁴⁵⁴ и его несравненный юрист г. Розенмарк? Я им, во всяком случае, не завидую.

[Л.Д.Троцкий]

Койоакан,

20 декабря 1937 г.

Примечания

1

505

1 Первое издание книги Л.Д.Троцкого "Терроризм и коммунизм" вышло в 1920 г. в Петрограде. Книга была выпущена Госиздатом.

2 Троцкий был назначен наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета в середине марта 1918 г. (одновременно он был освобожден от обязанностей наркома по иностранным делам). В августе по его приказу был создан его личный бронепоезд, который перевозил его по фронтам гражданской войны. Поезд был своеобразным передвижным штабом и одновременно агитационным центром, имевшим свою типографию и выпускавшим газету "В пути". Имелись также телеграф и радиостанция, электростанция, гараж, баня. Поезд был расформирован в начале 1921 г. В своей автобиографии Троцкий называл этот поезд военно-административным, политическим и боевым учреждением.

3 Имеется в виду Лейбористская партия Великобритании.

4 Давид – царь Израильско-Иудейского царства в конце II в. – ок. 950 г. до н. э. Создал государство со столицей в Иерусалиме. По библейской легенде, будучи юношей-пастухом, победил великана Голиафа. Давид считался крупным поэтом и композитором. Ему приписываются многие древние псалмы (произведения религиозной лирики).

5 Реннер Карл (1870–1950) – один из лидеров Социал-демократической партии Австрии и идеологов австромарксизма. В 1918–1920 гг. федеральный канцлер. В 1945 г. глава временного правительства, а затем до своей смерти президент Австрии.

6 Фабианцы – члены Фабианского общества – организации, созданной в Великобритании в 1884 г. В числе основателей был писатель Д.Бернард Шоу. Организация пропагандировала идею постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем реформ – отсюда название по имени древнеримского полководца Фабия Максима (III в. до н. э.), прозванного Кунктатором (Медлителем).

7 См.: Троцкий Л.Д. Что и как произошло? Шесть статей для мировой буржуазной печати. – Париж, 1929. – С. 49–50.

8 Генуэзская конференция 10 апреля – 19 мая 1922 г. – международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. Участвовали 29 стран, в том числе РСФСР и пять британских доминионов. На заседаниях и особенно в кулуарах конференции обсуждался вопрос об основах экономических взаимоотношений между РСФСР и остальными участниками. Во время конференции был заключен Рапалльский договор РСФСР и Германии, предусматривавший отказ от взаимных экономических претензий, принцип наибольшего благоприятствования в торговле и восстановление дипломатических отношений.

9 Военный коммунизм – внутренняя политика большевистской власти в условиях гражданской войны 1918–1920 гг. Опиралась на представление о возможности введения коммунизма диктаторскими методами. Основными компонентами были: национализация крупной, средней промышленности и значительной части мелких предприятий; продовольственная диктатура и продразверстка, предусматривавшие насильственное отобрание зерна и других видов продовольствия у крестьян; государственное распределение продуктов по карточкам на основе классового признака; всеобщая трудовая повинность; уравниловка в оплате труда; военно-административная система в руководстве всей жизнью общества с применением жесточайших насильственных мер, включая заложничество и бессудные смертные казни. В 1921 г. большевики вынуждены были отменить политику военного коммунизма и ввести так называемую новую экономическую политику (нэп).

10 "Sovjet partout!", "Daladier ou pouvoir!" (фр.) – "Советы повсюду!", "Даладье к власти!".

11 Де Вендели – влиятельная семья крупных французских предпринимателей, занятых главным образом в металлургической промышленности.

12 Шнейдеры – финансово-промышленная группа Франции. Сложилась в XIX веке. До второй мировой войны центром группы был военно-промышленный концерн "Шнейдер-Крезе", основанный в 1836 г. (черная металлургия, машино-, судо- и автомобилестроение, электроника).

13 Ротшильды – финансовая группа в Западной Европе. Основатель М.А.Ротшильд (Франция, XVIII век). Активны британская и французская ветви. Сферы деятельности – банковское дело, горнодобывающая, нефтяная промышленность, металлургия.

14 Мерсье – династия французских предпринимателей. Возникла в первой половине XIX века, основав предприятия хлопчатобумажной промышленности. В XX в. члены семейства участвовали в правых политических организациях. Э.Мерсье в начале 30-х годов принимал участие в подготовке реформы конституции в авторитарном направлении, в финансировании экстремистских правых организаций.

15 Union sacrée (фр.) – священный союз.

16 St. Denis (Сен-Дени) – пригород Парижа, мэром которого был Ж.Дорио.

17 Hoover Institution Archive, В.І.Nicolaevsky Collection, box 504.

18 Возможно, имеется в виду Стрелков Р.Е. (1875– ?) – публицист и литератор, находившийся в 1900–1914 гг. в эмиграции и сотрудничавший в

зарубежных социал-демократических изданиях. После 1917 г. работал в советских хозяйственных органах.

19 Выдержка из замечаний Л.Д.Троцкого по поводу тезисов Коммунистической лиги Южной Африки, опубликованных в "Бюллетене оппозиции". - 1935. - № 44. - С. 15-16.

20 PPS (ППС) - Польская социалистическая партия.

21 Дашнаки - члены партии Дашнакцутюн (Союз) - армянской национальной партии, основанной в 1890 г. Партия ставила целью с помощью западноевропейских держав и России добиваться автономии Западной Армении в составе Турции. После 1917 г. Дашнакцутюн выступала за создание самостоятельного армянского государства. В мае 1918 - ноябре 1920 г. являлась правившей партией независимой Армении вплоть до захвата страны Советской Россией. После установления большевистской власти была запрещена и существовала в эмиграции. В настоящее время является одной из основных партий Армении.

22 Имеются в виду украинские партии различной политической ориентации, выступавшие после Октябрьского переворота 1917 г. за восстановление государственной независимости Украины. Они входили в состав Центральной Рады (Совета), власть которой весной 1918 г. распространилась на большую часть территории Украины. Наиболее значительными из них были Украинская партия социалистов-революционеров и Украинская социал-демократическая рабочая партия, от которой в 1918 г. откололось левое крыло - так называемые "боротьбисты". 29 апреля 1918 г. Рада была разограна немецкими оккупационными войсками, поставившими у власти гетмана Скоропадского. В ноябре 1918 г. национальные партии образовали свое правительство - Директорию, которая существовала до 1920 г., хотя еще в апреле 1919 г. была изгнана с основной части территории Украины.

23 Африканский национальный конгресс - политическая организация коренного населения Южноафриканского Союза (ныне Южноафриканская республика). Основан в 1912 г. с задачей ликвидации всех проявлений расизма и демократического переустройства общества.

24 Пауперы - бедняки, нищие (от лат. pauper - бедный).

25 Банту - общее название народов Центральной и Южной Африки, говорящих на языке семьи банту (суахили, коса, зулу, свази и др.).

26 Concerning the Constitution of the Party (англ.) - касательно статуса партии.

27 Internationale Arbeiter Gemeinschaft - IAG (нем.) - Международное рабочее сообщество - первоначальное наименование Лондонского (Лондонско-Амстердамского) бюро, которое позже стало официально именоваться Международным бюро рабочих социалистических партий. Создано в 1935 г. Представляло собой объединение нескольких социалистических партий, не примыкавших к Социалистическому рабочему интернационалу и выступавших против формирования IV Интернационала. Наиболее значительными участниками объединения были Социалистическая рабочая партия Германии, Независимая рабочая партия Великобритании, Рабочая партия марксистского объединения Испании.

28 "Neue Front" ("Новый фронт") - бюллетень Социалистической рабочей партии Германии. Издавался в эмиграции во Франции в середине 30-х годов.

29 NAP - Норвежская рабочая партия - партия социалистического характера, в 1919 г. вступившая в Коммунистический Интернационал и вышедшая из него в 1923 г. В середине 30-х годов, порвав с Социалистическим рабочим интернационалом, присоединилась к Лондонско-Амстердамскому бюро. В 1935 г. стала правящей партией. Правительство этой партии предоставило Троцкому право убежища, но после первого московского судебного фарса периода большого террора (август 1935 г.) приняло решение об интернировании Троцкого.

30 Дорио Жак (1898-1945) - французский политический деятель. С 1923 г. генеральный секретарь Коммунистического союза молодежи. Член Политбюро компартии. В 1934 г. исключен из партии в связи с его протестами против подчинения партии Коминтерну и советскому руководству. В 1936 г. основал Французскую народную партию, близкую по своему характеру к германским национал-социалистам. Во время второй мировой войны активно помогал оккупантам.

31 См.: Решение Пленума Интернациональнойлевой Оппозиции (б.-л.) по

поводу конференции левых социалистических и оппозиционных коммунистических организаций в Париже 27-28 августа 1933 года. - Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 18.

32 Шмидт Петрус Иоганнес (1896-1952) - голландский социалист. Журналист. Являлся председателем Революционной социалистической рабочей партии Голландии.

33 Ferein (нем.) - союз.

34 См.: Ленин В.И. О лозунге "разоружения". - Соч. - Изд. 5-е. - Т. 30. - С. 153.

35 Тезисы "Четвертый Интернационал и война", написанные Троцким, были изданы в Женеве на русском языке в 1934 г. Вслед за этим документ был опубликован на ряде других языков.

36 Когда большевики-ленинцы сформулировали свою позицию в вопросе о войне в проекте тезисов ("Четвертый Интернационал и война"), они доставили своевременно проект в рукописи вождям S.A.P. и пригласили их принять участие в обсуждении. Обещание было дано, но ответа не последовало. Вождям S.A.P., очевидно, "не хватило времени". Им всегда нехватает времени для проблем революции. А кроме того: что скажет Транмель? Что скажет Кильбум?.. Читатель видит на этом примере, что мы проделали серьезный опыт с S.A.P. - Примеч. автора.

37 Философский камень - субстанция, нахождение которой считалось главной целью средневековой алхимии. С помощью философского камня предполагалось найти способы превращения неблагородных металлов в золото и серебро, получения эликсира долголетия, лекарств против всех болезней и т. д.

38 Толстовцы - участники религиозно-утопического общественного движения второй половины XIX - начала XX в. (небольшие группы толстовцев сохранились и в следующие десятилетия), проповедовавшие учение Л.Н.Толстого о преобразовании общества путем морально-религиозного самоусовершенствования. Толстовцы пытались создать производственные общины, некоторые из которых существовали длительное время.

39 Гандисты - сторонники М.К.Ганди.

40 Имеется в виду Веймарская республика в Германии.

41 Union of Democratic Control (англ.) - Союз демократического контроля.

42 Морель Юджин (1873-1924) - английский писатель и журналист, в последние годы жизни лейбористский депутат Палаты общин. Работал в Африке. В 1904 г. был инициатором создания Ассоциации реформ в Конго. Ассоциация разоблачала ужасы эксплуатации туземцев на каменоломнях этой страны.

43 См.: Ленин В.И. Соч. - Изд.5-е. - Т. 30. - С. 246.

44 Кстати. Один из вождей группы спрашивал в свое время письмом мое мнение относительно вступления в S.A.P. Я отвечал: высказаться принципиально против такого вступления нельзя; весь вопрос в том, под каким знаменем происходит вступление и во имя каких целей. - Примеч. автора.

45 "Der Mohr hat seine Sch lligheit getan..." (нем.) - "Мавр сделал свое дело..." - цитата из драмы "Заговор Фиеско в Генуе" И.Ф.Шиллера.

46 Minority movement (англ.) - Движение меньшинства - левое течение в тред-юнионах Великобритании, возникшее в 1924 г. Не порывая с Амстердамским Интернационалом, оно по существу дела примыкало к руководимому Коминтерном Профинтерну. Прекратило существование после прекращения массовой забастовки в Великобритании в мае 1926 г

47 Цивильный лист короля - сумма, предусмотренная государственным бюджетом на содержание монарха и его двора.

48 Де Кадт Жак (1897-1988) - деятель компартии Голландии. В 1932 г. вышел из партии и перешел в Независимую социалистическую партию Голландии. Руководимая им группа постепенно эволюционировала от резко враждебного отношения к сторонникам Троцкого к совместным с ними действиям.

49 Милес - псевдоним Левенхайма Вальтера - руководителя небольшой центристской группы "Новое начало", образованной в Социал-демократической партии Германии в 1931 г. В 1933 г. эмигрировал, присоединился к Социалистической рабочей партии.

50 Лурд - город на юге Франции, место паломничества католиков,

связанное с тем, что, согласно легенде, в 1858 г. жительнице этого города явилась Богородица.

51 Л.Д.Троцкий рекомендовал своим сторонникам вступить в Социалистическую партию Франции в 1934 г. в условиях резкого обострения социально-политической борьбы и развертывания движения за народный фронт. Социалистическая партия (СФИО) рассматривалась как массовая партия рабочих, федерация различных групп и организаций, в рамках которой "левая оппозиция" могла бы, по мнению Троцкого, способствовать превращению этой партии в революционную. Этот "французский поворот", как стали именовать названный курс, результатов не дал: сторонники Троцкого оставались в СФИО в незначительном меньшинстве и вскоре были исключены или были вынуждены сами ее покинуть.

52 "Les repr sentants qualifies ou non, de la Tro sieme Internationale" (фр.) - "представителей Третьего Интернационала, организованных или нет".

53 Иден Энтони (1897-1977) - британский государственный деятель, консерватор. Министр иностранных дел в 1935-1938, 1940-1945, 1951-1955 гг. В качестве министра в 1935 г. посетил СССР. В 1955-1957 гг. премьер-министр.

54 Aubervilliers (Обервилль) - городок в окрестностях Парижа. Мэром его в 30-е годы был П.Лаваль.

55 Section Fran aais de l'Internationale Ouvrier (SFIO) - Французская Секция Рабочего Интернационала - официальное наименование Французской социалистической партии.

56 "Suivre les enseignements qu'el comporte" (фр.) - "Следовать учению, которое это содержит" (то есть содержит социализм).

57 Трехцветное знамя - французский государственный флаг. Представляет собой полотнище, состоящее из трех вертикальных полос - синей, белой и красной.

58 "Avec ou sans changement de num roux" (фр.) - "С изменением нумерации или без него".

59 Троцкий оговорился. Он имел в виду весну 1921 г.

60 "What the ILP Stands For" (англ.) - "За что выступает НРП".

61 "The New International" ("Новый Интернационал") - журнал Социалистической рабочей партии США. Выходил в 1934-1958 гг. Был органом этой партии до апреля 1940 г. Происшедший в партии раскол привел к тому, что журнал перешел в руки группы М.Шахтмана, отколовшейся от партии.

62 См.: Marx K., Engels F. W rke. - Bd. 39. - S. 161.

63 См.: Marx K., Engels F. W rke. - Bd. 22. - 509-527.

64 Леба Жан-Батист (1878-1944) - французский политический деятель, член Социалистической партии. В 1932-1936 гг. депутат парламента. Мэр г. Рубэ. Министр правительства народного фронта. После оккупации страны гитлеровской Германией был арестован и отправлен в концлагерь, где скончался.

65 К.Каутский эмигрировал в Чехословакию и принял чехословацкое гражданство (именно гражданство, так как подданства в республиках не бывает) после прихода нацистов к власти в Германии.

66 Манифест 17 октября 1905 г. "Об усовершенствовании государственного порядка" был издан российским императором Николаем II в условиях демократической революции. Он провозгласил гражданские свободы и создание парламента - Государственной Думы.

67 Под инсurreкционной стачкой (инсurreкция - восстание) Троцкий понимал стачку, непосредственно перераставшую в вооруженное восстание.

68 T.U.C. (Tread Union Congress) (англ.) - Конгресс тред-юнионов.

69 To stop war (англ.) - остановить войну.

70 См. "What the I.L.P. Stands For", сборник основных документов партии. - Примеч. автора.

71 VII конгресс Коминтерна состоялся в Москве 25 июля - 25 августа 1935 г. С основным докладом "Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма" выступил Георгий Димитров. По его докладу была принята резолюция, выдвинувшая задачи создания народного фронта антифашистских сил и единого фронта рабочих организаций. Рассмотрены были также вопрос о задачах

Коминтерна в связи с подготовкой новой мировой войны (докладчик П.Тольятти) и другие вопросы. Курс народного фронта оказался недолговечным, к 1938 г. от него отказались почти все компартии, хотя в решениях Президиума Исполкома Коминтерна и руководящих органов отдельных партий он продолжал ритуально пропагандироваться

72 All-inclusive organizations (англ.) - всеохватывающие организации.

73 Don't trust government (англ.) - не доверяйте правительству.

74 Ленсбери Джордж (1859-1940) - британский политический деятель, лейборист. В 1910-1912 гг. и 1922-1940 гг. член парламента. В 1929-1931 гг. министр общественных работ. В 1931-1935 гг. председатель Лейбористской партии.

75 Astonishng support of labour line (англ.) - удивительная поддержка лейбористской линии.

76 Предисловие к норвежскому изданию книги Л.Д.Троцкого "Моя жизнь".

77 Л.Д.Троцкий находился на лечении в муниципальной больнице Осло в течение трех недель с 19 сентября по 10 октября 1935 г.

78 Fais ce que tu dois, advienne que pourra (фр.) - Делай то, к чему ты стремишься.

79 Имеются в виду Общества друзей СССР, созданные в 30-е годы во многих странах. Формально они были беспартийными, но фактически находились под руководством и финансировались компартиями и советскими властями.

80 Kommunale Sykehus (норв.) - муниципальная больница.

81 Карл Каутский. Из ранних времен марксизма: Переписка Энгельса с Каутским. 1935. - Издательство "Оббис". - Прага. - 416 с. Научное издание: Engels F. Briefwechsel mit Karl Kautsky. - Wien, 1955.

82 "The Pall Mall Gazette" - английская консервативная газета, получившая название по одной из улиц Лондона, где находился дворец Сент-Джеймс и ряд аристократических клубов. Выходила в 1865-1920 гг.

83 Гильом-Шак Гертруда (1845-1905) - германская общественная деятельница. Участвовала в движении за права женщин, являлась одним из организаторов пролетарского женского движения. С 1886 г. жила в Англии, краткое время в доме Энгельса. Позже перешла на позиции анархизма.

84 Нигилисты - собирательное название людей и групп, отрицавших общепризнанные ценности общественной жизни, культуры, морали. В России термин получил распространение после появления романа И.С.Тургенева "Отцы и дети" (1862), главный герой которого именовался нигилистом. В российской публицистике второй половины XIX в. термин имел как позитивную (у сторонников революционных течений), так и негативную (у консерваторов) окраску.

85 Эпикурейцы - сторонники эпикуреизма - учения, вытекавшего из идей древнегреческого философа Эпикура (IV-III вв. до н. э.). Эпикурейцы проповедовали жизнь без страданий, безмятежность духа, избавление от страха смерти и суеверий.

86 Демут Елена (1823-1890) - домоправительница семьи К.Маркса. После смерти Маркса жила в доме Энгельса.

87 Каутская Минна (1837-1912) - австрийская писательница, мать К.Каутского. Переписывалась с Ф.Энгельсом.

88 Девиль Габриэль (1854 - ?) - французский публицист, социал-демократ, член Рабочей партии. Написал и выпустил популярное изложение "Капитала", а также других трудов К.Маркса. В начале XX в. отошел от рабочего движения.

89 Magister dixit (лат.) - учитель сказал. Это выражение означает, что соответствующее высказывание следует понимать и принимать точно и беспрекословно, так как оно произнесено (или написано) непререкаемым авторитетом. В большинстве случаев выражение употребляется в ироническом смысле.

90 Робертус-Ягетцов Иоганн-Карл (1805-1875) - прусский консервативный экономит, идеолог крупного юнкерства. В 1848-1849 гг. руководил течением Центра в прусском Национальном собрании. Теоретик так называемого "государственного социализма".

91 Брентано Луйо (1844-1931) - германский экономист. Считал возможным преодоление классовой борьбы и социальных противоречий в рамках капитализма.

92 Гладстон Уильям Юарт (1809-1898) - британский политический деятель,

лидер Либеральной партии с 1868 г. Неоднократно был премьер-министром.

93 Олеография - примитивная по способу исполнения многокрасочная литография (рисунок, полученный путем отпечатки с плоской поверхности камня) с картины, написанной масляными красками.

94 Ausgerechnet (нем.) - великолепено.

95 Аподиктические утверждения - мнения, высказанные в качестве бесспорных утверждений.

96 Эвелинг Эдвард (1851-1898) - один из организаторов Социалистической лиги Великобритании (1884). Активный участник профсоюзного движения. Переводчик сочинений Маркса и Энгельса на английский язык. Любовник дочери Маркса Элеоноры.

97 Маркс Элеонора (1855-1898) - деятельница британского социалистического движения, дочь К.Маркса, любовница Э.Эвелинга. Участвовала в создании Социалистической лиги в 1884 г. и в движении "новых тред-юнионов".

98 Гайндман Генри Мейер (1842-1921) - один из создателей британской Демократической федерации в 1881 г. (с 1884 г. Социал-демократическая федерация) и Британской социалистической партии в 1911 г. В 1916 г. вышел из партии, осудившей его националистические взгляды.

99 Джон Буль - традиционное ироническое прозвище англичанина, прежде всего зажиточного представителя среднего класса.

100 Каутская Луиза (урожденная Штрассер) (1860-1950) - австрийская социалистка, первая жена К.Каутского (до 1889 г.). Секретарь Энгельса с 1890 г. Участница международных конгрессов II Интернационала.

101 Кювье Жорж (1769-1832) - французский зоолог. Ввел понятие "типа", установил принцип "корреляции органов", на основе которого занимался реконструкцией строения вымерших животных.

102 Бангия Янош (Иоганн) (1817-1868) - венгерский журналист и офицер, участник революции 1848-1849 гг. Был тайным агентом полиции. Позже находился на турецкой военной службе под именем Мехмеда Бея.

103 Имеется в виду Джордж Бернард Шоу.

104 Стэд Уильям Томас (1849-1912) - английский журналист, либерал. Редактор "The Pall Mall Gazette" в 1883-1889 гг.

105 "Ein echter britisher politician (нем.) - "Истинно британский политик". Слова "britisher politician" Энгельс иронически написал на английском, а не на немецком языке.

106 Буланже Жорж (1837-1891) - французский генерал. В 1886-1887 гг. военный министр. В 1887-1889 гг. возглавлял шовинистическое движение под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотра республиканских конституционных законов и роспуска парламента. Движение получило название буланжизма.

107 Фольмар Георг (1859-1922) - деятель германского социалистического и профсоюзного движения, реформист. Несколько раз избирался депутатом рейхстага.

108 Имеется в виду первая мировая война.

109 "Spartacus" ("Спартак") - бюллетень группы Жоржа Вереекена в Бельгии. Группа несколько раз присоединялась к Интернациональной левой оппозиции и порывала с ней в связи с конкретными политическими вопросами.

110 "Action socialiste revolutionnaire" ("Революционно-социалистическое действие") - бюллетень левого крыла Бельгийской рабочей партии. До 1935 г. издавался под названием "Action socialiste".

111 "Que faire" ("Что делать") - небольшая центристская группа, образовавшаяся в компартии Франции в 1934 г. Группа выпускала бюллетень под тем же названием. Она выступала за единый фронт с Социалистической партией. Руководители группы Андре Ферре и Жорж Каган были исключены из компартии.

112 "L'Internationale" - журнал Союза коммунистов - небольшой группы, образованной в 1933 г. в результате ее откола от французской компартии в 1931 г.

113 "Proletaire d'Avant-Garde" - бюллетень, публиковавшийся небольшой группой, отколовшейся от организации французских сторонников Троцкого в 1934 г. после ее решения о вступлении в Социалистическую партию.

114 Имеется в виду США.

115 Молинаар Жан - деятель голландского социалистического движения,

руководитель Революционной социалистической молодежной лиги. В 1935 г. был инициатором раскола этой организации. После оккупации нацистами Голландии был арестован, отправлен в концлагерь, где скончался.

116 Имеется в виду агрессия Италии против Эфиопии (Абиссинии).

117 Текст "От редакции" написан Троцким. Статья была опубликована газетой "The New Militant" 30 ноября 1935 г. Первоначально она предназначалась для французского бюллетеня "Revolution".

118 "Revolution" - бюллетень молодежной социалистической организации департамента Сена (Франция). Находился под влиянием сторонников Троцкого. После исключения руководителя этой организации из Социалистической партии бюллетень стал органом молодежной организации сторонников Троцкого во Франции.

119 Зеллер Фред (1912 - ?) - деятель французской социалистической молодежной организации департамента Сена. В 1935 г. исключен из партии. Встречался с Троцким во время его пребывания во Франции. Сотрудничал в газете "Revolution".

120 Во избежание недоразумения отметим, что эта антимарксистская партия не имела ничего общего с революционным социализмом. - Примеч. автора.

121 Имеется в виду газета "Новая жизнь".

122 Котурны - сандалии на толстой подошве у древнегреческих и древнеримских актеров с целью увеличения их роста. Слово стало нарицательным для обозначения ложного и показного величия.

123 Паскаль Блез (1623-1662) - французский философ, математик и физик. Сконструировал суммирующую машину. Сформулировал закон об одинаковости передачи давления жидкости во всех направлениях. Развивал идеи о трагичности человеческого существования, находящегося между бесконечностью и ничтожеством.

124 Неккер Жак (1732-1804) - министр финансов Франции в 1777-1781 и 1788-1790 гг. Сыграл значительную роль в подготовке созыва Генеральных штатов в 1789 г. и тем самым в подготовке революции 1789-1799 гг. Был инициатором ряда реформ.

125 Венизелос Элефтериос (1864-1936) - греческий политический деятель, неоднократно премьер-министр. С 1935 г. в эмиграции.

126 Цалдарис Панайотис (1884-1973) - греческий политический деятель, умеренный монархист. Премьер-министр в октябре 1932 - январе 1933 г.

127 Вольтерьянцами, в частности в России в конце XVIII - XIX в., называли идейных последователей Вольтера - сторонников борьбы против реакционного мракобесия, критиков феодально-абсолютистской системы.

128 Сен-Жюст Луи (1767-1794) - деятель французской революции 1789-1799 гг., якобинец. Член Комитета общественного спасения периода якобинской диктатуры, соратник Робеспьера. Казнен после термидорианского переворота 1794 г.

129 Ламартин Альфонс (1790-1869) - французский писатель, историк и политический деятель. Член временного правительства в 1848 г. Автор "Истории жирондистов" (1847), в которой подверг критике политику якобинцев и выступил в качестве апологета жирондистского политического течения в революционном лагере революции 1789-1799 гг.

130 Де Брольи - династия французских герцогов. Основатель Виктор-Франсуа (1718-1804). Автор, видимо, имеет в виду Виктора де Брольи (1785-1870) либо Альбера де Брольи (1821-1901) - французских политических деятелей монархического направления.

131 Людовик XV Бурбон (1710-1774) - французский король с 1715 г.

132 Гора - другое название течения якобинцев во французской революции 1789-1799 гг. Наименование было связано с тем, что в Конвенте они занимали верхние скамьи.

133 Старый и Новый Заветы (точнее Ветхий и Новый Заветы) в совокупности составляют Библию (буквально по-гречески - книги) - сборник сочинений, созданных в VIII в. до н. э. - II в. н. э. (мифы и легенды, исторические повествования, лирика, религиозная поэзия и др.). Лежат в основе богословия и догматики иудаизма (Вехий Завет в христианстве или Тора в иудаике) и христианства (обе части).

134 Аншлусс (нем. Anschluss - присоединение) - политика присоединения Австрии к Германии, проводившаяся правыми кругами Германии после первой мировой войны. Завершилась захватом Австрии гитлеровской Германией в марте

1838 г.

135 Имеется в виду Польский Коридор (Данцигский Коридор) - территория на границе с Германией, полученная Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. и давшая ей доступ к Балтийскому морю.

136 Кант Иммануил (1724-1804) - немецкий философ. Автор книг "Критика чистого разума", "Критика практического разума" и др., в которых он обосновывал учение о непознаваемых "вещах в себе" и познаваемых явлениях, создающих возможность бесконечного опыта.

137 Горио Франсуа (1761-1794) - участник французской революции 1789-1799 гг. Оратор из среды парижских санкюлотов (неимущих). Член Конвента. Участник восстания 1793 г., приведшего к установлению власти якобинцев. Арестован и казнен вместе с Робеспьером и другими лидерами якобинцев непосредственно после термидорианского переворота 1794 г.

138 Каменев Сергей Сергеевич (1891-1936) - советский военный деятель. Во время первой мировой войны командовал полком царской армии. После Октябрьского переворота перешел на сторону большевиков. В 1918-1919 гг. командовал войсками Восточного фронта, в 1919-1924 гг. был командующим вооруженными силами РСФСР (СССР), в 1924-1937 гг. заместителем наркома по военным и морским делам. С 1924 г. начальник управления противовоздушной обороны СССР.

139 Речь идет о франко-советском договоре, подписанном 2 мая 1935 г. Договор предусматривал консультации при угрозе нападения на одну из сторон и обязательство оказания немедленной помощи стране, подвергшейся нападению.

140 Вексал - поселок возле города и железнодорожной станции Хоннифос в Норвегии, на расстоянии около 50 км от Осло. Здесь с июля 1935 г. до начала сентября 1936 г. Троцкий жил в доме деятеля Норвежской рабочей партии Конрада Кнутсена. 2 сентября 1936 г. Троцкий под полицейским конвоем был перевезен в поселок Харум, в 30 км к югу от Осло, где он был интернирован в небольшом доме, арендованном министерством внутренних дел Норвегии именно для этой цели. Под домашним арестом он находился вплоть до выезда в Мексику 19 декабря 1936 г.

141 Довольно многочисленные эмигрантские круги Социалистической рабочей партии Германии (S. A. P.) играют сейчас роль тормоза в рабочем движении разных стран. - Примеч. автора.

142 Эттли Клемент Ричард (1883-1967) - британский политический деятель, лейборист. Премьер-министр в 1945-1951 гг.

143 Обычно в русском языке именуют Всеобщей конфедерацией труда.

144 Обычно в русском языке именуют Унитарной всеобщей конфедерацией труда.

145 Речь идет о народном фронте во Франции.

146 "La Commune" - газета, издававшаяся группой членов французской Лиги большевиков-ленинцев во главе с Р.Молинье с декабря 1935 г. За нарушение дисциплины, выразившееся в издании собственной газеты, Молинье и другие члены группы были исключены из организации.

147 Рус Жан (1908-1985) - французский адвокат, член Социалистической партии. В 30-е годы сторонник Троцкого. Был членом Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции.

148 Социальный фронт - политическая организация, основанная Ж.Дорио после его исключения из компартии. Существовал до 1936 г., когда Дорио создал Французскую народную партию.

149 Имеется в виду документ "За Четвертый Интернационал: Открытое письмо всем революционным пролетарским организациям и группировкам". - Бюллетень оппозиции. - 1935. - No 44. - С. 1-5.

150 Дож Вальтер (1907-1944) - бельгийский социалист, лидер одной из малых социалистических организаций. В 1936 г. был одним из основателей Социалистической рабочей партии Бельгии. Руководил ею до оккупации Бельгии германскими войсками в 1940 г.

151 Цилига Анте (Антон) (1896 - 1992) - деятель коммунистического движения Югославии. Член Политбюро компартии с 1925 г. Находился в эмиграции в СССР. Был арестован в 1930 г., но освобожден и смог выехать из СССР в 1935 г. Опубликовал несколько книг и брошюр с разоблачением советского режима. В конце 30-х годов вступил в острую полемику с Троцким, обвиняя его в подавлении Кронштадтского восстания 1921 г.

152 Дедич Мустафа (псевдоним Виктор Соловьев) - деятель компартии

Югославии. Был секретарем комитета профсоюзов в Герцеговине (г. Мостар). Политэмигрант в СССР. В 1930 г. арестован за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б) и приговорен к трем годам заключения. Находился в Верхнеуральском политизоляторе. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

153 Драгич Станко (псевдоним И.Б.Ковалев) - деятель компартии Югославии, член ЦК КПЮ, секретарь партийной организации в Загребе. Эмигрант в СССР. Арестован за сочувствие объединенной оппозиции. Приговорен к заключению на три года. Находился в Верхнеуральском политизоляторе. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

154 Хеберлинг Стефан (псевдоним В.Суслов) - деятель компартии Югославии. Был членом комитета компартии Воеводины в г. Нови Сад. Эмигрант в СССР. Арестован за сочувствие объединенной оппозиции. Был отправлен в ссылку на Урал на три года. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

155 Шлам Вилли (1904-1978) - австрийский коммунист. Исключен из партии в 1929 г. за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б). В 1933 г. организовал издание журнала "Der Neue Weltb hne", являвшееся продолжением журнала "Weltb hne". Затем журнал выходил под названием "Europ ische Hefte".

156 "Europ ische Hefte" ("Европейские тетради") - журнал на немецком языке демократического и антинацистского характера. Выходил в Праге в 1934-1935 гг.

157 Письмо А.Цилиги опубликовано под заголовком "Сталинские репрессии в СССР" в журнале: Бюллетень оппозиции. - 1936. - No 47. - С. 1-4.

158 Имеется в виду книга, которую готовил Цилига и которая вышла позже: Ciliga A. The Russian Enigma. - London, 1940.

159 Зиновьев, Каменев и другие бывшие деятели объединенной оппозиции были арестованы в середине декабря 1934 г. по обвинению в организации убийства С.М.Кирова. 15-16 января 1935 г. состоялся суд над ними и другими лицами (всего 19 человек). Подсудимые были признаны виновными в создании нелегального "московского центра" и несли, якобы, морально-политическую ответственность за убийство Кирова. Зиновьев был приговорен к десяти годам заключения, Каменев - к пяти, остальные - к различным срокам от 5 до 10 лет заключения.

160 Троцкий ошибся. Речь идет о марте 1921 г.

161 Дубровинский Иосиф Федорович (1877-1913) - российский революционный деятель, большевик. Участник революции 1905-1907 гг.

162 Ироническое высказывание, связанное с тем, что перед нападением Италии на Эфиопию на границе Эфиопии итальянцами провоцировались различные инциденты. Серьезный конфликт произошел 5 декабря 1934 г. у оазиса Уал-Уал в эфиопской провинции Огаден на границе Итальянского Сомали. Итальянцы применили танки и афиацию. Эфиопия обратилась с жалобой в Лигу Наций, но Совет Лиги ограничился лишь предложением об арбитраже и отложил рассмотрение вопроса по существу. Невмешательство объяснялось позицией Великобритании и Франции, особенно последней, которая готова была оказать содействие итальянской экспансии в Африке в обмен на поддержку Франции в европейских делах. 7 января 1935 г. министр иностранных дел Франции П.Лаваль подписал с Муссолини договор относительно европейских проблем (независимость Австрии, недопустимость германских вооружений и др.). Франция фактически признала заинтересованность Италии в Эфиопии.

163 Троцкий ошибся. Процесс над эсерами был в 1922 г.

164 Рабочая партия марксистского объединения Испании (ПОУМ) была основана в 1935 г. в результате разрыва Испанской левой оппозиции с Л.Д.Троцким. Партия образовалась на основе объединения левой оппозиции с Рабочим и крестьянским блоком, стоявшим на позиции сотрудничества с другими левыми силами. В 1936 г. ПОУМ вошла в народный фронт, в котором стояла на левом фланге, выступая за проведение социалистических преобразований. В мае 1937 г. партия приняла участие в фактически спровоцированном властями народного фронта по подкачке советских агентов вооруженном выступлении в Барселоне. После его подавления лидеры ПОУМ были арестованы. Руководитель партии А.Нин был похищен из заключения агентами советских спецслужб во главе с А.Орловым и убит. В октябре 1938 г. состоялся суд над другими руководителями ПОУМ, которые без каких бы то ни было доказательств были признаны виновными в измене и шпионаже. Они были объявлены "троцкистами", хотя с Троцким их ничего не связывало. Большинство активных работников ПОУМ

было расстреляно. Ошибочная традиция считать ПОУМ "троцкистской организацией" сохраняется во многих исторических работах по настоящее время.

165 Андраде Родригес Хуан (1897-1981) – испанский коммунист. В 1930 г. порвал с компартией, был одним из основателей ПОУМ. Член ее ЦК. Позже возвратился в компартию. После гражданской войны в Испании эмигрировал в СССР. Работал в вузах Ленинграда.

166 Имеюся в виду санкции Лиги Наций против Италии в связи с ее агрессией против Эфиопии.

167 В поисках оправдания своей политики Маурин – Нин ссылаются на испанский избирательный закон, крайне затрудняющий самостоятельные кандидатуры для молодой партии (см. резолюцию ЦК, "Баталла", No 234). Но это довод не имеет никакой цены. Избирательная техника не может оправдать предательской политики в виде выставления общей программы с буржуазией. – Примеч. автора. "La Batalla" ("Борьба") – центральная газета ПОУМ. Выходила в Барселоне в 1934-1937 гг. Была запрещена правительством народного фронта.

168 Предисловие предназначалось для сборника статей Л.Д.Троцкого "Ou va la France? – Paris, 1936.

169 В конце мая – первой половине июня 1936 г., после победы народного фронта на парламентских выборах, во Франции произошли забастовки, охватившие около 12 тыс. предприятий. Участвовало свыше 2 млн рабочих и служащих. Основными требованиями были увеличение заработной платы, введение 40-часовой рабочей недели, заключение коллективных договоров, введение оплачиваемых отпусков. Забастовки сопровождались занятием предприятий. Сформированное 4 июня правительство народного фронта во главе с Л.Блюмом выступило в качестве посредника. 7 июня было подписано так называемое Матиньонское соглашение (подписано в отеле "Матиньон" в Париже) между Всеобщей конфедерацией труда и Всеобщей конфедерацией французских предпринимателей, согласно которому заработная плата увеличивалась в среднем на 12%, признавались профсоюзы в качестве юридических лиц, была введена 40-часовая рабочая неделя, признан принцип коллективных договоров для всех частных предприятий, вводились оплачиваемые отпуска. Вслед за этим соответствующие законы были проведены через парламент.

170 Имеется в виду книга Л.Д.Троцкого "Wohin geht Frankreich?" – Antwerp, 1936.

171 Предложение не дописано.

172 Автор письма, как и названные в нем ниже Подолинский, Терен и Гармаш, являлись членами украинской группы сторонников Троцкого в Канаде.

173 Названная книга Л.Д.Троцкого была издана в 1937 г. под заголовком "Преданная революция" с подзаголовком "Что такое СССР и куда он идет?" Под названием "Что такое СССР и куда он идет?" книга была выпущена на русском языке в Париже в 1971 г. IV Интернационалом.

174 Говард Рой (1883-1964) – американский журналист и предприниматель, создатель газетно-журнального комплекса Скриппс-Говарда. Говард проинтервьюировал Сталина 1 марта 1936 г. Интервью привлекло внимание во всем мире, так как Сталин объявил, что приписываемая ему цель мировой революции является "комическим недоразумением". См. статью Троцкого об этом интервью: Троцкий Л. Заявления и опровержения Сталина. – Бюллетень оппозиции. – 1936. – No 49. – С. 1-4.

175 Hoover Institution Archive, В.І.Nicolaevsry Collection, box 366.

176 Письмо Л.Д.Троцкого, адресованное "Д.", было написано 7 января 1936 г. Д. – первая буква слова Диг, одного из псевдонимов Л.Л.Седова. В письме содержалась критика деятельности Л.Л.Седова по руководству "Бюллетенем оппозиции" в Париже.

177 Имеется в виду газета Р.Молинье "La Commune".

178 Очевидно, имеется в виду "письмо Д."

179 Вычеркнуто слово "грубостями".

180 Вычеркнуто слово "доброжелательного".

181 Одно слово прочитать не удалось.

182 Телеграмму Л.Д.Троцкого Р.Перо от 19 марта 1936 г. см.: HU.NL, bMS Russ 13, EP 9505. Сведения об этом лице обнаружить не удалось.

183 Л.Л.Седов имеет в виду свою работу в качестве редактора "Бюллетеня оппозиции".

184 Последующая часть письма написана на полях предыдущих страниц.

185 Абзац расшифрован с большим трудом. Фамилии и имена,

идентифицировать которые не удалось, возможно, переданы не точно.

186 Документ представляет собой проект воззвания, написанного от имени Интернационального Секретариата Лиги коммунистов-интернационалистов.

187 Конституция официально была утверждена 5 декабря 1936 г. VIII чрезвычайным съездом Советов СССР.

188 Имеется в виду "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)".

189 Имеется в виду В.М.Смирнов.

190 Речь идет о забастовке во Франции, завершившейся подписанием Матиньонского соглашения, и аналогичных событиях в Бельгии.

191 Ракамон Жюль (1895-1966) - французский парфсоюзный деятель, секретарь Унитарной всеобщей конфедерации труда в 1923-1935 гг., секретарь объединенной Всеобщей конфедерации труда в 1935-1953 гг.

192 После VII конгресса Коминтерна народный фронт был создан в ряде стран. В Испании, Франции и Чили были образованы правительства народного фронта. В основном народные фронты прекратили существование в 1938 г., когда по команде из Москвы коммунисты возобновили атаки на социал-демократов как главного своего врага.

193 Асанья Мануэль (1880-1940) - испанский государственный деятель, в 1931-1933 гг. и 1936 г. глава правительства. В 1936 г. был избран президентом и оставался им до окончания гражданской войны в 1939 г. Затем находился в эмиграции.

194 Хиль Роблес Хосе Мария (1898-1980) - испанский политический деятель, в 30-е годы возглавлял Испанскую конфедерацию автономных правых (СЕДА). В 1935-1936 гг. министр. В начале гражданской войны поддерживал франкистов, но вскоре перешел в оппозицию и эмигрировал. Возвратился в Испанию в 1953 г. Выступал за восстановление монархии.

195 Фашистская Италия совершила нападение на независимую африканскую страну Эфиопию (Абиссинию) 3 октября 1935 г. Несмотря на крайнюю слабость эфиопской армии, военные действия продолжались до мая 1936 г. 9 мая 1936 г. король Италии Виктор-Иммануил издал декрет о присоединении Эфиопии к Италии. Лига Наций осудила агрессию, объявила о введении экономических санкций против Италии, но последовательно их не проводила. Великобритания и Франция в декабре 1935 г. заключили соглашение, объективно способствовавшее аннексии Эфиопии Италией.

196 Народный фронт в Испании был образован в январе 1936 г. Вошли Социалистическая партия, компартия, социалистический и коммунистический союзы молодежи, Республиканская Левая, Республиканский союз, Католическая Левая, ПОУМ, Федерация анархистов, другие мелкие партии, прфсоюзное объединение Всеобщий союз трудящихся. На выборах в кортесы (парламент) 16 февраля 1936 г. народный фронт добился победы. Он получил 268 мест против 205 мест правых и центристских партий. Было образовано правительство народного фронта в составе Республиканской Лево́й и Республиканского союза под председательством Мануэля Асанья.

197 Речь идет о мятеже генерала Франсиско Франко, организовавшего вооруженное выступление против правительства народного фронта. Мятеж начался 17 июля 1936 г. в Марокко и вслед за этим охватил Галисию, Наварру, часть Каталонии и Андалузии. Центральная часть страны осталась под властью правительства народного фронта. Мятеж генерала Франко был началом гражданской войны, продолжавшейся до 1939 г. В 1939 г. в стране была установлена диктатура Франко.

198 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

199 Имеется в виду Л.Д.Троцкий. Речь идет о создании комитета или комитетов защиты политических заключенных в СССР с участием российских меньшевиков-эмигрантов, против чего Троцкий резко возражал.

200 После судебного процесса над Зиновьевым, Каменевым и другими в августе 1936 г. по требованию правительства СССР министерство юстиции Норвегии отдало распоряжение о помещении Троцкого, его жены и сотрудников под арест, который продолжался вплоть до выезда Троцкого в Мексику в конце 1936 г. Фактически политические контакты Троцкого в эти месяцы были прерваны.

201 Подтверждение получения письма Цилиги в "Бюллетене оппозиции" помещено не было.

202 В марте 1935 г. Гитлер в нарушение Версальского мирного договора объявил о введении всеобщей воинской повинности, создании постоянного

вермахта и признал существование германских военно-воздушных сил, также запрещенных договором. В мае 1935 г. было заключено соглашение между Великобританией и Германией, которое дало право Германии иметь крупные военные корабли. В марте 1936 г. германские вооруженные силы оккупировали демилитаризованную Рейнскую область.

203 Сикофантская компиляция - донос, клевета, шантаж. Слово сикофант происходит от греческих слов, охрачающих "фига" ("смоква") и "доношу". По-видимому, так назывались лица, доносившие о запрещенном вывозе смоквы из Аттики. Вскоре так стали называть профессиональных доносчиков.

204 Вопросы были поставлены журналистом Чарлзом Маламутом.

205 Блюменфельд Иосиф Соломонович (1865 - ?) - социал-демократ, сотрудник группы "Освобождение труда", а затем "Искры". По профессии наборщик. В "Искре" заведовал типографией и транспортом. В 1903 г. примкнул к меньшевикам. Работал в социал-демократических организациях в России и за границей. В 1917 г. участвовал в организации меньшевистского издательства "Рабочая печать". После 1917 г. отошел от политической деятельности.

206 Заграничная лига русских социал-демократов действовала с центром в Женеве в 1901-1905 гг. Она объединяла заграничные отделы печатных органов социал-демократов - "Искры", "Зари" и "Социал-демократа". II съезд РСДРП (1903) объявил Лигу единственным представителем партии за границей. После съезда в Лиге преобладали меньшевики.

207 Крохмаль В.Н. - меньшевик. В 1917 г. революционный оборонец. С марта 1917 г. член Организационного комитета меньшевистской партии. С августа 1917 г. кандидат в члены ЦК РСДРП (объединенной). Член Исполкома Петроградского Совета.

208 Гурский Марьян Григорьевич (1874 - ?) - социал-демократ, с 1903 г. меньшевик. Был членом Заграничной лиги русских социал-демократов.

209 Землячка (настоящая фамилия Залкинд) Розалия Самойловна (1876-1947) - советский партийный и государственный деятель. Социал-демократка с 1896 г. Во время гражданской войны была на политической работе в Красной Армии. Отличалась крайней жестокостью. По ее распоряжению (совместно с ее любовником венгром Белой Куном) были казнены сотни российских офицеров, сдавших Красной Армии в Крыму в 1920 г. под обещание помилования. В 1926-1933 гг. работала в наркомате рабоче-крестьянской инспекции. В 1939-1947 гг. являлась заместителем председателя Совнаркома СССР.

210 Осенью 1900 г. Л.Д.Троцкий, арестованный в 1898 г., был сослан в Восточную Сибирь. Вначале он находился в поселке Усть-Кут, но вскоре был переведен в поселок Верхоленск Иркутской губернии - известное место уголовной и политической ссылки, где отбывали наказание декабристы, народники, социал-демократы. В 1902 г. Троцкий бежал из ссылки и вскоре после этого эмигрировал.

211 Берлин Александр - киевский студент, муж Р.С.Землячки. Был арестован и сослан в Верхоленск. Покончил самоубийством в ссылке.

212 Соломон Георгий Александрович (настоящая фамилия Исецкий) (1868 - ?) - участник российского революционного движения. Социал-демократ. После Октябрьского переворота 1917 г. был на советской службе. В 1918-1919 гг. секретарь полпредства РСФСР в Германии. С 1920 г. работал в наркомате внешней торговли. В 1921-1923 гг. директор советской торговой фирмы в Великобритании "Аркос". В августе 1923 г. стал невозвращенцем. В 1930 г. выпустил в Париже книгу "Среди красный вождей", а в 1931 г. там же брошюру "Ленин и его семья. (Ульяновы)". Далее следы теряются.

213 Имеется в виду американец (а не англичанин, как полагают многие авторы) Фелс Джозеф (1854-1914), предоставивший деньги на возвращение в Россию делегатов V съезда РСДРП в 1907 г.

214 Военно-промышленные комитеты - общественные организации, созданные в 1915 г. по инициативе промышленников для мобилизации промышленности на военные нужды. При комитетах были созданы рабочие группы. Председателем Центрального военно-промышленного комитета в Петрограде был А.И.Гучков. В значительной мере благодаря военно-промышленным комитетам было налажено массовое производство вооружения и боеприпасов. Комитеты фактически прекратили существование после Февральской революции 1917 г. и были официально ликвидированы большевиками в 1918 г.

215 Ольминский (псевдоним Александров) Михаил Степанович (1863-1933) - участник российского революционного движения, публицист. Социал-демократ с 1898 г. (до этого был народником). С 1918 г. член редколлегии газеты "Правда". В 1920-1924 гг. руководитель Истпарта. Был председателем Общества старых большевиков. Автор ряда книг по истории революционного движения в России.

216 "El Tiempo" ("Темп") - мексиканская газета. Выходила с 1834 г.

217 Речь идет о судебном фарсе - процессе над 16 лицами (Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Ваганян, И.Н.Смирнов и др.), происходившем в Москве 19-24 августа 1936 г. На суде все обвиняемые "чистосердечно признались" в совершенно фантастических преступлениях, якобы совершенных ими, сохраняя, видимо, зыбкую надежду на то, что их оставят в живых ценой политического самоубийства. Надежда осталась тщетной. Все подсудимые были приговорены к смертной казни и расстреляны.

218 Имеется в виду книга: Trotsky L. Les crimes de Staline. - Paris,

1937.

219 Дело Дрейфуса - дело по ложному обвинению офицера французского Генерального штаба А.Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии, сфабрикованном в 1894 г. Дрейфус был приговорен к пожизненной каторге. Обвинение носило антисемитский характер. Под давлением общественного мнения Дрейфус был в 1899 г. помилован и в 1906 г. реабилитирован.

220 См.: Бюллетень оппозиции. - 1929. - No 1-2. - С. 2.

221 Первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) С.М.Киров был убит в коридоре Смольного (здание горкома или обкома партии) или, по некоторым данным, в собственном кабинете 1 декабря 1934 г. Л.В.Николаевым. Некоторые факты свидетельствуют, что убийство было организовано спецслужбами, по всей видимости, по личному приказу или намеку Сталина, хотя неопровержимые доказательства этого не обнаружены. В книге: А.Кирилина. Неизвестный Киров: Мифы и реальность. - Спб., М., 2001 - приводятся данные с помощью которых автор пытается поставить под сомнение версию о наличии заговора с целью убийства Кирова. Некоторые из приводимых ею материалов заслуживают внимания, однако рассуждения автора не убедительны.

222 Sedov L. Livre rouge sur le proc s de Moscou: Documents recuilles et r dig s par L.Sedov. - Paris, [1937].

223 Serge V. 16 fusill s ou va la R volution: Zinoviev, Kamenev, Smirnov. - Paris, [1937].

224 Shachtman M. The Moscow Trial - the Contest Frame-Up in History. - New York, 1937.

225 Речь идет о судебном фарсе по делу так называемого "параллельного троцкистского центра" 23-30 января 1937 г. Основными подсудимыми являлись Г.Л.Пятаков, К.Б.Радек, Н.Я.Сокольников, Н.И.Муралов. Большинство подсудимых были приговорены к смертной казни и сразу после суда расстреляны. Радек и Сокольников были приговорены к тюремному заключению, но убиты через некоторое время (к заключению были приговорены также В.В.Арнольд и М.С.Стороиллов). В этом и в ряде других мест текста Троцкий употребляет устаревший термин ГПУ. На самом деле, ОГПУ было ликвидировано в 1934 г. Тогда же был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), который и стал основным орудием карательной политики большевистской власти и лично Сталина.

226 Сокольников (настоящая фамилия Бриллиант) Григорий Яковлевич (1889-1939) - советский государственный деятель. В 1918 г. глава советской делегации на переговорах с Германией. Подписал Брестский мир. С 1920 г. председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР. В 1922-1926 гг. нарком финансов. Арестован во время "большого террора". На процессе в январе 1937 г. приговорен к заключению. Убит в тюрьме.

227 Серебряков Леонид Петрович (1890-1937) - деятель революционного движения России. В 1919-1920 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. комиссар Главного управления путей сообщения. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан. В 1930 г. после разрыва с оппозицией восстановлен в партии. С 1931 г. начальник

Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта. В 1936 г. вновь исключен из партии и арестован. На процессе в январе 1937 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

228 Заявляя, что его письмо правительству Норвегии от 15 ноября 1936 г. было конфисковано, то есть изъято этим же правительством (это является очевидной нелепостью), Троцкий, видимо, имеет в виду, что власти изъяли черновик письма и запретили его публикацию. Действительно, в архиве Троцкого этого документа нет. 18 ноября Троцкому было передано официальное заявление министерства юстиции Норвегии, запрещающее ему принимать участие в каких бы то ни было международных печатных изданиях, а также поддерживать связь с адвокатами за рубежом. 10 ноября Троцкий сообщил сыну, что министерство юстиции конфискует все его письма, касающиеся личной защиты в связи с обвинениями на московских процессах (Hoover Institution. Secretariat International of Communists-Leninists Collection).

229 В начале ноября 1936 г. Л.Л.Седов передал на хранение в Парижский филиал Международного института социальной истории (Амстердам) часть архива Л.Д.Троцкого, за что получил 15 тыс. франков (незначительную по тому времени сумму). Архивные документы принял руководитель филиала известный историк Б.И.Николаевский. Но основная часть архива, находившаяся в Париже, была передана на хранение на квартиру сотрудника Л.Л.Седова М.Зборовского (оказавшегося агентом советских спецслужб). В ночь на 7 ноября произошло ограбление филиала, часть бумаг Троцкого была похищена. Ограбление было организовано советской агентурой, безусловно, по "наводке" Зборовского, но, по-видимому, без его личного участия. Ценных документов среди захваченных материалов не было. Можно предположить, что ограбление было инсценировано, чтобы повысить доверие Седова к Зборовскому, который исправно передавал в Москву копии находившихся у него документов.

230 Политические заключенные в советских тюрьмах, согласно многочисленным свидетельствам, подвергались не "полуфизическим пыткам", а жесточайшим избиениям и другим физическим мукам, то есть пыткам в полном смысле слова, причем по личным приказам Сталина.

231 Trotsky L. Les crimes de Staline. - Paris, 1937.

232 D.F. (Distito Federal - исп.) - Федеральный округ.

233 "El Nacional" - мексиканская газета. Выходила в Мехико.

234 "Государство - это я!" - высказывание, приписываемое французскому королю Людовику XIV Бурбону (1638-1712, король с 1643). Смысл высказывания: то, что хорошо и полезно для властителя, хорошо и полезно для страны.

235 Троцкий ошибся. Речь идет о 1922 г.

236 Богуславский Михаил Соломонович (1886-1937) - участник революционного движения в России, член еврейских социалистических организаций с 1905 г., большевик с 1917 г. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в государственных и партийных органах Украины. С 1924 г. председатель Малого Совнаркома СССР. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем отправлен в Новосибирск, где работал в советских органах. В 1930 г. после покаяния восстановлен в ВКП(б). Был начальником строительства завода горного оборудования в Новосибирске. В 1936 г. арестован, на судебном фарсе в январе 1937 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

237 Дробнис Яков Наумович (1890-1937) - участник революционного движения в России, социал-демократ с 1906 г. Один из основателей КП(б) Украины. С 1923 г. член административно-финансовой комиссии при Совнаркоме Украины. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. Исключен из партии в декабре 1927 г. и затем сослан. В 1930 г. после покаяния восстановлен в партии. Работал в наркомате путей сообщения СССР. Арестован в 1936 г., на судебном фарсе в январе 1937 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

238 Имеются данные о том, что в первой половине 1936 г. один из ближайших приспешников Сталина В.М.Молотов находился в опале вождя. Когда Сталину предоставили список лиц, которых, якобы, собирались убить заговорщики (в списке были фамилии Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и др.), Сталин, по сведениям А.Орлова, высокопоставленного сотрудника НКВД, бежавшего в США, собственной рукой вычеркнул фамилию Молотова. Однако вскоре гнев, вызванный, очевидно, тем, что Молотов как глава правительства недостаточно рьяно участвовал в организации "большого террора", сменился милостью. На суде над Зиновьевым, Каменевым и другими в августе 1936 г. был

объявлено, что Молотов также был намечен заговорщиками в жертвы, и даже в 1934 г. была предпринята попытка покушения на его жизнь в г. Прокопьевске (Кузбасс), где с этой целью была, якобы, организована автомобильная катастрофа. На самом деле его автомобиль всего лишь сошел с дороги и правые колеса наклонились в сторону канавы (ни один из пассажиров не пострадал).

239 Медведь Филипп Демьянович (1890-1937) - сотрудник советских спецслужб. В первой половине 30-х годов начальник Ленинградского областного управления ОГПУ (затем НКВД). Был обвинен в пренебрежении служебными обязанностями, что привело к убийству С.М.Кирова. Медведь был снят с должности и отправлен в концлагерь. Тем не менее там его сделали начальником Южного горно-промышленного управления Дальстроя. В 1937 г. расстрелян.

240 Ромм Владимир (1896-1936) - корреспондент газеты "Известия" в Женеве (1930-1933), а затем в Вашингтоне. Был арестован в 1936 г., когда он находился в СССР, и обвинен в том, что являлся, якобы, связным "антисоветских групп" с Троцким. Расстрелян без суда.

241 Когда была разоблачена версия о том, что подсудимый на процессе 1936 г. Е.С.Гольцман встречался с Л.Л.Седовым в Копенгагене в отеле "Бристоль" (этот отель, как оказалось, был демонтирован еще в 1917 г.), была изобретена другая версия, согласно которой встреча состоялась, якобы, не в отеле, а в кафе "Бристоль" в другом районе города.

242 Борджа (Борджиа) - знатный род, игравший значительную роль в Италии в XV - начале XVI в. Цезарь (Чезаре) Борджиа (1475-1507) был кардиналом католической церкви, ушел в отставку после убийства его брата (в этом убийстве он, по-видимому, непосредственно участвовал). Являлся затем герцогом в г.Урбино и в других городах, стал известен хладнокровными убийствами своих врагов. Отличался злобностью, решительностью и дальновидностью. Считается, что по его образу Н.Макиавелли создал свое произведение "Государь".

243 Троцкий называл "амальгамой" на судебных процессах периода "большого террора" широко применявшуюся НКВД практику, когда рядом с подсудимыми, занимавшими в прошлом высокие партийные и государственные посты, рассаживали различных второстепенных лиц, в частности откровенных провокаторов и уголовников, пытаясь представить дело таким образом, что они составляли с главными подсудимыми единую группу. Еще одним направлением "амальгамы" были попытки связать воедино различные политические тенденции - монархизм, "фашизм", меньшевизм, правый социал-демократизм, различные бывшие группировки в компартии и т. д.

244 Так в тексте.

245 Троцкий неточен. В "Бюллетене оппозиции", который начал выходить в июле 1929 г., нет ни одного материала от 4 марта того же года.

246 Кнутсен Конрад (1883-1969) - деятель Норвежской рабочей партии, редактор ее газеты. В доме Кнутсена Троцкий проживал в Норвегии до ареста и помещения под домашнее заключение.

247 19-22 ноября 1936 г. в Новосибирске был проведен судебный процесс в военной коллегии Верховного суда СССР по делу о саботаже на шахтах и заводах Новосибирска и Кемерово. Обвиняемые "признавались" в преступных связях с видными бывшими оппозиционерами, в частности с Н.И.Мураловым и Г.Л.Пятаковым. Среди обвиняемых находился германский инженер Стиклинг, с помощью которого спецслужбы пытались обосновать связь "троцкистов" с германскими нацистами и свой замысел представить Троцкого в качестве агента гестапо.

248 Мины - шахты (от термина на английском и французском языках mine).

249 Стахановская система (стахановское движение) - организованное в пропагандистских целях движение специально подобранных местными коммунистическими организациями рабочих за повышение производительности труда и лучшее использование техники. Получило название по фамилии Стаханова Алексея Григорьевича (1905-1977) - забойщика в г. Кадиевка (Донбасс). В августе 1935 г. он установил рекорд по добыче угля, перевыполнив норму во много раз. Для "стахановцев" создавались особые условия труда, заранее обеспечивавшие их успех. В среднем же к повышению производительности труда движение не привело, вызвав лишь плохо скрываемое раздражение рабочих по адресу "стахановцев".

250 Шестов Алексей Александрович (1896-1937) - агент НКВД в Западной Сибири. Работал в Кузбассе управляющим цинковым рудником. Был обвиняемым на

январском судебном фарсе 1937 г. Расстрелян.

251 Записку Ленина Мдивани, Махарадзе и другим грузинским коммунистам см.: Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 54. - С. 330. Записка связана с тем, что Г.К.Орджоникидзе ударил одного из грузинских деятелей, назвавшего его "ишаком Сталина", а комиссия, рассматривавшая это дело, во главе с Ф.Э.Дзержинским, взяла Орджоникидзе под защиту. Сталин, по мнению Ленина, нес политическую ответственность за этот инцидент. Политбюро ЦК РКП(б) 25 января 1923 г. утвердило выводы комиссии Дзержинского. Ленин запросил все эти материалы и стал на сторону грузинских коммунистов, которые "добивались справедливости". Письмо свидетельствовало о назревании серьезного конфликта между Лениным и другими членами Политбюро, который не получил развития в связи с новым insultом, поразившим Ленина и окончательно выведшим его из сознательной деятельности.

252 Макбет (? - 1057) - полулегендарный шотландский король с 1040 г. Пришел к власти, убив короля Дункана I. Погиб в битве с сыном Дункана Малколмом. Легенда о Макбете легла в основу сюжета одноименной трагедии У.Шекспира.

253 Дюранти Уолтер (1884-1957) - американский журналист, корреспондент газеты "Нью-Йорк Таймс" в Москве в 1913-1939 гг. Постоянный житель Москвы в 1921-1934 гг. В корреспонденциях второй половины 30-х годов оправдывал "большой террор" в СССР. Корреспонденции Дюранти отличались сенсационностью, а многие из них - также циничностью и лживостью.

254 Троцкий весьма неточен. Документы свидетельствуют об активном и равноправном участии К.Б.Радека в объединенной оппозиции, в том числе в ссылке. Эта активность продолжалась вплоть до капитуляции Радека в 1929 г. Троцкий и другие ссыльные оппозиционеры вели с ним активную переписку, которая по крайней мере внешне свидетельствует о взаимном уважении и отнюдь не о "полном недоверии". Некоторые документы, связанные с оппозиционной деятельностью Радека помещены в первых томах данного издания.

255 В связи с арестом и расстрелом Блюмкина высказывалось недоказанное предположение, что он был предан Радеком. Это мнение, в частности, обосновывалось в письме "Как и за что Сталин расстрелял Блюмкина", опубликованном на подписью "Н." в "Бюллетене оппозиции". - 1930. - No 9. - С. 9-10.

256 Современные исследования не подтверждают того факта, что Радек выдал Блюмкина (см., например: Велов А.С. Вхождение в терроризм: Одиссея Блюмкина. - М., 1998).

257 Супруги Аркус Григорий и Анна были арестованы в 1936 г. по обвинению в том, что принимали в своем доме врагов народа. Г.Аркус был начальником иностранного отдела Госбанка СССР. Обвинение пыталось обосновать его связь с Троцким. Г.Аркус был расстрелян без суда. А.Аркус была отправлена в концлагерь на пять лет.

258 Гавен Юрий (Георгий) Петрович (настоящие имя, фамилия и отчество Дауман Ян Эрнестович) (1884-1936) - советский государственный деятель, социал-демократ с 1902 г. В 1921-1924 гг. был председателем ЦИК Крымской АССР. С 1924 г. работал в Госплане. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

259 Карев Г.А. - советский историк. Работал в Ленинграде. Арестован в 1936 г. Упомянут на судебном фарсе по делу Зиновьева, Каменева и других как один из организаторов убийства Кирова. Расстрелян без суда.

260 Куклин Александр Сергеевич (1876-1936) - участник российского революционного движения, социал-демократ с 1903 г. После Октябрьского переворота 1917 г. большевик. Был членом Петроградского (Ленинградского) обкома партии. Участник "новой оппозиции" 1925 г. и объединенной оппозиции 1926-1927 гг. Был исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. и сослан. Восстановлен в партии после покаяния. Работал в Москве. Вновь исключен из партии в декабре 1934 г. и арестован. В 1935 г. приговорен к тюремному заключению. Расстрелян без суда.

261 Медведев С.П. (1885-1937) - участник российского революционного движения. В первые годы после Октябрьского переворота председатель профсоюза металлистов, участник рабочей оппозиции. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

262 Путьна Витовт Казимирович (1893-1937) - советский военный деятель, комкор (1935). Во время гражданской войны комиссар, а затем начальник

артиллерийской дивизии. После войны был военным атташе в ряде стран. Расстрелян в 1937 г. вместе с Тухачевским и другими военными деятелями.

263 Федотов Иван Кузьмич (1900-1936) - директор Горьковского педагогического института. Арестован в начале 1936 г. Рассматривался как важный свидетель обвинения на предстоявшем суде над Зиновьевым, Каменевым и другими лицами. Был вынужден признаться в своем участии в "заговоре", но на суде не появился. Скорее всего от своих показаний отказался. Был расстрелян без суда.

264 Шаров Ю.В. - обвиняемый на процессе Зиновьева, Каменева и других в январе 1935 г. Приговорен к заключению.

265 Гаевский - участник гражданской войны. После войны занимал партийные и государственные посты. Его фамилия упоминалась на судебном фарсе 1936 г. по делу Зиновьева, Каменева и других. Но ни в качестве обвиняемого, ни как свидетель на суде он не появился. Был расстрелян без суда.

266 Шацкин Лазарь Абрамович (1902-1937) - советский партийный деятель. Большевик с 1917 г. В 1919-1922 гг. первый секретарь ЦК РКСМ. Затем был на партийной работе. Был исключен из партии в 1930 г. как один из лидеров не существовавшего "право-левацкого блока". Неоднократно подвергался арестам. Расстрелян без суда.

267 Троцкий жил в Барбизоне, в 55 км от Парижа, с начала ноября 1933 г. Место его пребывания было известно властям, но общественности не сообщалось. В середине апреля 1934 г. в результате недоразумения место нахождения Троцкого стало широко известно. Он был вынужден уехать из Барбизона и с этого времени до выезда в Норвегию часто менял место жительства.

268 Бедекер Карл (1801-1859) - германский издатель. В 1827 г. основал издание путеводителей по разным странам. Фирма, носившая его имя, по настоящее время продолжает выпускать серию путеводителей "Бедекер".

269 Навишин Дмитрий (? - 1937) - французский экономист русского происхождения. Был консультантом крупных корпораций и директором Банка Северной Европы. Убит в Париже, предположительно, агентами НКВД.

270 Напомним, что младший сын Троцкого С.Л.Седов в политической деятельности не участвовал. Арестован в 1935 г. Находился в концлагере, затем в ссылке. В 1937 г. вновь арестован. Расстрелян без суда.

271 Речь идет о следующем документе.

272 Приписка, сделанная от руки.

273 "Aftenposten" - норвежская газета консервативного направления. Выходит с 1860 г. по настоящее время. 25 января 1937 г. эта газета опубликовала сообщение, что в декабре 1935 г. ни один гражданский самолет не совершал посадки на аэродроме Келлер, куда, якобы, прилетел Пятаков в середине декабря 1935 г. для встречи с Троцким.

274 Притт Дэнис Ноуэл (1887-1972) - английский юрист, член Лейбористской партии. Депутат Палаты депутатов. В 1933-1969 гг. председатель Британского общества культурных связей с СССР. Являлся послушным апологетом политического курса Сталина во всех его поворотах, а затем исполнителем воли преемников Сталина. Был председателем просоветской Международной ассоциации юристов-демократов. Полностью поддержал советские власти во время "большого террора" и вторжения советских войск в Финляндию в 1939 г.

275 Розенмарк Герман Раймон (1885-1950) - французский юрист, адвокат. Сочувствовал коммунистам. Был деятелем французской Лиги прав человека, через которую организовал кампанию в поддержку обвинений, выдвинутых на московских судебных фарсах 1936-1938 гг.

276 Чтобы убедиться в вопиющем противоречии между "признаниями" и явлениями внешнего мира, необходимо прочитать по крайней мере одну из следующих книжек: Л.Седов [...], Макс Шахтман [...] - Примеч автора. Названия книг пропущены.

277 См. об этом мою книгу "Преданная революция", написанную до процесса 16-ти. - Примеч. автора.

278 Николаев Леонид Васильевич (1904-1934) - низовой партийный работник в Ленинграде. Был, по-видимому, убийцей С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. Был обвинен в связях с Зиновьевым и Каменевым и расстрелян. Существует версия,

что Николаев убил Кирова из ревности как любовника своей жены М.Драуле, причем совершил убийство во время полового акта Кирова со своей супругой.

279 За пять дней до суда над Зиновьевым, Каменевым и др., 1 августа 1936 г. было принято постановление ЦИК СССР о введении открытого судопроизводства с участием адвокатов, о предоставлении приговоренным права подавать апелляции о помиловании в течение 72 часов после вынесения приговора. По-видимому, Зиновьеву, Каменеву и другим арестованным было обещано сохранить жизнь в награду за "чистосердечные признания", и они поддались на этот обман. Однако все подсудимые на судебном фарсе в августе 1936 г. были расстреляны сразу же после вынесения приговора, не дожидаясь 72-часового срока. Прошения о помиловании у них приняты не были.

280 Статьи Радека, Пятакова и других бывших оппозиционеров в "Правде" с требованиями казни Зиновьева, Каменева и других появились 21, 24 и 26 августа 1936 г. Аналогичный характер носила и статья генерального секретаря Коминтерна Г.Димитрова "Защищать подлых террористов - значит помогать фашизму".

281 Речь идет о Каменево (девичья фамилия Бронштейн) Ольге Давидовне (1880-1941) - первой жене Л.Д.Каменева, сестре Л.Д.Троцкого. В первой половине 20-х годов Каменево работала в Наркомате просвещения РСФСР, а затем являлась председателем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В конце 20-х годов была отстранена от работы. Подвергалась арестам. Вновь была арестована в 1937 г. Расстреляна в Орловской тюрьме в сентябре 1941 г.

282 В ночь на 5 августа 1935 г. группа норвежских правых экстремистов в отсутствие Троцкого совершила нападение на его квартиру в доме Кнутсена. По их последующим заявлениям, цель налета состояла в том, чтобы получить доказательства нарушения Троцким условий его пребывания в Норвегии. 11 декабря 1936 г. суд рассмотрел дело по поводу этого вторжения. По требованию министерства юстиции, процесс происходил при закрытых дверях. В течение нескольких часов Троцкий давал показания, используя суд для разоблачения выдвинутых против него и других коммунистических деятелей обвинений на судебном процессе в Москве в 1936 г. По существу дела, суд оправдал правых экстремистов, приговорив их к незначительным наказаниям.

283 См.: Writings of Leon Trotsky (1935-36). - New York, 1977. - P.

443. Письмо было подписано Michael Puntervold. 31 марта 1938 г. Троцкий направил второе письмо в Лигу Наций по тому же вопросу, на этот раз раскрыв псевдоним своего первого письма (Writings of Leon Trotsky /1935-38/. - New York, 1976. - P. 311-313).

284 Вышинский Андрей Януариевич (1883-1954) - советский государственный деятель. В 1903-1920 гг. меньшевик, затем большевик. В 1933-1939 гг. заместитель генерального прокурора, а затем генеральный прокурор СССР. В 1940-1953 гг. занимал посты заместителя наркома (министра) иностранных дел, а затем министра иностранных дел. В 1953-1954 гг. постоянный представитель СССР в Организации Объединенных Наций. Вышинский стяжал известность своей ролью обвинителя-палача на московских судебных фарсах 1936-1938 гг. и "теоретическими" выкладками по поводу признаний обвиняемых как "царицы доказательств" и роли принуждения в правосудии. За эти "заслуги" он был удостоен в 1939 г. звания академика.

285 В этот же день, 29 января 1937 г., Троцкий узнал о приговоре в Москве и написал заметку, публикуемую ниже.

286 На судебном фарсе в январе 1937 г. Радек, Сокольников и еще двое второстепенных подсудимых были приговорены не к расстрелу, а к длительному тюремному заключению. Все они были позже убиты без суда.

287 Ульрих Василий Васильевич (1889-1951) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1910 г. В 1918 г. был начальником финансового отдела наркомата внутренних дел РСФСР. С 1919 г. председатель главного военного трибунала внутренних войск. В 1921-1952 гг. председатель военной коллегии Верховного суда РСФСР (СССР). Председательствовал на всех крупных провокационных "открытых" судебных процессах второй половины 30-х годов, полностью пренебрегая логикой и правосудием. Имел звание генерал-полковника. С 1951 г. профессор военно-юридической академии.

288 Записанная 30 января 1937 г. речь Л.Д.Троцкого для киножурнала по существу дела была началом подготовки к работе комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого, Седова и других лиц на московских

судебных процессах 1936-1938 гг.

289 Карденас Ласаро (1895-1970) - мексиканский военный и государственный деятель. Участник революции 1910-1917 гг. Занимал различные министерские посты. В 1934-1940 гг. президент Мексики.

290 См. выше, с. 331-334.

291 Имеется в виду состоявшийся в марте 1931 г. судебный процесс над членами не существовавшего Союзного бюро ЦК РСДРП, члены которого (14 человек, в том числе находившиеся перед этим на ответственной советской службе Суханов и Громан) были обвинены в шпионаже и вредительстве и приговорены к различным срокам заключения. Почти все они были расстреляны во время "большого террора".

292 Громан Владимир Густавович (1874-1940) - российский политический деятель, ученый, экономист, статистик. Меньшевик, член Первой Государственной Думы России. После Октябрьского переворота 1917 г. пошел на службу к большевикам. Во второй половине 20-х - начале 30-х годов был членом Президиума Государственной плановой комиссии. В 1931 г. арестован. Был одним из главных обвиняемых на судебном процессе по делу Союзного бюро РСДРП. Был приговорен к заключению. Расстрелян без суда во время "большого террора".

293 Лиги прав человека - общественные организации, проводившие расследования случаев нарушения прав человека в различных странах и регионах. Наиболее значительной была французская Лига. Ее председателем во второй половине 30-х годов являлся Виктор Баш. В 1937 г. Лига создала комиссию для расследования московских процессов, которая отказалась заслушать показания Л.Д.Троцкого и Л.Л.Седова. Доклад комиссии содержал попытку оправдать "большой террор" в СССР.

294 Распространенные утверждения, что Каганович был шурином Сталина, что сестра или племянница Кагановича была женой или любовницей Сталина, ошибочны.

295 Королевский советник и член парламента. - Примеч. автора. М. Р. (Member of Parliament - англ.) - член парламента.

296 Pritt D.N. Moscow Trial (1936). - London, 1936. См. также: Pritt D.N. At the Moscow Trial. - New York, 1937.

297 Будин Луис (1874-1952) - в начале XX в. был социал-демократом, участвовал в Штутгартском конгрессе Второго Интернационала (1907). Встречался с Троцким в 1917 г. в Нью-Йорке.

298 Трояновский Александр Антонович (1882-1955) - участник революционного движения в России с 1904 г., меньшевик. Большевик с 1923 г. Был полпредом в Японии в 1927-1933 гг. и в США в 1933-1939 гг.

299 Володарский В. (настоящие фамилия, имя и отчество Гольдштейн Моисей Маркович) (1891-1918) - деятель российского революционного движения. Меньшевик, затем член межрайонной группы. Большевик с 1917 г. В 1918 г. комиссар по делам печати, пропаганды и агитации в Петрограде. Убит эсером.

300 Урицкий Моисей Соломонович (1873-1918) - деятель российского революционного движения. Большевик с 1917 г. С июля 1917 г. член ЦК РСДРП(б). С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК и нарком внутренних дел Северной области. Руководил развязыванием большевистского террора в Петрограде. Убит эсером Л.А.Канегиссером.

301 Покушение на Ленина произошло 30 августа 1918 г. Считалось, что в Ленина стреляла эсерка Ф.Е.Каплан (Ройтман). Покушение было использовано для широкомасштабного развертывания "красного террора". В настоящее время опубликована обширная литература, свидетельствующая, что Каплан являлась, по-видимому, лишь подставной фигурой. В исследовании редактора-составителя данного издания выдвигается и обосновывается мнение, что покушение было результатом внутренней борьбы в большевистском руководстве, в частности конкуренции между Лениным и Свердловым (Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе: - М., 1999. - с. 176-226).

302 Ежов Николай Иванович (1895-1940) - советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1917 г. В 20-30-е годы занимал различные посты в партийном аппарате. С 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля. В 1936-1938 гг. нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности СССР. Смещенный с этих постов в декабре 1938 г., недолгое время был наркомом водного транспорта, а затем исчез. Ежов был одним из главных приспешников Сталина в организации "большого террора", который по его фамилии часто весьма неточно

называют "ежовщиной" (термин был выгоден Сталину после перехода от "большого террора" к "меньшему террору"). Ежов был арестован в апреле 1939 г. В феврале 1940 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и сразу же расстрелян.

303 Титайна - французская журналистка. Ответы Троцкого были опубликованы в теоретическом органе его французских сторонников "Quatriem Internationale" (1937, март-апрель).

304 Все эти цитаты взяты из официального советского издания: "Ленин и Сталин о советской конституции". [М., 1936], стр. 146 и 147. - Примеч, автора.

305 "L'Intransigeant" ("Непримиримый") - ежедневная газета. Выходила в Париже в 1880-1948 гг. Стояла на радикально-республиканских позициях.

306 "Oeuvre" ("Труд") - французская газета. Выходила в 1914-1944 гг.

307 Ромен Жюль (1885-1972) - французский писатель. Автор многотомной эпопеи "Люди доброй воли" (1932-1946), посвященной современной Франции. Придерживался консервативных взглядов.

308 Жид Андре (1869-1951) - французский писатель. Автор романов, содержащих критику социальных условий жизни людей. В середине 30-х годов считался другом СССР. После посещения СССР в 1936 г. издал книгу "Возвращение из СССР", в которой реально осветил пороки советского общества, за что коммунистическая пропаганда объявила его "антисоветчиком". Лауреат Нобелевской премии (1947).

309 См.: Trotsky L. Ou va la France? - Paris, 1936.

310 Видимо, имеется в виду книга: Trotsky L. Les ctimes de Staline. - Paris, 1937.

311 Речь была адресована митингу протеста против московских процессов, созванному в Чикаго 14 февраля 1937 г. Организаторами были американские сторонники Троцкого. Была принята резолюция с требованием создать международную комиссию по расследованию обвинений, выдвинутых на московских процессах.

312 Так в тексте.

313 Публикуемый ниже материал представляет собой ответы на вопросы, заданные представителем французского агентства Гавас.

314 Ли Роберт Эдвард (1807-1870) - американский генерал. Командовал армией южан во время гражданской войны 1861-1865 гг.

315 Грант Улис Симпсон (1825-1885) - американский генерал, главнокомандующий

армией Севера во время гражданской войны 1861-1865 гг. В 1869-1877 гг. президент США от Республиканской партии.

316 Ларго Кабальеро Франциско (1869-1946) - испанский политический деятель, член Социалистической рабочей партии. В 1918-1937 гг. генеральный секретарь Всеобщего союза трудящихся. В 1932-1935 гг. председатель партии. Премьер-министр в 1936-1937 гг. После гражданской войны эмигрировал.

317 Имеется в виду книга: Trotsky L. Les crimes de Staline. - Paris, 1937. В следующие годы книга была издана на многих языках.

318 Покровский Михаил Николаевич (1868-1932) - советский историк и государственный деятель, академик (1929). Социал-демократ с 1905 г. С 1918 г. заместитель наркома просвещения РСФСР. Автор "Русской истории с древнейших времен" (5 тт.). Труды Покровского рассматривались в качестве эталона марксистско-ленинского освещения исторического процесса. Однако через три года после его смерти, в 1935 г., по команде Сталина его работы стали подвергаться грубой и оскорбительной критике, как "вульгарное извращение марксизма", причем эта атака осуществлялась в первую очередь руками историков - бывших учеников и соратников Покровского. Кампания была связана с ростом великодержавных настроений сталинской группы и ее стремлением найти исторические оправдания своего курса.

319 "The Chicago Daily News" ("Чикагские ежедневные новости") - американская газета. Выходила в 1882-1982 гг.

320 До второй мировой войны У.Дюранти написал три книги об СССР: Duranty W. Red Economics. - Boston, 1932; *ibid.* I Write as I Please. - New York, 1935; *ibid.* One Life, One Kopeck: A Novel. - New York, 1937. Какая из

этих книг имеется в виду, установить невозможно.

321 Рид Джон (1887-1920) - американский журналист и политический деятель. Во время первой мировой войны военный корреспондент в Европе. Свидетель Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде. Автор книги об этом перевороте "Десять дней, которые потрясли мир" (1919). Один из организаторов компартии США в 1919 г.

322 Ривера Диего (1886-1957) - мексиканский живописец и общественный деятель. Был членом компартии с 1922 г. В середине 20-х годов порвал с коммунистами и поддержал Троцкого, но в 40-е годы вновь возвратился к коммунистам. Автор циклов росписей в общественных зданиях Мехико и других городов.

323 Брантинг Георг (1887-1965) - шведский адвокат, сын видного политического деятеля, лидера Социал-демократической партии Карла Яльмара Брантинга. Был апологетом судебных фарсов в Москве в 1936-1938 гг.

324 Томас Норман - деятель Социалистической партии США. Выступал с резкой критикой Троцкого.

325 Габсбургская монархия - Австрийская (Австро-венгерская) империя, которой правила династия Габсбургов (с 1282 г. герцоги, с 1453 г. эрцгерцоги, с 1804 г. императоры).

326 В тексте пропуск или, возможно, описка. В последнем случае вместо "глубинную" следует читать "глубину".

327 Статья написана в ответ на письмо А.Мальро в связи с заявлением Л.Д.Троцкого от 8 марта 1937 г. Письмо было опубликовано 13 марта 1937 г. в газете "The New York Times".

328 Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого "Задушенная революция (о романе А.Мальро "Завоеватели)", опубликованная в качестве приложения в книге Троцкого "Перманентная революция" на французском языке (1932).

329 Гертик Артем Моисеевич (1879-1936) - социал-демократ с 1902 г. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В 1927 г. исключен из ВКП(б), в 1929 г. восстановлен. Работал в Объединенном научно-техническом издательстве. На судебном процессе по делу об убийстве Кирова в январе 1935 г. приговорен к десяти годам заключения. Расстрелян во время "большого террора".

330 Мюзам Эрих (1878-1934) - немецкий писатель. Автор бунтарских сатирических пьес и стихотворений, посвященных выступлениям рабочих. После прихода к власти нацистов был отправлен в концентрационный лагерь, где скончался.

331 Уокер Чарлз (1893-1974) - американский социолог, профессор Йельского университета. Один из редакторов журнала "Atlantic Monthly". Автор книги: Walker Ch. R. American City. - New York, 1936.

332 "Форвард-Форвертс" - ньюйоркская газета на языке идиш и русском языке. Выходит с 1897 г. по настоящее время. До второй мировой войны носила социалистический характер.

333 Относительное и абсолютное обнищание рабочих - концепция Маркса (по его мнению, объективный закон), согласно которой в капиталистическом обществе постоянно происходит ухудшение экономического положения рабочих (абсолютное обнищание) и уменьшается доля рабочих в национальном доходе (относительное обнищание). Ошибочность концепции абсолютного обнищания стала очевидной уже в конце XIX - начале XX века, что констатировал один из ведущих марксистов Э.Бернштейн. После второй мировой войны стало ясным, что и относительное обнищание прекратилось, в частности в связи с тем, что значительная часть рабочего класса слилась со средними слоями населения.

334 Тотчас же после прибытия в Мексику в январе 1937 г. Троцкий потребовал создания международной комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против него, его сына Л.Л.Седова и других деятелей на московских судебных фарсах. Соответствующая комиссия действительно вскоре была сформирована в составе известного философа и педагога Джона Дьюи (США, председатель), германского социал-демократа и биографа К.Маркса Отто Рюле, американских журналистов Бенджамина Столберга и Сьюзен Ла Фоллет, специалиста по Латинской Америке Карлтона Билса (США), бывшего члена Исполкома Коминтерна Альфреда Росмера, бывшего члена германского рейхстага коммуниста Венделина Томаса, профессора социологии университета штата Висконсин (США) Эдварда Росса, американского литературного критика Джона Чемберлена, латиноамериканского анархистского деятеля Карло Треска,

мексиканского журналиста Франсиско Замора.

335 Дьюи Джон (1859–1952) – американский философ и педагог, один из ведущих представителей философии прагматизма, профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк). Создатель так называемой педоцентрической теории обучения. Возглавлял международную комиссию по расследованию обвинений, выдвинутых на московских судебных фарсах 1936–1937 гг.

336 Голдман Алберт (1897–1960) – чикагский адвокат, коммунист. В начале 30-х годов порвал с компартией и поддержал Троцкого. В 1934 г. вступил в Социалистическую партию США.

337 Новак Джордж (1905– ?) – участник социалистического движения в США. С 1933 г. поддерживал Троцкого. Секретарь американского комитета защиты Троцкого в 1936–1938 гг.

338 Винвелд (в некоторых источниках Виндфельд) Гансен – датский инженер. Несколько раз посещал СССР и краткое время работал в советский химической промышленности. Был обвинен в саботаже. Ему удалось покинуть СССР и он дал показания комиссии Д.Дьюи.

339 Взрыв в шахте "Центральная" в г. Кемерово произошел 23 сентября 1936 г. Директор шахты Носков и несколько других работников, а вслед за ними управляющий Кемеровским строительным трестом Б.О.Норкин были арестованы. По указанию свыше местные деятели НКВД сфабриковали версию о "троцкистском гнезде" в Западной Сибири, связанном с заместителем наркома тяжелой промышленности Г.Л.Пятаковым. Последовал суд в Новосибирске, а затем обвинения, связанные с Западной Сибирью, фигурировали на судебном фарсе в Москве в январе 1937 г., одним из главных обвиняемых на котором был Пятаков.

340 См.: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. – М., 1937.

341 Граше (в некоторых документах Храше) Иван Иосифович (1890–1937) – обвиняемый на суде в Новосибирске в ноябре 1936 г. по сфабрикованному делу о саботаже на промышленных предприятиях Западной Сибири. Австриец по происхождению, Граше в середине 30-х годов был сотрудником иностранного отдела главного управления химической промышленности наркомата тяжелой промышленности СССР. Являлся тайным агентом НКВД. Граше сообщил суду, что он был, якобы, связным между группой, руководившей саботажем, и японскими спецслужбами. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

342 Ванслер Джозеф (1902–1956) – участник движения сторонников Троцкого в США с 1933 г. Член ЦК Социалистической рабочей партии с 1939 г. Под именем Джон Райт переводил работы Троцкого на английский язык. Автор ряда работ о положении в СССР. Письмо Троцкого Ванслеру от 29 апреля 1937 г. с просьбой о помощи Китаину см.: НУ.НЛ. bMS Russ 13, EP 10901.

343 Революционная социалистическая молодежь Франции – организация, находившаяся под влиянием сторонников Троцкого. Летом 1937 г. в организации произошел раскол и она потеряла влияние.

344 Троцкий ошибся. Ни Р.Роллан, ни А.Мальро никогда не были членами компартии.

345 Дюкло Жак (1896–1975) – деятель французского коммунистического движения с 1920 г. В 1935–1943 гг. член Исполкома Коминтерна. Автор апологетических книг по истории рабочего и коммунистического движения.

346 "New Masses" ("Новые массы") – американский ежемесячный левый журнал. Находился под влиянием компартии. Выходил в 1926–1948 гг.

347 "New Republic" ("Новая республика") – американский еженедельник. Находился под влиянием левосоциалистического, а затем коммунистического движения. Выходил в 1914–1969 гг.

348 Проводится аналогия с периодом в истории древних евреев (586–539 гг. до н. э.), когда после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II часть евреев была переселена в Вавилонию. Они были возвращены в Палестину после завоевания Вавилонии персидским царем Киром II.

349 Ломбардо Толедано Висенте (1894–1968) – мексиканский политический и профсоюзный деятель, президент Конфедерации трудящихся Латинской Америки (1938–1963), руководитель Социалистической народной партии Мексики, основанной им в 1948 г. Наряду с коммунистами, был активным проводником просоветского курса в Мексике и в целом в Латинской Америке.

350 Томас Венделин – один из руководителей восстания моряков в Вильгельмстафене (Германия) в 1918 г. Затем был коммунистом. Депутат

рейхстага в 1920–1929 гг. Член международной комиссии по расследованию московских процессов 1936–1937 гг. В августе 1937 г. подверг критике взгляды Троцкого, заявив об общих чертах большевизма (троцкизма) и сталинизма.

351 В начале июля 1937 г. в условиях напряжения, возникшего во взаимоотношениях между Троцким и его женой в связи с его любовной историей с Фридой Кало, супруги решили на время расстаться. 7 июля Троцкий выехал на гасиенду Ландеро вблизи Сан Мигель Регла примерно в 150 км на северо-восток от Мехико. Н.И.Седова осталась в Койоакане. 26 или 27 июля Троцкий возвратился в Койоакан. Он попросил Ф.Кало вернуть ему его письма, адресованные ей, что и было сделано. Письма, видимо, были уничтожены.

352 Дата письма установлена по почтовому штампу. Штамп почтовонго отделения отправителя оторван. Сохранился штамп почтового отделения в Койоакане, где письмо было получено 9 июля.

353 Кало Фрида (1900–1953) – мексиканская художница-модернистка, жена Д.Риверы. Недолгое время была любовницей Л.Д.Троцкого в начале его пребывания в Мексике, что послужило, по-видимому, одной из причин, но не главной, разрыва Риверы с Троцким.

354 Сиксто – шофер Д.Риверы.

355 Дата письма установлена по штампу на обороте конверта. Штамп отправки оторван. Штамп получения – 10 июля 1937 г.

356 Казас Жезус – лейтенант мексиканской полиции. Руководил отрядом полицейских, охранявших дом на Авенида Лондрес в Койоакане, где проживал Троцкий.

357 Дата письма установлена по штампу на обороте конверта.

358 Ландеро – хозяин гасиенды возле г. Сан Мигель Регло, где в июле 1937 г. жил Троцкий.

359 Марин – американский сторонник Троцкого, сотрудник бюллетеня "The Socialist Appeal"

360 Cinema (англ.) – кино.

361 Приписано между верхними строками основного текста.

362 По всей видимости, Троцкий имеет в виду свлю интимеую связь во время гражданской войны в России с Клер Шеридан – британским скульптором, племянницей У.Черчилля.

363 Chaise longue (фр.) – кушетка, шезлонг.

364 Домже – местечко под Парижем, куда выезжали Л.Д.Троцкий и Н.И.Седова во время пребывания во Франции в начале XX в.

365 Золингер – германский адвокат. Упоминался в т. 2 данного издания в качестве защитника интересов Троцкого во время его судебного дела против издателя Шумана. После прихода нацистов к власти Золингер эмигрировал в Мексику, где встречался с Троцким.

366 Речь идет о Бахе Фрице (1897– ?) и его супруге. Ф.Бах – германский экономист. После прихода нацистов к власти эмигрировал в Мексику. Был профессором университета в г. Мехико и директором национального управления статистики. Поддерживал дружеские связи с Троцким.

367 Рюле Отто (1874–1943) – германский социал-демократ. Член рейхстага во время первой мировой войны. Голосовал против военных кредитов. Экономист, автор биографии К.Маркса. После установления нацистской диктатуры эмигрировал в США. Троцкий сотрудничал с ним, находясь во Франции, а затем в Мексике. Рюле был членом международной комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых на московских судебных процессах 1936–1937 гг.

368 Камион – грузовик (camion – фр.).

369 Этот абзац написан на обороте последнего листа простым карандашом почерком Н.И.Седовой.

370 Имеется в виду Д.Ривера.

371 Сокращение, как и намек в целом, не ясны.

372 Из этих слов и ряда следующих мест вытекает, что в 1937 г. Троцкий вел дневник, который до настоящего времени не обнаружен. Возможно, после гибели Л.Д.Троцкого он был уничтожен Н.И.Седовой. В пользу этого свидетельствует несколько упоминаний Троцкого в письмах Седовой, что он вел дневник только для нее.

373 Приписка Л.Д.Троцкого.

374 Главный концессионный комитет республики (Главконцеском) был образован после издания декрета Совнаркома РСФСР от 23 ноября 1920 г. о

разрешении заключать концессионные договоры с целью привлечения иностранного капитала в Россию. Л.Д.Троцкий возглавлял Главконцеском после его снятия с поста наркома по военным и морским делам (снят в январе и назначен в мае 1925 г.). С поста председателя Главконцескома Троцкий был снят после его исключения из ЦК ВКП(б) в октябре 1927 г.

375 Толстая София Андреевна (девичья фамилия Берг) (1844-1919) - жена Л.Н.Толстого, автор издания: Толстая С.А. Дневники. - М., 1928-1936. - Тт. 1-4.

376 Имеется в виду Л.Н.Толстой.

377 Имеется в виду Рут Агелофф - американская сторонница Троцкого. Она принимала техническое участие в работе комиссии Д.Дьюи. Благодаря ее косвенной непроизвольной помощи агент НКВД Р.Меркадер, вступивший в интимную связь с ее сестрой Сильвией Агелофф, смог проникнуть в дом Троцкого.

378 Возможно, речь идет о Бернхаме Джеймсе (1905-1987) - профессоре философии и руководителе секции сторонников Троцкого в Социалистической партии США (затем Социалистической рабочей партии). В 1940 г. Бернхам покинул партию, а затем перешел на консервативные позиции.

379 Уокер Чарлз (1893-1974) - американский врач и писатель.

380 Фавн - в римской мифологии бог плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов.

381 В предыдущих письмах содержались намеки на интимные отношения Троцкого с Ф.Кало. Здесь о них, как и о том, что эти отношения прерваны, сказано более откровенно.

382 Рита Яковлевна - машинистка Троцкого в Мексике в 1937-1938 гг.

383 Предисловие было подготовлено к книге: Trotsky L. Le revoluti n traicionada. -

Santjago de Chile, 1937 (Buenos Aires, 1938).

384 Якир Иона Эммануилович (1896-1937) - советский военный деятель. Большевик с 1917 г. Во время гражданской войны командовал дивизией и группой войск. В 1925-1937 гг. командовал войсками ряда военных округов. Арестован в 1937 г. и расстрелян вместе с группой высших военных деятелей по приговору внесудебной инстанции.

385 Уборевич Иероним Петрович (1896-1937) - советский военный деятель. Большевик с 1917 г. Во время гражданской войны командовал армиями. В 1922 г. военный министр Дальневосточной республики. С 1925 г. командовал войсками ряда военных округов. Арестован и расстрелян в 1937 г. в числе группы высших военных деятелей.

386 Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937) - советский военный деятель. Большевик с 1918 г. Во время гражданской войны командовал армиями на ряде фронтов, командовал Западным фронтом во время советско-польской войны 1920 г. Руководил беспощадным подавлением крестьянского восстания в Тамбовской губернии и Кронштадтского восстания военных моряков в 1921 г. В 1925-1928 гг. начальник штаба Красной Армии. С 1934 г. заместитель, а с 1936 г. первый заместитель наркома обороны. Арестован в 1937 г. и расстрелян по фальшивому обвинению в руководстве подготовкой государственного переворота.

387 Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна и другие высшие военные руководители были арестованы в конце мая 1937 г. по ложному обвинению в заговоре. У всех них путем жесточайших пыток были вырваны признательные показания в "совершенных преступлениях". По официальным сообщениям, их судило специальное присутствие военной коллегии Верховного суда СССР. 11 июня 1937 г. все они были приговорены к смертной казни и расстреляны. По всей видимости, никакого суда не было вообще.

388 Выборы в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. впервые проводились на основе формально демократической, а по существу дела являвшейся демагогическим юридическим прикрытием зрелого тоталитаризма "сталинской конституции" 1936 г. "Выборы без выбора" привели к тому, что из голосовавших 96,8% избирателей 98,6% проголосовало на "блок коммунистов и беспартийных".

389 Приписка Л.Д.Троцкого.

390 По всей видимости, речь идет о фиктивной встрече между Л.Л.Седовым и Е.С.Гольцманом, подсудимым на судебном фарсе в Москве в августе 1936 г., которая, якобы, происходила в отеле "Бристоль" в Копенгагене в 1932 г. Встреча не могла состояться, так как этот отель был разрушен еще в 1917 г.

391 Волков Платон Иванович (1898-1936) - муж дочери Л.Д.Троцкого

Зинаиды. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В 1927 г. был исключен из ВКП(б) и в 1928 г. сослан. В следующие годы подвергался арестам. Был расстрелян во время "большого террора".

392 Соколовская Александра Львовна (1872-1937) - участница революционного движения в России, народница, затем социал-демократка. Первая жена Л.Д.Троцкого, мать его дочерей Нины и Зинаиды. Арестована в 1935 г. и расстреляна во время "большого террора".

393 Имеется в виду Этьен. Этьен - псевдоним Зборовского Марка (выступал также под псевдонимом Тюльпан) (1908-1990) - эмигранта из русской части Польши, проживавшего в 30-е годы во Франции. С 1934 г. Зборовский был агентом НКВД. Он был внедрен в число ближайших сотрудников Л.Л.Седова, полным доверием которого пользовался. В 1941 г. эмигрировал в США. Был разоблачен в 1955 г. сенатской подкомиссией Джозефа Маккарти и приговорен к тюремному заключению за дачу ложных показаний.

394 Паульсен Л. - псевдоним Л.Эстрин (Даллин).

395 Вайс Вольф - немецкий коммунист. Работал в СССР, был арестован, бежал из заключения и смог выехать на Запад, где он опубликован роман о своем пребывании в советских застенках под названием "Я признаюсь".

396 "Mexico Al Dia" ("Ежедневный Мехико") - мексиканская газета. Выходит с 1928 г. по настоящее время. Троцкий дал интервью корреспонденту этой газеты Антонио Эскивелю.

397 Речь идет о вооруженном инциденте, происшедшем в конце июня - начале июля 1937 г. между советскими и японскими войсками на границе между СССР и Маньчжоу-Го на реке Амур. Инцидент начался с того, что советские пограничники высадились на спорных островах и захватили несколько маньчжурских золотоискателей, обвинив их в нарушении границы. Между частями Красной Армии и японской Квантунской армией начались вооруженные столкновения. Были потоплены несколько советских сторожевых катеров. Инцидент завершился соглашением о взаимном выводе войск со спорных островов. Однако вскоре после ухода советских частей японцы заняли эти острова, не встретив вооруженного сопротивления.

398 Стенографический отчет заседания следственной подкомиссии в Койоакане см.: The Case of Leon Trotsky: Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials by the Preliminary Commission of Inquiry. - New York, 1937; second printing, 1969.

399 Второй том материалов следственной подкомиссии (документы) издан не был. Иногда в качестве второго тома рассматривается доклад комиссии: Not Guilty: Report of the Commission of Inquiry to the Charges Made Against Leon Trotsky in Moscow Trials. - New York, 1938.

400 "Sunday Sun of Sydney" (правильное название: "Sunday Sun and Guardian") ("Воскресное солнцу Синея" или "Воскресное солнце с страж") - австралийская газета. Выходила в 193-1953 гг.

401 Джозефи Алвин М. (1915-1979) - американский писатель и журналист, корреспондент газеты "The New York Herald Tribune". Джозефи принят требование Троцкого, что интервью должно быть опубликовано полностью и в точном соответствии с текстом. Газета интервью не опубликовала, но через год Джозефи опубликовал извращенный и сокращенный текст интервью в газете "Ken" (май 1938 г.), опустив все вопросы и ответы, касавшиеся Испании.

402 "The New York Herald Tribune" ("Ньюйоркский плашатай и трибуна") - ежедневная газета. Выходит с 1924 г. по настоящее время.

403 Франко Баамонде Франсиско (1892-1975) - испанский военный и государственный деятель, генерал. В 1936 г. возглавил мятеж против правительства народннго фронта. Глава государства в 1939-1975 гг.

404 Негрин Хуан Лопес (1894-1956) - испанский политический деятель, член Социалистической рабочей партии, последний премьер-министр Испанской республики в годы гражданской войны (1937-1939). После поражения республиканцев эмигрировал. В 1939-1945 гг. глава испанского республиканского правительства в эмиграции.

405 После начала военного мятежа во главе с генералом Франко 17 июля 1936 г. правительства западных держав объявили о невмешательстве в испанские дела. Германия и Италия оказали мятежникам военную помощь, а затем начали прямую интервенцию. В ноябре 1936 г. Франко подписал с Италией секретный договор о сотрудничестве, аналогичный договор был заключен в марте 1937 г. с Германией. На стороне мятежников сражалось приблизительно 150 тыс.

итальянцев и 50 тыс. немцев.

406 Дуррути Думанге Вентура (1896-1936) - руководитель испанских анархистов. Участвовал в анархистских бунтах в 1932 и 1933 гг. Во время гражданской войны присоединился к Народному фронту. Основал Комитет антифашистской милиции Каталонии и руководил им. Убит на фронте при невыясненных обстоятельствах.

407 Вэр - бельгийский сторонник Троцкого. Лицо под этой фамилией более в документах не встречается. Возможно, эту фамилию использовал в качестве псевдонима Ж.Вареекен.

408 Революционная социалистическая рабочая партия Голландии (РСАП) была секцией Международной левой оппозиции. Образовалась в 1935 г. в результате слияния Независимой социалистической партии во главе с Питером Шмидтом и Революционной социалистической партии во главе с Генрикусом Снивлитом. В следующие годы у партии возникли разногласия с Троцким и она не участвовала в основании IV Интернационала в 1938 г.

409 Confederation National del Trabajo (C.N.T.) - (Национальная конфедерация труда Испании) - профсоюзное объединение, руководимое анархо-синдикалистами.

410 Федерация анархистов Иберии (ФАИ) - испанская политическая организация. Основана в 1927 г. испанскими анархистами - эмигрантами во Франции. Существует по настоящее время.

411 Речь идет о подавлении контрреволюционного мятежа в Мадриде и других городах Испании, в частности в Каталонии, где ПОУМ занимала сравнительно прочные позиции.

412 Речь идет о состоявшейся летом 1936 г. в Брюсселе конференции партий, входивших в Лондонско-Амстердамское бюро. На конференции обсуждался вопрос об оказании помощи республиканской Испании.

413 См. настоящий том, с. 382-385.

414 Имеется в виду вооруженное выступление в Барселоне против Провинциального совета (Генералидата), принявшего решение о введении военного положения в Каталонии. В выступлении участвовали анархисты и сторонники ПОУМ. По существу дела, выступление было спровоцировано властями по подказке советских агентов во главе с А.Орловым. Выступление было жестоко подавлено, после чего власти организовали кровавую расправу с анархистами и поумовцами.

415 Крукс - псевдоним Л.Д.Троцкого.

416 См. беседу Л.Д.Троцкого с Ли Фучженом 11 августа 1937 г. - HU. NL, bMS Russ 13, EP 15720.

417 7 июля 1937 г. японские войска атаковали китайские части у моста Люгоучао около Пекина, начали вторжение в Северный Китай, а затем распространили военные действия на другие районы страны. Японо-китайская война продолжалась до завершения второй мировой войны в 1945 г.

418 Аллен Денвер - член Социалистической партии США. Выступал против расследования обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских судебных фарсах 1936-1937 гг.

419 "Тартюф, или Обманщик" - комедия Мольера (1664), разоблачавшая ханжество и лицемерие в среде духовенства.

420 Кем были заданы вопросы, не ясно.

421 У Троцкого оговорка. Имеется в виду низвержение не революционного, а реакционного правительства.

422 Uni n General de Trabajadores (U. G. T.) (Всеобщий союз трудящихся) - испанское профсоюзное объединение, связанное с Социалистической рабочей партией.

423 Людвиг - один из псевдонимов советского разведчика Порецкого Натана Марковича (наиболее известный псевдоним Игнатий Райсс) (1899-1937). Порецкий являлся резидентом НКВД в Западной Европе в 1937 г., отказался возвратиться в СССР и выступил с заявлением о поддержке Троцкого. В сентябре 1937 г. он был убит в Швейцарии агентами советских спецслужб во главе с С.Ефроном (мужем Марины Цветаевой).

424 Л.Л.Седов продолжал употреблять термин ГПУ, которое не существовало с 1934 г. Речь идет о резиденте НКВД.

425 Позже вдова Порецкого опеубликовла мемуары: Poretsky E. K. Our Own People: A Memoir of Ignace Reiss and His Friends. - Ann Arbor, 1956.

426 Имеется в виду "De Nieuwe Fakkel" ("Новый Факел") - газета

голландских сторонников Троцкого, выходящая во второй половине 30-х годов.

427 Имеется в виду дело германского сторонника Троцкого Антона Грилевича в Чехословакии, где он был обвинен в связи с Гестапо, однако освобожден, так как доказал, что обвинение носило провокационный характер и было связано с "большим террором" в СССР.

428 Документ обрывается.

429 Лондон Джоан - дочь писателя Джека Лондона.

430 Лондон Джек (настоящие фамилия и имя Гриффит Джон) (1876-1916) - американский писатель. Сочувствовал социалистическим идеям. В романе "Железная пята" (1908) выразил утопические представления о грядущем тоталитарном господстве буржуазии. Автор рассказов и повестей, высмеивавших мещанство и описывавших тяжелые физические и моральные испытания людей.

431 "Neue Zeit" ("Новое время") - журнал Социал-демократической партии Германии. Выходил под редакцией К.Каутского, а затем Г.Кунова в 1891-1923 гг.

432 "Vorwärts" ("Вперед") - центральная газета Социал-демократической партии Германии в 1876-1878, 1890-1933 и с 1948 г. по настоящее время.

433 "Der Kampf" ("Борьба") - ежемесячный журнал Социал-демократической партии Австрии. Выходил в 1907-1938 гг.

434 "Arbeiter Zeitung" ("Рабочая газета") - орган австрийской социал-демократии в 1889-1899 гг. Редакторами были Ф.Адлер, Л.Каутская и др. Название было использовано при издании бюллетеня Революционных социалистов Австрии в 30-е годы.

435 Язык африкаанс, или бурский язык - язык африканеров (буров) - белого населения Южноафриканского союза (Южноафриканской республики). Возник в результате слияния нескольких нидерландских диалектов с немецким и английским языками, а также некоторыми местными диалектами. Письменность на основе латинского алфавита.

436 Шотан Камиль (1885-1963) - французский политический деятель, один из руководителей Радикальной партии. Неоднократно был премьер-министром.

437 Вставка Л.Д.Троцкого.

438 Агитационная бутада - агитация на основе обмана с использованием словесной бутафории, то есть фикции, представляемой в качестве подлинных фактов.

439 Штейнер Рената (1908-1986) - агент НКВД в Швейцарии. Участница убийства И.Райсса.

440 Смиренский Дмитрий Павлович (1897-1938) - бывший белогвардеец, агент НКВД, убийца И.Райсса. После возвращения в СССР был арестован и расстрелян.

441 Улица Лакретелль в Париже.

442 Миллер Евгений Карлович (1867-1937) - российский военный деятель, генерал-лейтенант (1915). Один из руководителей белого движения, генерал-губернатор и командующий войсками Северной области (1919-1920 гг.). С 1920 г. в эмиграции. С 1930 г. председатель Русского общевоинского союза. Захвачен агентами НКВД в Париже при посредстве эмигранта-provokatora генерала Скоблина, вывезен в Москву и расстрелян.

443 "Challenge of Youth" ("Молодежный вызов") - газета Юношеской народной социалистической лиги США с 1936 г. С 1938 г. издавалась в качестве органа секции IV Интернационала в США. Выходила до весны 1940 г.

444 American Pioneer Publishers (APP) - издательство, публиковавшее книги Л.Д.Троцкого на английском языке и другую радикальную левую литературу. Существовало в 1931-1965 гг. На смену ему пришли издательства "Merit Publishers", а затем "Pathfinder Press".

445 Во второй половине 1937 г. начался экономический спад, поразивший прежде всего экономику США, Великобритании и Франции, менее значительно Германию, Италию и Японию в связи с перестройкой их экономики на военные рельсы. В 1937-1938 гг. объем промышленного производства сократился на 16%. Наблюдался и кризис сельского хозяйства. Крупные страны пытались преодолеть кризис с помощью системы заградительных пошлин, валютных блоков и зон. Это в еще большей степени обострило межгосударственные противоречия.

446 Остракизм (от греч. Ostrakon - черепок) - в VI-V вв. до н. э. изгнание отдельных граждан в Древних Афинах и других греческих городах по решению народных собраний (обычно на 10 лет). Каждый гражданин писал на черепке имя лица, по его мнению, опасного для народа. В переносном смысле

слова остракизм - гонение.

447 "Socialist Appeal" ("Социалистический призыв") - газета левого крыла Социалистической партии США в 1937-1941 гг. После изгнания левого крыла из партии газета стала органом основанной в конце 1937 г. Социалистической рабочей партии.

448 Олер Ньюго - участник социалистического движения в США. Руководил группой Рабочей партии, которая выступила против вступления этой организации в Американскую социалистическую партию. Был исключен в 1935 г. и сформировал Социалистическую рабочую лигу.

449 Бармин Александр Григорьевич (1885-1987) - советский государственный служащий. Большевик с 1917 г. Во время гражданской войны комбриг. Находился на дипломатической работе. В 1937 г. во время пребывания в Греции в качестве советского поверенного в делах получил вызов в СССР. Поняв, что с ним намерены расправиться, бежал на Запад. Опубликовал книгу воспоминаний. Был консультантом ЦРУ. Во время второй мировой войны служил рядовым в армии США. С 1953 г. заведовал русской службой "Голоса Америки".

450 Кривицкий Вальтер Германович (настоящие фамилия, имя и отчество Гинзберг Самуил Гершевич) (1899-1941) - советский разведчик. Работал в Германии, Италии, Швейцарии, Австрии. Резидент советской военной разведки в Западной Европе с 1936 г. С декабря 1937 г. невозвращенец. Передал западным спецслужбам ценную информацию о советской шпионской деятельности. Выпустил книгу на эту тему (1939). В 1941 г. покончил жизнь самоубийством или был убит в Вашингтоне, возможно, агентами НКВД.

451 "Marianne" - французский ежемесячный литературный и политический журнал, выходивший во второй половине 30-х годов. Поддерживал народный фронт.

452 Эта мысль наиболее отчетливо выражена в письме Л.Д.Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 апреля 1931 г. - Бюллетень оппозиции. - 1931. - No 21-22. - С. 17.

453 Имеется в виду Амстердамский Интернационал (Международная федерация профсоюзов) - профсоюзное объединение, созданное реформистскими деятелями в 1919 г. на конференции в Амстердаме (Голландия). Фактически прекратил существование с началом второй мировой войны. Официально распущен в 1945 г.

454 Баш Виктор (1863-1944) - французский философ и общественный деятель. Председатель французской Лиги прав человека и гражданина во второй половине 30-х годов. Деятель народного фронта. Многократно выступал с оправданием "большого террора" в СССР.

Указатель имен

Агелофф Р.
Агелофф С.
Адлер В.
Адлер Ф.
Адольф
Айслер Ф.
Аксельрод П.Б.
Александр Карагеоргиевич
Александров
Аллен Д.
Альфонс XIII
Анраде Д.Х.
Антонов-Овсеенко В.Д.
Аркус А.
Аркус Г.
Арнольд В.В.
Асанья М.
Бакаев И.П.
Балабанова А.И.
Бангия Я.
Бармин А.Г.
Бауэр О.

Бах Ф.
Баш В.
Бауэр О.
Бебель А.
Бедкер К.
Бейлис М.
Белобородов А.Г.
Берлин А.
Бернхам Д.
Бернштейн Э.
Билс К.
Блюм Л.
Блюменфельд И.С.
Блюмкин Я.Г.
Богуславский М.С.
Болдуин С.
Бонапарт
Борджиа Ц.
Босович
Брандлер Г.

Брантинг Г.
Брантинг К.Я.
Брентано Л.
Бриан А.
Броквей Ф.
Брольи де А.
Брольи де В.
Брольи де В.Ф.
Будин Л.
Буланже Ж.
Бухарин Н.И.
Вайян-Кутюрье П.
Вайс В.
Вандервельде Э.
Вальхер Я.
Вандель де
Ванслер Д.
Вареекен Ж.
Вебб Б.
Вебб С.
Вейсборд А.
Велов А.С.
Вель Р.см. Соболевичус Р.
Венизелос Э.
Виктор-Иммануил
Вилкинсон Э.
Вишняк
Володарский В.
Волос С.
Вольтер
Ворошилов К.Е.
Вышинский А.Я.
Вэр
Гавен Ю. (Г.) П.
Гаевский
Галкин А.А.
Гайндман Г.М.
Ганди М.К.
Гансен В.
Гармаш
Габсбурги
Гего

Гед Ж.
Гендерсон А.
Гертик А.М.
Гильом-Шак Г. .
Гитлер А.
Гладстон У.Ю.
Говард Р.
Гогенцоллерны
Голдман А.
Гольцман Е.С.
Горио Ф.
Горький М.
Грант У.С.
Граше (Храше) И.И.
Грилевич А.
Грин У.
Громан В.Г.
Гурский М.Г.
Гучков А.И.
Д. см. Седов Л.Л.
Дан Ф.И.
Даладые Э.
Девиль Г.
Дедич М.
Декарт Р.
Демут Е.
Джозефи А.М.
Драгич С.
Дзержинский Ф.Э.
Дилаиль
Димитров Г.
Доже В.
Дорио Э.
Дрейфус А.
Дробнис Я.Н.
Дубровинский И.Ф.
Думерг Г.
Дункан I
Дуррути Д.Б.В.
Дьюи Д.
Дюранти У.
Евдокимов Г.Е.
Ежов Н.И.
Енно А.
Ефрон С.
Жид А.
Жиромский Ж.
Жорес Ж.
Жуо Л.
Замора Ф.
Засулич В.И.
Зборовский М.
Землячка Р.С.
Зеллер Ф.
Зиновьев Г.Е.
Золлинггер
Иванович см. Сталин И.В.
Иден Э.
Кабальеро Л.К.
Каган Ж.
Каганович Л.М.
Кадт де Ж.
Казус Ж.
Кало Ф.

Каменев Л.Б.
Каменев С.С.
Каменева О.Д.
Канегиссер Л.А.
Каплан (Ройтман) Ф.Е.
Карахан Л.М.
Карденас Л.
Карев Г.А.
Каутская Л.
Каутская М.
Каутский К.
Кашен М.
Керенский А.Ф.
Кильбум К.
Кир II
Кирилина А.
Киров С.М.
Клаузевиц К.
Корк А.И.
Кнутсен К.
Коллонтай А.М.
Кольра
Кон О.
Корнилов Л.Г.
Кривицкий В.Г.
Крохмаль В.Н.
Крукс см. Троцкий Л.Д.
Крупская Н.К.
Кун Б.
Кювье Ж.
Лаваль П.
Ландау К.

Ла Фоллет С.
Леба Ж.Б.
Ленин В.И.
Ли Р.Э.
Либкнехт К.
Литвинов М.М.
Ли Фучжень
Лозовский А. (С.А.)
Лонге Ж.
Лондон Джек
Лондон Джоан
Людвиг см. Райсс И.
Людовик XIV Бурбон
Макбет
Макдональд Д. Р.
Макстон Д.
Макиавелли Н.
Малколм
Мальро А.
Мануильский Д.З.
Марин
Маркс К.
Маркс Э.
Мартов Ю.О. (Л.)
Маурин И.
Махарадзе Ф.И.
Мдивани П.Г.
Медведев С.П.
Медведь Ф.Д.
Меринг Ф.
Меркадер Р.

Мерсье
Милес
Миллер Е.К.
Милль М.
Молинаар Ж.
Молинье Р.
Молотов В.М.
Мольер
Монмуссо Г.
Морель Ю.
Мосли О.
Мрачковский С.В.
Муралов Н.И.
Муссолини Б.
Мусте А.
Мюзам Ц.
Мюзам Э.
Мюллер А.
Мюллер Г.
Мюнценберг В.
Навуходоносор II
НеккерЖ.
Негрин Х.Л.
Николаев Л.В.
Николаевский В.И.
Николай II
Нин А.
Новак Д.
Норкин В.О.
Носков
Олер Н.
Ольминский М.С.
Орджоникидзе Г.К.
Орлов А.
Паз М.
Панцов А.В.
Паскаль Б.
Паульсен см. Эстрин (Даллин) Л.
Пивер М.
Платон
Плеханов Г.В.
Подолинский
Покровский М.Н.
Притт Д.Н.
Пуанкаре Р.
Пфемфер Н.
Пфемферт Ф.
Путна В.К.
Пятаков ГЮ.) Л.
Радек К.Б.
Райнгарт
Райсс И.
Ракамон Ж.
Раковский К. (Х.Г.)
Реннер К.
Ривера Д.
Рид Д.
Рита Яковлевна
Робеспьер М.
Робертус-Ягетцов И.К.
Розенмарк Г.Н.
Розенфельд К.
Рокк де ла
Роллан Р.

Ромен Ж.
Ромм М.
Росмер А.
Ротшильд
Рус Ж.
Рюле О.
Рыков А.И.
Рютин М.Н.
Седов Л.Л.
Седов С.Л.
Седова Н.И.
Сен-Жюст Л.
Серебряков Л.П.
Серж В.
Ситрин У.М.
Скоропадский П.П.
Смиренский Д.П.
Смирнов И.Н.
Смирнов В.М.
Снивлит Г.
Соболевичус Р.
Соколовская А.Л.
Сокольников Г.Я.
Соломон Г.А.
Спаак П.А.
Сталин И.В.
Стаханов А.Г.
Стиклинг
Столберг В.
Стрельский
Стрелков Р.Е.
Строилов М.С.
Стэд В.Т.
Суварин Б.
Суханов Н.Н.
Тальгеймер А.
Тардые А.
Твен М.
Тензов
Теодор
Терен
Тер-Ваганян В.А.
Титайна
Толедано Л.В.
Толстая С.Ф.
Толстой Л.Н.
Томас В.
Томас Н.
Торез М.
Транмель М.
Троцкая З.Л.
Троцкая Н.Л.
Троцкий Л.Д.
Трегубов
Треска К.
Трояновский А.А.
Тургенев И.С.
Тухачевский М.Н.
Уборевич И.П.
Ульрих В.В.
Уокер Ч.Р.
Урицкий М.С.
Фабий Максим
Фелс

Фельштинский Ю.Г.
Ферре А.
Феррер
Филд В.
Фольмар Г.
Франк В.
Франко Б.Ф.
Фроссар Л.О.
Хеберлинг С.
Хиль Роблес Х.М.
Цалдарис П.
Цветаева М.И.
Цилига А.
Чан Кайши
Череванин Ф.А.
Чемберлен Д.
Чернявский Г.И.
Черчилль У.Л.С.
Чичерин Г.В.
Шаров Ю.В.
Шахтман М.
Шацкин Л.А.
Шваб
Шейдеман Ф.
Шеридан К.
Шестов А.А.
Шиллер И.Ф.
Шлам В.
Шмераль Б.
Шмидт П.И.
Шнейдер
Шолем В.
Шотан К.
Шоу Л.Б.
Шошуа
Штейнер Р.
Шуман Г.
Эберт Ф.
Эвелинг Э.
Эйдеман Р.П.
Энгельс Ф.
Энно А.
Эпикур
Эррио Э.
Эстрин (Даллин) Л.
Эттли К.Р.
Этьен см. Зборовский М.
Ягода Г.Г.
Якир И.Э.
Ярославский Е.М.
Calgaris
Conquest R.
Dragitsch см. Драгич С.
Duranti W. см. Дюранти У.
Gaggi
Gomez
Heberling см. Хеберлинг С.
Merino
Muste A. см. Мусте А.
Nicolaevsky B.I. см. Николаевский Б.И.
O'Brian
Sedov L. см. Седов Л.Л.
Serge V. см. Серж В.
Schachtman M. см. Шахтман М.

Well R. см. Соболевичус Р.

Указатель географических названий

Абиссиния см. Эфиопия
Австралия
Австрия
Австро-Венгрия
Азия
Азия Центральная
Америка
Америка Латинская
Амстердам
Амур
Амурские острова
Англия см. Великобритания
Армения
Армения Западная
Аттика
Афины Древние
Африка
Африка Центральная
Африка Южная
Баньер
Барбизон
Барселона
Бельгия
Берлин
Биробиджан
Богемия
Болгария
Бразилия
Брест
Булонский лес
Вавилония
Вашингтон
Веймар
Вексал
Великобритания
Вена
Венгрия
Веракрус
Верхоленск
Вильгельмстафен
Воеводина
Геңуя
Германия
Герцеговина
Голландия
Греция
Грузия
Дальний Восток
Дания
Домже
Донбасс
Европа
Европа Восточная
Европа Западная
Европа Северная
Загреб
Иберия
Иерусалим

Израильско-Иудейское царство
Индия
Иркутск
Иркутская губерния
Испания
Италия
Итальянское Сомали
Кадиевка
Калифорния
Канада
Кемерово
Кинталь
Китай
Китай Северный
Койоакан
Конго
Копенгаген
Крым
Кузбасс
Ленинград
Лион
Лимож
Лозанна
Лондон
Лотарингия
Лурд
Мадрид
Маньчжоу-Го см. Маньчжурия
Маньчжурия
Марсель
Мексика
Мехико
Москва
Мостар
Мюльгаузен
Нови Сад
Новая Зеландия
Новосибирск
Норвегия
Нью-Йорк
Обервилль
Осло
Пало-Алто
Париж
Пачука
Пекин
Петроград см. Ленинград
Пиренеи
Пиренейский полуостров
Польский (Данцигский) Коридор
Польша
Прага
Прокопьевск
Рейнская область
Рим
Россия
Руайян
Рубэ
Румыния
Саарская область
Сан Мигель Регла
Сан-Пале
Сен-Дени
Сена, департамент

Сербия
Сибирь
Сибирь Восточная
Сибирь Западная
Сингапур

СССР
США

Тамбовская губерния
Тулон
Турция
Уал-Уал
Украина
Украина Западная
Уральск
Усть-Кут
Финляндия
Франция
Харум
Хенефосс
Циммервальд
Цюрих
Чехословакия
Чикаго
Чили
Шанхай
Шарант-Инфериер
Швейцария
Швеция
Эльзас
Эфиопия
Югославия
Южно-Африканский Союз
Южно-Африканская республика см. Южно-Африканский Союз
Япония
Aubervilliers см. Обервилль
Berlin см. Берлин
Huesca
New York см. Нью-Йорк
Saint-Palais см. Сан-Пале
St. Denis см. Сен-Дени

Содержание

Предисловие 2

1935

Предисловие ко второму английскому изданию "Терроризм и коммунизм".
10 января 18
Кто защищает СССР и кто помогает Гитлеру? (Неоконченная статья).
Январь 33
Новая эра "советской демократии". 10 февраля 38
Заметка. 21 февраля 40
Замечания по поводу проекта тезисов (Draft thesis) Коммунистической
лиги Южной Америки. 20 апреля 41
Центристская алхимия или марксизм? (К вопросу о S.A.P.). 24 апреля 52
Заметка о взаимоотношениях правительства СССР и Коминтерна.

Не ранее мая 94
По поводу письма М.Пивера. 7 августа 96
Письмо Ф.Броквею. 17 сентября 102
Британская независимая рабочая партия и борьба за Четвертый
Интернационал. 18 сентября 104
Предисловие к норвежскому изданию. 1 октября 127
Фридрих Энгельс в новых письмах. 15 октября 132
Сектантство, центризм и Четвертый Интернационал. 22 октября 158
Уроки Октября. 4 ноября 170
Э.Эррио, политик золотой середины. 7 ноября 177
Предисловие к брошюре Фреда Зеллера "Французская революционная
молодежь на повороте". 7 ноября 197
Народный фронт и комитеты действия. 26 ноября 205
Письмо французским сторонникам. 3 декабря 213
Письмо А.Цилиге. 24 декабря 218
Фракции и Четвертый Интернационал. Декабрь 222

1936

Письмо А.Цилиге. 10 января 232
Измена Испанской "Рабочей партии марксистского единства". 22 января 237
Предисловие. 31 марта 242
Письмо Босовичу. 6 апреля 245
Письмо Л.Л.Седова Н.И.Седовой. 16 апреля 247
К общественному мнению трудящихся всего мира. После 5 июня 252
По поводу "программного" письма тов. Цилиги от 14 мая 1936 г.
3 июня 256
Новый революционный подъем и задачи IV Интернационала.
Не ранее июня 262
Испанский урок. 30 июля 273
Письмо Л.Л.Седова А.Цилиге. 19 октября 280
Отрывок из незаконченной статьи. Июль 280

1937

Ответы на поставленные мне вопросы о Литвинове. 16 января 286
Ответы на вопросы редакции "El Tiempo". 19 января 291
Семнадцать новых жертв ГПУ. 20 января 294
Новый процесс. 22 января 299
Три поправки. 23 января 303
Правда о "добровольных признаниях". 23 января 304
Почему этот процесс оказался необходим. 23 января 306
Три дополнения. 24 января 309
Заявление по поводу обвинительного акта и первых показаний
подсудимых. 24 января 311
Мдивани. 25 января 313
В дни московского процесса. 25 января 315
ГПУ за работой на интернациональном фронте. 25 января 322
Раковский. 25 января 323
Денежные источники заговора. 26 января 324
"Добровольные" признания подсудимых. 26 января 325
Муралов. 26 января 327
Арест Сергея Седова, моего младшего сына. 27 января 328
Важное заявление Троцкого. 27 января 329
Мое конкретное предложение московскому суду. 27 января 330
Мифическая поездка Пятакова. 29 января 334
Как и почему советские граждане обвиняют себя в преступлениях,
которые они не совершили? 29 января 336
Конвейер подлога за работой. 29 января 345
Требование моей выдачи. 29 января 347

Прокурор Вышинский. 29 января 349
Сталин отступает? 29 января 351
Речь для киножурнала. 30 января 352
Приемы антисемитизма. 30 января 354
Конструкция процесса. 30 января 355
13 расстрелянных. 31 января 360
Помилованные. 31 января 361
"Народ" требует казней. 31 января 362
Каганович предрекает мою гибель. 31 января 363
Я обвиняю Д.Притта и Р.Розенмарка. 1 февраля 364
Письмо Анжелике Балабановой. 3 февраля 366
Непонятный полемический выпад г. Трояновского. 4 февраля 367
Ответы на вопросы мадам Титайна. 11 февраля 372
Речь, адресованная митингу в Чикаго. 1 февраля 376
Крушение показаний Владимира Ромма. 15 февраля 379
Об Испании. 18 февраля 382
Редактору "Нью Йорк Таймс". Не ранее 18 февраля 386
Господину председателю Совета министров Франции. 26 февраля 386
Предисловие к английскому изданию книги "Сталинская школа
фальсификации". 3 марта 389
Ответы на вопросы О'Бриан (Chicago Daily News). 3 марта 396
Феннер Броквей как Притт No 2. 6 марта 399
Заявление об интервью А.Мальро. 8 марта 403
Несколько конкретных вопросов к господину Мальро. 8 марта 405
Письмо американским издателям Ферреру и Рейнгарту. 13 марта 409
Письмо Ф.Айслеру. 13 марта 409
Ответы на вопросы мистера Волоса, корреспондента еврейской
ежедневной газеты "Форвард" в Нью-Йорке. 27 апреля 410
Письмо А.Голдману. 28 апреля 413
Письмо Китаину. 28 апреля. 415
Письмо участникам III съезда Революционной социалистической
молодежи Франции. 22 мая 416
Нужен боевой, революционный, критический марксистский журнал.
29 мая 421
Вынужденное заявление. 26 июня 425
Письмо Анжелике Балабановой. 6 июля 426
Письмо Н.И.Седовой. 7 июля 429
Письмо Н.И.Седовой. 8 июля 429
Письмо Н.И.Седовой. 9 июля 430
Письмо Н.И.Седовой. 10 июля 430
Письмо Н.И.Седовой. 10 июля 431
Письмо Н.И.Седовой. 11 июля 431
Письмо Н.И.Седовой. 12 июля 433
Письмо Н.И.Седовой. 18 июля 437
Письмо Н.И.Седовой. 19 июля 440
Письмо Н.И.Седовой. 19 июля 441
Письмо Н.И.Седовой. 19 июля 443
Предисловие к испанскому изданию. 5 августа 448
Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому. 6 августа 450
Роман Вольфа Вайса "Я признаюсь". 13 августа 453
Интервью, данное "Mexico al Dia". 16 августа 455
Интервью, данное "Sunday Sun of Sydney". 1 августа 458
Ответы на вопросы Алвина М.Джозефи, "Нью Йорк Геральд Трибюн",
Нью-Йорк. 23 августа 461
Всем организациям, примыкающим к Четвертому Интернационалу.
Проверка идей и людей на опыте Испанской революции. 24 августа 470
Послесловие. 3 сентября 487
Лицемерие под маской "беспристрастия". Еще раз о Феннере Броквее.
5 сентября. 490
Ответы на вопросы по поводу положения в Испании. 14 сентября 496
Письмо Л.Л.Седова Л.Л.Троцкому. 17 сентября 500
Письмо Д.Лондон. 16 октября 504
90 лет Коммунистического Манифеста. (Предисловие
к первому изданию "Манифеста" на языке африкаанс). 30 октября 508

Предстоящие сенсационные процессы. 16 ноября 522
Редакции "Challenge". 17 ноября 524
На помощь А.П.П.! 27 ноября 525
Письмо в редакцию газеты "The New York Times". 3 декабря 528
Телеграмма в комиссию Дьюи. В ночь с 7 на 8 декабря 529
В редакцию "Социалист Аппил". Два слова о партийном режиме.
8 декабря 530
Невозвращенцы. 9 декабря 534
Ответы на вопросы парижского еженедельника "Марын". 20 декабря 536
Примечания 543
Указатель имен 620
Указатель географических названий 638